

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

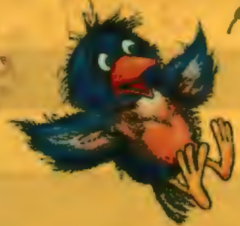
ВСЁ О

ЁЖИКЕ,

МЕДВЕЖОНКЕ,

ЛЬВЁНКЕ

И ЧЕРЕПАХЕ

СЕРТЕЙ КОЗЛОВ

ВСЁ О

СЕРТЕЙ
КОЗЛОВ

ВСЁ О...

...ке,
Медвежонке,
Львёнке
и Черепахе

Издательство «Лань»
Санкт-Петербург
ул. Лань, 17

47

84(2Рос=Рус)
К 59

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ВСЁ О

Ёжике,
Медвежонке,
Львёнке
и Черепахе

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»

2007

Муниципальное объединение
библиотек
620077 г. Екатеринбург
ул. Антона Валека, 12

УДК 82-93
ББК 84(2 Рос-Рус)6
К 59

40

Иллюстрации Ольги Гороховой

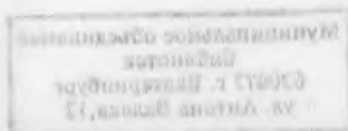
Оформление переплета Юлии Колесниковой, Дмитрия Тимохина

Козлов С.
К 59 Всё о Ёжике, Медвежонке, Лвьёнке и Черепахе: Сказки, стихотворения. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 512 с.: ил.
ISBN 978-5-352-02023-4

Как Лвьёнок и Черепаха пели песенку? Да так и пели, как научил их писатель Сергей Козлов. Сначала в книжке пели, а потом и в мультфильм перебрались. А откуда взялся мультик про Ёжика в тумане? Тоже из сказок Сергея Козлова. Вот бродил его Ёжик в тумане, бродил, и получился самый лучший мультфильм в мире. Такие сказки сочиняет Сергей Козлов. И про Тилимилитрамдию — тоже он. А сказок у него видимо-невидимо. И все в этой книге. И все хорошо кончаются.

ISBN 978-5-352-02023-4

© С. Козлов, 2007
© «Азбука-классика», 2007

СКАЗКИ

АВСТРАЛИЙСКАЯ ТЕПЯЯ

Всю ночь выл ветер и домик Зайца скрипел и трясся. Сонали сосны, падали шишки, и дребезжало окно.

К утру ветер стих и пошёл маленький дождь, и не верилось, что было так тепло и идёт дождь в феврале.

Лес стоял чёрный, сырой, и Заяц подумал:

«Вот было бы весело, если б лес вдруг взял и встряхнулся, как собака!»

И Заяц представил себе, как лес присел на задние лапы и затряс хвоей: «Фр-р!..»; во все стороны полетели брызги, и тут же стало сухо и светло.

Эта картина так развеселила Зайца, что он закричал на весь лес:

— Эгей!

И тут же из-под крыльца выпрыгнул Лягушонок.

— Ты кто? — спросил Заяц.

— Я — твоя собака.

— Таких собак не бывает!

— Я — ранняя собака. Остальные все спят.

— А почему такой маленький?

— Я — щенок. Мне еще расти и расти.

— А что умеешь делать?

— На задних лапах могу.

— А ещё?

— Много всего, — сказал Лягушонок.

— Палку принесёшь?

— Кидай!

И Заяц бросил щепочку, и лягушонок принёс её в передних лапах.

— Не по правилам, — сказал Заяц. — Собаки носят в зубах.

— Так ты же какую дубину бросил!..

Заяц задумался.

— Лаять умеешь? — спросил он.

— Ква! Ква!

— Хорошо. — Заяц о чём-то думал, но ещё сам не знал о чём. — Мне кажется, ты — лягушка, — наконец сказал он. — Собаки лают не так.

— Хороших собак не видел, — обиделся Лягушонок. — Хорошие ещё не так лают.

«А что если он и впрямь собака? — вдруг подумал Заяц. — Такой необыкновенный сорт собаки, похожий на лягушку?»

И спросил:

— Ты какой породы?

— Австралийская пегая.

— Австралийская пегая?..

— Ты не сомневайся, — сказал Лягушонок. — Я — хорошая собака. У меня и медаль есть. В Веллингтоне дали. — И он достал из-под крыльца ошейник с поводком и показал крохотную золотую медаль на ошейнике.

«Что же мне с ним делать? — размышлял Заяц. — Пойти, что ли, погулять?»

И он взял из лап Лягушонка поводок и пошёл по лесу.

— Ты давно из Австралии?

— Вчера, — сказал Лягушонок.

— Морем?

— На дирижабле, — сказал Лягушонок.

— А где дирижабль?

— Уплыл.

— Ну как у вас там, в Австралии?

— Просторно, — сказал Лягушонок. — Свету много.

— А страусы?

— Этих полно.

Они шли рядышком и дышали сырым лесом.

— А почему ты выбрал меня? — Заяц остановился.

— У собаки должен быть хозяин.

— А почему — я?

— Ты — весёлый, — сказал Лягушонок. — С тобой и попрыгать, и поиграть.

— Давай я тебя отстегну, — сказал Заяц.

И они запрыгали по поляне.

Ёжик проснулся в это хмурое утро, посмотрел на небо и раздул самовар.

Пришёл Медвежонок.

— Ну что за зима! — сказал он. — Льёт и льёт.

— И снег уже не помню, когда был, — сказал Ёжик.

Попив чаю, они вышли на крыльцо и задышали сырым лесом.

И тут, прыгая и хохоча, выкатился Заяц.

— А так умеешь? — кому-то кричал он.

— А так? — тоненько кричал кто-то.

— А так? — завопил Заяц и пошёл на ушах.

— Так не могу, — сказал кто-то. — У меня ушей нет.

— Ушей?! У собаки?! Так не бывает!

— Смотри какая собака, — говорил невидимый кто-то. — А мы — безухие.

— Австралийские пегие?

— И новозеландские тоже.

— А ты и в Новой Зеландии был?

— А как же! — сказал кто-то. — Мы туда купаться летаем.

— На дирижабле?

И тут Ёжик разглядел у ног Зайца маленького Лягушонка.

— Эй! — крикнул он. — Заяц! Ты с кем это говоришь?

— С моей собакой, — важно сказал Заяц.

— Иди к нам! — позвал Медвежонок.

— Сами идите, — пристегнув поводок, сказал Заяц.

Ёжик с Медвежоном подбежали, и Медвежонок тоже увидел Лягушонка.

— Привет, Лягушонок! — сказал он. — Разве ты — собака?

— Австралийская пегая, — важно сказал Заяц.

И Лягушонок с крохотной медалькой на шее кивнул.

— Где ты его взял? — изумился Ёжик.

— Зимой?! — Медвежонок не сводил глаз с Лягушонка.

— А он — на дирижабле, — небрежно сказал Заяц. — Из Австралии.

Ёжик с Медвежоном переглянулись.

— На каком дирижабле? — упавшим голосом спросил Медвежонок.

— На каком дирижабле? — будто поправляя ошейник, склонился к Лягушонку Заяц.

— На трансатлантическом, — сказал Лягушонок. — Мы из Австралии летаем на континент на трансатлантическом.

Ёжик не знал, как быть. Ему вдруг почему-то стало грустно-грустно. И он сказал:

— А-а-а...

— Вот так, — сказал Заяц. И повёл Лягушонка на поводке.

— Может, чайку попьем? — вдруг сказал Медвежонок.

— Ага! У нас и варенье, и... А что любит твоя собака? — обрадовался Ёжик.

— Ты что любишь? — снова, будто поправляя поводок, тихо спросил Заяц.

— Манго, — шепнул Лягушонок.

— Чего?

— Манго, — вслух сказал Лягушонок. — Дерево такое, а у него — плоды.

— А-а... — сказал Медвежонок. — А я бы тебе медку дал...

— Ладно, пойдёмте чай пить, — сказал Заяц. Ему вдруг отчего-то стало обидно за Ёжика с Медвежонком, и он сердито спросил у своей собаки: — Чай будешь?

— Ага, — сказал Лягушонок.

«Вот это по-нашему», — подумал Ёжик. И они пошли в дом.

Запахтел самовар. Опустились густые сумерки.

Ёжик, Медвежонок и Заяц с собакой, причмокивая, пили чай, и весь вечер собака Зайца рассказывала друзьям про Австралию — далёкую страну, про Новую Зеландию, куда они летают купаться на дирижабле, и никто не догадался, что маленький Лягушонок никогда нигде не был, а просто проснулся в эту тёплую зиму раньше всех и так захотел подружиться с Ёжиком, Зайцем и Медвежонком, что стал австралийской пегой собакой Зайца.

Шумели дожди, летели листья, птицы собирались в стаи и улетали на юг, но, когда появлялось солнце, было так просторно и хорошо, что казалось, нет! ничего на свете лучше этих последних золотых деньков.

— Бер-р-регите погоду! — каркнула Ворона.

И Ёжик с Медвежонок задумались.

«Эх, если б это было возможно!» — думал Ёжик.

— Мы бы с неё пушинки сдували, — незаметно для себя вслух сказал Медвежонок. И вдруг закричал: — Придумал! Придумал!

— Говори.

— Надо сделать большой-пребольшой зонт! Чтобы — над всем лесом! Чтобы...

— Так-так-так... — забормотал Ёжик. — У зонта должна быть нога...

— Верно!

— Нога должна быть...

— Высокая!

— Сосна на горе!

— Согласен!

— А крыша?..

— Знаю! — завопил Медвежонок. — Бежим к паучкам!

И они помчались.

— Паучки! — издали ещё крикнул Ёжик. — Берегите погоду!

— Согласны! — закивали паучки.

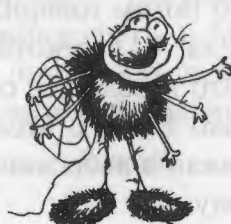
А Самый Маленький Паучок вышел вперёд и сказал:

— Мы очень согласны! А как?

— Подробности объяснит мой друг Медвежонок.

Медвежонок встал на пенёк и поведал план.

— Вот это да! — сказал Главный Паучок. И прослезился.

А Медвежонок посадил паучков в корзину и побежал с ними к сосне, потому что сами бы они очень долго двигались.

— Тките! — попросил Медвежонок.

И паучки забрались на верхушку и потянули сорок паутинок к разным концам леса, а Ёжик с Медвежонком стали собирать лёгкие золотые листья и набрали их целых две корзины.

— Паутинки готовы! — доложил Самый Главный Паучок.

— Начали! — сказал Медвежонок.

И паучки поползли с разных концов к верхушке сосны, волоча за собой кленовые листья.

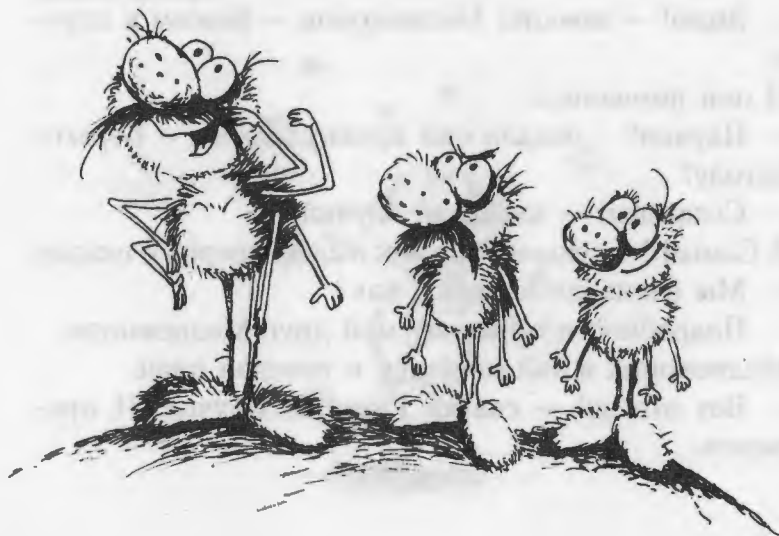
Вот это была картина!

Будто сами собой, к вершине ползли легкие кленовые листья, и к вечеру все небо над лесом засияло, словно вылепленное из золота.

Кое-кто потом говорил, что это закат...

«Да-да-да! — стрекотала Сорока. — Это заходящее солнце! Это заходящее солнце!..»

И только Ёжик с Медвежонком знали, что это паучки подняли в небо золотые листья осени, чтобы сбросить погоду.

Ранним утром по Бетховенской тропе, заложив лапы за спину, медленно шёл Заяц. Солнце только что поднялось, воздух ещё не прогрелся, и вокруг было прохладно и сумрачно.

«Хорошо вот так идти и дышать, — думал Заяц. — Хорошо вот так идти, дышать полной грудью и смотреть по сторонам».

Зайцу было так хорошо в это утро, солнце так нежно освещало верхушки деревьев, что Заяц тихонько запел:

В Карловых Варах все ещё спят,
Заяц не спит, он идёт по дорожке.
Заяц не старый,
Очень усталый —
Дедушка всех карловарских зайчат.

«А хорошая получается песня, — подумал Заяц. — Такую песню не стыдно и Ёжику спеть, и Медвежонку, и Муравью. Только надо придумать дальше».

И он пошёл, мурлыкая мелодию и подбирая слова.

Вот я иду, и кругом — никого, —
спел Заяц. —

Вот я иду и гляжу на деревья.
Полон участия,
Полон доверья,
Самого лучшего полон всего.

«А ведь правда, — подумал Заяц, — так хочется кому-нибудь что-нибудь такое сделать, чтобы сказали: „Спасибо! Спасибо, Заяц!“ — „Не за что, — сказал бы я. — Не стоит благодарности!“ А вот что бы такое сделать и — кому?»

И он пошёл, напевая, дальше:

Всё, что имею, готов я отдать.
Всё, что имею, отдам без остатка...

«А что у меня есть? — подумал Заяц. — Ведь ничего нету».

И незаметно
Стану украдкой
Со стороны из куста наблюдать.

«Вот! — Заяц остановился. — Надо сделать что-нибудь хорошее-хорошее, а потом залезть в куст, чтобы никто не видел, и оттуда глядеть».

Солнце поднялось высоко, а Заяц все шёл по Бетховенской тропе и пел:

Небо, спасибо! Спасибо, трава!
Солнце, спасибо! Спасибо, деревья!
Вы оказали
Зайцу доверье,
Кругом у Зайца идёт голова!

И так вышло, что в это чудесное утро Заяц ничего такого не сделал — никому ничем не помог; никого не спас, ни с кем ничем не поделился, но, когда он допел песню до конца, у него было такое чувство, будто он спас тысячу зайчат, помог старому Муравью, выручил Ёжика, поделился последним с Белкой, и отчего это так получилось, Заяц так и не смог понять, — просто он пел свою песню и был счастлив.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО

— Когдаходишь в дом, надо здороваться, — сказал Ёжик.

— А когда уходишь — прощаться, — сказал Медвежонок.

— Если ты сидишь, а мимо идёт кто-нибудь старенький, уступи место.

— Где? — спросил Заяц.

— Где сидишь, там и уступи.

— Если кто-нибудь чихнёт, скажи: «Будьте здоровы!»

— А если будет дуть, — Ёжик строго посмотрел на Зайца, — закрой окно.

— Ну, беги! — сказал Медвежонок.

И Заяц помчался.

— Стой! Если тебе что-нибудь подарят или поблагодарят — поклонись, — Ёжик показал, как надо кланяться, — и скажи: «Спасибо!»

— Большое спасибо! — крикнул Медвежонок.

— Ага! — И Заяц пропал в кустах.

Первой, кого он увидел, была Белка.

Белка сидела на пеньке и грызла орехи.

— Привет! — сказал Заяц. — Тебе не дует?

— Нет, — сказала Белка. — А что?

— А то бы я закрыл окно.

— А где? — Белка вытаращилась на Зайца. — Где ты видишь окно?

— Нет, это я так... вообще. Пока, Белка! — И Заяц исчез.

«Теперь надо кому-нибудь сказать: „Будьте здоровы!“» — думал, прыгая, Заяц.

Возле норки, угревшись на солнышке, спал Хомячок. Он так сладко посапывал, что Заяц сразу понял, что ему надо делать: сорвал травинку, подкрался к Хомячку и пощекотал в ноздре.

— Ап-чхи! — сказал Хомячок.

— Будьте здоровы! — крикнул Заяц. И был таков.

«Что-то осталось ещё, — вылетев к реке, соображал Заяц. — Поздоровался-попрощался, дует — не дует, будьте здоровы, ага!» Подпрыгнул и пошёл, как канатоходец, по упавшей головой в воду сосне.

Теперь он был почти посередине реки.

Заяц сел.

Лениво шевеля хвостом, подошла старая Щука.

— Здравствуйте, бабушка! — обрадовался Заяц. — Пожалуйста! Садитесь! — Заяц вскочил и похлопал лапой по бревну.

— Дур-р-рак! — закашлялась Щука.

— Спасибо! — поклонился Заяц. — Большое спасибо!

19

И помчался к Ёжику с Медвежонком рассказать, как у него все хорошо вышло.

В ГОСТЯХ У СОБАКИ

Однажды Ёжику приснилось, что они с Медвежонком попали в Китай и китайский Ёжик с китайским Медвежонком пригласили их в гости к китайской Собаке.

Дом у китайской Собаки был просторный, светлый, и топчан, то есть кровать, на которой спала китайская Собака, можно было топить, как печку.

— У нас на печах тоже спят, — сказал Ёжик.

— Нео-нео, — сказала китайская Собака. — Я знаю русский печь. Он высокий, он большой, а у меня — постелька.

Китайский Ёжик с Медвежонком кивали, а китайская Мышка выскочила из угла и несколько раз низко поклонилась.

— Очень хорошая кровать, — сказал Медвежонок. — Я себе построю такую же.

Потом пошли осматривать сад.

— Это — огорода, — сказал китайский Ёжик. — Здесь огурец, тыква, кабачка. А там, — он показал лапой, — фрукта.

— Сад по-нашему, — кивнул Медвежонок. — А что растёт?

— Слива есть, персик есть, много есть.

— А яблоки? — спросил Ёжик.

— Яблока нет, яблока там. — И китайская Собака показала на китайского Медвежонка.

— Много есть, много есть, — закивал китайский Медвежонок.

— А пчёлы? — спросил наш Медведь.

— Псёла — мёд. Ха-ха-ха! Какзе-какзе!

«Что бы ещё у них спросить?» — думал во сне Ёжик. Бабка читала ему в детстве про Китай, но это было давно, и он всё позабыл.

— А как с волками? — тем временем спрашивал Медвежонок.

— Волка есть, волка есть! — кивала китайская Собака, и китайская Мышка снова появилась с поклоном.

— А что, — спросил Ёжик, — мышки у вас всегда кланяются?

— Всегда-всегда, всегда-всегда, — закивал китайский Ёжик.

— А если ты встретился с Лисой?

— Улыбаюся, улыбаюся!

— А кланяться надо?

— Какзе-какзе! — сказал китайский Ёжик.

Китайский Медвежонок с китайским Ёжиком и Собакой всё время улыбались и кланялись. И когда все, стоя на коленках за низеньким столиком, попили чаю, Ёжик с Медвежонком уже тоже не переставая улыбались и кланялись.

— Большой спасибо! — улыбнулся, кланясь, Ёжик.

— Спасибо большой! — пятась с поклоном к двери, улыбался Медвежонок.

— Не за сто! Не за сто! — проводя Ёжика с Медвежонком до дверей, улыбались и кланялись китайский Ёжик с китайским Медвежонком. И китайская Собака с Мышкой в углу сияли улыбкой.

— Ну что? — спросил Медвежонок, когда они рядом ехали на верблюдах по китайской пустыне. — Как тебе Китай?

— Осень хороша! Осень хороша! — заулыбался Ёжик и, улыбаясь, кланялся, пока не проснулся.

ВЕЛИКИЙ КИТАЙСКИЙ ПОЭТ

Ёжик с Медвежонком с утра рисовали Китай, а потом стали разглядывать рисунки друг друга.

— Это у тебя что? — спросил Медвежонок.

— Птица.

— А это?

— Пальма.

— А это?

— Другое дерево. Китайское.

— А вот здесь?

— Обезьяна.

— Не вижу, — сказал Медвежонок.

— Так она же спит! Укрылась банановым листом, и всё.

— Храпит?

— Угу, — кивнул Ёжик.

— Очень красиво! Только почему ты думаешь, что это — Китай?

— Так всё же китайское, — сказал Ёжик. — А у тебя что? — Он взял Медвежий рисунок.

— Это — луна, а это — джонка, — начал объяснять Медвежонок.

— Кто?

— Джонка. Лодка китайская, с домиком. На них китайцы плавают по великой реке Янцзы.

— Так это — река?

— А как же!

- А почему луны нет?
- Так вот же она!
- Нет, это в небе, — сказал Ёжик. — А луна должна ещё быть в реке.
- Пожалуйста! — Медвежонок пририсовал луну.
- А это кто?
- Китаец.
- А что он делает?
- Не видишь? Сидит у костра, варит суп.
- Китайцы суп не едят.
- Откуда ты знаешь?
- Знаю, раз говорю.
- Как ты можешь знать, едят китайцы суп или нет, если не слышал о великой китайской реке Янцзы?
- Почему не слышал? Знал, да забыл.
- А про суп помнишь?
- Все помнят. Кто же не знает, что китайцы суп не едят?
- А что же они едят?
- Рис, — сказал Ёжик.
- Утром рис, днём рис и вечером?
- А не знал? Утром — утренний, днём — дневной, а вечером — вечерний. Кушанье так и называется — «Вечерний рис».
- Что же, у них для каждого блюда особый рис?
- Ещё бы! И все разные. В понедельник — один, а в субботу — уже совсем другой. А в праздники...
- Да что ты мне: рис, рис! Ты же о джонках не слышал.
- Слышал, да забыл, — сказал Ёжик. — А рис всегда помню.
- Ладно, — сказал Медвежонок. — Нравится тебе мой рисунок или нет?
- Очень нравится, — сказал Ёжик. — Особенно костёр! Он потух, да? Китаец сварил рис, а костёр потух.
- Не рис, а суп, — сказал Медвежонок. — И не потух, а еле тлеет. Китаец сейчас будет картошку печь.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Ёжик. — Да где ж ты слышал, чтобы китайцы ели картошку?

— Эх ты! — покачал головой Медвежонок. — Великого китайского поэта не знаешь. А он жил знаешь когда? Когда ещё наших бабушек и дедушек не было! Так вот, он писал: «Сейчас напеку картошек и поем».

— Ага! Вспомнил! — закричал Ёжик. — И дождь, говорит, как цапля, ходит по тростниковой крыше!

— Верно! У кого есть великие поэты — всё помнят, — важно сказал Медвежонок. — И про картошку тоже.

Прибежал Заяц.

— Эй, вы! Вы чего сидите? Идём гулять!

— Гулять! — проворчал Ёжик.

— Иди стихи пиши, — строго сказал Медвежонок. — Садись и пиши. И чтобы всё по правде!

— Ты способный, — сказал Ёжик. — У тебя получится.

Заяц пожал плечами и, оглядываясь, пошёл от дома Ёжика.

«Что я, Филин, что ли? — думал Заяц. — Стихи писать! У меня и очков нету...»

А Ёжику с Медвежонком вдруг стало грустно-грустно, оттого что у них в лесу нет ни одного великого поэта, который бы всё как есть написал и про дождь, который, как цапля, ходит по тростниковой крыше, и про печёную картошку с хрустящей корочкой, от которой, когда её разломишь, идёт золотой дымок.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Никогда раньше с Ёжиком не случалось такого. Никогда раньше ему не хотелось петь и веселиться без причины. А вот теперь, когда наступил май, он целыми

днями пел и веселился, и если кто-нибудь у него спрашивал, отчего он поёт и веселится, Ёжик только улыбался и начинал петь ещё громче.

— Это потому, что весна пришла, — говорил Медвежонок. — Поэтому Ёжик и веселится!

А Ёжик достал из чулана скрипку, позвал двух зайцев и сказал им:

— Пойдите возьмите свои прошлогодние барабаны и возвращайтесь ко мне!

И когда зайцы пришли с барабанами через плечо, Ёжик велел им идти позади, а сам пошёл первым, наигрывая на скрипке.

— Куда это он идёт? — спросил Первый Заяц.

— Не знаю, — ответил Второй.

— Нам бить в барабаны? — спросил он у Ёжика.

— Нет, пока не надо, — сказал Ёжик. — Разве вы не видите: я играю на скрипке!..

И так они прошли весь лес.

У опушки, перед высокой сосной, Ёжик остановился, задрал мордочку и, не сводя глаз с Белкиного дупла, стал играть самую нежную мелодию, какую только знал. Она называлась «Грустный Комарик».

«Пи-пи-пи-пи-и!..» — пела скрипка. И Ёжик даже прикрыл глаза — так ему было хорошо и печально.

— Зачем мы здесь остановились? — спросил Первый Заяц.

— Разве вы не понимаете? — удивился Ёжик. — Здесь живёт Рыжее Солнышко!

— А в барабаны нам бить?

— Подождите, — проворчал Ёжик. — Я скажу когда...

И снова прикрыл глаза и заиграл «Грустного Комарика».

Белка сидела в дупле и знала, что это Ёжик стоит под сосной, играет «Грустного Комарика» и называет её Рыжим Солнышком... Но ей хотелось подольше послушать скрипку, и поэтому она не выглядывала из дупла.

А Ёжик играл целый день, до вечера, и, когда уставал, кивал зайцам — и они потихонечку барабанили, чтобы Белка знала, что Ёжик всё ещё стоит внизу и ждёт, когда она выглянет.

ВМЕСТЕ С ЗЕМЛЁЙ

Три дня лил дождь и смыл весь снег.

Ёжик с Медвежонком раньше думали: такого не может быть, — но такое было.

Потом ударил мороз.

Деревья лопались и кричали, но Ёжик с Медвежонком ничем не могли им помочь.

Птицы замерзали на лету.

Земля была каменная.

А ночью высоко в небе зло блестели звёзды.

Потом опять пошёл дождь, и лес стоял полный тумана, и пахло землёй и палой листвой, как ранней осенью.

Ёжик с Медвежонком шли по лесу и не верили своим глазам: много деревьев переломилось пополам и теперь в разные стороны торчали их белые кости.

— Как страшно! — шептал Ёжик.

Медвежонок молча шёл рядом. Медвежонок молчал и только вертел головой.

— А правда, что мы летим и крутимся? — вдруг спросил он.

— Не знаю, — сказал Ёжик.

— Дед говорил: «Земля круглая, она крутится, — Медвежонок показал лапой, — и летит в темноте».

— Как же в темноте? — сказал Ёжик. — А солнце?

— Не знаю, — сказал Медвежонок.

— И крутится?

— Ага. Волчком.

— А куда летит?

— Этого и дедушка не знал. Нет, погоди, он говорил: «Она крутится вокруг Солнца! Один раз обкрутится, и пройдет год».

— А кто же её крутит?

— Не знаю, — сказал Медвежонок. — Только когда она крутится вокруг себя, она поворачивается к солнцу то одним боком, то другим.

— Что ж ты мне раньше не сказал? — обиделся Ёжик.

— А что было бы, если б я тебе сказал раньше?

— Я бы знал, — сказал Ёжик.

— Ну и знал, ну и что?

— Как что? Я бы смотрел, примечал.

— Земля большая, — сказал Медвежонок. — Этого сразу и не заметишь, но дедушка — знал.

Они вышли на свой любимый холм.

Река лежала под сизым льдом, и это было ни на что не похоже: река подо льдом, а вокруг — ни клочка снега.

— Вот встань сюда, — сказал Медвежонок. И свёл Ёжика с вершины холма. — Стой здесь. Я сейчас.

И перебежал на другой склон.

— Ты меня видишь?

— Нет, — сказал Ёжик.

— А теперь я буду подниматься.

И Медвежонок стал подниматься к вершине.

— Вижу! — закричал Ёжик. — Уши!

— Что я, заяц? — крикнул Медвежонок. — У меня же уши по бокам!

— И голову! Самую макушку! — крикнул Ёжик.

— Ну вот: так появляется солнце, — важно сказал Медвежонок. — Так оно восходит.

— Это мы с тобой сто раз видели, — сказал Ёжик. И тоже поднялся на вершину холма.

— Я сейчас был солнцем, — сказал Медвежонок. — Я восходил. А на самом деле это не солнце восходит, а мы вместе с Землёй к нему нагибаемся, понимаешь?

— Нет, — сказал Ёжик.

— Если б мы могли наклонить немного к реке холм, я бы встал, где стоял, а ты — у реки, и я бы тебя увидел, как мы по утрам видим солнце.

— погоди, — сказал Ёжик. — Давай сначала. Значит, я стою у реки, я — солнце.

— Ага, — сказал Медвежонок.

— А ты стоишь там, где стоял, на том склоне.

— Правильно, — сказал Медвежонок.

— Ты — Медвежонок, я — солнце, и, если б холм наклонился, ты бы меня увидел, как мы по утрам видим солнце.

— Верно! — обрадовался Медвежонок. — Меня дед всё лето учил, а ты сразу понял...

Весь лес вокруг, и река, и лес за рекой были тихи и туманны.

— Как тихо, — сказал Ёжик. — Неужели мы крутимся и летим?

Они тихонько спустились с холма.

— Летим, — сказал Медвежонок. — И никто там, в тьме, о нас не знает.

— И мы ни о ком не знаем, — сказал Ёжик.

— Потому что Земля большая, а дедушка говорил: тьма — ещё больше.

— Как грустно! — вздохнул Ёжик.

— Ещё бы! — сказал Медвежонок.

Они шли, и вокруг пахло осенью.

— Вот придём домой, — сказал Медвежонок, — затопим печь, сядем, будем глядеть в огонь.

— Заварим чайку, — сказал Ёжик.

— Ага! С мятой и брусничным листиком, — подхватил Медвежонок. — Знаешь, какой брусничный листик...

— Погоди! — сказал Ёжик.

И тут они увидели птицу.

Она, как живая, лежала, раскинув крылья, и будто всё ещё летела, летела и не знала, что лежит на земле.

— Замёрзла, — сказал Медвежонок.

Ёжик ничего не сказал.

— Надо её похоронить, — сказал Медвежонок.

Сбегал за лопатой, и они вырыли ямку на самой макушке холма, и Медвежонок осторожно принёс птицу.

— Здесь ей будет хорошо, — сказал Медвежонок.

И засыпал птицу землёй.

— Нужен камень, — сказал Ёжик.

Прикатили от реки большой голый валун.

Ёжик сбегал за угольком и нацарапал:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ПТИЦА
ОНА ВМЕСТЕ С ЗЕМЛЁЙ ЛЕТИТ ВО ТЬМЕ.

А ночью пошёл дождь, и к утру от надписи ничего не осталось.

ВЕЛИКОЕ ИМЯ БАСЁ

В начале декабря, когда в лес никак не могла прийти настоящая зима и снег то падал, то таял, в гости к Ёжику с Медвежонком пришёл Кот.

Через плечо на верёвке у него висела деревянная сковородка со струнами.

— Балалайка? — спросил Медвежонок.

— Банджо, — сказал Кот.

— Ты из деревни? — спросил Ёжик.

— Из города.

— Как тебя зовут?

— Басё.

— Какое странное имя!

— Это — великое имя, — важно сказал Кот.

И его пригласили к столу пить чай со сливками.

— Давно не едал таких сливок, — жмурясь, сказал Кот.

Ёжик с Медвежонок глядели на него во все глаза.

— Расскажи, — попросил Медвежонок. — Расскажи про своё великое имя.

Кот доел сливки, взял банджо.

Сливы аромат, —

запел Кот. —

От лачужки нищего
Глаз не отвести!

— Красиво! — сказал Ёжик.

Не бейте муху, —

пел Кот. —

Руки у неё дрожат,
Ноги у неё дрожат.

— А мы не бьём, — сказал Медвежонок.

За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца, —

тянул Кот. —

У соседа воды возьму.

— Правильно, — сказал Ёжик. — Если бы у нас так было, мы бы обязательно сходили за водой к Хомячку.

А Кот играл и пел, и Ёжик с Медвежонок стали потихоньку ему подтягивать.

Сливы аромат, —

пели они уже все вместе.

затянул Кот.

Глаз не отвести! —

подхватили Ёжик с Медвежонком.

— Чудно! — сказал Заяц, и все увидели в форточке его уши. — Я давно уже вас слушаю.

Не бейте муху, —

завели Ёжик с Медвежонком...

Не бейте муху, —

второй пошёл Заяц...

Руки у неё дрожат...

Ноги у неё дрожат...

— Ах! — сказал Заяц, входя в дом. — Как чудесно! В лесу ни то ни сё, а мы сидим и поём. Представьте меня.

— Это Заяц, — сказал Ёжик. — Наш друг.

— Басё, — слегка привстав, сказал Кот.

— Чудесное имя! Очень приятно познакомиться.

И они запели про выюн и бадью.

— Но почему тебя всё же так странно зовут? — спросил Медвежонок, когда поспел самовар и все снова сели пить чай со сливками.

— Это необъяснимо, — сказал Кот. — Я толком и сам не знаю. Но это — великое имя!

Был солнечный летний день.

— Хочешь, я тебе что-то покажу, — сказал Ёжик, когда они с Медвежонок выбежали на поляну.

— А что? — спросил Медвежонок.

— Вот смотри: это — Ромашка.

— Знаю, — сказал Медвежонок. — Любит не любит! — И стал обрывать лепестки.

— А это — Василёк! — сказал Ёжик.

— Знаю! «В голубых рубашках васильки целый день гуляли у реки».

— Правильно! — сказал Ёжик. — Я эти стихи тоже знаю. А вот это — цветок Кашка.

— Из него что, кашу варят, да?

— Нет, его так зовут.

— А это?

— Это — Колокольчик! Вот послушай! — И Ёжик лёг рядом с Колокольчиком на траву и позвонил. — Слышишь?

— Давай я попробую! — сказал Медвежонок. — Я его сорву и побегу по поляне, а ты слушай!

— Нет, — сказал Ёжик, — если Колокольчик сорвать, он не звенит. Попробуй!

— Тогда я так позвоню, — сказал Медвежонок. Лёг рядом с Ёжиком и позвонил в Колокольчик. — Как хорошо он звенит!..

— А это кто?

— Не знаю... — сказал Ёжик.

— Травка, — обратился к неизвестному цветку Медвежонок, — ты кто?

— Я — Зверобой, — важно сказал Зверобой.

— Кто-кто?

— Зверобой обыкновенный.

— Слушай, — шепнул Ёжику Медвежонок, — он зверей бьёт. Бежим отсюда!

— И никого я не бью, — сказал Зверобой. — Я — полезный. Я — травка от девяноста девяти болезней. Заболит живот или сердце, или кашлять начнёте, а я — тут как тут.

— Мы здоровые, — сказал Медвежонок.

— А как со мной хорошо чай пить!.. — И Зверобой от удовольствия даже закрыл глаза.

— А мы только что позавтракали, — сказал Ёжик.

— Со мной хорошо зимой чай пить, — сказал Зверобой. — Вот наметёт снега, тогда...

— А как же мы с тобой будем чай пить, если тебя заметёт снегом?

— А вы возьмите меня с собой, посадите на печку, стану я к зиме сухонький... Тогда с мёдом...

— Мёд я люблю, — сказал Медвежонок. — Давай его возьмём с собой, а?

— А зимой, — подхватил Ёжик, — когда ты придёшь ко мне в гости, я тебе скажу: «А помнишь, Медвежонок, мы с тобой летом бегали по поляне, по-о-омнишь, встретили Зверобоя, а он — вот он, на печке!» И нам сразу станет тепло и весело, как будто вернулось лето.

ВОРОН

Посыпал мелкий снежок, потом прекратился, лишь ветер слабо раскачивал верхушки деревьев.

Трава, неопавшие листья, ветви — всё поблёкло, посветлело от холода.

Но лес стоял ещё большой, красивый, только пустой и печальный.

Ворон сидел на суку и думал свою старинную думу.

«Опять зима, — думал Ворон. — Опять снегом всё заметёт, завьюжит; ёлки заиндевеют; ветки берёз ста-

нут хрупкими от мороза. Вспыхнет солнце, но ненадолго, неярко, и в ранних зимних сумерках будем летать только мы, вороны. Летать и каркать».

Надвинулись сумерки.

«Полетаю», — подумал Ворон. И неожиданно легко соскользнул с насиженного места.

Он летел, почти не двигая крыльями, чуть заметным движением плеча выбирая дорогу между деревьев.

«Никого, — вздыхал Ворон. — Куда они все попрятались?»

И действительно, лес был пуст и сир.

— Сер-р-р! — вслух сказал Ворон.

Он опустился на старый пенёк посреди поляны и медленно повернул голову с синими глазами.

— Ворона, — сказал Ёжику Медвежонок.

— Где?

— Вон, на пне.

Они сидели под большой ёлкой и глядели, как лес заливают серые сумерки.

— Пойдём с ней поразговариваем, — сказал Ёжик.

— А что ты ей скажешь?

— А ничего. Позову чай пить. Скажу: скоро стемнеет. Пойдёмте, Ворона, чай пить.

— Идём, — сказал Медвежонок.

Они вылезли из-под ёлки и подошли к Ворону.

— Скоро стемнеет, — сказал Ёжик. — Ворона, идёмте чай пить.

— Я Вор-р-рон! — медленно, хрипло сказал Ворон. — Я чая не пью.

— А у нас — малиновое варенье, — сказал Медвежонок.

— И грибки!

Ворон смотрел на Ёжика с Медвежонком старинными, каменными глазами и думал: «Э-хэ-хэх!...»

— Я чая не пью, — сказал он.

— Мёдом угощу, — сказал Медвежонок.

— А у нас и брусника, и клюковка, — сказал Ёжик.

Ворон ничего не сказал.

Он тяжело взмахнул крыльями и поплыл над поляной.

В густых сумерках, с распростёртыми крыльями он казался таким огромным, что Ёжик с Медвежонком даже присели.

— Вот это птица! — сказал Медвежонок. — Будет она с тобой чай пить!

— Это он, Ворон, — сказал Ёжик.

— Всё равно птица. Позовём, позовём! — передразнил он Ёжика. — Позвали.

— Ну и что? — сказал Ёжик. — Он привыкнет. Представляешь, всё один и один. А в следующий раз — обязательно согласится...

Уже почти в темноте Ворон летел над полем, видел какие-то далёкие огоньки и почти ни о чём не думал, только широко и сильно подымал и опускал крылья.

В СУМЕРКАХ

-Ты думаешь, мы добежим к тебе до темноты? — спросил Ёжик.

— Должны.

— Тогда беги быстрее!

— Я бегу, — сказал Медвежонок.

Они бежали по огромному полю в последних лучах заката.

— Ты заметил, что земля выпуклая? — на бегу спросил Ёжик.

— Ага.

— Заметил, что в последних лучах солнца она красивой всего?

— Угу, не отставай, Ёжик! — крикнул Медвежонок.

— Я не отстаю... Мне хочется... с тобой...

— Вот прибежим, сядем... тогда...

— Ты думаешь, — крикнул Ёжик, он уже отстал шагов на двадцать, — мы правильно... бежим?

— Как? — Медвежонок остановился.

— Я говорю... туда бежим или нет?.. — подбежал Ёжик.

— Конечно! Садись ко мне на спину! Будем бежать и разговаривать.

— Так мы ещё никогда не бегали.

— Попробуем, а?

— Давай!

Ёжик забрался Медвежонку на плечи, Медвежонок побежал.

- Здорово ты бежишь! — сказал Ёжик.
- Ага.
- Вот не знал, что на тебе так здорово ехать!
- Ага.
- Что ты всё «ага» да «ага»?
- Мне... трудно... говорить... — сказал Медвежонок.
- Садись на меня.
- Да ты что?
- Нет-нет, давай я тебя повезу.
- Ты колючий.
- А мы что-нибудь подстелим.
- Сиди, — сказал Медвежонок. — Говори что-нибудь... Скоро приедем.
- Что говорить?
- Пой!
- Петь?
- Ага.
- А что?
- Погоди!

Медвежонок с Ёжиком вбежал в кустарник, и ветки так и захлопали по глазам.

- Береги глаза! — крикнул Медвежонок.
- Я берегу. А здорово мы перепрыгнули ручей.
- Ага.
- А если б упали?
- Держись! — крикнул Медвежонок и покати́лся в овраг. — Уф-ф!.. Живой? Ты где, Ёжик?
- Здесь я.
- Где?

В овраге было уже совсем темно, и Медвежонок еле различил Ёжика под кривой сосной.

- Здесь я, — сказал Ёжик, вставая.
- Ну, садись!
- Нет, — сказал Ёжик. — Давай скорей выберемся наверх, там сяду.

Они выкарабкались из оврага. Ёжик снова забрался Медвежонок на плечи, и Медвежонок побежал.

— Никогда не думал, что так здорово ехать в сумерках, — сказал Ёжик. — Так тихо, а я прямо лечу... Ты можешь не пыхтеть?

— Могу, — сказал Медвежонок. И побежал не дыша.

— Дыши, — сказал Ёжик, — а то лопнешь.

Медвежонок опять запыхтел. А Ёжик глядел по сторонам, видел маленькую звёздочку вдаль и думал, что земля ещё никогда не была такой красивой, как в эти осенние сумерки.

— Стой! — крикнул Ёжик.

Медвежонок остановился.

— Садись на меня. — Ёжик спрыгнул на землю. — Садись, говорю!

— Брось ты, — сказал Медвежонок.

— Нет, садись! Ты должен увидеть, какая она красивая, земля.

Медвежонок взгромоздился на Ёжика, но вдруг захохотал, запрыгал.

— Ой, щекотно! Колется! — вопил Медвежонок.

— Ничего-ничего! Гляди! Ты только гляди! — кричал Ёжик.

В ХОЛОДНОМ НЕБЕ

Облетели с деревьев листья, небо стало большим и бездонным — так пришла осень.

Пошли дожди, потом перестали, и на землю опустилась туманная тишина.

— В такую тишь, — сказал Медвежонок, — хорошо спать на чердаке.

— Угу, — сказал Ёжик.

- Заберешься с тулупом — и храпишь!..
- Угу, — сказал Ёжик.
- Что ты всё «угу» да «угу»? Скажи что-нибудь.
- А что?
- Ты любишь спать в сене?
- Не-а.
- Почему?
- Мышей боюсь, — сказал Ёжик.
- Ты? Ты же лучший охотник на мышей!
- Терпеть их не могу. Бр-р-р!
- Это я мышей терпеть не могу. Слон их не любит.

А ты...

- А почему я должен любить мышей?
- Я не говорю «должен». Я говорю...
- А ты не говори, — сказал Ёжик. — Не знаешь, и не говори.

Некоторое время они сидели молча.

- Знаешь, что плохо осенью, Ёжик?

— Что?

- Думать не хочется.

- А ты и не думай. Сиди и сиди, чем плохо?

Они опять помолчали.

- А тучи летят и летят. И птицы. И листья. Куда?

- Не знаю, — сказал Ёжик.

- А я знаю. К теплу.

- Листья не долетят. Вон их сколько валяется.

- А может, это не наши.

- А чьи?

- Далёкие. Дальние, понимаешь? Летели-летели, устали, упали, здесь лежат.

— Я чувствую, — сказал Ёжик, — ты что-то знаешь. Говори!

- Давай улетим, Ёжик!

- Что мы — гуси?

- А чем мы хуже? Разбежимся, замашем лапами и...

- Здорово!

— Я давно хотел тебе сказать, да... стеснялся.

— Здорово! — закричал Ёжик. — Я бы ни за что не догадался. Бежим!

И понёсся к реке.

— Кто первый? — Ёжик еле переводил дух.

— Я! Это же я придумал!

— Сильней маши лапами! — крикнул Ёжик.

Медвежонок разбежался, замахал лапами и... взлетел.

— Подожди меня! — кричал Ёжик, взлетев следом.

Они догнали курлыкающих журавлей, полетели дальше.

Внизу ворочались тяжёлые облака, а прямо над ними сверкало солнце.

— Видишь? — сказал Медвежонок, подлетев к Ёжику совсем близко. — А ты говоришь «сиди»!

— Вижу, — сказал Ёжик. — Ты это замечательно придумал!

В просвете между облаками поплыли горы, потом — море, потом — поля, а Ёжик с Медвежонок всё летели и летели, и полёту их не было конца.

Всё на земле теперь казалось им маленьким-маленьким, таким маленьким, что даже смешно было смотреть. А для тех, кто глядел на них с земли, они были просто светлым облачком, светлым облачком, летящим в холодном небе.

ГОЛУБЫЕ «КУ-КУ»

- Давайте никогда-никогда не расставаться!

— С кем?

— С рекой, с лесом, друг с другом.

— Согласен, — сказал Медвежонок.

— И я, — сказал Поросёнок.

— Давайте все-все всегда будем вместе! — почти крикнул Ёжик.

И тут выскочил Заяц.

— А я? — спросил он. — Я с вами!

— Конечно, — сказал Медвежонок. — Мы все — вместе.

— Как здорово! — прошептал Поросёнок. И заплакал.

— Что же ты плачешь?

— Мне никогда ещё не было так хорошо.

— Потому что весна! — сказал Заяц.

— Потому что река синяя, — сказал Ёжик.

— И лес — в зелёном дыму, — сказал Медвежонок.

— Ах, как я люблю зелёный дым! — всхлипывая, сказал Поросёнок. — Горьковатый, лёгкий, как дымок от костра.

- От костра синий, — сказал Заяц.
- И белый, — сказал Ёжик.
- А если ёлку бросишь, чёрный повалит, — сказал Медвежонок. — Нет, весенний зелёный дым на деревьях — совсем другое.
- Всё равно горчит, — сказал Поросёнок. — И си-
нева в сумерках.
- В сумерках, да, — сказал Ёжик. — Согласен.
- И кукушка. Кукует, и, кажется, круглое, го-
лубое..
- Как-как?
- Голубые такие «ку-ку», — сказал Поросёнок, —
плывут над лесом.
- Голубые «ку-ку». Здорово! — сказал Медвежо-
нок.
- Голубые «ку-ку», как облачки, — сказал Ёжик, —
плывут, плывут...
- А мы считаем, — сказал Заяц. — Иногда и поду-
шечек на лапах не хватит.
- Когтей, — поправил Медвежонок.
- Копытцев, — сказал Поросёнок.
- А иногда — «ку-ку», и всё.
- И ждёшь, — сказал Ёжик. — Сидишь и ждёшь.
- Вдруг закукует! Вдруг! — пискнул Заяц. — «Ну
что же ты? — шепчешь. — Ну что же ты?» И вдруг:
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!..» — плывут!
- Как облака, — сказал Медвежонок.

ГОРЬКИЙ ДЫМ

Всю ночь Ёжику снился странный сон. Будто он во-
шёл в лес и стал говорить с листьями. Нет, не с одним
каким-то листом (ну что тут особенного — поговорить

с берёзовым листиком?), но с листьями, со всей вместе листвой Ёжик ещё никогда не говорил.

Он шёл по тропинке, шумел лес.

— Я хочу поговорить с вами, листья, — сказал Ёжик во сне.

— Говори, — прошелестела листва.

— Вот вы шумите, а потом?

Всё стихло.

— Знаю, — сказал Ёжик во сне. — Мне вас так жалко!..

— Не жалея нас, Ёжик!

— Сперва мы маленькие — глядим...

— Потом побольше — лепечем...

— Потом — шумим, шумим...

— А потом — свободны!

— И летим, летим!..

— Ты знаешь, какое это счастье — свобода?

— А в дождь? Знаешь, как это сладко, прищурившись, слушать дождь?

— Ведь ты не знаешь, что у нас есть глаза, Ёжик!

— Мы видим!

— И нас с Медвежонком?

— Конечно!

— И Зайца?

— Ещё бы! Он так боится, когда мы шуршим.

— Осенью мне бывает так грустно, — сказал во сне Ёжик. — Мне кажется, ветер вас уносит с земли.

— Не грусти!

— Ты слышишь, как мы шуршим?

— Это мы смеёмся!

— Нам смешно, что какой-то ветер хочет нас сдуть с земли.

— А вас... нельзя?

— Что ты, Ёжик!

— Кто же может листву сдуть с земли?

— Но вас... жгут! — сказал во сне Ёжик.

— Зато как сладок...

- Как горек наш дым!..
- Но вам же больно!
- Нет!
- Мы сгораем все вместе...
- Тесно прижавшись друг к другу.
- Страшно, — сказал Ёжик во сне.
- Страшно остаться последним листом.
- Все улетели...
- Все свободны...
- А ты один...
- И видишь, как дружно раскрываются весной новые почки...
- И появляется молодая листва...
- С ними...
- С новыми...
- Не поговорить: о чём?
- Что они видели?
- Что знают?
- А ты, ты помнишь всех своих братьев...
- И думаешь: «Вот на этой ветке сидел весёлый хохотун, грустный ворчун, молчаливый друг...»
- И — никого!..
- «Какие они удивительные, листья! — подумал во сне Ёжик. — Надо рассказать Медвежонку».

И, не просыпаясь, стал думать о том, как это можно радоваться, что после тебя останется горький дым.

ГРОЗА

Тяжёлые тучи заволокли небо. Налетел ветер, закачались верхушки деревьев. Лес зашумел, затрепали ветки, и где-то вверху глухо заворочалось что-то.

— Гроза! — крикнул Ёжик.

— Разве осенью бывают грозы?

«Ах-х!..» — ахнуло небо.

— Что это? — испугался Медвежонок.

— Жахнуло, вот что!

— Что ж делать? — Медвежонок прыгал вокруг Ёжика и не знал, то ли ему лезть под ёлку, то ли оставаться здесь, на тропинке.

— Ну! — крикнул Ёжик сквозь шум леса. — Со мной или остаёшься?

«Ах-х!..» — снова ахнуло небо.

— Бежим! — крикнул Медвежонок и побежал по тропинке впереди Ёжика.

— Куда бежим-то?

— Ко мне! Ко мне ближе!

«Ах-х!..» — в третий раз раскололось небо, и что-то так блеснуло, что на секунду Ёжик ослеп.

— Ой! — вскрикнул он, налетев на что-то.

— Ой! — вскрикнул кто-то под ногами у Ёжика.

— Кто здесь? — спросил Ёжик.

— Это я, Медвежонок. Я упал.

— Вставай. — Ёжик подхватил Медвежонка, и они понеслись дальше.

Ох как выл ветер, как качались деревья, как полыхало небо. Но дождя не было.

— Капает? — на бегу спросил Медвежонок.

— Вроде нет.

И они помчались ещё быстрее, а за ними большими прыжками скакал, уйкая, ветер.

— Кто это уйкает? — спросил Ёжик.

— Я думал, это ты, — сказал Медвежонок.

Они выскочили на поляну, на другом конце которой стоял дом Медвежонка.

Вот где было по-настоящему страшно. Небо — чёрное-чёрное — висело низко-низко. Деревья мотали верхушками, будто скребли небо, и из чёрной страшной небесной туши вылетали молнии.

«Ах-х!..» — чуть позже ахал гром, и Ёжику с Медвежонок казалось, что это огромный чёрный дракон навалился на их лес и жжёт его пламенем.

— Стой! — крикнул Медвежонок и прыгнул под ёлку.

— Что?

— Видишь? — И Медвежонок ткнул лапой вверх.

— Вижу, — сказал Ёжик.

Они дрожали, прижавшись друг к другу, и тут хлынул дождь.

Такого дождя Ёжик с Медвежонок ещё не видели. Струи толщиной в орешину били землю и толкли лес. Прямо у них на глазах он стал совсем голый, но тут посыпалось что-то такое, чего Ёжик с Медвежонок сперва не могли и разобрать.

— Ай! — вскрикнул Медвежонок.

И только тут они поняли, что это — град.

Градины с Ёжикин кулачок, да что там с Ёжикин — с Медвежий кулачище! — запрыгали по земле.

— А ты говоришь — бежим! — сказал Медвежонок.

— Я г-говорю, — сказал Ёжик.

— Вот и не говори, — сказал Медвежонок. — Если б не я, убило бы нас на этой поляне.

— А вот и не убило б!

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую, — сказал Ёжик. И вдруг выскочил из-под ёлки и помчался по сплошь белой от града поляне к Медвежьему дому.

— Стой! Стой! Что ты делаешь?! Куда? — завопил Медвежонок и кинулся следом.

Град бил в землю слева, справа, спереди, сзади, а Ёжик с Медвежонок мчались что было сил и наконец влетели на Медвежье крыльцо.

— Ха-а... — сказал Ёжик.

— Ха-а... — сказал Медвежонок.

— Ха-ха-ха! — сказал Ёжик.

— Ха-ха-ха! — сказал Медвежонок.

И тут они так расхохотались, что сразу не стало слышно, как воет ветер, барабанит в Медвежью крышу град и высоко вверху глухо ухает гром.

ГРАБИТЕЛИ

К полудню Заяц с Медвежонком скосили весь луг.

«Вот она лежит, не живая», — подумал о траве Ёжик.

Уселись под кустом и стали глядеть, как летают стрекозы.

Река, синяя-синяя, бежала мимо холма.

— Догоняй! — крикнул Заяц и понёсся к реке.

Вспыхнули брызги, Ёжик прищурился и увидел радугу.

— Отдохнём! — сказал Заяц, и они с Медвежонком шлёпнулись на песок.

Ёжик подошёл и сел рядом:

— Грабли есть?

— Сделаем, — сказал Медвежонок.

Потом ворошили сено, и оно так сладко пахло, что у Ёжика кружилась голова.

Потом солнце садилось за лес, и прямо наискосок через него летали стрекозы.

Ёжик стоял, опершись на грабли, и глядел.

— Эй! Ёжик! Грабы! — крикнул Заяц.

— Я граблю! — сказал Ёжик. И подумал:

«Ворошить граблями сено — грабить, и у кого-нибудь что-нибудь отнимать — тоже. Почему?»

— Ты грабишь? — кричал Медвежонок Заяц.

— Граблю!

— И я!

В сумерках сидели на крыльце и, причмокивая, тянули из блюда чай.

— Завтра копним, — важно говорил Медвежонок.

— И скирдим, — кивал Заяц.

— Скирдуем, — поправил Медвежонок.

«Неужто мы грабители? — почти их не слушая, думал Ёжик. — Нет. Не может быть. Ведь если б мы были грабители, разве могло бы так сладко пахнуть сено?»

ГУСЬ В САПОГАХ

Жил-был Гусь. Зимой он ходил в красных сапожках, а летом — так, босиком.

Вот проснулся он однажды зимой, надел красные сапоги, пошёл гулять.

Встретилась Гусю Утка — вся в мехах, в валенках.

— Куда идёшь, Гусь?

— Да вот, вышел сапожками поскрипеть.

Пошёл дальше.

Встретилась Гусю Лягушка. Да такая модница — прямо принцесса. Ехала Лягушка в карете, волокли карету шесть воробьёв, все цугом.

— Ты куда, Гусь? — кричит Лягушка.

— Снегом скриплю, сапожки пробую.

Уехала...

А навстречу Гусю — Таракан. Рыжий, с усами.

Идёт Таракан, шпоры звенят.

— Куда, Гусь?

— Сапожки обнашиваю.

Подкрутил Таракан усищи, пошёл...

Идёт Гусь, а тут, откуда ни возьмись, — Комар. То же в сапогах и при сабельке. Сапожки на нем бархатные, с ворсом.

— А мои лучше! — говорит.

И ножку-то на каблук поставил.

Но Гусь даже не заметил, мимо прошёл.

Бежал с сундучком на плече Поросёнок. Кафтанчик розовый и тапки на босу ногу.

— На поезд опаздываю! — кричит. — А ты куда, Гусь?

— Никуда. Сапожки разношиваю.

Паровоз загудел, мыши в вагоны попрыгали. Поросёнок опоздал, сел на сундучок, плачет.

А Гусь идёт, не торопится.

Вылез из-под снега Глухарь — важная птица. Сам чёрный — глазищи красные.

— Ты куда, Гусь? Лес кругом, пропадёшь!

— Сапожки у меня, видишь? Обнашиваю.

Поглядел Глухарь, и верно — сапоги знатные. Бежал по лесу Медвежонок, волок в санках Ёжика.

— Здравствуй, Гусь!

— Здравствуй-здравствуй!

— Айда к нам чай пить!

— А что к чаю?

— Клюковка.

Стоит Гусь в красных сапогах, язык высунул, — думает.

— Да не сомневайся! Мы тебе и червячков дадим. Поехали.

Ёжик с Медвежонком санки волокут, Гусь в санях сидит, красные сапожки выставил.

Всему лесу потом Ёжик с Медвежонком рассказывали, как к ним в гости Гусь в сапогах приходил. Да никто не поверил.

— Придумываете!

— Кот в сапогах — дело известное.

— А чтобы Гусь — ни за что не поверим!

ДАВНО БЫ ТАК, ЗАЯЦ

- Заяц! Заяц! Заяц! Скорее беги сюда!

— Что случилось? — спросил Заяц.

— Ты только погляди! — Белка сидела высоко на сосне и куда-то показывала, вытянув лапу.

Заяц подпрыгнул:

— Ничего не вижу.

— Лезь сюда! Погляди, как красиво!

— Ты что, Белка? Я же не умею... по деревьям.

— Я спущу корзинку! — крикнула Белка. — Ты садись, я тебя втяну!

И опустила корзинку, с которой ходила за грибами.

— Ты что, Белка? — снова сказал Заяц. — Разве я вмещусь?

— Ты зацепись, зацепись!

Заяц ухватился как мог, и Белка втянула его на сосну.

Заходило солнце, и было так красиво, что у Зайца перехватило дыхание.

— Весна! Весна! — кричала Белка. — Слышишь, как пахнет?

Заяц принюхался.

— Да ты вот сюда погляди, сюда!

Заяц глядел во все глаза, было очень красиво, но он всё же не мог забыть, что ему надо спускаться.

— А как я спущусь? — спросил Заяц.

— Потом, потом, — щебетала Белка. — Ты гляди! Солнце сядет!

Заяц дрожащими лапами держался за сучок, глядел на заходящее солнце, понимал, что действительно очень красиво, но не мог не думать о том, что ему надо будет спускаться.

«И зачем я влез в эту корзину? — думал Заяц. — Ну выбежал бы на берег — оттуда тоже хорошо видно».

— Гляди! Гляди! — не умолкала Белка.

И Заяц вдруг подумал: «Ну что я всё дрожу? Ну что я всё — „да как?“, „да что?“, „да почему?“».

«Плюнь! — сказал сам себе Заяц. — Плюнь и гляди! И радуйся! А уж потом подумаем, как спуститься».

И Заяц перестал дрожать.

И встал на ветке, как птица. Большая гордая птица с откинутыми ушами.

И ему вдруг показалось, что весь лес, вся поляна, вся река, которую теперь было хорошо видно, — всё это принадлежит ему, Заяцу, и не надо ни о чём думать.

— Ну вот, — сказала Белка. — Давно бы так! Смотри, как ты похорошел, Заяц!

ДОВЕРЧИВЫЙ ЁЖИК

Два дня сыпал снег, потом растаял, и полил дождь.

Лес вымок до последней осинки, Лиса — до самого кончика хвоста, а старый Филин три ночи никуда не летал, сидел в своём дупле и огорчался. «Ух!» — вздыхал он.

И по всему лесу разносилось: «Ух-х-х!..»

А в доме у Ёжика топились печь, потрескивал в печи огонь, а сам Ёжик сидел на полу у печки, помаргивая глядел на пламя и радовался.

— Как хорошо! Как тепло! Как удивительно! — шептал он. — У меня есть дом с печкой!

«Дом с печкой! Дом с печкой! Дом с печкой!» — запел он и, пританцовывая, принёс ещё дровишек и бросил их в огонь.

— Ха-ха! — хохотнул Огонь и облизнул дровишки. — Сухие!

— Ещё бы! — сказал Ёжик.

— А много у нас дровишек? — спросил Огонь.

— На всю зиму хватит!

— Ха-ха-ха-ха-ха! — захохотал Огонь и принялся так плясать, что Ёжик испугался, как бы он не выскочил из печки.

— Ты не очень! — сказал он Огню. — Выскочишь! — И прикрыл его дверцей.

— Эй! — крикнул Огонь из-за дверцы. — Ты чего меня запер? Давай поговорим!

— О чём?

— О чём хочешь! — сказал Огонь и просунул нос в щёлочку.

— Нет уж, нет уж! — сказал Ёжик и стукнул Огонь по носу.

— Ах, ты дерёшься! — взвился Огонь и загудел так, что Ёжик снова испугался.

Некоторое время они молчали.

Потом Огонь успокоился и жалобно сказал:

— Послушай, Ёжик, я проголодался. Дай мне ещё дровишек — у нас же их много.

— Нет, — сказал Ёжик, — не дам. В доме и так тепло.

— Тогда открой дверцу и дай мне посмотреть на тебя.

— Я дремлю, — сказал Ёжик. — На меня сейчас неинтересно смотреть.

— Ну что ты! Я больше всего люблю смотреть на дремлющих ёжиков.

— А почему ты любишь смотреть на дремлющих?

— Дремлющие ёжики так красивы, что на них трудно наглядеться.

— И если я открою печку, ты будешь смотреть, а я буду дремать?

— И ты будешь дремать, и я буду дремать, только я ещё буду на тебя смотреть.

— Ты тоже красивый, — сказал Ёжик. — Я тоже буду на тебя смотреть.

— Нет. Ты лучше на меня не смотри, — сказал Огонь, — а я буду на тебя смотреть, и горячо дышать, и гладить тебя тёплым дыханием.

— Хорошо, — сказал Ёжик. — Только ты не вылазь из печки.

Огонь промолчал.

Тогда Ёжик открыл печную дверцу, прислонился к дровишкам и задремал. Огонь тоже дремал, и только в темноте печи поблескивали его злые глаза.

— Прости меня, пожалуйста, Ёжик, — обратился он к Ёжику чуть погодя, — но мне будет совсем хорошо на тебя смотреть, если я буду сыт. Подбрось дровишек.

Ёжику было так сладко у печки, что он подкинул три полешка и снова задремал.

— У-у-у! — загудел Огонь. — У-у-у! Какой красивый Ёжик! Как он дремлет! — И с этими словами спрыгнул на пол и побежал по дому.

Пополз дым. Ёжик закашлялся, открыл глаза и увидел пляшущий по всей комнате Огонь.

— Горю! — закричал Ёжик и кинулся к двери.

Но Огонь уже плясал на пороге и не пускал его.

Ёжик схватил валенок и стал бить Огонь валенком.

— Полезай в печку, старый обманщик! — кричал Ёжик.

Но Огонь только хохотал в ответ.

— Ах так! — крикнул Ёжик, разбил окно, выкатился на улицу и сорвал со своего домика крышу.

Дождь лил всюду. Капли затопали по полу и стали оттапывать Огню руки, ноги, бороду, нос.

«Шлёпи-шлёп! Шлёпи-шлёп!» — приговаривали капли, а Ёжик бил Огонь мокрым валенком и ничего не приговаривал — так он был сердит.

Когда Огонь, зло шипя, забрался обратно в печку, Ёжик накрыл свой домик крышей, заложил дровишками разбитое окно, сел к печке и пригорюнился: в доме было холодно, мокро и пахло гарью.

— Какой рыжий, лживый старикашка! — сказал Ёжик.

Огонь ничего не ответил. Да и что было говорить Огню, если все, кроме доверчивого Ёжика, знают, какой он обманщик.

ЕСЛИ МЕНЯ СОВСЕМ НЕТ

Ещё совсем немного — и загорятся звёзды, и выплывет месяц и поплывёт, покачиваясь, над тихими осенними полями. Потом месяц заглянет в лес, постоит немного, зацепившись за верхушку самой высокой ёлки, и тут его увидят Ёжик с Медвежонком.

— Гляди, — скажет Ёжик.

— Угу, — скажет Медвежонок.

А месяц подымется ещё выше и зальёт своим холодным тусклым светом всю землю.

Так было каждый вечер в эту ясную холодную осень. И каждый вечер Ёжик с Медвежонком собирались то у Ёжика, то у Медвежонка и о чём-то говорили.

Вот и сегодня Ёжик сказал Медвежонку:

— Как всё-таки хорошо, что мы друг у друга есть! Медвежонок кивнул.

— Ты только представь себе: меня нет, ты сидишь один и поговорить не с кем.

— А ты где?

— А меня нет.

— Так не бывает, — сказал Медвежонок.

— Я тоже так думаю, — сказал Ёжик. — Но вдруг вот — меня совсем нет. Ты один. Ну что ты будешь делать?

— Пойду к тебе.

— Куда?

— Как — куда? Домой. Приду и скажу: «Ну что ж ты не пришёл, Ёжик?» А ты скажешь...

— Вот глупый! Что же я скажу, если меня нет?

— Если нет дома, значит, ты пошёл ко мне. Прибегу домой: «А-а, ты здесь!» И начну...

— Что?

— Ругать!

— За что?

— Как за что? За то, что не сделал, как договорились.

— А как договорились?

— Откуда я знаю? Но ты должен быть или у меня, или у себя дома.

— Но меня же совсем нет. Понимаешь?

— Так вот же ты сидишь!

— Это я сейчас сижу, а если меня не будет совсем, где я буду?

— Или у меня, или у себя.

— Это если я есть.

- Ну да, — сказал Медвежонок.
- А если меня совсем нет?
- Тогда ты сидишь на реке и смотришь на месяц.
- И на реке нет.
- Тогда ты пошёл куда-нибудь и ещё не вернулся.
- Я побегу, обшарю весь лес и тебя найду.
- Ты всё уже обшарил, — сказал Ёжик. — И не нашёл.
- Побегу в соседний лес!
- И там нет.
- Переверну всё вверх дном, и ты отыщешься!
- Нет меня. Нигде нет.
- Тогда... Тогда... Тогда я выбегу в поле, — сказал Медвежонок. — И закричу: «Ё-е-е-жи-и-и-к!» — и ты услышишь и закричишь: «Медвежоно-о-о-к!..» Вот.
- Нет, — сказал Ёжик. — Меня ни капельки нет.
- Понимаешь?
- Что ты ко мне пристал? — рассердился Медвежонок. — Если тебя нет, то и меня нет. Понял?
- Нет, ты — есть; а вот меня — нет.
- Медвежонок замолчал и нахмурился.
- Ну, Медвежонок!..
- Медвежонок не ответил.
- Он глядел, как месяц, поднявшись высоко над лесом, льёт на них с Ёжиком свой холодный свет.

ЁЖИКИНА РАДОСТЬ

- Помоги, Медведишка, помоги!
- Что с тобой, Ёжик?
- Не знаю. Плохо мне.
- Медвежонок обошёл Ёжика со всех сторон, пощупал голову:
- Здесь не болит?

— Нет.

— А тут?

— Не-а.

Было раннее утро. Пели птицы. Всё цвело.

— Посмотри, какое солнышко! — сказал Медвежонок.

— Вижу.

— Послушай! Слышишь, как птицы поют?

Ёжик кивнул.

— Ты мне расскажи подробнее, — сказал Медвежонок. — Вдвоём мы с тобой что-нибудь придумаем.

— Понимаешь, — сказал Ёжик, — страшно мне.

— Да почему?

— Радости нет, — сказал Ёжик. — Бывало, проснусь, увижу солнце — и радуюсь. А теперь — нет.

— Радости нет... Радости нет... — забормотал Медвежонок. — Да почему же это у тебя нет радости?

— Не знаю. — Ёжик закрыл глаза.

«Что же это может быть? — думал Медвежонок. — Что же это могло случиться, чтобы от Ёжика убежала радость?»

И он сказал:

— Не может такого быть! Это тебе показалось, и всё. От кого, от кого, а уж от тебя ни за что не может убежать радость. Она где-то спряталась, понял?

— Где?

— В животе.

Они вдвоём внимательно осмотрели Ёжикин живот.

— Или вот под мышкой!

Ёжик поднял лапу.

— Или... знаю! — закричал Медвежонок. — Мы её оставили на реке! Помнишь, когда солнце садилось, что-то радостное-радостное перебежало на тот берег?

— Солнечный заяц, — сказал Ёжик.

— Как же! Заяц! Это была твоя радость. Бежим!

И они помчались к реке, увидели её всю-всю, сияющую в восходящем солнце, и огромная, горячая Ёжинина радость, вся в острых иголочках, как сам Ёжик, выскочила из кустов, перебежала по воде и вернулась к Ёжику.

ЁЖИК И МОРЕ

Жил-был в лесу Ёжик Иголка. Был у него дом с печкой, лампочка в доме из гриба лисички и полная кладовая припасов. Но всё Ёжику чего-то хотелось...

— Непокойно мне, — говорил он Васильку. — Вот здесь мутит, — показывал на грудь. — К Морю хочется.

Василёк никогда не видел Моря и поэтому говорил:

— Зря ты печалишься, Ёжик. Посмотри, какой я красивый, взгляни, как высоки сосны, послушай, как птицы поют! И все тебя здесь, в лесу, знают и любят.

Но Ёжик с каждым днём печалился всё больше.

— Хочется мне к Морю! — жаловался он Муравью.

— А какое оно? — спрашивал Муравей.

— Большое. Но я его никогда не видел.

И вот как-то ранним утром, когда в небе ещё плавали молочные звёзды, Ёжик вышел из своего домика и пошёл к Морю. В лапе у него была палка, а за плечом — котомка с едой.

Сначала он шёл лесом, и птицы пели над ним, и трава, мокрая от росы, шуршала под ногами. Потом лес кончился, и путь Ёжику преградила река.

— Эй! — крикнул Ёжик.

И по всей реке понеслось: «Эй-эй-эй!..»

— Ты чего кричишь? — спросила, подлетев, Утка.

— Переправиться надо, — сказал Ёжик.

И Утка подставила ему свою спину и перевезла на другой берег.

— Спасибо, Утка, — сказал Ёжик и зашагал дальше.

Теперь он шёл по огромному лугу. Трещали кузнечики, звенели стеклянными крылышками стрекозы, и где-то высоко в небе распевал жаворонок...

Долго ли шёл Ёжик, коротко ли, но вышел к Морю.

— Здравствуй, Море! — сказал Ёжик.

— Здравствуй, Ёжик! — сказала Море.

И накатилась волна. «Пффф-ф!..» — ударила она в берег. «Шшшш...» — зашуршала по камушкам, отступая.

И Ёжик тоже сделал шаг вперёд и сказал: «Пффф-ф!..» — и отбежав немного: «Шшшш-ш!..»

— Я на тебя похож, да?

— Очень! — сказала Море. И снова ударило волной в берег.

Целый день Ёжик играл с Морем: то подбегал к самой воде, то отбегал прочь.

Засыпая на песке под скалой, он поёживался, и ему казалось, что он тоже — маленькое море на четырёх лапах.

«Пффф-ф!.. — бормотал он себе под нос. — Шшшш-ш!..»

И подымал и опускал иголки.

ЁЖИКИНА ГОРА

Давно уже Ёжик не видел такого большого неба. Давно уже не было такого, чтобы он вот так останавливался и замирал; и если бы кто у него спросил, зачем он останавливается, отчего замирает, Ёжик всё равно ни за что не смог бы ответить.

— Ты куда глядишь, Ёжик? — спросила Белка.

- А, — сказал Ёжик. И махнул лапой.
- Ты что там увидел? — спросил Муравей.
- Молчит, — сказала Белка.
- Задумался, — проворчал Муравей и побежал по своим делам.

А Ёжику вдруг показалось, что он впервые увидел этот лес, этот холм, эту поляну. Что никогда-никогда до этого ничего этого он не видел.

«Как же так? — думал Ёжик. — Ведь я столько раз бежал по этой тропинке, столько раз стоял на этом холме».

И деревья были такие необыкновенные — лёгкие, сквозящие, будто сиреневые, и полны такой внутренней тишиной и покоем, что Ёжик не узнавал знакомые с детства места.

«Что же это? — бормотал Ёжик. — Почему же я раньше не видел всего?»

И птицы, те немногие птицы, что остались в лесу, казались теперь Ёжику необыкновенными.

«Это не Ворона, это какой-то Орёл кружит над лесом, — думал Ёжик. — Никогда не видел такой огромной птицы».

— Всё стоишь? — спросил Муравей. — Я уже вон какую соломинку оттащил, а он всё стоит.

— Не мешай ему, — сказала Белка. — Он думает.

— Думает, думает, — проворчал Муравей. — Что бы стало в лесу, если б все думали.

— Подумает, и всё, — сказала Белка. — Не мешай.

— Все вы бездельники, — сказал Муравей. — Все вы друг за дружку горой. — И убежал.

А Ёжик про себя поблагодарил Белку, потому что он слышал разговор где-то далеко-далеко, будто говорили на облаках, а он — на дне моря.

«Какая она добрая, — подумал о Белке Ёжик. — Почему я раньше никогда её не встречал?»

Пришёл Медвежонок.

— Ну что? — сказал он. — Что делать будем?

Ёжик смотрел на лес, на холм, на Ворону, кружащую за рекой, и вдруг понял, что ему так не хочется отвечать, так не хочется спускаться со своей горы... И он стал благодарно думать о том, по чьей доброте на этой горе оказался.

ЗАЯЧЬИ УШИ

После дождичка в пятницу из травы показались заячьи уши.

«Зачем они здесь? — подумал Медвежонок и расколол полешко. — Обычно Заяц приходит по субботам».

Подул ветер. Заячьи уши затрепетали, а потом снова встали торчком.

— Удивительные уши! — пробормотал Медвежонок, замахиваясь топориком. — И ветер им нипочём...

«Кррык!» — раскололось последнее полешко.

Медвежонок огляделся и увидел, что рубить ему больше нечего.

Заячьи уши выросли на полвершка и не шевелились.

Медвежонок сел на колоду и стал смотреть.

Уши подросли ещё немного.

«Ничего удивительного, — думал Медвежонок. — В любую пятницу такое могло случиться!»

А уши между тем росли не останавливаясь.

Вот они выросли с бузиновый куст, покачнулись и стали расти дальше.

«Прекрасные уши! — подумал Медвежонок. — С такими ушами можно слушать весь лес». И устроился поудобнее.

На левое ухо села птичка.

— Чирик! — крикнула она.

Ухо поморщилось.

— Чирик! Чирик! — закричала птичка и перепорхнула на правое. Правое ухо дёрнулось, и птичка улетела.

А уши продолжали расти.

Вот они поравнялись с сосной, потом подросли ещё чуть-чуть, строго вытянулись и упёрлись самыми кончиками в мохнатое небо.

— Уши! — сказал Медвежонок. — Где ваш Заяц?

Уши насторожились.

— Где ваш Заяц, я спрашиваю? — повторил Медвежонок.

Уши потёрлись друг о друга, пошуршали что-то и снова вытянулись — от земли до неба.

— Чего только не бывает в пятницу! — пробормотал Медвежонок и встал с колоды...

Пошёл дождь.

Уши потемнели, набухли и теперь уже не казались такими стройными.

Медвежонок сидел под навесом и думал:

«Вот. Теперь вымокнут мои дрова! Если б не эти странные уши, я бы успел их сложить под навес...»

Уши тяжелели с каждой минутой, и по ним ручейками стекала вода.

Одно ухо покачнулось и с шумом повалилось на бузиновый куст, другое всё ещё глядело в небо.

Потом, обломив верхушку сосны, упало и оно.

— Заяц! — сказал Медвежонок. — И тебе не стыдно меня дурачить?

Заяц молчал.

— Нехорошо! — сказал Медвежонок. — Теперь из-за тебя у меня вымокли дрова.

Заяц ничего не ответил.

Шумел дождь, и заячьи уши, как поваленные бурей деревья, выглядывали из травы...

ЗАЯЦ, ОСЛИК, МЕДВЕЖОНОК И ЧУДЕСНЫЕ ОБЛАКА

У Зайца с Медвежонком сегодня с самого утра было очень много забот. Во-первых, навестить лесных пчёл, во-вторых, нарвать заячьей капусты, в-третьих, искупаться в реке, в-четвёртых, поваляться на травке, а в-пятых, Медвежонку — поесть мёду, Зайцу — заячьей капусты, а потом, сидя на пеньке, поговорить о минувшем дне...

И поэтому они проснулись рано-рано, умылись и побежали навещать пчёл.

— Эй, пчёлы! — крикнул Медвежонок, когда они остановились под деревом, на котором жили лесные пчёлы. — Не дадите ли вы мне немножко медку?

— Как же! — сказала Главная Пчела. — Жди!

— Он и так уже целую неделю ждёт, — сказал Заяц.

— Я жду... — сказал Медвежонок.

— Вот и жди! — сказала Главная Пчела и спряталась в дупле.

Заяц с Медвежонком потоптались-потоптались под деревом, а потом побежали искать заячью капусту.

— Что-то нигде не видно твоей капусты, — сказал Медвежонок.

— Я сам удивляюсь! — сказал Заяц. — Только вчера через неё надо было продираться, как сквозь кустарник, а сегодня — ни одного листика...

— Бежим купаться! — сказал Медвежонок.

И они выбежали к реке.

У самой воды сидел Ослик и задумчиво глядел на облака.

— Ослик! — закричали Заяц с Медвежонком. — Мы...

— Тсс! — сказал Ослик.

И Заяц с Медвежонком задрали головы.

Прямо над ними плыли три облака. Одно было похоже на Медвежонка, одно — на Зайца, а третье — на Ослика.

— Я плыву первым! — сказал Медвежонок, устраиваясь на травке.

— А я тебя догоняю! — сказал Заяц и сел рядом.

— Подождите меня! — попросил Ослик.

— Мы не можем, — сказал Медвежонок, — мы торопимся!

— Видишь, я тебя уже догнал! — крикнул Заяц.

— А куда вы торопитесь? — спросил Ослик.

— Щипать заячью капусту и есть мёд, — сказал Медвежонок.

И тут на небо выплыло целое облако заячьей капусты и маленькое янтарное облачко мёда.

Облако-Медвежонок принялось есть облачко-мёд, а Облако-Заяц — щипать облачко заячьей капусты.

— Оставь мне немножко заячьей капусты! — просил Ослик.

— Я бы с удовольствием, — сказал Заяц. — Но, видишь, я уже всё съел.

И действительно, Облако-Заяц съело всё облако заячьей капусты и на глазах растолстело.

— Как вкусно!.. — шептал Медвежонок, лёжа на травке и глядя, как Облако-Медвежонок потихонечку ест облачко-мёд. — Я никогда не ел такого вкусного мёда!

— И всё-таки это не по правилам, — сказал Ослик. — Разве я виноват, что я так медленно плыву?

— А ты поторопись! — сказал Медвежонок. — Может быть, я тебе ещё дам лизнуть мёда...

ЗВУКИ И ГОЛОСА

-В полудрёме, Медвежонок, можно вообразить всё, что хочешь, и всё, что вообразишь, будет как живое. И тогда-то...

— Ну?

— Тогда-то...

— Да говори же!

— И тогда-то... слышны звуки и голоса.

Ёжик глядел на Медвежонка большими круглыми глазами, как будто сию минуту, вот прямо сейчас, догадался о чём-то самом важном.

— И кого ты слышал? — шёпотом спросил Медвежонок.

— Сегодня?

— Ага.

— Зяблика, — сказал Ёжик.

— А вчера?

— Лягушку.

- А что она сказала?
- Она — пела. — И Ёжик закрыл глаза.
- Ты её и сейчас слышишь?
- Слышу, — сказал Ёжик с закрытыми глазами.
- Давай я тоже закрою глаза. — Медвежонок закрыл глаза и встал поближе к Ёжику, чтобы тоже слышать.
- Слышишь? — спросил Ёжик.
- Нет, — сказал Медвежонок.
- Ты вступи в дрему.
- Надо лечь, — сказал Медвежонок. И лёг.
- А я — возле тебя. — Ёжик сел рядом. — Ты только представь: она сидит и поёт.
- Представил.
- А вот сейчас... Слышишь? — И Ёжик по-дирижёрски взмахнул лапой. — Запела!
- Не слышу, — сказал Медвежонок. — Сидит, глаза вытаращила и молчит.
- Поговори с ней, — сказал Ёжик. — Заинтересуй.
- Как?
- Скажи: «Мы с Ёжиком из дальнего леса пришли на ваш концерт».

Медвежонок пошевелил губами.

- Сказал.
- Ну?
- Молчит.
- Погоди, — сказал Ёжик. — Давай ты сядь, а я лягу. Та-ак. — И он забубнил что-то, укладываясь рядом с Медвежоном в траву.

А день разгорался, и высокая стройная осень шаталась соснами и кружилась палым листом.

Медвежонок давно открыл глаза и глядел теперь на рыжие деревья, на ветер, который морщил лужу, а Ёжик все бормотал и прищёптывал, лёжа рядом в траве.

— Послушай, Ёжик, — сказал Медвежонок, — зачем нам эта лягушка, а? Пойдём наберём грибков, зажарим! А я для тебя яблочко припас.

- Нет, — не открывая глаз, сказал Ёжик. — Она запоёт.
— Ну и запоёт. Толку-то?
— Эх ты! — сказал Ёжик. — Грибки! Яблочки!..
Если б ты только знал, как это — звуки и голоса!

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

С утра падал снег. Медвежонок сидел на опушке леса на пеньке, задрал голову, и считал и слизывал упавшие на нос снежинки.

Снежинки падали сладкие, пушистые и, прежде чем опуститься совсем, привставали на цыпочки. Ах как это было весело!

«Седьмая», — прошептал Медвежонок и, полюбовавшись всласть, облизал нос.

Но снежинки были заколдованные: они не таяли и продолжали оставаться такими же пушистыми у Медвежонка в животе.

«Ах, здравствуйте, голубушка! — сказали шесть снежинок своей подруге, когда она очутилась рядом с ними. — В лесу так же безветренно? Медвежонок по-прежнему сидит на пеньке? Ах какой смешной Медвежонок!»

Медвежонок слышал, что кто-то в животе у него разговаривает, но не обращал внимания.

А снег всё падал и падал. Снежинки всё чаще опускались Медвежонку на нос, приседали и, улыбаясь, говорили: «Здравствуй, Медвежонок!»

«Очень приятно, — говорил Медвежонок. — Вы — шестьдесят восьмая». И облизывался.

К вечеру он съел триста снежинок, и ему стало так холодно, что он едва добрался до берлоги и сразу уснул. И ему приснилось, что он — пушистая, мягкая снежинка...

И что он опустился на нос какому-то Медвежонку и сказал: «Здравствуй, Медвежонок!», а в ответ услышал: «Очень приятно, вы — триста двадцатая...» «Пам-па-ра-пам!» — заиграла музыка. И Медвежонок закружился в сладком, волшебном танце, и триста снежинок закружились вместе с ним. Они мелькали впереди, сзади, сбоку и, когда он уставал, подхватывали его, и он кружился, кружился, кружился...

Всю зиму Медвежонок болел. Нос у него был сухой и горячий, а в животе плясали снежинки. И только весной, когда по всему лесу зазвенела капель и прилетели птицы, он открыл глаза и увидел на табуретке Ёжика. Ёжик улыбался и шевелил иголками.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Медвежонок.

— Жду, когда ты выздоровеешь, — ответил Ёжик.

— Долго?

— Всю зиму. Я, как узнал, что ты объелся снегом, сразу перетащил все свои припасы к тебе...

— И всю зиму ты сидел возле меня на табуретке?

— Да, я поил тебя еловым отваром и прикладывал к животу сушёную травку...

— Не помню, — сказал Медвежонок.

— Ещё бы! — вздохнул Ёжик. — Ты всю зиму говорил, что ты — снежинка. Я так боялся, что ты растаешь к весне...

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ ЛОВИЛИ ОСЕНЬ

Весь день шёл дождь, ночью перестал, к утру похолодало.

Ёжик с Медвежонком вышли на крыльцо, постояли немного, вдыхая холодный воздух.

Всё вокруг было непонятно: деревья стояли зелёные, жёлтых листьев было ещё совсем мало, и всё равно — за каждым стволом сидела осень.

— Видишь? — сказал Ёжик.

— Ага, — сказал Медвежонок. — Так и глядит.

— Вот бы её поймать!

— А давай. — Медвежонок чуть не поперхнулся. — Давай поймаем и закрём в чулан. Представляешь? Закрём её в чулан, и сразу — лето!

— Она невидимая, — сказал Ёжик.

— Это если лапами. Лапами, конечно, не возьмёшь. Нужен загон и сеть, понял? Вот так — сеть, а оттуда — гнать.

— Надо звать Зайца, — сказал Ёжик.

— И Белку.

— А сеть какую?

— Окуньковую.

— Да ты что? Так тебе осень в окуньковую и полезет!

— А что, карась красный, и она...

— При чём здесь карась? Сеть-то окуньковая!

— Окуньковая, карасиная, — поймаем!

— Неси, — сказал Ёжик. — Я позову Зайца.

— Белку не забудь! — И Медвежонок убежал.

— Заяц! Заяц! — закричал Ёжик, колотя палкой по чёрным стволам. — Белка!

— Чего? — прибежал Заяц.

— Где Белка?

— А зачем?

— Будем осень ловить, — шёпотом сказал Ёжик. — Только — тсс!

— Здорово! Белка! — закричал Заяц. — А чем ловить?

— Сетью, — сказал Ёжик. — Сюда — сеть, а оттуда — гнать.

— Нужен барабан, — сказал Заяц. — И свистулька. Я буду барабанить, а Белка — свистеть. Белка! Белка! — снова закричал он.

Прибежала Белка.

— Иди поближе, я что-то скажу! — И зашептал.

— Осень? — удивилась Белка. — А что мы с ней сделаем?

— Запрём в чулан, — сказал Ёжик.

— И сразу — лето! — крикнул Заяц.

— Тсс!.. Тише! — сказала Белка. — Услышит и убежит.

С сетью на плече прибежал Медвежонок.

— Уфф!.. — сказал он. — Помогайте!

И все вместе растянули сеть от берёзы к ёлочке.

— Камушки! Камушки! — верещал Заяц. — Камушками прижми!

— А теперь, — сказал Медвежонок, — ты с Зайцем и Белкой иди оттуда, а я...

— А барабан? — вспомнил Заяц. Прыгнул, пропал и тут же явился с барабаном и свистулькой в лапах.

— Мы все пойдём оттуда, — сказал Ёжик. — А ты, Медвежонок, прячься и, как только она попадётся — сворачивай.

— Я крикну, — пообещал Медвежонок.

И все убежали, а Медвежонок залез под ёлочку.

Было тихо-тихо, только маленький золотой лист, трепеща, всё никак не мог сесть в траву.

И вот где-то вдали ударил барабан, залилась свистулька и Ёжикиным срывающимся голосом закричало: «А-а-а...»

«Гонят!» — Медвежонок во все глаза стал глядеть на окуньковую сеть.

«Гонят, гонят, гонят!» — застучало у него в висках, и сердце забилося.

«Бум-бум-бум! Фью-ю! А-а-а!..» — несло по лесу.

Медвежонок так смотрел, что у него заболели глаза, и когда «бум-бум!» и «фью!» приблизились, ему вдруг показалось: из-за старой ёлки что-то выскочило и запуталось в окуньковой сети.

— На помощь! — закричал Медвежонок и упал животом на невидимое что-то, и это «что-то», казалось Медвежонку, шевелилось и попискивало.

— Что? Что? Где? — вылетели на поляну Заяц, Белка и Ёжик.

— Здесь, — хрипя, дышал Медвежонок. — Посвистывает.

— Это осень, — сказал Заяц. — Осень всегда свистит.

— Закатывай! — крикнула Белка.

И они закатали осень вместе с Медвежонком и поволокли в дом.

— В чулан! В чулан их! — командовал Ёжик.

— Выпустите меня! — попросил Медвежонок.

— Потерпи, — сказала Белка.

— Терпи, Медвежонок, — сказал Заяц. И Медвежонка вместе с осенью заперли в чулан.

— Выпустите меня! — просил Медвежонок.

— Если мы тебя выпустим, вместе с тобой убежит осень, — сказал Заяц.

— Ага. И опять пойдёт дождь, — сказала Белка.

— Терпи, Медвежонок! Вот увидишь, сейчас появится солнце, — пообещал Ёжик.

Ждали до вечера, а потом устали и легли спать.

А когда утром проснулись, за окном было белым-бело, а снег всё летел и летел большими лёгкими хлопьями.

— Глупые мы! — сказала Белка. — Заперли в чулан осень, а ведь после осени-то — зима!

И они выпутали Медвежонка, выбежали под летящий снег и долго-долго трясли окуньковую сеть, чтобы выпустить обратно в сентябрьский лес золотую осень.

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНОКОМ ПРИСНИЛИСЬ ЗАЙЦУ

По первому снегу Заяц прибежал к Медвежонок.

— Медвежонок, ты лучший из всех, кого я знаю! — сказал Заяц.

— А Ёжик?

— Ёжик тоже хороший, но ты — лучше всех!

— Да что с тобой, Заяц? Ты сядь, успокойся. Чего ты прыгаешь?

— Я сегодня проснулся и понял, — сказал Заяц, — что лучше тебя нет на свете!

Вошёл Ёжик.

— Здравствуй, Медвежонок! — сказал он. — Здравствуй, Заяц! Вы чего сидите в доме — на улице снег!

— Я собрался идти к тебе, — сказал Медвежонок. — А тут прибежал он и говорит, что я лучше всех!

— Верно, — сказал Ёжик. — А ты разве не знал?

— Правда, он самый лучший? — сказал Заяц.

— Ещё бы! — Ёжик улыбнулся Медвежонку и сел за стол. — Давайте чай пить!

Стали пить чай.

— Вот слушайте, что мне сегодня приснилось, — сказал Заяц. — Будто я остался совсем один в лесу. Будто никого-никого нет — ни птиц, ни белок, ни зайцев, — никого. «Что же я теперь буду делать?» — подумал я во сне. И пошёл по лесу. А лес — весь в снегу — и никого-никого. Я туда, я сюда, три раза весь лес обожегал, ну ни души, представляете?

— Страшно, — сказал Ёжик.

— Ага, — сказал Медвежонок.

— И даже следов нет, — сказал Заяц. — А на небе — вата.

— Как — вата? — спросил Ёжик.

— А так — ватное, толстое небо. И глухо. Будто под одеялом.

— Откуда ты знаешь, что глухо? — спросил Медвежонок.

— А я кричал. Крикну и прислушаюсь... Глухо.

— Ну! Ну! — сказал Ёжик.

— И тут... И тут...

— Что?

— И тут... Представляете? Из-под старого пня, что на опушке...

— За холмом?

— Нет, у реки. Из-под старого пня, что на опушке у реки, вылез...

— Ну же! — сказал Медвежонок.

— Ты, — сказал Заяц. — Медвежонок!

— Что ж я там делал, подо пнём?

— Ты лучше спроси, что ты сделал, когда вылез.

— А что я сделал?

— Ты вылез и так тихонько-тихонько сказал: «Не горюй, Заяц, все мы — одни». Подошёл ко мне, обнял и ткнулся лбом в мой лоб. И так мне сделалось хорошо, что я — заплакал.

— А я? — спросил Медвежонок.

— И ты, — сказал Заяц. — Стоим и плачем.

— А я? — спросил Ёжик.

— А тебя не было, — сказал Заяц. — Больше никого не было. Представляешь? — Заяц обернулся к Медвежонку. — Пустой лес, ватное небо, ни-ко-го, а мы стоим и плачем.

— Так не бывает, — сказал Ёжик. — Я обязательно должен был появиться.

— Так это же во сне, — сказал Медвежонок.

— Всё равно. Просто вы плакали и не заметили, как я вышел из-за куста. Вышел, стою, вижу — вы плачете; ну, думаю, плачут, есть, значит, причина, и не стал мешать.

— Не было тебя, — сказал Заяц.

— Нет, был.

— Не было!

— А я говорю — был! — сказал Ёжик. — Просто я не хотел мешать вам плакать.

— Конечно был, — сказал Медвежонок. — Я его видел краем глаза.

— А что же мне не сказал? — спросил Заяц.

— А видел, ты потерянный. Сперва, думаю, успокою, а уж потом скажу. И потом — чего говорить-то? Ёжик, он ведь всегда со мной.

— А по-моему, мы всё-таки были одни, — сказал Заяц.

— Тебе показалось, — сказал Ёжик.

— Примерешилось, — сказал Медвежонок.

— А если так, что у меня с собой было?

— А у тебя с собой что-нибудь было?

— Ага.

— Мешочек, — сказал Ёжик.

— С морковкой, — сказал Медвежонок.

— Правильно! — сказал Заяц. — Вы знаете, кто вы для меня? Вы для меня самые-самые лучшие из всех, кто есть на земле!

КАК ОСЛИК ШИЛ ШУБУ

Когда подошла зима, Ослик решил сшить себе шубу.

«Это будет чудесная шуба, — думал он, — тёплая и пушистая. Она должна быть лёгкой, но обязательно с четырьмя карманами: в карманах я буду греть копыта. Воротник должен быть широкий, как шаль: я буду заправлять за него уши. Когда у меня будет шуба, я войду в лес и никто меня не узнает. „Кто это, — крикнет Ворона, — такой лохматый?“ — „Это Изюбрь!“ — скажет Белка. „Это ПТИ-ПТИ-АУРАНГ!“ — скажет Филин. „Это мой друг Ослик!“ — крикнет Медвежонок, и засмеется, и весь искувыркается в снегу, и тоже

станет непохожим; а я его назову УРР-РУ-ОНГОМ, и все не поверят, кроме нас с ним...

Хорошо бы иметь шубу не из меха, а из ничего. Чтобы она была ничья: ни бобровая, ни соболья, ни беличья — просто шуба. И тогда я буду греться в ничьей шубе, и никто не будет ходить голым. А Волк скажет: „У кого ничья шуба — тот ничей“. И никто не будет говорить, что я Ослик: я буду — НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ. Тогда ко мне придёт Лис и скажет: „Послушай, НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ, а ты кто?“ — „Никто“. — „А в чьей ты шубе?“ — „В ничьей“. — „Тогда ты — НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ“, — скажет Лис. А я посмеюсь, потому что я-то буду знать, что я Ослик.

А когда придёт весна, я пойду на Север. А когда и на Север придёт весна, я пойду на Северный полюс — там-то никогда не бывает весны...

Надо сшить шубу из облаков. А звёздочки взять вместо пуговиц. А там, где темно между облаками, будут карманы. И когда я туда буду класть копыта, я буду летать, а в тёплую погоду — ходить по земле.

Хорошо бы такую шубу сшить прямо сейчас же, вот прямо сейчас. Влезть на сосну и положить копыта в карманы. И полететь... А потом, может быть, пойти по земле... Вот прямо на эту сосну».

И Ослик полез на старую сосну, и влез на самую верхушку, и сложил копыта в карманы, и полетел...

И сразу стал — НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ.

КАК ОСЛИКУ ПРИСНИЛСЯ СТРАШНЫЙ СОН

Дул осенний ветер. Звёзды низко кружились в небе, а одна холодная синяя звезда зацепилась за сосну и остановилась прямо против домика Ослика.

Ослик сидел за столом, положив голову на копытца, и смотрел в окно.

«Какая колючая звезда», — подумал он. И уснул. И тут же звезда опустилась прямо к его окошку и сказала:

— Какой глупый Ослик! Такой серый, а клыков нет.

— Чего?

— Клыков! — сказала звезда. — У серого кабана есть клыки и у серого волка, а у тебя нет.

— А зачем они мне? — спросил Ослик.

— Если у тебя будут клыки, — сказала звезда, — тебя все станут бояться.

И тут она быстро-быстро замигала, и у Ослика за одной и за другой щекой выросло по клыку.

— И когтей нет, — вздохнула звезда. И сделала ему когти.

Потом Ослик очутился на улице и увидел Зайца.

— Здр-р-равствуй, Хвостик! — крикнул он.

Но косою помчался со всех ног и скрылся за деревьями.

«Чего это он меня испугался?» — подумал Ослик. И решил пойти в гости к Медвежонок.

Тук-тук-тук! — постучал Ослик в окошко.

— Кто там? — спросил Медвежонок.

— Это я, Ослик, — и сам удивился своему голосу.

— Кто? — переспросил Медвежонок.

— Я! Открой!..

Медвежонок открыл дверь, попятился и мигом скрылся за печкой.

«Чего это он?» — снова подумал Ослик. Вошёл в дом и сел на табуретку.

— Что тебе надо? — испуганным голосом спросил из-за печки Медвежонок.

— Чайку пр-р-ишёл попить, — прохрипел Ослик.

«Странный голос, однако, у меня», — подумал он.

— Чаю нет! — крикнул Медвежонок. — Самовар прохудился!

— Как прохудился?! Я только на той неделе подарил тебе новый самовар!

— Ничего ты мне не дарил! Это Ослик подарил мне самовар!

— А я кто же?

— Волк!

— Я?! Что ты! Я люблю тр-р-равку!

— Травку? — высунулся из-за печки Медвежонок.

— Не волк я! — сказал Ослик. И вдруг нечаянно лязгнул зубами.

Он схватился за голову и... не нашёл своих длинных пушистых ушей. Вместо них торчали какие-то жесткие короткие уши...

Он посмотрел на пол — и обомлел: с табуретки свешивались когтистые волчьи лапы...

— Не волк я! — повторил Ослик, щёлкнув зубами.

— Рассказывай! — сказал Медвежонок, вылезая из-за печки. В лапах у него было полено, а на голове — горшок из-под топлёного масла.

— Что это ты надумал?! — хотел крикнуть Ослик, но только хрипло зарычал: «Prrrr!!!»

Медвежонок стукнул его поленом и схватил кочергу.

— Будешь притворяться моим другом Осликом? — кричал он. — Будешь?!

— Честное слово, не волк я, — бормотал Ослик, отступая за печку. — Я люблю травку!

— Что?! Травку?! Таких волков не бывает! — кричал Медвежонок, распахнул печку и выхватил из огня горящую головню.

Тут Ослик проснулся...

Кто-то стучал в дверь, да так сильно, что прыгал крючок.

- Кто там? — тоненько спросил Ослик.
- Это я! — крикнул из-за двери Медвежонок. — Ты что там, спишь?
- Да, — сказал Ослик, отпирая. — Я смотрел сон.
- Ну?! — сказал Медвежонок, усаживаясь на табуретку. — Интересный?
- Страшный! Я был волком, а ты меня лупил ко-чергой...
- Да ты бы мне сказал, что ты — Ослик!
- Я говорил, — вздохнул Ослик, — а ты всё равно не верил. Я говорил, что если я даже кажусь тебе волком, то всё равно я люблю щипать травку!
- Ну и что?
- Не поверил...
- В следующий раз, — сказал Медвежонок, — ты мне скажи во сне: «Медвежонок, а по-омнишь, мы с тобой говорили?..» И я тебе поверю.

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ СПАСЛИ ВОЛКА

К старости у Волка стали отрастать уши. Каждый вечер он брал ножницы, садился на берегу пруда и потихонечку постригал их.

— А то неудобно, — бормотал Волк, — вырастут как у Осла.

Была осень, стояли солнечные деньки, летели листья. Всё кругом, казалось, было из золота: столько насыпало этих свежих, шуршащих «кленовых лапок» — так Волк про себя называл листья клёна.

Волк вышел к синему-синему пруду в золотых берегах, достал ножницы и посмотрел в воду.

Из воды на Волка глянул хмурый седой Волк с пучками меха в ушах и странно торчащими, как у лошади, ушами.

«Вот если сегодня не постригу, — подумал Волк, — завтра будут как у Осла».

Он сел на камень, свесил нижние лапы и склонил голову набок.

Очень печальная это была картина — серый Волк на замшелом камне в синем пруду.

— Что ж, — вздохнул Волк, — начнём, пожалуй! — И отхватил кусочек от левого уха. Зажмурился, посидел

немного с закрытыми глазами, снова глянул в воду и отстриг кусочек правого.

— Отдохну, — вслух подумал Волк и поглядел на небо.

По синему осеннему небу на белом облаке ехал Медвежонок и пел уже всем известную песню про облака.

— А-аблака-а... — вопил Медвежонок, — белогривые лошадки!..

«Хорошо ему, — подумал Волк, — уши у него не растут, стыдиться нечего, сейчас приедет на облаке к другу своему, Ежу, сядут, чай из самовара пить будут. Эх!..»

— А-аблака-а, что вы мчитесь без оглядки? — не смолкал Медведь в небе.

Не глядите вы, пожалуйста, свысока,

А по небу прокатите нас, облака, —

аккуратно так, почти про себя, спел Волк, но не успел вымолвить последнее слово, как камень, на котором он сидел, вдруг выдернулся из земли и — поплыл ввысь.

— О-о-о-о-о! — завыл Волк.

Но тут в замшелом боку у камня открылся иллюминатор — и выглянул первый марсианин.

— Сиди тихо, — сказал он. — Всё о'кей!

И иллюминатор захлопнулся, и даже следа от него не осталось, а со стороны это выглядело так: старый Волк на тяжёлом замшелом камне молча ехал по небу.

— Ты куда? — спросил у него Медвежонок.

Волк молчал.

— Ты на чём едешь? — крикнул Медвежонок.

Волк молча показал лапой на камень и посмотрел на Медвежонка печальными глазами.

— Волченька, — сказал Медвежонок, — мы же теперь друзья. Садись ко мне! Это же нехорошо — ехать по небу на камне.

Но тут в замшелом боку открылся другой иллюминатор, и второй марсианин сказал Медвежонку:

— Отвали!

— Что? — не понял Медвежонок.

— Стины! — сказал марсианин.

И Медвежонок — испарился.

А Волк летел в бесконечное синее пространство, строго сидя на камне с каменной мордой и выпученными глазами.

У Ёжика как раз вскипел самовар, когда прямо на поляну перед его домом с неба шмякнулся Медвежонок.

Некоторое время он лежал плашмя, потом повернул голову и сказал:

— Вот слушай: Волк улетел на камне!

— Мишенька! — закричал Ёжик. — Ты живой?

— Живой, живой, — сказал Медвежонок. — Волк улетел на камне, слышишь?

Ёжик подбежал к Медвежонку, ощупал его, потрогал голову.

— А в боках — дверцы! — захлебываясь, говорил Медвежонок. — А в них — человечки такие, как картошка в мае, — в отросточках!

— Где дверцы? — спросил Ёжик.

— В камне. Волк летел — печальный такой. — Медвежонок всхлипнул.

Ёжик погладил его по голове.

— И молчал... — задумчиво сказал Медвежонок. — А этот дверь открыл и говорит...

— Ты подумай, что ты говоришь! — сказал Ёжик. — Какую дверь?

— Да вот такую!!! — завопил Медвежонок и так стукнул лапой по траве, что... земля треснула, и половина всей земли стала медленно отъезжать, и между Ёжиком и Медвежонком образовалась... пропасть.

— А-а-а!.. — закричал Ёжик.

Медвежонок прыгнул к Ёжику, они обхватили друг друга и так несколько мгновений стояли, трясаясь. А вторая половина земли, убегая всё дальше и дальше, отъезжала с тяжким кряхтением, как, лопнув, разваливается перезрелый арбуз.

Ёжик метнулся к дому, выскочил с верёвкой, накинул петлю на сучок отъезжающего дуба, обежал свой дуб у крыльца и стал изо всех сил тянуть, соединять землю.

Медвежонок бросился помогать, и они вдвоём еле-еле стянули две половинки земли и завязали верёвку крепким узлом.

Все деревья по сторонам убегавшей трещины были связаны верёвками, когда Ёжик с Медвежонком возвращались к дому и Ёжик говорил:

— Теперь я верю. Если земля разваливается, он вполне мог улететь на камне.

— Надо спасать Волка, — сказал Медвежонок.

И они подошли к дубу возле Ёжикиного крыльца.

Волк летел на камне в вечеряющем небе, марсиане открыли иллюминаторы, и камень светился, как звезда.

«Куда я лечу? — тоскливо думал Волк. — Сперва стали отрастать уши, потом...»

— Эй! Как себя чувствуем? — крикнул первый марсианин. — О'кей?

— Кей, кей, — сказал Волк. — Куда вы меня везёте?

— Не твоя забота, — вылез второй марсианин. — Приедешь — поглядишь.

— Да зачем я вам нужен, старый такой? — спросил Волк.

— Старость не радость, хе-хе-хе! — захихикали марсиане.

Но тут в небесах появился тяжело гудящий дуб. Это был старый Ёжикин дуб у крыльца, с мощной кроной, только корни его языками пламени били по синеве.

В дубу, в хорошем крепком дупле, сидели Ёжик с Медвежонком.

— Эй, вы! — закричал Ёжик. — Эй, вы, картофелины, отдавайте зверя!

— Сгины! — высунувшись, крикнул марсианин, но дуб защитил друзей крепкими ветвями, и злое слово пролетело мимо.

— Волченька, лезь к нам! — крикнул Медвежонок.

Седой Волк на старом камне, как памятник, улетал в небеса.

— Волченька, прыгай! — крикнул Ёжик.

Тогда Волк покосился на нечистую силу, беззвучно пошамкал губами и — сиганул в самые ветви.

— Домой! — крикнул Ёжик, подхватив Волка, и дуб повернул к земле.

Камень с погашенными огнями понёсся следом.

Уж как он свистел, как хохотали марсиане — передать трудно.

Волк, не шевелясь, с выпученными глазами, сидел в дупле, Ёжик гладил его по голове лапой, а Медвежонок швырял в тёмный камень желудями и приговаривал:

— Вот вам, картошки! Вот вам за Волченьку! Запомните нас!

Один жёлудь попал марсианину в ухо, марсианин ойкнул, пропал в своём иллюминаторе, и подбитый камень со свистом пронёсся мимо и упал в пруд на прежнее место.

А Ёжик, Волк и Медвежонок сделали на своём дубу круг над прудом и полетели восвояси.

Дуб, пламенными корнями вниз, садился на своё место. Он весь дрожал, тряся и гудел, как сто колоколов, пока окончательно не влез в землю.

Друзья спустились по лесенке.

— Спасибо, дуб! — поклонился до земли Ёжик.

— Спасибо за Волченьку, — сказал Медвежонок.

— Не за что, — прохрипел дуб. И уставился в небо.

— Где же ты был, Волк? — спросил Ёжик, когда они тут же, под дубом, сели за стол и разлили по кружкам чай из самовара. — Тебя целых три дня не было!

Тут Волк заплакал.

— У меня стали отрастать уши, — всхлипывая, сказал он. — Мне было стыдно приходить к вам с ослиными ушами.

— Эх ты! — сказал Медвежонок. — Мы же твои друзья. Какая разница, какие у тебя уши.

КАК СЛОН ХОДИЛ В ГОСТИ К ЁЖИКУ

Однажды из городского зоопарка убежал Слон.

Это такая обычная история, что мне было бы даже лень её рассказывать, если б Слон убежал днём и пошёл по улицам, мешая автобусам, троллейбусам, заходя в магазины и удивляя прохожих. Конечно же, тут за ним увязалась бы толпа мальчишек: мальчишки бы свистели, улюлюкали, а один из них даже пошёл бы перед Слоном, как будто он и есть самый главный...

Но Слон ушёл из зоопарка ночью, быстро пересёк город, перебежал картофельное поле и скрылся в лесу. Его видел только один ночной сторож возле булочной, да и тому показалось, что Слон ему приснился.

Вбежав в лес, Слон отдышался и пошёл медленнее. Вот тут-то и начинается самое интересное.

...Ёжик сидел на пенёчке посреди полянки и при свете звёзд строгал палочку для грибов. Медвежонок спал. Ослик щипал травку.

И вдруг появился Слон.

— Здравствуйте! — протрубил он.

— Добрый вечер! — сказал Ёжик и так задрал голову, что чуть не свалился с пенька.

Ослик поклонился и прижал уши.

Медвежонок во сне перевернулся на другой бок.

— Здравствуйте! — снова затрубил Слон. — Я только что убежал из зоопарка!

— Мы очень рады, — сказал Ослик и лягнул копытцем Медвежонка.

Медвежонок вскочил, увидел Слона и тут же сел на травку...

— Кто ты? — спросил он спросонок.

— Слон.

— А почему меня разбудил?

— Я тебя не будил. Я убежал из зоопарка.

— А что мы будем делать?

— Веселиться!

— Как? — спросил Ослик.

— Я хочу вас покатасть, — сказал Слон и встал на колени.

— Будьте добры, подвиньтесь, пожалуйста, поближе к пеньку! — попросил Ёжик.

Слон пододвинулся к пеньку, и Ёжик первый вскарабкался на него, а за ним — Ослик и Медвежонок.

В лапе у Ёжика была палочка для грибов, он сидел ближе всех к голове Слона и поэтому стал главным.

— Слушать меня! — сказал Ёжик Слону. — Сейчас поехали прямо!

И они поехали прямо через лес, напевая весёлую песенку:

Не на осле,

Не на коне —

Мы едем прямо на Слоне!

Ослик был запевалою, Медвежонок отбивал задними лапами такт, а Слон трубил:

— Туруру-ру!

Ёжик дирижировал, помахивая палочкой, и так они выехали к реке.

Над рекой стоял белый туман, и Слон весь утонул в тумане и ничего не видел. А Ёжик командовал:

— А теперь — немного левее!.. А теперь — вправо!

Ослик с Медвежонок пели песню и барабанили по Слоно лапами и копытами.

— Туруру-ру! — трубил из тумана Слон.

И скоро проснулся весь лес.

Вылез из своего логова и завыл Волк, заухал Филин, заквакали лягушки.

— Кто это нам подпевает? — спросил Слон.

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, — сказал Ёжик, — а то мы налетим на дерево!..

Они уже давно мчались во весь дух, так что только ёлки и сосны мелькали со всех сторон. Слона совсем не было видно, и казалось, что Ёжик, Ослик и Медвежонок сами летят по туману.

— Жаль, что нас никто не видит! — шепнул Ослик Медвежонку.

— Да!.. — вздохнул Медвежонок.

И они снова подхватили песню.

Не на осле,

Не на коне, —

запевал Ослик.

Мы мчимся прямо на Слона! —

подхватывал Медвежонок.

— Туру-ру! — глухо доносилось откуда-то снизу.

И так они веселились до самого утра.

Когда взошло солнце, Слон лёг спать возле Ёжикиного дома, и здесь-то его и нашли служители зоопарка.

— Эка умаялся! — сказал один.

— Небось целую ночь бегал! — заметил второй.

— Слон, он простор любит, — сказал первый.

И они надели на ноги Слону цепи и повели его в город.

КАК ЁЖИК ХОДИЛ ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ

Весенними вечерами все в лесу танцуют: Заяц — с Белкой, Дятел — с Синицей, Медвежонок — с Осликом, и даже старый Волк ходит вокруг старого пня и нет-нет — присядет под музыку...

«Кря! Кря!» — кричат утки с реки.

«Ква! Ква!» — вторят им лягушки.

«Уф-ф!» — вздыхает Филин. Он так не любит светлых весенних вечеров...

«Вот все веселятся, — думает Ёжик, гуляя по тропинке между двух ёлочек. — Все пляшут и поют. А потом устанут и лягут спать. А я не лягу спать! Я буду гулять до самого утра, а когда ночь станет кончаться, пойду на горку и встречу рассвет...»

И луна уже блестит на небе, и звёзды садятся вокруг неё кружком,

и засыпает Заяц,

прячется в дупле Белка,

уходит к себе домой Медвежонок,

бежит мимо Ёжика Ослик,

Волк зевает во всю свою волчью пасть да так и засыпает с разинутой пастью,

а Ёжик все ходит по тропинке от ёлочки к ёлочке, между двух сосен, и ждёт рассвета.

«Пойду-ка я на горку!» — говорит он сам себе. И по дороге придумывает, какой он может быть — весенний рассвет.

«Зелёный, — думает Ёжик. — Всё весной — зелёное!»

А на горке дует свежий ветерок, и Ёжику холодно. Но он всё равно ходит взад и вперёд по самой верхушке и ждёт рассвета.

— Ну же! — бормочет Ёжик. — Где же ты? Мне уже холодно!..

А рассвета всё нет.

«Где это он задерживается? — думает Ёжик. — Он, наверно, проспал!»

И сам ложится на землю, свёртывается клубочком и тоже решает немного поспать, а потом сразу проснуться — когда придёт рассвет.

И засыпает...

А рассвет приходит синий-синий, в белых клочьях тумана. Он дует на Ёжика, и Ёжик шевелит иголками.

— Спит... — шепчет рассвет.

И начинает улыбаться.

И чем шире он улыбается, тем светлее становится вокруг.

И когда Ёжик открывает глаза, он видит солнышко. Оно плывёт по уши в тумане и кивает ему.

КАК МЕДВЕЖОНОК ПЕРЕХИТРИЛ ВРЕМЯ

В восемь часов утра собрались на лесной опушке Ослик, Ёжик, Медвежонок, Белка, Заяц и Лиса, чтобы пойти в восемь часов вечера в гости к Слону.

— Но восемь часов вечера ещё далеко! — сказал Заяц. — Что же мы будем делать двенадцать часов?

— А очень просто! — сказал Медвежонок. — Нас — шестеро. Значит, всем сейчас надо разойтись и каждому в отдельности просидеть два часа. А когда мы снова соберёмся, получится, как будто мы вместе просидели двенадцать!

И все разошлись в разные стороны.

Ёжик пришёл к себе домой, сел за стол и стал смотреть на часы-ходики. «Тик-так, тик-так», — роняли часы. А Ёжик подбирал минутки и, считая, складывал их перед собой на столе.

Ослик отправился к реке. Он вошёл в воду по колени и стал ловить губами солнечных зайцев. «В двух часах — сто двадцать минуток, — думал Ослик. — Когда я поймаю сто двадцать солнечных зайцев, как раз надо будет возвращаться на опушку!»

Белка вскарабкалась на верхушку сосны и спросила у Щегла:

— Ты знаешь, когда будет «через два часа»?

— Конечно!

— Тогда постучи ко мне в это время. — И Белка юркнула в дупло.

Заяц принялся бегать вокруг леса. Обежит круг и заглянет на опушку: не собрались ли?..

Лиса вышла на пригорок и села так, как будто она сидит по отдельности и одновременно — чтобы ей была видна опушка.

А Медвежонок никуда не пошёл. Он просто лег спать у пенька, подумав: «Соберутся — разбудят!»

Первым на опушку пришёл Ослик со ста двадцатью солнечными зайцами в корзине. За ним — Ёжик с мешочком минуток через плечо. Щегол разбудил Белку — и она спустилась с сосны. Прибежал Заяц. Важно подошла Лиса.

И все стали будить Медвежонка.

— Пора! Вставай! Уже прошло двенадцать часов! Надо идти в гости к Слону! — кричали все разом, со всех сторон тормоша Медвежонка.

— А!.. Уже собрались? — сказал он, просыпаясь. — Ну, тогда идёте к Слону! Только пусть никто не отстаёт, а то он скажет, что мы пришли раньше времени...

- Я очень люблю осенние пасмурные дни, — сказал Ёжик. — Солнышко тускло светит и так туманно-туманно...

— Спокойно, — сказал Медвежонок.

— Ага. Будто всё остановилось и стоит.

— Где? — спросил Медвежонок.

— Нет, вообще. Стоит и не двигается.

— Кто?

— Ну как ты не понимаешь? Никто.

— Никто стоит и не двигается?

— Ага. Никто не двигается.

— А комары? Вон как летают! Пи-и!.. Пи-и!.. — И Медвежонок замахал лапами, показал, как летит комар.

— Комары только ещё больше, — тут Ёжик остановился, чтобы подыскать слово, — оттеняют неподвижность, — наконец сказал он.

Медвежонок сел.

— Как это?

Они лежали на травке у обрыва над рекой и грелись на тусклом осеннем солнышке. За рекой, полыхая осинами, темнел лес.

— Ну вот смотри! — Ёжик встал и побежал. — Видишь?

— Что?

— Как неподвижен лес.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Я вижу, как ты бежишь.

— Ты не на меня смотри, на лес! — И Ёжик побежал снова. — Ну?

— Значит, мне на тебя не смотреть?

— Не смотри.

— Хорошо, — сказал Медвежонок и отвернулся.

— Да зачем ты совсем-то отвернулся?

— Ты же сам сказал, чтобы я на тебя не смотрел.

— Нет, ты смотри, только на меня и на лес одновременно, понял? Я побегу, а он будет стоять. Я оттеню его неподвижность.

— Хорошо, — сказал Медвежонок. — Давай попробуем. — И уставился на Ёжика во все глаза. — Беги!

Ёжик побежал.

— Быстрее! — сказал Медвежонок.

Ёжик побежал быстрее.

— Стой! — крикнул Медвежонок. — Давай начнём сначала.

— Почему?

— Да я никак не могу посмотреть на тебя и на лес одновременно: ты так смешно бежишь, Ёжик!

— А ты смотри на меня и на лес, понимаешь? Я — бегу, лес — стоит. Я оттеняю его неподвижность.

— А ты не можешь бежать большими прыжками?

— Зачем?

— Попробуй.

— Что я — кенгуру?

— Да нет, но ты — ножками, ножками, и я не могу оторваться.

— Это не важно, как я бегу, понял? Важно то, что я бегу, а он — стоит.

— Хорошо, — сказал Медвежонок. — Беги!

Ёжик побежал снова.

— Ну?

— Такими маленькими шажками не оттенишь, — сказал Медвежонок. — Тут надо прыгать вот так! — И он прыгнул как настоящий кенгуру.

— Стой! — крикнул Ёжик. — Слушай!

Медвежонок замер.

— Слышишь, как тихо?

— Слышу.

— А если я крикну, то я криком оттеню тишину.

— А-а-а!.. — закричал Медвежонок.

— Теперь понял?

— Ага! Надо кричать и кувыркаться! А-а-а! — снова завопил Медвежонок и перекувырнулся через голову.

— Нет! — крикнул Ёжик. — Надо бежать и подпрыгивать. Вот! — И заскакал по поляне.

— Нет! — крикнул Медвежонок. — Надо бежать, падать, вскакивать и лететь.

— Как это? — Ёжик остановился.

— А вот так! — И Медвежонок сиганул с обрыва.

— И я! — крикнул Ёжик и покатился с обрыва вслед за Медвежоном.

— Ля-ля-ля! — завопил Медвежонок, вскарабкиваясь обратно.

— У-лю-лю! — по-птичьему заверещал Ёжик.

— Ай-яй-яй! — во всё горло закричал Медвежонок и прыгнул с обрыва снова.

Так до самого вечера они бегали, прыгали, сигали с обрыва и орали во всё горло, оттеняя неподвижность и тишину осеннего леса.

КТО-ТО

— Ёжик! Медвежонок! Вы меня слышите?

Заяц стоял на холме, глядел на реку, на весёлый весенний лес, и нежный ветерок трепал ему уши.

— Молчат, — сказал сам себе Заяц и закричал ещё громче: — Ёжи-и-ик! Медвежо-о-о-нок!

— Ну, чего кричишь? — спросил Кто-то.

Заяц оглянулся: никого не было.

— Нечего кричать, — сказал Кто-то. — Всё равно не услышат.

— А ты — кто? — спросил Заяц. — И где ты есть, если тебя не видно?

Кто-то прошёлся туда-сюда (Заяц слышал, как шелестит трава) и остановился перед Зайцем.

— Вот что, — сказал Кто-то и уставился на Зайца невидимыми глазами. — Медвежонок теперь спит, поел и отдыхает, а Ёжик идёт к нему с песней.

— Что поёт? — спросил Заяц.

— Без слов.

— А ты откуда знаешь?

— Я всё знаю.

— А зачем я их звал?

— От радости. Солнцу обрадовался и кричишь.

— Верно, — сказал Заяц. — Уж больно хорошо! А что я им хотел сказать?

— Весна!

— Точно! А ещё?

— Давайте попрыгаем!

— А ещё?

— А больше — всё! Что ты ещё можешь сказать, если ветер в башке?

«Опять верно, — подумал Заяц. — Больше я ничего и не хотел».

Но Зайцу захотелось поговорить с кем-то, кого не видно, как-то по-другому, чтобы Кто-то как-нибудь сказал, кто он.

— А давай побегаем! — сказал Заяц.

— Со мной неинтересно.

— Почему?

— Я — везде. Куда ни прибежишь, а я — тут.

— Не верю! — сказал Заяц.

— Беги!

И Заяц помчался с холма, прижав уши, и, долетев до реки, так прыгнул в сторону, что любой, будь то сама Лиса или даже Волк, не удержался бы и бухнулся в воду, а Заяц залетел в ельничек, скатился в овраг и, спрятавшись под вывороченную сосну, прошептал: «Где ты?»

— Да здесь я, не дрожи, — нехотя сказал Кто-то, и Заяц остолбенел.

— Кто ты? — тоненько заплакал Заяц. Его бил озноб. — Покажись!

— Не могу, — сказал Кто-то. — Не умею.

— Тебя заколдовали? — Зайцу сделалось так страшно, что он перестал дрожать.

— Заколдовывают в сказках.

— А мы — где?

Кто-то немного помолчал, потом заиграл на балалайке.

— Это — что? — спросил Заяц.

— Балалайка.

Балалайка тихонько тренькала, на лес надвинулись сумерки, а Заяц сидел под вывороченной сосной, обхватив голову лапами, и, раскачиваясь из стороны в сторону, мычал, будто у него болел зуб.

— Ничего, — успокаивал его Кто-то. — Это пройдет. Ты только пойми, что есть Кто-то, кого никогда не видно.

КТО ЭТО ВСЁ ПРИДУМАЛ?

И опять ушёл золотой солнечный день. И опять Медвежонок пришёл к Ёжику, потому что последнее время собирались у Ёжика. И опять Медвежонок ждало плетёное кресло рядом с плетёным креслицем, в котором уже сидел Ёжик.

Медвежонок поднялся по ступенькам, поглядел на Ёжика и молча кивнул.

— Садись, — сказал Ёжик. — А я уж думаю — когда ты придёшь?

Медвежонок сел.

Наступали самые замечательные осенние сумерки.

За маленькой сосной, за худенькой берёзой, на которой вдруг оказалось вдвое меньше ветвей, синела гора.

Медвежонок поудобнее устроился в кресле и стал глядеть на гору, на небо, на слабо шевелящиеся под ветерком хрупкие ветки берёзы.

Было так хорошо, так спокойно, и небо было такое далёкое, что казалось, навсегда уже на нём застыли облака.

— Кажется, они уже никуда не уплывут, да, Ёжик? Ёжик кивнул.

— Кажется, и завтра, и послезавтра вот так же будут стоять и стоять на том же месте.

Ёжик снова кивнул.

— А хорошо бы, чтоб один раз всё было, а потом уже не менялось, — сказал Медвежонок.

— Так не бывает.

— А почему?

— Ты бы соскучился.

— Я? Да никогда! — сказал Медвежонок.

«Ой-ёй-ёй, как же красиво! — не отрывая взгляда от горы, думал Ёжик. — Кто же придумал эту всю красоту?»

— Как ты думаешь? — спросил он у Медвежонка.

— О чём?

— Кто это всё придумал?

— Вот это? — Медвежонок повёл лапой. — А правда, с моего крыльца красивее, чем с твоего?

— Ага. — Ёжик, не отрываясь, глядел на гору.

— С твоего крыльца и гора меньше, и деревья не те. А хочешь, перетащим твой дом ко мне?

— Как? — думая о своём, сказал Ёжик.

«Кто же это всё придумал? — доискивался он. — Кто? Как? Когда? Почему я гляжу и гляжу и всё не могу наглядеться?»

— Как? Да очень просто! — сказал Медвежонок. — Разберём твой дом по брёвнышку и на санках перевезём ко мне. Там сложим и будем жить рядом.

— На санках? — сказал Ёжик, про себя думая: «Кто же этот невидимый, необыкновенный, кто так постарался, что вышла такая красота?»

— Почему обязательно на санках? Можно и сейчас, — сказал Медвежонок. — Правда, на тележке возить будет тяжело, но...

— А ты как думаешь? — спросил Ёжик.

— Я думаю, что зимой всё-таки лучше, — сказал Медвежонок. — Во-первых, санки просторнее, а во-вторых, сейчас листьев много, скользко.

— Я не о том. Как ты думаешь, кто это всё придумал?

— А-а... Ты вон о чём... А я — по брёвнышку, на тележке!.. — передразнил самого себя Медвежонок. — Не знаю, — сказал он. — Я, сколько ни думал, так и не смог понять.

Сумерки сгустились. И гора была уже почти не видна. Поднялся ветер. И где-то далеко-далеко за рекой еле слышно лаяла собака.

— Не слышишь, чего она говорит? — спросил Медвежонок.

— Она боится ночи и лает, — сказал Ёжик.

КУКУНЯ

Капает и капает, и туман, — разве это погода?

— Нет, — сказал Кукуня, новый знакомец Ёжика и Медвежонка.

— А ты сам откуда? — спросил Ёжик.

— Я — здешний. Мама у меня куница, от неё — хитрость.

— А папа? — спросил Медвежонок.

— Папа — бобр. Всё плотины строил.

— Значит, ты — хитрый? — спросил Ёжик.

— Смышлёный, — сказал Кукуня. — Я — смышлёный, трудолюбивый, люблю поспать, поесть, поплотничать, повеселиться...

— И плавать любишь? — спросил Ёжик.

— И плавать.

— А кувыркаться?

— Нет, — сказал Кукуня. — Кувыркаться не люблю. У меня от этого голова болит.

Они сидели посреди туманного леса в беседке, которую построил Кукуня.

Накрапывал дождь, пахло землёй и листьями.

— А что ты ещё любишь? — спросил Медвежонок.

— Черёмуху.

— А ещё?

Кукуня задумался. Он был небольшой зверёк с маленькой головой и мохнатыми лапами. Больше всего он походил на собаку таксу, если бы она надела пушистые валенки.

— А ты откуда пришёл? — спросил Ёжик.

— Из-за реки.

— А зачем построил вот эту?.. — Медвежонок не знал, как назвать беседку.

— Не знаю. Где-то видел, — сказал Кукуня. — Дождь не мочит, а стен нет.

— А если ветер?

— В дом уйду.

— А где дом?

— Построю.

— Ты к нам надолго? — Медвежонок обошёл Кукуню и даже потрогал его лапой.

— А что?

— Интересно, — сказал Ёжик.

— Посмотрю, — сказал Кукуня. — Понравится — останусь, не понравится — уйду.

— А куда? — спросил Медвежонок.

— Мало ли! Захочу — вернусь к себе за реку, захочу — пойду дальше.

— А куда? — спросил Ёжик.

— Пойду к белым медведям, к песцам. Меня северные олени любят.

— А ты и на севере был?

— Был.

— И на юге?

— Везде. Я даже на Ките плавал.

— Врёшь! — сказал Медвежонок.

— Я старый, — сказал Кукуня. — Годы мои большие. Чего мне врать?

— А сколько же ты живёшь? — спросил Ёжик.

— Лет триста, — сказал Кукуня. — А может, пятьсот. Не помню.

— Мою бабушку помнишь?

— А как же! Славная была Ежиха.

— А моего дедушку?

— Печальный был Медведь, — сказал Кукуня. — Всё на скрипке играл.

— Правильно! — крикнул Медвежонок. — У меня и скрипка в шкафу осталась.

— Бери, говорит, Кукуня, свою скрипку. Сыграем!

— Это кто говорит?

— Это — твой дед. Мне.

— А ты и на скрипке можешь?

— А мне — что топором, что на скрипке.

И Медвежонок уточкой полетел домой и вернулся со скрипкой.

Пока он бегал, Ёжик ни о чём не спрашивал, а только глядел на Кукуню во все глаза.

— Ну-ка давай скрипку!

Кукуня потрогал струны, взмахнул смычком — скрипка запела.

Кукуня играл по-деревенски — просто и от души.

Скрипка то плакала, то хохотала. И Медвежонок с Ёжиком то сидели, насупившись, то пускались в пляс.

— Нет, лапа не та, — вздохнул Кукуня, опуская смычок. — Эх, бывало, сядем с дедом твоим на два пенька да как грянем, как потащит, потащит он вверх, а я — кругами хожу. Волки плакали.

— Куда потащит? — спросил Ёжик.

— Кого?

— Ну, туда... Душу.

И Кукуня снова взял скрипку и заиграл так, что Ёжик с Медвежонком заплакали.

— Хороший у тебя дед был, — сказал Кукуня. — Редкий Медведь, жаль только, моя скрипка сгорела.

— Бери, — сказал Медвежонок. — Бери дедушкину!

— И никуда не уезжай, — сказал Ёжик.

Кукуня зажмурился, посидел так с закрытыми глазами, взял скрипку — и накрапывающий дождь, и лес, и туман — всё смешалось с запахом земли и листьев, и беседка, построенная Кукуней, вместе с друзьями уточкой поплыла над землёй.

КИТ

Однажды Зайцу показалось, что деревья — водоросли, небо — вода, а сам он — рыба.

И Заяц поплыл.

Заяц плыл, перебирая лапами, подгребая ушами и хвостом.

— Что это ты делаешь, Заяц? — спросила Белка.

— Плыву.

И Белка поплыла рядом.

— Что это вы делаете? — спросил Хомячок.

— Не видишь? Плывём!

И Хомячок, бочком, бочком, поплыл следом.

Потом стал большой рыбой Медвежонок. Он сразу догадался, что все — рыбы, и ничего не спросил.

Медвежонок плыл, зажмурившись, поэтому всё время натёкался то на Белку, то на Хомячка.

— Не толкайся, — шепнула Белка. — Смотри, сколько воды!

— Ты почему шепчешь? — тоже шёпотом спросил Медвежонок.

— А где ты слышал, чтобы рыбы громко разговаривали?

Ёжик сидел на крыльце и пил чай.

Ёжик сразу сообразил, что к нему плывут рыбы, и сбегал за удочкой.

Первым поймался на морковку Заяц. Он схватил морковку двумя лапами и выскочил на крыльцо.

Белка поймалась на гриб.

Хомячок — на капустный листик.

А для Медвежонка пришлось привязать к леске горшочек с мёдом.

Медвежонок долго не ловился.

Но в конце концов поймался и Медвежонок.

— Здорово! — сказала Белка, когда сели на крыльце пить чай. — Так мы ещё никогда не играли!

— Ещё бы! — сказал Медвежонок. — Ведь никто из вас так и не догадался, что я был стареньким подслеповатым китом.

**КОГДА ТЫ ПРЯЧЕШЬ СОЛНЦЕ,
МНЕ ГРУСТНО**

Над горой туман и розовато-оранжевые отсветы.

Весь день лил дождь, потом перестал, выглянуло солнце, зашло за гору, и вот теперь была такая гора.

Было очень красиво, так красиво, что Ёжик с Медвежонком просто глядели и ничего не говорили друг другу.

А гора всё время менялась: оранжевое переместилось влево, розовое — вправо, а голубое стало сизосиним и осталось вверху.

Ёжик с Медвежонком давно любили эту игру: закрывать глаза, а когда откроешь — всё по-другому.

— Открывай скорей, — шепнул Ёжик. — Очень здорово!

Теперь оранжевое растеклось узкой каймой по всей горе, а розовое и голубое пропало.

Туман был там, выше, а сама гора была будто опоясана оранжевой лентой.

Они снова закрыли глаза — и когда через мгновение открыли, вновь всё изменилось.

Оранжевое вспыхивало кое-где слева и справа, розовое вдруг появилось справа, розово-голубое исчезло, и гора вся стала такой тёмной, торжественной, что от неё просто нельзя было отвести глаз. Ёжик с Медвежонком снова закрыли и открыли глаза: гора была покойной, туманной, с лёгким розоватым отсветом справа, но они не успели снова закрыть глаза, как этот отсвет пропал.

Туманная, очень красивая гора глядела на Ёжика с Медвежонком.

И вдруг, или это Ёжику с Медвежонком показалось, кто-то заговорил:

— Вам нравится на меня смотреть?

— Да, — сказал Ёжик.

— А кто? Кто говорит? — шёпотом спросил Медвежонок.

— Я красивая?

— Да, — сказал Ёжик.

— А когда я вам больше нравлюсь — утром или вечером?

Тут и Медвежонок понял, что это говорит гора.

— Мне — утром, — сказал Медвежонок.

— А почему?

— Тогда впереди целый день и...

— А тебе, Ёжик?

— Когда ты прячешь солнце, мне грустно, — сказал Ёжик. — Но я больше люблю смотреть на тебя вечером.

— А почему?

— Когда смотришь вечером, как будто стоишь там, на вершине, и далеко-далеко видно.

— Что же ты видел сегодня, Ёжик? — спросила гора.

— Сегодня так пряталось солнце, а кто-то так не давал ему уйти, что я ни о чём не думал, я только смотрел.

— А я... Мы... То откроем глаза, то закроем. Мы так играем, — сказал Медвежонок.

Быстро сгущались сумерки.

И когда почти совсем стемнело, иссиня-зелёное небо вдруг оторвалось от горы, а вся она стала резко видна, чернея на бледно-голубой полосе, отделяющей её от тёмного неба.

ЛЕСНАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Ах, какая это была мягкая, тёплая оттепель!.. Кружились снежинки, и в лесу пахло весной. Ёжик сидел на крылечке своего домика, нюхал воздух и улыбался.

«Не может быть, — думал он, — что ещё вчера в лесу трещали деревья и сердитый Дед Мороз скрипел под окнами своими большими валенками, а сегодня его совсем нет! Где же он?»

И Ёжик стал прикидывать, куда мог спрятаться Дед Мороз.

«Если он влез на сосну, — рассуждал Ёжик, — то где-то под сосной стоят его большие валенки. Ведь даже Медвежонок не может влезть в валенках на сосну!

Если он залез под лёд, — продолжал размышлять Ёжик, — то где-то на реке обязательно должна быть дырка, и из неё должен идти пар. Потому что Дед Мороз сидит в валенках на дне и дышит.

А если он совсем ушёл из леса, я обязательно увижу его следы!»

И Ёжик надел лыжи и побежал между деревьями. Но ни под одним деревом не было валенок, на реке он не увидел ни одной дырки и нигде не нашёл никаких следов.

— Дед Мороз! — крикнул Ёжик. — Отзови-и-ись!..

Но было тихо. Только снежинки кружились вокруг и где-то далеко-далеко стучал Дятел.

Ёжик остановился, прикрыл глаза и представил себе красивого Дятла с красными пёрышками и длинным носом. Дятел сидел на верхушке сосны и время от времени откидывал голову назад, прищуривался и, будто рассердившись, стучал носом: «Тук!» Брызгала сосновая кора и, мягко шурша, осыпалась в снег...

«Наверное, Дятел знает, где Дед Мороз, — подумал Ёжик. — Он сидит высоко, и ему всё видно».

И он побежал к Дятлу.

— Дятел! — ещё издали закричал Ёжик. — Ты не видел Деда Мороза?

— Тук-тук! — сказал Дятел. — Он ушёл!

— А где его следы?

Дятел свесил к Ёжику нос, прищурившись посмотрел на него и сказал:

— А он ушёл без следов!

— Как же? — удивился Ёжик.

— А очень просто! Приплыло облако и опустилось низко-низко. Дед Мороз забросил сначала на него валенки, потом влез сам и уплыл...

— Куда? — спросил Ёжик.

— На Кудыкину гору. Тук-тук! — сказал Дятел.

И Ёжик, успокоенный, пошёл домой и по дороге представил себе заснеженную Кудыкину гору, по которой ходит, наверное, сейчас Дед Мороз и скрипит своими большими валенками.

ЛУННАЯ ДОРОЖКА

Дни стояли солнечные, лёгкие, а ночи звёздные, лунные.

Вечером Ёжик с Медвежонком пригласили Зайца погулять по лунной дорожке.

— А не провалимся? — спросил Заяц.

— Луноходы, — сказал Медвежонок и протянул Заяцу две дощечки. — В таких можно и здесь, и по луне.

Заяц поднял голову, поглядел на луну, она была большая, круглая, потом — на Ёжика с Медвежонком.

— А верёвки зачем?

— Чтобы к лапам, — сказал Ёжик.

И Заяц стал смотреть, как Ёжик с Медвежонком привязывают к лапам дощечки. Потом привязал сам.

Сова сидела на обгорелой сосне и глядела на них круглыми глазами.

— Видишь? — неслышно сказал Заяц Сове. И подпрыгнул, чтобы попробовать, как у него получится в дощечках.

— Вижу, — неслышно сказала Сова. — Сейчас утонете.

— Не должны, — неслышно сказал Медвежонок. — Я рассчитал.

— Он рассчитал, — уверенно, но тоже неслышно сказал Ёжик.

— Увидите, — сказала Сова.

А Заяц неслышно заплакал и отвернулся.

— Ну, пошли! — сказал Ёжик.

Шелестя дощечками, они подошли к реке.

— Кто первый? — спросил Ёжик.

— Чур, я третий! — попросил Заяц.

Медвежонок сошёл к воде и захлюпал дощечками.

Медвежонок шёл прямо к середине реки, не проваливаясь, и Ёжик прыгнул с берега, побежал следом и тоже не провалился, а Заяц не знал, как ему быть, но всё же прыгнул, и тоже побежал, и догнал Ёжика с Медвежонком.

Они шли по лунной дорожке к середине реки, и Заяц боялся смотреть на свои дощечки; он чувствовал, что не может так быть, что ещё шаг — и он обязательно провалится, и поэтому Заяц шёл, задрав голову, и глядел на луну.

— Боишься? — спросил Ёжик.

— Бойтся, — сказал Медвежонок.

А Заяц думал, что стоит ему сказать слово, и он обязательно провалится, и поэтому молчал.

— Язык проглотил, — сказал Медвежонок.

— От страха, — сказал Ёжик.

— Да не бойся ты! — крикнул Медвежонок и провалился по колено.

Заяц вздрогнул и ещё выше задрал голову.

— Не бойся, — сказал Ёжик, подхватив Медвежонка.

Но Заяц всё равно не верил, что такое может быть, и дошёл до другого берега, ни разу не взглянув вниз, молча.

— Пошли назад, — сказал Медвежонок.

— Нет, — сказал Заяц. И вылез на берег.

— Чего ты боишься? — сказал Ёжик.

— Идём! — позвал Медвежонок.

Заяц помотал головой, а Ёжик с Медвежонок пошли на тот берег.

«Вот они идут на тот берег, — думал Заяц. — И не проваливаются. Но ведь такого не может быть. Не может такого быть!» — неслышно крикнул Заяц.

— Ну, — сказал Медвежонок, когда они возвратились, — прыгай!

Лунная дорожка золотой рыбой лежала поперёк реки. Голова её упиралась в тот берег, а хвост шевелился у самых Заячьих лап.

— Не бойся! — сказал Ёжик.

— Прыгай! — крикнул Медвежонок.

Заяц смотрел на своих друзей и неслышно плакал. Он знал, что во второй раз ему уже ни за что не перейти реку.

МЕЛЕНЬКИЙ ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ

Тёплый маленький летний дождь.

Деревья стоят большие, сочные; трава поднялась по пояс.

Заяц шёл по тропинке в густой траве и прядал ушами.

«Эх, зонтик бы...» — думал Заяц.

Лягушонок под лопухом угощал чаем Кузнечика. Им было хорошо-хорошо — слушать, как дождь постукивает по лопуху нежными ножками.

Лягушонок с Кузнечиком поглядели на Зайца.

— Зонтик забыл, — сказал Заяц.

— Садись с нами чай пить.

— Не вмещусь.

И Заяц пошёл дальше.

В овраге под ёлкой стоял важный Подберёзовик.

— Ты куда, Заяц?

— Да вот, зонтик забыл, — сказал Заяц. — Иду гуляю.

В берёзовой роще Зайцу встретился Ёжик.

Ёжик сидел, подперев лапой голову, и о чём-то думал.

— Что, зонтик забыл? — спросил Ёжик.

— Ага. Ты как догадался?

— Я тебя давно приметил. Вижу — Заяц идёт, ушами прядает. Ну, думаю, зонтик забыл.

— Верно!

— Хочешь, садись рядом — здесь сухо.

— Не-е. — Заяц помотал головой. — Пойду.

И пошёл через поле по густой траве под меленьким тёплым летним дождём.

«Вот, — думал Заяц. — Ведь ничего не случилось. Подумаешь — зонтик забыл! А как хорошо! Иду себе и иду...»

Зайцу хотелось как-то иначе, получше сказать свою мысль. Что вот он, Заяц, идёт; Лягушка с Кузнечиком чай пьют; Подберёзовик под ёлкой стоит, подбоченился; Ёжик на пне сидит — думу думает; а он, Заяц, идёт и идёт, ушами мокрыми пошевеливает, и от всего этого ему так хорошо, что и не знает теперь, как сказать.

НЕ ГРЯЗНИТЕ МОЮ ЗЕМЛЮ

- Нет-нет, Ёжик, ты не думай!

— Я и не думаю.

— О чём это вы? — спросила Белка.

— А, Белка, — сказал Медвежонок. — Я говорю Ёжику, что Земля всё равно не загрязнится.

Белка прыгнула с ёлки и села на пенёк.

Лес вокруг стоял большой, светлый, но никто не пел, не шуршал — всё молчало.

— А почему она должна загрязниться? — спросила Белка.

— Грязнят, — сказал Медвежонок. — Чем могут, тем и грязнят.

— Чем же?

— Дымом, — сказал Ёжик.

— Дым сладкий. Вон Бурундучок вчера жёг листья — так сладко пахло!

— Разве это дым? Это — осень, — сказал Медвежонок. — Осенью всегда жгут листья.

— Она — маленькая-маленькая, — сказал Ёжик, — голубая и белая, Земля. Астронавт, что был на Луне, сказал: такая маленькая-маленькая, голубая и белая.

— И грязная. Вся в грязи, — сказал Медвежонок. — С Луны видно.

— А кто это... астронавт?

— Это такой... Садится в трубу и летит.

Белка подняла голову и стала смотреть на небо.

— Я вот о чём думаю, — сказала Белка. — В одном овраге есть старая бочка. Дно выбили, а если выбить второе — будет труба. Понятно?

— Нет, — сказал Ёжик.

— Мы выкатим бочку на холм, выьем дно, а когда взойдёт луна...

— Станем астронавтами! Здорово! — закричал Медвежонок. — Пошли за бочкой!

Они нашли бочку, выкатили на холм, нацелили на то место, где должна была появиться Луна, и выбили второе дно.

— Садитесь! — сказала Белка.

И все залезли в бочку и стали ждать.

Стемнело. Было тихо-тихо. И река под холмом уходила за поворот не дыша.

— Вы чего здесь сидите? — заглянул в бочку Заяц.
 — Тсс! — сказала Белка. — Садись и молчи.
 — А зачем? — И Заяц влез в бочку.
 — Мы ждём луну, — прошептал Ёжик. — Полетишь с нами?

— Куда?
 — На Луну.
 — Я боюсь, — сказал Заяц.
 — Не бойся, — сказал Медвежонок. — Все свои.
 — А что мы там будем делать?
 — Поглядим на Землю, и всё.
 — А можно я останусь?
 — Струсил?
 — У меня морковка варится, — сказал Заяц. — Я же не знал.

— Морковка варится! — проворчал Медвежонок. — Иди и в следующий раз не лезь, куда не зовут.

Заяц задом вылез из бочки:

— Потом расскажете?

И пропал.

Без Зайца стало как-то не так, а луны всё не было.

— Может, её сегодня не будет?

— Будет, — сказала Белка.

И Медвежонок замолчал.

А Ёжик сидел, закрыв глаза, и вдруг увидел себя на жёлтой-жёлтой Луне. Она была как пустыня — вся жёлтая-жёлтая. С Луны он глянул на Землю, но сперва ничего не увидел. Потом посмотрел левее и вдруг увидел её всю-всю! Земля была маленькая-маленькая, голубая и белая. «Где голубое — океаны, — догадался Ёжик. — А белое — облака». И вдруг какая-то тень, как мышь, скользнула по голубому. «Вот она — грязь!» — понял Ёжик. И закричал:

— Не грязните мою Землю!

Но тут кто-то толкнул его в бок. И ещё раз.

— Ты что? Ты что? — испуганно шептала Белка.

Ёжик открыл глаза — было темно, холодно и тихо, лишь Медвежонок сладко посапывал у Ёжика за спиной.

— Медвежонок уснул, — сказала Белка. — А луны нет. Видишь?

— Я уже там был, — сказал Ёжик. — Она — маленькая-маленькая.

— Земля?

— И грязная.

— Расскажи!

— Завтра, — пообещал Ёжик. И повёл сонного Медвежонка домой.

НИ СЛОВА

— Давай с тобой договоримся вот как, — сказал Ёжик. — Давай говорить только дело, а просто так — не говорить.

— Как это? — спросил Медвежонок.

— Ну, мы говорим и говорим, — сказал Ёжик. — Болтаем. А ты лучше молчи, а уж если сказал — в самую точку.

Была зима. Ёжик с Медвежонком шли по глубокому снегу на лыжах, и Медвежонок теперь думал, как бы так изловчиться, что бы такое сказать, чтобы не просто так, а в самую точку.

«Скажу: „Смотри, как красиво!“ — думал Медвежонок. — Скажет: „Сам вижу“. Скажу: „А здорово, Ёжик, что мы с тобой идём через лес!“ Скажет: „Угу“. Нет, это не в самую точку. Но что же такое сказать?..»

И Медвежонок сжал зубы и нахмурился.

— Смотри, как красиво! — сказал Ёжик.

Медвежонок молчал.

— А здорово, Медвежонок, что мы с тобой идём через лес!

Медвежонок не ответил.

— Да что ж ты молчишь?

Медвежонок даже не посмотрел на Ёжика: он дал себе слово не болтать и теперь молчал.

А Ёжик уже всё забыл и болтал без умолку.

Пришли к Поросёнку.

Поросёнок был очень гостеприимный: он сразу пригласил всех к столу.

— Я очень рад видеть вас у себя в гостях, — сказал Поросёнок.

— Мы тоже очень рады, — сказал Ёжик.

Медвежонок молчал.

— Мне так приятно, что вы пришли, — сказал Поросёнок.

— Мы давно хотели, — сказал Ёжик, — но никак не могли собраться.

Медвежонок молчал.

— Очень вкусно, — сказал Ёжик.

— А вам, Медвежонок?

Медвежонок молчал.

— Медвежонок плохо слышит? — тихо спросил Поросёнок у Ёжика.

Ёжик толкнул Медвежонка под столом лапой.

Медвежонок ел, сжав зубы.

Поросёнку стало как-то не по себе, что вот гость сидит, ест и не говорит ни слова, и он погромче, в самое ухо, сказал Медвежонку:

— Вам нравится мёд? Это — липовый! Прямо от пчёл!

Медвежонку очень хотелось сказать, что — да, мёд замечательный, что он давно уже не ел такого мёда, что, если сказать по правде, такого мёда и не бывает, но он не был уверен, что это — в самую точку, и поэтому не сказал ни слова.

-Повеселимся, Поросёнок!

— А как?

— Давай попрыгаем!

И они запрыгали: Заяц — через пенёк, Поросёнок — через поваленную осину.

— Так не развеселишься, — сказал Заяц. — Иди сюда!

И подвел Поросёнка к упавшей сосне.

Весенний лес, набитый солнцем и птицами, стоял в зелёном дыму.

— Прыгай! — сказал Заяц.

— Боюсь, — сказал Поросёнок.

— Смотри! — сказал Заяц. И прыгнул.

— У тебя ноги длинные. — И Поросёнок лёг животом на сосну.

— Да не так, — сказал Заяц. — Смотри!

Птица пела далеко и тревожно, потом подлетела ближе, запела радостно и светло.

— Ты не смотришь, — обиделся Заяц. — Так я тебя не научу.

— Я смотрю, — сказал Поросёнок.

«Где же она сидит?» — разглядывая ветку за веткой, думал Поросёнок.

— Смотри в третий раз! Больше не покажу.

Заяц прыгнул, и тут Поросёнок её увидел.

Она была совсем крошечная, серый такой комочек, а пела так, что у Поросёнка защемило в груди.

— Будешь прыгать или нет? — спросил Заяц.

— Ты прыгай, — сказал Поросёнок. Он не отрываясь глядел на птицу.

Вот она наклонила голову, и...

Такого Поросёнок ещё никогда не слышал.

— Главное не бойся, — говорил Заяц. — И отталкивайся двумя ногами сразу. Понял?

— Ага, — сказал Поросёнок. «Если бы я умел так петь, если бы я только чуть-чутьточку мог, как она. Я бы...»

— Ну прыгай! — сказал Заяц.

Поросёнок подпрыгнул, лёг животом на поваленную сосну и закрыл глаза.

— Эх ты! — сказал Заяц. — Учи тебя! — И убежал.

«Птица, — шептал Поросёнок. — Не улетай, пой, птица! Я не умею прыгать, не умею петь, но когда ты поёшь, мне кажется, мне кажется... я могу всё».

Птица пела, а Поросёнок лежал ничком на упавшей сосне, и ему казалось, что он сам — вольная птица, летит высоко над землёй и машет легкими крыльями.

Прибежал Заяц.

— Ну, будешь прыгать? — спросил он. — Да чего же ты плачешь-то? Вот глупый! Да я тебя научу, научу! Надо только отталкиваться двумя ногами сразу.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ

Холодно, тихо стало в лесу. Заяц прислушался — ни звука. Лишь осинка на том берегу дрожала последним листом.

Заяц спустился к реке.

Река медленно уводила за поворот тяжёлую, тёмную воду.

Заяц встал столбиком и пошевелил ушами.

— Холодно? — спросила у него Травинка.

— Бр-р-р! — сказал Заяц.

— Мне тоже, — сказала Травинка.

— И мне! И мне!

— Кто говорит? — спросил Заяц.

— Это мы — трава.

Заяц лёг.

— Ой, как тепло! Как тепло! Как тепло!

— Погрей нас! И нас! И нас!

Заяц стал прыгать и ложиться. Прыгнет — и прильнёт к земле.

— Эй, Заяц! — крикнул с холма Медвежонок. — Ты что это делаешь?

— Грею траву, — сказал Заяц.

— Не слышу!

— Грею траву! — крикнул Заяц. — Иди сюда, будем греть вместе!

Медвежонок спустился с холма.

— Согрей нас! Согрей! Согрей! — кричали травинки.

— Видишь? — сказал Заяц. — Им холодно! — Снова прыгнул и лёг.

— К нам! К нам!

— Сюда! Сюда! — кричали со всех сторон.

— Что ж ты стоишь? — сказал Заяц. — Ложись!

И Медвежонок лёг.

— Как тепло! Ух как тепло!

— И меня погрей, Медвежонок!

— И нас! И нас!

Заяц прыгал и ложился. А Медвежонок стал потихоньку перекатываться: со спины — на бок, с бока — на живот.

— Согрей! Согрей! Нам холодно! — кричала трава.

Медвежонок катался, Заяц прыгал, и скоро согрелся весь луг.

— Хотите, мы споем вам осеннюю песню травы? — спросила первая Травинка.

— Пойте, — сказал Заяц.

И трава стала петь, Медвежонок кататься, а Заяц — прыгать.

— Эй! Что вы там делаете? — крикнул с холма Ёжик.

— Греем траву! — крикнул Заяц.

— Что?

— Греем траву! — крикнул Медвежонок.

— Вы простудитесь! — закричал Ёжик.

А травинки поднялись во весь рост и запели громкими голосами.

Пел весь луг над рекой.

И последний лист, что трепетал на том берегу, стал подтягивать.

И сосновые иголки, и еловые шишки, и даже паутина, забытая пауком, — все распрямились, заулыбались и затянули изо всех сил последнюю осеннюю песню травы.

ОДНАЖДЫ В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Однажды с самого утра появилось солнце. Сначала оно осветило только верхушки деревьев, потом позолотило кусты и траву, потом утренний туман растаял, и Ёжик вышел из своего домика.

— Доброе утро! — сказала ему Травинка.

— Доброе утро! — пробормотал Ёжик. Умылся в росе и отправился завтракать.

Позавтракав, он снова вышел на крылечко, потянулся, пошёл к широкой поляне и сел там под густым вязом.

Солнечные зайцы водили в траве хоровод, в ветвях пели птицы, а Ёжик смотрел во все глаза и слушал.

Пришёл Медвежонок, сел рядом с Ёжиком, и они стали смотреть и слушать вместе.

— Как красиво они пляшут! — сказал Медвежонок, чуть подвигаясь вправо.

— Очень! — сказал Ёжик. И тоже подвинулся, потому что солнечные зайцы понемножку уводили хоровод вправо.

— Я никогда не видел таких крупных солнечных зайцев, — сказал Медвежонок.

— И я, — подтвердил Ёжик.

— Как по-твоему, у них есть уши? — спросил Медвежонок, продолжая тихонько двигаться вокруг ствола за заячьим хороводом.

— Нет, — сказал Ёжик, стараясь не отставать от Медвежонка. — Думаю, нет.

— А по-моему, есть! — сказал Медвежонок.

— И я так думаю, — согласился Ёжик.

— Так ты же только что думал иначе!

— Я люблю думать по-разному, — ответил Ёжик, перебирая лапами.

— По-разному думать плохо, — сказал Медвежонок.

Они уже один раз обернулись вокруг вяза и теперь пошли на второй круг.

— По-разному думать, — продолжал Медвежонок, — это значит — по-разному говорить...

— Что ты! — возразил Ёжик. — Говорить можно одно и то же. — И подвинулся.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Если по-разному думаешь — по-разному говоришь!

— А вот и нет! — сказал Ёжик. — Думать можно по-разному, а говорить одно и то же.

— Как же так? — удивился Медвежонок, продолжая двигаться и слушать птиц. Он даже приподнял дальнее от Ёжика ухо, чтобы слышать птиц лучше.

— А очень просто! — сказал Ёжик. — Я, например, всё время думаю о том, как хорошо сидеть под вязом и смотреть на солнечных зайцев, а говорю совсем о другом.

— Как о другом?! — возмутился Медвежонок. — Мы же говорим о том, есть ли у них уши!

— Конечно, нет! — сказал Ёжик.

— Ты же только что говорил, что есть!

— А теперь говорю, что нету.

— И тебе не стыдно?!

— Почему же мне должно быть стыдно? — удивился Ёжик. — Я же могу иметь своё мнение.

— Но оно у тебя — разное!..

— А почему я не могу иметь разное своё мнение? — спросил Ёжик и подвинулся.

Пока он говорил, Медвежонок не двигался с места, и теперь между ними образовалось порядочное расстояние.

— Ты меня расстраиваешь, — сказал Медвежонок и сел рядом с Ёжиком. — Давай молча смотреть на зайцев и слушать птиц.

«Тюи! Тюи!» — пели птицы.

— А всё-таки лучше думать одинаково! — вздохнул Медвежонок.

Зайцы устали плясать и растянулись на траве.

Теперь Ёжик с Медвежонок неподвижно сидели под вязом и смотрели на заходящее солнце.

— Зря ты расстраиваешься, — сказал Ёжик. — Конечно, у солнечных зайцев есть уши!..

И хотя Ёжик с Медвежонок чуть было не поссорились, это был очень счастливый солнечный день!

ПАДАЛ МЕЛКИЙ СНЕЖОК. БЫЛА ОТТЕПЕЛЬ

— Медвежонок, если всё плохо, плохо, плохо, то потом ведь должно стать хорошо?

— Потом — да, — сказал Медвежонок.

У Ёжика в июле утонуло ведро, в сентябре ветер сломал любимый Ёжикин вяз, в октябре шли такие дожди, что река разлилась и затопила Ёжикин домик, в январе объелся снегом Медвежонок, а вчера самого Ёжика чуть не убил сорвавшийся с горы камень...

И вот теперь какой-то грабитель забрался в дом Медвежонок и утащил все припасы.

По мягкому снегу прибежал Заяц:

— Я знаю, как поймать грабителя!..

Падал мелкий снежок. И даже не падал, а всё как бы норовил пойти с левой лапы.

— Видишь? — сказал Медвежонок Зайцу. — Припадает.

— Пропадает, — поправил Заяц. — Снег в снег — и никого.

Медвежонок поглядел на Ёжика.

Ёжик отвернулся.

— Это — Рысь, — сказал Заяц. — Больше некому. У неё уши такие, с кисточками.

И зашагал по мокрому снегу.

Перешли ручей, взобрались на гору.

— Вот он! Дом Рыси! — Заяц вытянул лапу.

Рысь сидела на крыльце и ела вареники. Кисточки на ушах действительно были рыжие.

— Я же говорил! — сказал Заяц.

— Ничего ты не говорил.

— Тогда — подразумевал...

Рысь ела вареники и причмокивала.

— Эй, ты! — крикнул Медвежонок. — Ты зачем ограбила мой дом?

— Унесла наши припасы? — прибавил Заяц.

Рысь пошевелила ушами, и рыжие кисточки на ушах пошевелились.

Затем ушла в дом и вернулась с лорнетом.

— Что это у неё? — спросил Ёжик.

— Бинокль, — сказал Медвежонок.

Рысь навела на друзей лорнет.

— Ну что? — сказала Рысь. — Будете есть вареники или — война?

— Ты зачем ограбила мой дом? — очень тихо спросил Медвежонок.

— Слушайте, грабят — это когда гребут сено. А я пришла, вошла, сварила вареники и хочу ими вас угостить.

— Дрянь! — беззвучно сказал Ёжик.

Заяц кивнул.

— Ну и дрянь! — прошептал Медвежонок. — Или ты, Рысь, сейчас же перевезёшь все мои припасы назад... — сказал он громко.

— В его кладовку, — показал на Медвежонка лапой Заяц.

— Или Заяц, — Медвежонок показал на Зайца, — сейчас же привезёт пушку.

— Большую пушку, — сказал Ёжик.

Рысь повесила лорнет на специальный гвоздик, задумалась.

«Отдавать или не отдавать?» — думала Рысь.

— А у вас пушки нет! — сказала она.

— А мы тебе сейчас и без пушки кисточки оторвём!

— И хвост!

— И хвост! — спрятался за Медвежонка Заяц.

— Хе-хе! — сказала Рысь и принялась за вареники.

Заяц привёз пушку.

Ёжик прочистил банником ствол.

— Медвежонок засыпал пороха и навёл.

Заяц запалил фитиль.

— Ну!.. — крикнул Медвежонок.

— Сдаюсь. — Рысь утёрлась салфеточкой и пошла за припасом.

Целый день Рысь таскала в дом Медвежонка покражу, а Заяц, Ёжик, Медвежонок с пушкой стояли на горе, и фитиль в лапе Медвежонка дымился.

К вечеру снежинки стали опускаться, припадая на правую лапу.

— Видишь? Припадают, — снова показал Заяцу на снежинки Медвежонок.

— Снег в снег — и никого. Пропадают, — снова поправил Заяц.

И Ёжик с Медвежонком снова переглянулись.

А вечером, когда пили чай, Медвежонок сказал:

— Не знаю когда, но когда-нибудь обязательно будет лучше.

— Ещё бы! — подхватил Заяц.

А Ёжик думал:

«Не может же быть, чтобы всё плохо и плохо — без конца...»

ПЕРЕД ЗИМОЙ

Горько было Ёжику с Медвежонком в эту осень. Каждый лист, каждую птицу провожали они взглядом. Зато, когда облетели все листья, им вдруг стало радостно и светло.

— Отчего это? — удивился Медвежонок.

— Не знаю, — сказал Ёжик.

А получилось это потому, что расставаться — лучше, чем ждать расставания, и жить в свершившемся —

лучше, чем ожидать. Это знала одна старая Ворона в лесу. Знала, да никому не сказала.

— Ну что? — сказал Ёжик, когда улетела последняя птица. — Обнимемся?

— Обнимемся, — сказал Медвежонок.

Они обнялись и так некоторое время стояли молча посреди леса. А лес — большой, туманный, — насупившись, глядел на них из-под еловых бровей.

— Ты не забывай эту осень, Медвежонок.

— Что ты! — сказал Медвежонок.

— Мне было очень хорошо.

— И мне.

— Жаль, мы ничего не придумали такого, чтобы зимой было радостно и светло.

— Не грусти, — сказал Медвежонок. — У нас будет ещё много осеней.

Они постояли так ещё немного, обнявшись, а потом вместе пошли пить чай к Ёжику.

ПЕТУШИНЫЙ КОРОЛЬ

Закричал Петух.

«Откуда он здесь?» — подумал Ёжик и сбежал с крыльца.

Была оттепель. Лес утонул в тумане, и казалось, нет ни ёлок, ни кустов, а только кричит Петух.

«Откуда он здесь?» — снова подумал Ёжик и крикнул:

— О-го-го-го-го-о!..

— Ко-ко-ко! — совсем рядом сказал Петух и вынырнул из тумана, большой, рыжий, в чёрных штанах, красных сапожках, под крылом — корзинка. На сапогах позванивали серебряные шпоры.

— Ты кто? — спросил Ёжик.

— Я — король, — важно сказал Петух, величественно снял шляпу и раскланялся. — Ко мне надо обращаться «Ваше Величество»!

— Здравствуйте, Ваше Величество! — сказал Ёжик.

— Правильно. И — поклон. Разве у моего подданного нет шляпы?

— У меня шапка, — сказал Ёжик.

— Несите.

Ёжик сбегал в дом и вернулся в шапке.

— Что ж, — сказал король, — крепкая меховая шапка. А мы вот сюда — пёрышко. — И он достал из-за пояса и приладил к Ёжикиной шапке перо. — Пробуем!

— Что? — спросил Ёжик.

— Репетируем поклон.

— Здравствуйте, Ваше Величество! — сказал Ёжик и, как умел, подмёл перед собой шапкой снег.

— Очень хорошо!

— А зачем корзинка? — спросил Ёжик.

— Весна! Сморчки!

— Но... Ваше Величество... ведь — зима!

— Весна! Сморчки! — упрямо повторил король.

— Ага... — Ёжик секунду помолчал. — А мы, Ваше Величество, сморчков не берём.

— Кто это — мы?

— Мы с Медвежонком, — сказал Ёжик.

— А разве в моём королевстве медведи едят грибы?

— Он раньше не ел, — смутился Ёжик. — А со мной — привык.

— Давно дружите?

— С детства, Ваше Величество.

— Правильно! А теперь пригласите вашего короля в дом и напоите чаем.

— С удовольствием! А давно?..

— Что?

«Давно вы стали нашим королем?» — хотел спросить Ёжик, но постеснялся.

- Давно вы в лесу? — спросил он.
- С рассвета.
- Устали небось. — Ёжик ввёл Петуха в дом и раздул самовар.

Король важно сел к столу и снял шляпу:

- Скоро придёт Медведь?
- Медвежонок? Скоро, Ваше Величество.

Они сидели у самовара. Потрескивала печь. И Петух думал:

«Вот жил, бродил, актёрствовал, пел, а не знал, что в лесу, за туманом, живёт такой славный Ёжик».

А Ёжик думал:

«Он совсем и не такой сумасшедший. Просто ему, наверное, непривычно в шпорах в лесу».

А Петух думал:

«Если Медвежонок окажется таким же, как Ёжик, попрошусь, может, возьмут к себе, а там, глядишь, в лесу вместе с ними и скоротаю старость».

— Вы пейте, пейте, Ваше Величество! И зёрнышек поклюйте!

— Я пью, — тихо сказал Петух.

И без шляпы, которую он положил на стул, этот важный петушиный король казался просто добрым сморщенным старичком.

ПЛЯСКА

Выглянуло солнце, снег пропал, и опять на лес опустилась таинственная красота. От сплетенья ветвей и ещё кое-где рыжих деревьев нельзя было оторвать глаз.

Заяц, который боялся каждого шороха и переживал листопад в поле, пришёл на опушку.

Он сел на пенёк, прижмурился, и солнечные зайцы заплясали вокруг и стали звать его поплясать вместе.

— Ну что ты сидишь? — сказал Большой Солнечный Заяц. — Иди к нам!

— Нам весело, — сказал Солнечный Заяц Поменьше.

— А я песню знаю, — сказал Самый Маленький Солнечный Заяц и, встав на задние лапки, запел: — Ля-ля! Ля-ля!

— А где слова? — спросил Заяц.

— Какие слова?

— Песне слова нужны.

— А мы без слов, — сказал Самый Маленький Солнечный Заяц. — Нам и так хорошо!

И все трое заплясали и запели ещё веселее.

«Сплясать, что ли? — подумал Заяц. — Ведь слов не знают».

И он слез с пенёка, размял лапы, подпрыгнул и завопил:

Последние,
Останние,
Осенние деньки!

— Последние, останние!.. — подхватили солнечные зайцы. И завертелись вместе с Зайцем вокруг пня.

Вот было весело!

Шуршала опавшая листва, соломой по ветру летели солнечные лучи, звенел последний комар, пищал неразличимый кто-то, а Заяц вприсядку шёл вокруг пня и вопил.

Прибежал Медвежонок.

— Ты что делаешь? — крикнул он.

— Пляшу! — сказал Заяц. — Пляши с нами!

— С кем? — изумился Медвежонок.

— Да неужто не видишь? — И Заяц запрыгал ещё выше, вопя:

Последние,
Останние!..

И тут Медвежонок не удержался и пошёл в пляс.

Ах как плясал Медвежонок!

И бочком, и передом, и задом наперёд, а солнечные зайцы прыгали вокруг и через него и садились на плечи, на лапы, на грудь.

Пришёл Ёжик.

Последние,

Останные,

Осенние!.. —

вопил Медвежонок с зайцами.

— Ты что делаешь? — спросил Ёжик.

— Пляшет! — крикнул Самый Маленький Солнечный Заяц.

— Пляшу, — сказал Медвежонок.

— Давай к нам! — крикнул Заяц.

Ёжик во все глаза уставился на Медвежонка, но солнечные зайцы запрыгали вокруг, подхватили под лапы, и Ёжик опомниться не успел, как уже плясал вместе со всеми.

— Последние! Останные!.. — кричал Ёжик, и от Медвежонка уже валил пар.

Заяц взмок до ушей, и шубка его потемнела.

Зато солнечные зайцы стали ещё крепче, веселее и налились светом.

— Эх! Эх! — кричал Солнечный Заяц Поменьше.

А Самый Маленький всё не давал Ёжику остановиться, всё щекотал и подталкивал.

— Не щекотись! — крикнул Ёжик и заплясал вольно.

На шум слетелись птицы.

Они расселись на ветках и сверху глядели на эту необыкновенную пляску.

— Глянь, как пляшут! — сказал Снегирь. — И мне, что ли?

Слетел с дерева и заплясал.

«Последние, останние!..» — казалось, вопил уже весь лес. Потому что те, кто не плясал, подпрыгивали или подпевали молча.

Медвежонку давно уже не было так хорошо, и Ёжик видел это и радовался ещё больше.

Они плясали рядом.

Медвежонок выпучился. Глаза у него от удовольствия стали в два раза больше.

— Не выпучивайся! — крикнул Ёжик и, подбодорясь, пошёл вокруг Медвежонка на цыпочках.

Первым повалился Заяц.

— Не могу, — прохрипел он.

Потом вытянулись в траве Большой Солнечный Заяц, Солнечный Заяц Поменьше и Совсем Маленький.

И только Медвежонок, Ёжик и Снегирь никак не хотели уставать. Они плясали до самых сумерек. И Заяц, отдохнув, заплясал с ними. И все плясали, плясали, плясали, потому что знали, что никогда никому из них уже не будет так вольно и хорошо, как в эту осень.

ПТИЦА

Всё лето Заяц плёл верёвку, и к осени она стала длинной до неба.

«Приделаю крючок, — думал Заяц, — заброшу на звезду и...»

Прибежала Белка:

— Ты что делаешь, Заяц?

— Верёвку сплёл, — сказал Заяц.

— А зачем?

— Залезу на небо, — сказал Заяц. — Хочешь, тебя возьму с собой?

— Возьми, — сказала Белка.

Ночью высыпали звёзды.

Заяц забросил крючок на самую большую звезду, и верёвка тонкой паутинкой протянулась от земли до неба.

— Лезь, — сказал Заяц.

— А ты?

— Я за тобой.

И Белка побежала на небо.

Заяц полез следом, но он не умел лазить по верёвке и поэтому сильно отстал.

— Ты где? Лезь скорее! — кричала Белка из темноты.

А Заяц лез и лез и уже стал уставать.

— Где же ты? — торопила Белка.

Она давно забралась на звезду и ждала Зайца.

А Заяц раскачивался посередке, между небом и землёй, и у него не было больше сил ни лезть вверх, ни спуститься на землю.

— Ну что ты там? — спросила из темноты Белка.

— Сил нет. Не могу, — сказал Заяц.

— Ты — как по веточке, как по веточке, — сказала Белка.

Заяц раскачивался во тьме, уши его трепал ночной ветерок, он видел далеко внизу родной лес, а сверху — большую звезду и понимал, что сейчас разожмёт лапы и упадёт.

«Всё лето плёл верёвку, — горестно думал Заяц, — и вот...»

— Эй! — вдруг услышал он знакомый голос с земли. — Кто там висит?

И другой знакомый голос ответил:

— Далеко. Не видно.

— Как ты думаешь, Ёжик, кто там может быть?

— Птица, — сказал Ёжик.

— Какая же птица висит посреди неба?

«Редкая», — хотел сказать Заяц. Но промолчал.

— Это Заяц! — крикнула со звезды Белка. — Полез на небо и вот застрял.

— Медвежонок, его надо спасать!

— Спасите меня, — тихо сказал Заяц.

— С каких это пор зайцы стали лазить по небу? — проворчал Медвежонок и дёрнул за верёвку.

— Ой, — тихо сказал Заяц.

— Как будем спасать? — спросил Ёжик.

— Сейчас, — сказал Медвежонок. И убежал.

— Заяц! — крикнул Ёжик. — Это ты?

— Я, — тихо сказал Заяц.

— Не слышу!

— Я, — громче сказал Заяц, потому что, если бы он крикнул совсем громко, он бы упал.

— Это он, он! — крикнула со звезды Белка.

— Держись, Заяц! — крикнул Ёжик. — Медвежонок что-то придумал.

И тут вернулся Медвежонок с простынёй.

— Держи, — сказал он. И дал два конца Ёжику. — Заяц! — закричал в темноту Медвежонок. — Прямо под тобой мы растянули простыню, слышишь? Прыгай!

— Я боюсь, — сказал Заяц.

— Он боится! — крикнула Белка. Ей со звезды было слышнее.

— Прыгай, кому говорят! — ещё громче крикнул Медвежонок, и, откинувшись назад, они с Ёжиком, как могли, растянули простыню. — Ну!

— Прыгай! — крикнула Белка.

Заяц разжал лапы и полетел, полетел, полетел, только чёрный ночной ветер засвистал между ушами.

«Где ж простыня? Где же земля?» — думал Заяц и не знал, что он, как большая птица с широкими крыльями, летит над землёй и уже не может упасть.

Ёжик с Медвежонком ещё никогда не косили. И вот смастерили по лёгкой косе и вышли на луг.

Луг сверкал.

— Начали! — сказал Медвежонок.

Они взмахнули косами и — застыли.

— А как дальше?

— Лапу не отрежь! — сказал Медвежонок.

«Вжжжик!» — и обе косы воткнулись в землю.

Явился Заяц.

— Косите? Ха-ха-ха! А не умеете! Ха-ха-ха! Дай покажу!

Он взял у Ёжика косу — вжжжик! Коса воткнулась в землю.

— Ха-ха-ха! — сказали Ёжик с Медвежонком.

— Я умел, да забыл. Меня бабка учила. Пяточку, говорила, Зайчик, прижимай, пяточку!

— А где пяточка?

— Да вот она! — Заяц показал.

— Пяточка! — захохотали Ёжик с Медвежонком.

— Ага. Где коса приложена к косовищу. Пяточку прижимать и тянуть. Чтобы резала. Дайте брусок!

Ёжик с Медвежонком переглянулись.

— А вы что ж, не точите? Хе-хе-хе! Что ж это за коса, если не точить?

Ёжик поискал в траве, принес камушек.

— Ну хоть так, — сказал Заяц.

И зазвенела, зажужжала коса под камушком.

— И — обтереть. — Заяц обтёр косу травой. — Давай другую!

Когда обе косы были готовы, Заяц сказал:

— Главное — пяточку тянуть! Вот так! И чаще подтачивать! Я сейчас вспомню: я же косил!

И правда — полегоньку-потихоньку у Зайца стало получаться, и он пошёл широким прокосом через сверкающий луг.

— Здорово! — И Медвежонок пошёл следом.

Было так радостно, что Ёжик даже не обиделся, что у него отняли косу.

— Ты маленький, — сказал Заяц.

— Ещё лапу отрежешь, — сказал Медвежонок.

Зато Ёжик бежал следом и нёс камушек. И когда косы тупились, Заяц с Медвежонком звали его и точили косы: вжик-вжик!

ПОЗВОЛЬТЕ, Я ВАМ ПОМОГУ

- Надо помогать стареньким, слепеньким, хромым, глухим...

— И косым, — сказал Заяц.

— Косым не обязательно.

С начала лета Ёжик с Медвежонком учили Зайца разным правилам.

— А кому ещё? — спросил Заяц.

— Хроменьким, слепеньким, стареньким, глухим...

— И немым, — сказал Ёжик.

— Правильно! — сказал Медвежонок. — Немой хочет что-то сказать, а не может.

— А как я узнаю?

— Догадайся!

И Заяц, заложив лапы за спину, медленно пошёл по лесу, думая, кому бы помочь.

Старая Ворона сидела на пне и чистила перья.

— Давай я тебя искупаю, бабушка! — сказал Заяц.

— Я тебе искупаю! — крикнула Ворона. Каркнула и улетела.

Заяц пожал плечами и пошёл дальше.

Из-за куста вышел хромой Медведь.

— Позвольте, я вам помогу, дедушка.

— Как?

— Переведу через поляну.

— Сдурел! — рявкнул Медведь и захромал, оглядываясь.

«Так, — думал Заяц. — Вороне лет сто, а она сердится. Медведь совсем хромой, а рычит. Кому же помочь?»

Под ёлкой сидел молодой, но очень слепой Филин: филины днём ничего не видят.

«Вот кому помогу!» — обрадовался Заяц. И подошёл к Филину.

— Тебе чего? — спросил Филин.

— Пришёл помочь, — сказал Заяц.

«Спятил», — подумал Филин.

— Как же ты мне поможешь?

— Я буду смотреть и говорить, что вижу, а ты — думай. Солнышка сегодня нет.

— Угу.

— Лес печальный такой, и муравьи не бегают.

Филин кивнул.

— Ты сидишь под ёлкой...

— Знаю.

— И очень хорошо выглядишь.

Филин подбоченился.

— Муравьи не бегают, птицы не поют... А знаешь почему?

— Почему?

— Потому что лето кончилось.

— А ведь ты умный, — сказал Филин. — Ночью, если поймаю, скажи: «Это я!»

— Зачем?

Филин ничего не ответил. И Заяц пошёл дальше.

«Старенький, хроменький, слепенький, — бормотал он. — Кто же у нас глухой?»

Тетерев сидел в траве. Большой старый Тетерев и абсолютно глухой.

— Привет! — сказал Заяц.

— А?

— Ты что, глухой?

— Оттоковал, — сказал Тетерев.

— Чем я тебе могу помочь? — в самое ухо Тетереву крикнул Заяц.

— Запомни меня, — сказал Тетерев. — И всем скажи, что я — был.

— Скажу, — пообещал Заяц.

И пошёл дальше.

Немых было много, и Заяц просто не знал, с кого начать.

«Немее всех — камни», — подумал он. И стал откапывать до половины вросшие в землю валуны и катать их к реке.

— Что ты делаешь, Заяц? — спросил Медвежонок.

— Столкну в реку, — сказал Заяц. — И заговорят.

РОМАШКА

Это было в июне. Ёжик влюбился.

Необыкновенно пахла трава, а Ёжик ходил большими кругами вокруг Ромашки и боялся к ней подойти.

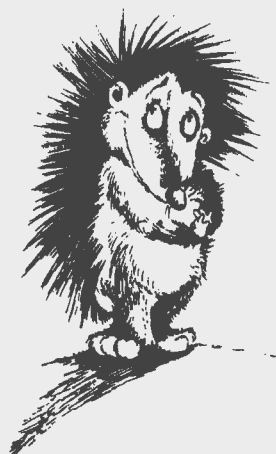
— Ты чего ходишь? — спросил Кузнечик. — Может, что надо? Скажи.

— Ничего мне не надо, — пробурчал Ёжик. И ушёл за ёлку.

Отсюда, из-за ёлки, Ромашка была ещё прекраснее. Она стояла, слегка изогнувшись, на тоненькой ножке и до того была свежа, легка и воздушна, что Ёжик зажмурился.

«Подойду, — решил он. — Подойду и прямо так и скажу: „Вы мне нравитесь, Ромашка! Я очарован!“ Очарован, очарован, — забормотал Ёжик. — Может, я вами очарован? Попробую сначала».

Он встал, вскинул мордочку, взмахнул лапой и про себя сказал: «„Вы мне нравитесь, Ромашка! Я вами очарован!“ Нет, не годится. Я... Вами... Плохо! „Вы мне нравитесь, Ромашка. Я очарован“. Так лучше. А что она скажет? Она скажет: „Ты мне тоже нравишься, Ёжик“. Вот было бы здорово! Но она так ни за что не скажет. Что ей до меня, Ёжика?»

И Ёжик стал опять большими кругами ходить вокруг Ромашкиной поляны и вспоминать, как на рассвете встретил Лося. То есть они даже и не встретились, потому что Лось Ёжика не видел, но Ёжик не только видел Лося, но и слышал, что тот говорит.

— Фф-у!.. — вздыхал, ломаясь сквозь кусты, Лось. — Фф-у!.. До чего ж хороша!.. — Лось фыркал и крутил головой.

Ёжик сразу догадался, что это он о Ромашке, но спросить не решился.

«Пойти, что ли, посоветоваться с Белкой, — думал Ёжик. — Всё-таки она — Белка и думает так же, как Ромашка».

И Ёжик было побежал к Белке, но наткнулся на Медвежонок.

— Ты чего здесь делаешь? — спросил Медвежонок.

— А ты?

— Я вообще, — сказал Медвежонок. — Гуляю.

— И я.

— А хочешь, я скажу тебе тайну? — спросил Медвежонок.

— Говори.

— Здесь появилась необыкновенная Ромашка, — шёпотом сказал Медвежонок. — Я иду с ней знакомиться. Только — шшш! — Медвежонок прижал лапу к носу. — Никому!

Ёжик обмер. Он сразу понял, о какой Ромашке говорит Медвежонок.

— Так это моя Ромашка, — сказал Ёжик. — Возле ёлки, да?

— Возле ёлки. А ты откуда знаешь? Она только вчера появилась в нашем лесу.

— Вот вчера я её и увидел, — сказал Ёжик. — Только ты никому, понял?

— Погоди, — сказал Медвежонок. — А почему она — твоя?

— Потому что я её первый увидел.

— А почему ты знаешь, что она захочет дружить с тобой, а не со мной, Медвежонком?

— Потому что она так стоит, — сказал Ёжик, — и так смотрит, что сразу видно, с кем она хочет дружить.

— С кем же?

— Со мной, — сказал Ёжик.

— Ну знаешь... — Медвежонок сел. — Я от тебя такого не ожидал. Говори, как она стоит и как смотрит.

— Разве словами скажешь?

— Покажи.

Ёжик встал на одну ножку и томно поглядел на Медвежонка.

— Так. И почему ты думаешь, что сразу видно, что она хочет дружить с тобой?

— Потому что она так смотрит.

Ёжик снова встал на одну ножку и поглядел на Медвежонка.

— Знаешь что, — сказал Медвежонок. — Пойдём к ней вместе, познакомимся. Пусть она выберет сама.

— Нет, — сказал Ёжик. — Давай сначала пойду я, а потом — ты.

— А почему не наоборот? Я познакомлюсь и представлю тебя.

— Ты её напугаешь, — сказал Ёжик.

— Я? Да я всё утро плавал в реке, чтобы быть пушистым. Ты потрогай, какой я шёлковый. Разве такой Медвежонок может кого-нибудь напугать?

— Всё равно, — сказал Ёжик. — Напугаешь. Ты вон какой страшный.

— Я? Страшный?

— Ты же — медведь, — сказал Ёжик. — А она — Ромашка.

— Ну и что? Медведь медведю рознь. А я вон какой шёлковый.

— Ты погоди, — сказал Ёжик. — А я сейчас сбегаю погляжу, там ли она.

И побежал.

— Стой! — крикнул Медвежонок. — Давай ползком.

— Зачем? Я сбегаю и вернусь.

— Тогда давай вместе.

— Да я вернусь. Ты не бойся. Я только гляну, и всё.

И Ёжик убежал.

Ромашка стояла на том же месте и была ещё легче, ещё воздушнее. Ах, как она была хороша!

«Пускай Медвежонок идёт первый, — решил Ёжик. — Я не могу».

И вернулся к Медвежонку.

— Иди, — сказал Ёжик. — Стоит. Познакомишься, а потом сразу зови меня.

И Медвежонок пошёл.

Даже не так. Они пошли вместе: Медвежонок впереди, а Ёжик сзади.

Медвежонок подошёл к Ромашке. Ёжик, не мигая, глядел на них из-за ёлки.

— Здравствуйте! — сказал Медвежонок. — Вы — Ромашка!

— Да, — сказала Ромашка и поглядела на Медвежонка искоса.

— А я — Медвежонок.

— Вижу, — сказала Ромашка.

— Как вам нравится в нашем лесу? — Медвежонок переминался с ноги на ногу и думал, что бы ещё сказать.

— Мне здесь очень нравится. Здесь очень красиво.

— И погода прекрасная, правда? Вы любите дождь?

— Дождь? Я ещё ни разу не видела дождя. Какой он?

— Дожди бывают разные, — сказал Медвежонок. — Бывает грибной — это когда дождь, а сквозь дождь — солнце.

— Это, наверное, очень красиво, — сказала Ромашка. — Как вы хорошо говорите. Расскажите ещё что-нибудь.

— А бывает проливной дождь, — сказал Медвежонок. — Это одна вода.

— Я очень люблю воду, — сказала Ромашка.

Ёжик прыгал за ёлкой и делал Медвежонку разные знаки.

«Знакомь! Знакомь меня!» — кричал про себя Ёжик.

Но Медвежонок будто забыл про Ёжика. Он ходил вокруг Ромашки, размахивая лапами, и говорил без умолку.

— Это ещё что, — говорил Медвежонок. — А бывает — снег.

— Что это?

— О! Это очень холодное вещество. Это такой дождь зимой. Представляете? С неба падают белые пушистые хлопья. Ну с чем бы их сравнить? Ну, вот, например, со мной, с Медвежонком.

— Такие огромные?

— Нет, такие же пушистые, мягкие, ласковые.

— А вы — ласковый?

— Очень, — сказал Медвежонок.

Ёжик готов был плакать от обиды, но боялся вылезти из-под ёлки.

«Как тебе не стыдно, Медведь! Ты же обещал!» — кричал про себя Ёжик.

И тут Медвежонок обернулся к нему и сказал:

— А хотите, я вас познакомлю со своим другом?

— Очень, — сказала Ромашка.

— Позвольте вам представить моего друга Ёжика. — И Медвежонок сделал широкий жест лапой. — Выходи! — шепнул он Ёжику.

Но Ёжик стоял за ёлкой и чувствовал, что лапы у него примёрзли к земле. Он хотел весело рассмеяться и крикнуть: «Иду, Медвежонок!» — но почувствовал, что лапы у него не шевелятся и он не может раскрыть рта.

— Позвольте вам представить моего самого лучшего друга, Ёжика, — громче сказал Медвежонок и ещё шире повел лапой. — Да выходи же! — зашипел он.

Но Ёжика будто окостенил мороз. Он вдруг с ужасом понял, что никогда ни за что не найдёт в себе сил подойти к Ромашке.

Он повернулся и что было мочи, ломая кусты, спотыкаясь, падая, побежал вглубь леса.

РАДУГА

Медвежонок прижался спиной к печке. Ему было тепло-тепло и не хотелось шевелиться.

За окном свистел ветер, шумели деревья, барабанил по стеклу дождь, а Медвежонок сидел с закрытыми глазами и думал о лете.

Сначала Медвежонок думал обо всём сразу, и это «всё сразу» было для него солнышко и тепло.

Но потом под ярким летним солнышком, в тепле, Медвежонок увидел Муравья.

Муравей сидел на пенёчке, выпучив чёрные глаза, и что-то говорил, говорил, но Медвежонок не слышал.

— Да слышишь ты меня? — наконец прорвался к Медвежонку Муравьиный голос. — Работать надо каждый день, каждый день, каждый день!

Медвежонок помотал головой, но Муравей не пропал, а кричал ещё громче:

— Лень — вот что тебя погубит!

«Чего он ко мне пристал? — подумал Медвежонок. — Я и не помню такого Муравья вовсе».

— Совсем обленились, — кричал Муравей. — Чем вы занимаетесь изо дня в день? Отвечай!

— Гуляем, — вслух сказал Медвежонок у печки. — Так лето же.

— Лето! — взвился Муравей. — А кто работать будет?

— Мы и работаем.

— Что же вы сделали?

— Мало ли, — сказал Медвежонок. И ещё тесней прижался к печному боку.

— Нет, ты мне говори — что?

— Скворешник.

— Ещё?

— Камелёк сложили.

— Где?

— У реки.

— Зачем?

— По вечерам сидеть. Огонь разведёшь — и сиди.

И Медвежонку представилось, как они с Ёжиком сидят ночью под звёздами у реки, варят чай в чайнике, слушают, как плещет рыба в воде, и чайник сперва урчит, а потом клокочет, и звёзды падают прямо в траву и, большие, тёплые, шевелятся у ног. И так Медвежонку захотелось в ту летнюю ночь, так захотелось полежать в мягкой траве, глядя в небо, что Медвежонок сказал Муравью:

— Иди сюда, садись у печки, а я пойду туда, в лето.

— А соломинку ты за меня понесёшь? — спросил Муравей.

— Я, — сказал Медвежонок.

— А шесть сосновых иголок?

— Я, — сказал Медвежонок.

— А две шишки и четыре птичьих пера?

— Всё отнесу, — сказал Медвежонок. — Только иди сюда, сядь к печке, а?

— Нет, ты погоди, — сказал Муравей. — Трудиться — обязанность каждого. — Он поднял лапку. — Каждый день...

«Ну, завёл, — подумал Медвежонок. — А сейчас расцветёт, и не полежишь у костра...»

— Стой! — крикнул он. — Слушай мою команду: к печке бегом марш!

И Муравей выбежал из лета и сел к печке, а Медвежонок еле-еле притиснулся на его место.

Теперь Медвежонок сидел на пеньке летом, а Муравей поздней осенью у печки в Медвежьем доме.

— Ты посиди, — сказал Медвежонок Муравью. — А придёт Ёжик, напои его чаем.

И Медвежонок побежал по мягкой тёплой траве, и забежал в реку, и стал брызгаться водой, и, если поглядеть прищурившись, в брызгах возникала каждый раз настоящая радуга, и каждый раз Медвежонку не верилось, и каждый раз Медвежонок видел её снова.

— Эй! — крикнул Муравей в лето. — А кто обещал работать?

— погоди! — сказал Медвежонок. И снова стал, щурясь, брызгаться и ловить сквозь ресницы радугу.

— Обязанность каждого — трудиться, — говорил Муравей, прижавшись к горячей печке. — Каждый день...

«Заладил, — там, у себя на реке, подумал Медвежонок. — Ну как он не понимает, что это — лето, что оно — короткое, что оно вот-вот кончится и что каждый раз у меня в лапах сверкает радуга».

— Муравей! — крикнул из своего лета Медвежонок. — Не бубни! Разве я не работаю? Разве я отдыхаю?

И он снова ударил по воде лапой, прищурился и увидел радугу.

-3 Заяц просится посумерничать.

— Пускай сумерничает, — сказал Ёжик и вынес на крыльцо ещё одно плетёное кресло.

— Можно войти? — спросил Заяц. Он стоял под крыльцом, пока Медвежонок разговаривал с Ёжиком.

— Входи, — сказал Ёжик.

Заяц поднялся по ступенькам и аккуратно вытер лапы о половичок.

— Три, три! — сказал Медвежонок. — Ёжик любит, чтобы было чисто.

— Можно сесть? — спросил Заяц.

— Садись, — сказал Медвежонок.

И Ёжик с Медвежоном тоже сели.

— А как мы будем сумерничать? — спросил Заяц. Ёжик промолчал.

— Сиди в сумерках и молчи, — сказал Медвежонок.

— А разговаривать можно? — спросил Заяц.

Ёжик опять промолчал.

— Говори, — сказал Медвежонок.

— Я в первый раз сумерничаю, — сказал Заяц, — поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно?

— Мы не сердимся, — сказал Ёжик.

— Я как узнал, что вы сумерничаете, стал прибегать к вашему, Ёжик, дому и глядеть во-о-н из-под того куста. Вот, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу...

— И чего? — спросил Медвежонок.

— А ничего. Темно стало, — сказал Заяц. — Нет, думаю, это не просто так, это не просто сиди и жди. Что-то здесь есть. Попрошусь, думаю, посумерничать с Ёжиком и Медвежоном. Вдруг пустят?

— Угу, — сказал Медвежонок.

— А мы уже сумерничаем? — спросил Заяц.

Ёжик глядел, как медленно опускаются сумерки, как заволакивает низинки туман, и почти не слушал Заяца.

— А можно, сумерничая, петь? — спросил Заяц.

Ёжик промолчал.

— Пой, — сказал Медвежонок.

— А что?

Никто ему не ответил.

— А можно весёлое? Давайте я весёлое спою, а то зябко как-то.

— Пой, — сказал Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — завопил Заяц. И Ёжику сделалось совсем грустно.

Медвежонку было неловко перед Ёжиком, что вот он притащил Заяца и Заяц мелет не разбери чего, а теперь ещё воет песню. Но Медвежонок не знал, как быть, и поэтому завопил вместе с Заяцем.

— Ля-ля-лю-лю! — вопил Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — пел Заяц.

А сумерки сгущались, и Ёжику просто больно было всё это слышать.

— Давайте помолчим, — сказал Ёжик. — Послушайте, как тихо!

Заяц с Медвежонком смолкли и прислушались.

Над поляной, над лесом плыла осенняя тишина.

— А что, — шёпотом спросил Заяц, — теперь делать?

— Шшш! — сказал Медвежонок.

— Это мы сумерничаем? — прошептал Заяц.

Медвежонок кивнул.

— До темноты — молчать?..

Стало совсем темно, и над самыми верхушками ёлок показалась золотая долька луны. От этого Ёжику с Медвежонком вдруг стало на миг теплее: они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись.

В самые сумерки, когда совсем немного осталось до темноты, Медвежонок сказал Ёжику:

— А знаешь, почему мы больше всего любим сумерки?

— Я люблю солнце, — сказал Ёжик. — Я сумерки не люблю.

— Как же не любишь? А кто говорил: «Давай, Медвежонок, посумерничаем»?

— Я говорил. Но я люблю солнце.

— А зачем тогда говорил?

— Я очень люблю сидеть с тобой в сумерках, но солнце я люблю больше.

— А почему ты никогда не сказал: «Давай посидим на солнышке, Медвежонок!»?

— Потому что на солнышке мы с тобой не усидим. На солнышке мы обязательно что-нибудь придумаем.

— А в сумерках мы ничего и придумать не можем?

— В сумерках хорошо просто сидеть. Сидеть и догадываться, что ты сидишь рядом.

— Что ж тут догадываться, когда ты и так знаешь.

— Знаю. Но когда становится уже совсем темно, мне иногда кажется, что тебя нет, и тогда я догадываюсь.*

— Я тоже догадываюсь, — сказал Медвежонок. — Но это когда уже совсем темно. Это когда уже надо зажечь свечу и ставить самовар.

— Ставить самовар, — задумавшись, повторил Ёжик.

— А ещё не надо?

— А ты уже есть хочешь?

— Я всегда есть хочу, — сказал Медвежонок. —

А ты разве не всегда?

— Нет, — сказал Ёжик. — Я не люблю есть. Скучно.

— Есть скучно? Как это? Мне ещё ни разу не было скучно есть. Сколько ни ел — ни разу не было скучно.

— А мне скучно, — сказал Ёжик. — Сидишь, жуёшь...

— Это смотря что есть, — сказал Медвежонок. — Если, например, кашу... Но и то — смотря какая каша. Вот я ел тыквенную. Вкусно!

— А мне даже твой мёд скучно.

— Мёд? Ну уж! — Медвежонок в темноте заулыбался. — Мёд всегда весело есть, хоть в дождь, хоть в снег. Пусть ветер воет, а я ем и радуюсь.

— Как это?

— Всем нутром, — сказал Медвежонок. — Ты можешь радоваться всем нутром?

— Не пробовал.

— Вот когда я ем мёд, — сказал Медвежонок, — я радуюсь всем нутром. Вот всем-всем, что у меня есть внутри, — сижу и радуюсь.

— Я сейчас дам тебе мёда. — Ёжик зажёл свечу. — Посмотрим, как ты будешь радоваться.

— Полная миска! — обрадовался Медвежонок.

— Возьми ложку.

— Зачем? Я и так съем! — И зачавкал.

— Что-то не вижу, чтоб ты радовался.

— Я радуюсь. — Медвежонок вылизал миску. — У меня там, внутри, всё дрожит и улыбается.

— Вкусно?

— Очень! Я так нарадовался, что теперь весь вечер буду сидеть грустный.

— Чего ж грустить?

— Как ты не понимаешь? — сказал Медвежонок. — Ведь мёда-то больше нет!

Они сидели в креслицах на Ёжикином крыльце; мигала свеча; высоко в небе загорались еле видные звёзды. Ёжик задумчиво глядел на Медвежонка, а Медвежонок внутренним взором видел всё своё радостное нутро и застенчиво улыбался.

- Опять ты пропал, — сказал Ёжик.
 — Сам ты пропал. Дожди-то какие были!
 — Ну и что? Взял бы зонтик да пришёл.
 — А у тебя разве зонтика нет?
 — А что я сказал, когда мы расставались?
 — Что?
 — Я сказал: «Приходи, Медвежонок, вечером чай пить».

— Вот взял бы зонтик да пришёл.
 — Да я же тебя ждал чай пить!
 — Разве у меня самовара нет?
 — Послушай, Медвежонок, если кто-то говорит кому-то: «Приходи ко мне чай пить», значит, этот кто-то сидит и ждёт.

— Правильно. Посидел, подождал, а нет — взял и сам пришёл. Я так и подумал: «Вот-вот Ёжик придёт». Самовар раздул; сижу жду, а тебя нет.

— Так это же ты должен был ко мне прийти!
 — А если бы я заболел?
 — Но ты же не заболел.
 — Но если бы я пошёл к тебе под дождём, я бы обязательно заболел.

— Почему же бы ты обязательно заболел, если у тебя есть зонтик?

— А потому, что у меня бы вымокли лапы!

— А сапоги?

— Ха! Сапоги! — сказал Медвежонок. — Надевай, потом — иди, на крыльце снимай, потом — надевай снова! Ты же знаешь, как у меня сапоги надеваются?

— Как?

— С трудом!

— Надел бы галоши, — сказал Ёжик. — Галоши — раз! — и надел, раз! — и скинул.

— Ты же знаешь, что у меня нет галош.

— А ты бы представил себе, что сапоги — это га-лоши, тогда бы они легко снялись.

— Ты что говоришь?

— А что?

— Как же они могут легко сняться, если я их на-деваю с трудом?

— Ну ладно, надел бы ботики.

— Что я — дед? Откуда у меня ботики?

— Выходит, ты никак не мог ко мне прийти?

— Выходит, — сказал Медвежонок.

— А почему же ты ждал меня?

— Я тебя не ждал, — сказал Медвежонок.

— Как же не ждал? Сам сказал: «Самовар раздул, сию жду, а тебя — нет».

— Правильно. А вдруг, думаю, придешь.

— Ладно, — сказал Ёжик. — Меня — нет, самовар урчит, за окном льёт. И что? Что ты делаешь?

— А что?

— А я, — сказал Ёжик, — представил, что ты при-шёл, напоил тебя чаем и проводил на крыльцо. Понял?

— А что я сказал? — спросил Медвежонок.

— Ты сказал: «Спасибо! Очень был вкусный чай, Ёжик!»

— Подумаешь! — проворчал Медвежонок. — Прово-дил на крыльцо! А я тебя никуда не пустил. Положил спать с собой. «Куда же ты пойдёшь в такую ночь, Ёжик?»

СЫРОЕЖКА

Чем дальше уходила осень, чем дольше Ёжик смот-рел вокруг, тем удивительнее ему становилось.

Лес похудел — стал тоненьким и прозрачным. И небо будто поредело — стало не таким синим, не таким густым.

— Это потому что осень, — вздохнул Медвежонок.

Но Ёжик и без Медвежонка знал, что это всё от того, что пришла осень.

Ёжик любил осень. Любил медленно бродить по шуршащей листве, и удивляться, и радоваться каждому грибу.

— Здравствуйте, гриб! — говорил Ёжик. — Как выживаете?

Дальше всё зависело от того, какой попадался гриб.

Здоровяк Боровик отвечал:

— Замечательно! Крепок духом, здоров телом!

Поганка что-то мямлила и вся изгибалась:

— Да знаете, да понимаете, да я...

Хитрые лисички прятали глаза и хихикали:

— Хи-хи! Погляди на него! Это — Ёжик!

Задумчивый Груздь басил:

— Ничего, всё в порядке, живём.

Лукавая Волнушка искоса глядела из-под шляпы и поводила плечом.

А Мухомор, весь красный, только ещё сильнее краснел.

— Рады стараться! — неожиданно писклявым голосом отвечал Мухомор.

В сумерках Ёжик любил беседовать с опятами. Сядет у пня, вокруг соберётся много-много опят, сдвинут шапки на затылок и — слушают.

Но приятнее всего, конечно, Ёжику было беседовать с Сыроежкой.

— Как вы себя чувствуете? — улыбаясь, спрашивал Ёжик.

— Вы даже не представляете, как рада я вас видеть, — отвечала Сыроежка.

И Ёжик, уже дома, засыпая, всегда вспоминал эту милую улыбку, с которой с ним говорила Сыроежка.

В сумерки Ёжик любил посидеть у окна и помечтать. Вот и сегодня, в этот тихий вечер, Ёжик надел валенки, накинул шубку и распахнул окно.

За окном был мартовский лес, но совсем не такой, каким бывает лес в марте.

Во-первых, нигде не было ни шкурки снега.

Во-вторых, лес не хмурился чёрными бровями ёлок, а отливал лёгкой светящейся сединой.

«Это потому что месяц, — подумал Ёжик и поглядел из окна на тоненький, в щербинах, месяц. — Жаль, птицы не поют».

И размечтался.

«Вот если бы запели птицы, — мечтал Ёжик, — и на небо выскользнула большая луна, и заплакал комар, ухнул филин, заплясала лягушка, и по всему лесу зашелестела молодая трава, и кто-то широким таким голосом спросил: „Ты о чём думаешь, Ёжик?“, я бы ответил: „О вас“».

— А кто я?

— Вы, наверное, Слон.

— Как ты догадался?

— А ты приплыл, да? Я вышел днём на крыльцо, вижу — облако, похожее на слона.

— Это был я, — сказал Слон.

— А ты... вы... надолго?

И тут Ёжик увидел настоящего Слона. Слон был серо-серебряный, будто в изморози, и такой лёгкий-лёгкий, как облако.

— До утра, — сказал Слон.

— Вы сели на холме?

Слон кивнул.

— И пошли ногами? Так заходите! — чуть не крикнул Ёжик. — Я напою вас чаем!

— Не вмещусь, — покачал Слон головой.

Тогда Ёжик выскочил из дома и поставил перед окном табуретку.

Теперь они сидели друг против друга, Слон и Ёжик. Слон — перед окном на табуретке, Ёжик — у окна в своем доме; чашки с блюдцами, морковка и всё остальное — на подоконнике.

Они пили чай из самовара, и Слон держал чашку, как барышня, самым кончиком хобота.

И тут появился Медвежонок.

— С кем это ты пьёшь чай? — с порога крикнул он.

— Со Слоном.

— Не вижу.

— Прищурься.

— Всё равно не вижу, — сказал Медвежонок.

— Он вас не видит, — сказал Ёжик Слону.

— Замечательная морковка! — сказал Слон и вежливо, почти незаметно съел морковку.

Медвежонок в упор посмотрел на Ёжика, выглянул в окно, снова посмотрел на Ёжика.

— Он там, на табуретке, — сказал Ёжик. — Скажите ему что-нибудь, Слон.

— Я очень большой, — сказал Слон. — Я сижу на табуретке. Но надо очень захотеть, чтобы меня увидеть.

— Ну? Видишь?

— Нет, — сказал Медвежонок. — Только луна и лес, и никакого Слона!

— Эх ты! — сказал Ёжик. — Такого Слона не увидел.

— Это ничего, — сказал Слон. — У Медвежонка много забот. В следующий раз он меня обязательно увидит.

— Слышишь?

— Нет, — сказал Медвежонок. — Ничего не вижу и ничего не слышу! Завтра ни свет ни заря вставать и смолить лодку.

— Ты прилетай к нам, Слон! — попросил Ёжик. — Слышишь? Я так хочу, чтобы Медвежонок тебя увидел.

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТOK

- Ав! ав! ав! — лаяла собака.

Падал снег — и дом, и бочка посреди двора, и собачья конура, и сама собака были белые и пушистые.

Пахло снегом и новогодней ёлкой, внесённой с мороза, и запах этот горчил мандаринной корочкой...

— Ав! ав! ав! — опять залаяла собака.

«Она, наверное, унюхала меня», — подумал Ёжик и стал отползать от домика лесника.

Ему было грустно одному идти через лес, и он стал думать, как в полночь он встретится с Осликом и Медвежонком на Большой поляне под голубой ёлкой.

«Мы развесим сто рыжих грибов лисичек, — думал Ёжик, — и нам станет светло и весело. Может быть, прибегут зайцы, и тогда мы станем водить хоровод. А если придёт Волк, я его уколую иголкой, Медвежонок стукнет лапой, а Ослик — копытцем».

А снег всё падал и падал. И лес был такой пушистый, такой лохматый и меховой, что Ёжику захотелось вдруг сделать что-то совсем необыкновенное: ну, скажем, взобраться на небо и принести звезду.

И он стал себе представлять, как он со звездой опускается на Большую поляну и дарит Ослику и Медвежонку звезду.

«Возьмите, пожалуйста», — говорит он. А Медвежонок отмахивается лапами и говорит: «Ну что ты! У тебя ведь одна...» И Ослик рядом кивает — мол, что ты, у тебя ведь всего одна! — а он всё-таки заставляет их послушаться, взять звезду, а сам снова убегает на небо.

«Я вам пришлю ещё!» — кричит он. И когда уже поднимается совсем высоко, слышит еле доносящееся: «Что ты, Ёжик, нам хватит одной!..»

А он всё-таки достает вторую и вновь спускается на поляну — и всем весело, все смеются и пляшут.

«И нам! И нам!» — кричат зайцы.

Он достает и им. А для себя ему не надо. Он и так счастлив, что весело всем...

«Вот, — думал Ёжик, взбираясь на огромный сугроб, — если б рос где-нибудь цветок „ВСЕМ-ВСЕМ ХОРОШО И ВСЕМ-ВСЕМ ВЕСЕЛО!“, я бы раскопал снег, достал его и поставил посреди Большой

поляны. И зайцам, и Медвежонку, и Ослику — всем-всем, кто бы его увидел, сразу стало бы хорошо и весело!»

И тут, будто услышав его, старая пушистая Ёлка сняла белую шапку и сказала:

— Я знаю, где растёт такой цветок, Ёжик. Через двести сосен от меня, за Кривым оврагом, у обледенелого пня, бьёт Незамерзающий ключ. Там, на самом дне, стоит твой цветок!

— Ты мне не приснилась, Ёлка? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказала Ёлка и снова надела шапку.

И Ёжик побежал, считая сосны, к Кривому оврагу, перебрался через него, нашёл обледенелый пенёк и увидел Незамерзающий ключ.

Он наклонился над ним и вскрикнул от удивления.

Совсем близко, покачивая прозрачными лепестками, стоял волшебный цветок. Он был похож на фиалку или подснежник, а может быть, просто на большую снежинку, не тающую в воде.

Ёжик протянул лапу, но не достал. Он хотел вытащить цветок палкой, но побоялся поранить.

«Я прыгну в воду, — решил Ёжик, — глубоко нырну и осторожно возьму его лапами».

Он прыгнул и, когда открыл под водой глаза, не увидел цветка. «Где же он?» — подумал Ёжик и вынырнул на берег.

На дне по-прежнему покачивался чудесный цветок.

— Как же так!.. — заплакал Ёжик. И снова прыгнул в воду, но опять ничего не увидел.

Семь раз нырял Ёжик в Незамерзающий ключ...

Продрогший до последней иголки, бежал он через лес домой.

«Как же это? — всхлипывал он. — Как же так?» И сам не знал, что на бегу превращается в белую, как цветок, снежинку.

И вдруг Ёжик услышал музыку, увидел Большую поляну с серебряной Ёлкой посредине, Медвежонка, Ослика и зайцев, водивших хоровод.

«Тара-тара-там-та-та!..» — играла музыка. Кружился снег, на мягких лапах плавно скользили зайцы, и сто рыжих лампочек освещали это торжество.

— Ой! — воскликнул Ослик. — Какой удивительный снежный цветок!

Все закружились вокруг Ёжика и, улыбаясь, танцуя, стали любоваться им.

— Ах, как всем-всем хорошо и весело! — сказал Медвежонок. — Какой чудесный цветок! Жаль только, что нет Ёжика...

«Я здесь!» — хотел крикнуть Ёжик. Но он так продрог, что не мог вымолвить ни слова.

СКАЗКА НА ОТЪЕЗД СЛОНА

Три дня у Ёжика с Медвежёнком гостил Слон.

Дни стояли лёгкие, солнечные, с тяжёлыми деревьями и свежей молодой травой — прежнюю Ёжик с Медвежёнком давно скошили.

Заяц тогда ворошил сено и хохотал.

— Ты чего, Заяц?

— А так! — хихикал Заяц. — Шуршит!

Сено сперва копнили, а потом сметали в стога. И стога, как большие слоны, пошли по поляне.

Тут-то Медвежонок и сказал:

— А давайте пригласим Слона!

Написали письмо и отправили с попутной птицей в город.

Слон приехал через неделю.

Сперва — всех покатал по поляне: это было очень весело!

Потом сели удить рыбу.

Слон никого не поймал.

И Ёжик.

И Медвежонок.

А Заяц поговорил с рыбой, и рыба пообещала вечером прийти пить чай.

...Вскипел самовар.

Все сидели на крыльце и глядели, как заходило солнце.

Слон был задумчивый-задумчивый.

— Думаешь, не придёт? — спросил Ёжик.

— А кого ты пригласил? — поинтересовался Медвежонок. — Если Ерша — трепло, и ждать нечего.

— Вот если б Голавля... — сказал Ёжик. — Голавль — серьёзный.

Слон ничего не сказал. Он глядел на заходящее солнце.

— Приду, сказала, — оправдывался Заяц. — Вильнула, и всё.

— Рыбу легче всего узнать по хвосту, — говорил Медвежонок. — Если усы — Сом. А вообще, когда разговариваешь, надо глядеть в глаза.

— Так она же в воде! — рассердился Заяц.

Подождали ещё.

Солнце опускалось медленно-медленно, и глядеть на него было хорошо и печально.

— Это удивительно, что вы догадались меня позвать, — тихо сказал Слон. — Если б не вы, я бы ни за что не выбрался.

— Ты не думай, она придёт, — сказал Медвежонок. — Усы — значит, Сом. А сомы обязательные.

— Представляешь, вернёшься в город и расскажешь, как мы пили чай с Голавлём, — сказал Ёжик. — Вот увидишь, это — Голавль. Заяц не приметил, а я чувствую.

Большой серый Слон глядел на заходящее солнце, слушал, что ему говорят Ёжик, Заяц и Медвежонок,

и думал, что вот он прожил целую жизнь и за всю жизнь ему не было так хорошо и печально, как в этот вечер, когда они вчетвером ждали рыбу.

СОСНОВАЯ ШИШКА

Светлый вечер в осеннем лесу.

Затрепала и смолкла неизвестная птица.

Заяц выбежал к ручью, сел и стал слушать, как журчит вода.

— Вода, вода, куда ты бежишь? — спросил Заяц.

— С камушка на камушек по камушкам бегу!

«По камушкам. Хорошо ей! — подумал Заяц. — Вот бы мне так!»

Пришёл Муравей.

— Ты что бродишь? — спросил Заяц. — Скоро зима, а ты по лесу шатаешься.

— Надо, — сказал Муравей. Зачерпнул ведёрком воды и пошёл.

— Стой! Давай поговорим, — сказал Заяц.

Муравей остановился:

— О чём?

— О чём хочешь.

— Некогда мне разговаривать. Воду надо нести. — И ушёл.

— Вот жизнь! — вздохнул Заяц. — Муравьи по воду ходить стали, поговорить не с кем. Раньше хоть какой-никакой гриб попадетсЯ, с ним потолкуешь. А теперь и грибы куда-то попрятались.

— А ты со мной поговори, — сказала Сосновая Шишка. Она лежала рядышком, у ручья. — Я — старая, много всего видела.

— Что же ты видела? — спросил Заяц.

- Небо, — сказала Шишка.
- Кто ж его не видел? Вот оно!
- Не-ет, я там была, высоко, — вздохнула Шишка. — Меня Ветер любил. Прилетит, бывало: «Здравствуй, Шишка!» — «Здравствуй, — говорю, — где пропадал?» — «К морю летал, корабли двигал». Во как! А ты чего скучный такой?
- Не знаю, — сказал Заяц.
- Эх, жизнь была! Утречком проснёшься — весь лес в тени, а у нас уже солнышко! Солнышко пригреет, Ветер прилетит — шумим-веселимся!.. А ночью — звёзды. Так в глаза и глядят. Я любила одну. Зелёная такая, ласковая. Только покажется, а уж Ветерок мой тут как тут. «Полетим, — говорит, — к звезде, Шишка!» — «Так далеко же!» — «Это нам нипочём!» Возьмёт в объятия и понесёт.
- Хорошо говоришь, бабушка, — вздохнул Заяц.
- Жили хорошо, Заяц. А что слова? Сам-то чего скучный, молодой же?
- А где ж он теперь, Ветер?
- Летает. Ветер, он всегда молодой. А я, вишь, старая, упала. Кому нужна?
- Грустно тебе, бабушка?
- Не-е, Заяц. Лежу, на небо гляжу, водичку слушаю; звёздочку зелёную увижу — Ветер вспоминаю.

СОЛЁНЫЕ НОЖКИ

- Почему ты всё знаешь, Заяц?
- От бабушки. Если б вы знали, какая у меня была бабушка!
- И считать тебя научила?
- И считать.
- И писать?

— И писать.

— А мой дед, — сказал Медвежонок, — всё на печке сидел. А бабка ему ножки солила.

— Как это?

— Нагреет воды, выльет в ушат, туда — соли и золы из печки.

— Зачем? — спросил Ёжик.

— Для здоровья. Бывало, скажет: «Ну, Медведюшко, давай ножки солить!» Дед обрадуется — очень он это любил.

— А моя бабка, — сказал Ёжик, — была неграмотной. Зато дедушка в свистульку свистел.

— Мой на скрипке играл, — сказал Медвежонок. — Сунет лапы в ушат, а сам — за скрипку. Бабка сядет, голову набок — пригорюнится.

— Он что, только грустное играл? — спросил Заяц.

— Что ты! Бывало, и плясовую. Я пляшу, бабка плачет.

— Отчего? — спросил Ёжик.

— Очень деда любила.

— А мой сгинул, — сказал Заяц. — Дед сгинул, отец сгинул, мать пропала. Одна бабушка у меня была. Зато какая бабушка! Посадит к окну, даст уголёк — рисуй, Зайчик!

— А мои вместе свистели, — сказал Ёжик. — Дед бабуку тоже научил. Проснутся — и свистят.

— Вот никогда не слышал, чтобы ежи свистели, — сказал Заяц.

— А они — тихонько. Свистят себе и свистят. Когда я чуть побольше стал, мне тоже свистульку сделали.

— Бүзинную?

— Не, из липы. Дед липовые любил. У них звук... с шершавинкай.

— А сейчас можешь? — спросил Заяц.

— Забыл. И потом — я свистульки делать не умею. Помолчали.

Тихо и хорошо было в осеннем лесу.

— Я бы вас извлекать корень научил, — сказал Заяц. — Да, боюсь, не смогу: бабка со мной две зимы билась.

— Что мы — кроты?

— Ты нас и так вон сколькому научил! — сказал Ёжик.

— А давайте ножки солить!

И тут все обрадовались, согрели воды, насыпали золы, соли, и Ёжик неслышно, про себя, засвистел в свистульку, Заяц сквозь слёзы увидел свою любимую бабушку, а Медвежонок тихонько радовался, что вот все сидят, солят ножки, а вспомнил, как надо солить, он, Медвежонок.

Заяц бегал и прыгал, прыгал, пел и был счастлив, потому что светило солнце.

— Ну что ты прыгаешь? — зудел Комар.

— Как же мне не прыгать? — ликовал Заяц. — Солнце!

Солнце, солнце, только оно давало Заяцу эту необъятную радость. Ни капуста, ни морковка, ни кора с яблоньки — ничто так не радовало Заяца, и поэтому он прыгал и скакал с утра до вечера, забывая поесть.

— Внучек! Беги чай пить! — кричал дед.

— После.

— Помрёт с голоду, — ворчала бабка.

А Заяц только хохотал, приплясывая:

Не помру,
Не помру,
Вы не верьте
Комару!

«Я-то при чём?» — подумал Комар. Но вылезать из-под лопуха не стал.

А Заяц прыгал, пел, кувыркался, даже влез на берёзу — так ему было хорошо и привольно.

Но настал вечер, смерклось, и Заяц пошёл домой.

— Давай чаю, — сказал он бабке.

— А где — «пожалуйста»?

— Пожалуйста!

— Набегался? — спросил дед. — Напелся?

Заяц кивнул, хрустя морковкой.

— Когда остепенишься? — спросила бабка. — Когда опомнишься?

— Скворечник сделал? — спросил дед.

— А обещал, — сказала бабка. — Капустки дать?

— Угу.

— «Угу»! — передразнила бабка и положила перед Заяцем кочерыжку. — Обещал ведь.

— Я — маленький, — сказал Заяц. — Вырасту — построю.

— А я — старенький! — сказал дед.

— Я молоденькая, да? — начала бабка.

«Ну, поехали!» — подумал Заяц и стал глядеть в сиреневый лес.

«Как это было давно!» — думал много лет спустя Заяц, сидя в сумерках на том же крыльце, глядя в тот же сиреневый лес, с грустью вспоминая деда, бабуку и как всё хорошо, как радостно тогда было.

СНЫ

- Если бы ты только знал, Медвежонок, как я по тебе скучаю!

— И я.

— Я так по тебе скучаю, что стал даже с тобой говорить во сне.

— И я.

— Однажды я тебе говорю: «Эй, ты где?»

— А я?

— А ты: «Здесь я, Ёжик, здесь! Просто меня не видно».

— Как же меня может быть не видно? Вон я какой!

— Я знаю. Но так ты сказал во сне.

— А дальше?

— Я говорил: «Ты покажись, покажись, где ты?» —

«Сейчас», — говоришь и...

— Что?

— Так... Что-то промелькнуло... «Это ты?» — говорю. «Ага».

— Что — ага?

— Во сне ты сказал: «Ага».

— А меня не видно?

— Не-а. Что-то промелькнуло — и всё.

— Та-ак.

— А в другой раз — будто мы с тобой идём по большому лугу. Жарко, жаворонок поёт. И я говорю: «Медвежонок, правда, это как давным-давно?.. Вот так же мы шли, и ты пел, и птицы...» А ты...

— Что?

— Молчишь.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Ты мне лучше снился. Ты мне снился так хорошо, что просто замечательно!

— А как?

— Знаешь, я даже сказать не могу. Я проснулся и целый день ходил радостный.

— А что я говорил?

— Много. Ты и говорил, и пел. Я даже смеялся во сне. И проснулся — весь радостный!

— Откуда ты знаешь?

— Лягушка сказала. Пришла утром и говорит: «Ква-а-а, — говорит, — ну, Медвежонок, ты и хохотал во сне!»

— Нет, мне так не снилось, — сказал Ёжик. — Если бы мне так снилось... А я однажды проснулся и — весь в слезах.

— Ты... ты не расстраивайся. Знаешь, если я потом ещё тебе приснюсь, ты мне скажи: «Медвежонок, а Медвежонок, хочешь мёду?» И я обязательно скажу: «Хочу!»

— Хорошо бы, — сказал Ёжик.

— Что ж ты думаешь — я мёду не захочу?

— Не знаю. Только ты в следующий раз не молчи, ладно?

Они, разговаривая, перешли поле, прошли лесом и вышли к реке. Было тихо-тихо.

— В следующий раз ты ни за что не молчи, Медвежонок, — сказал Ёжик.

— Нет-нет, что ты! Я обязательно что-нибудь скажу. Уж теперь ты не бойся: я — скажу.

Плеснула рыба. Кругами на цыпочках побежала по воде тишина.

СТРАННЫЙ МУЗЫКАНТ

Жил-был странный Музыкант. В общем-то он не был странным... ну разве что глаза у него были разные: один — синий, а другой — оранжевый.

Когда музыкант ложился спать, синий глаз он оставлял открытым, а оранжевый крепко-накрепко закрывал. И тогда была ночь. А когда просыпался — наоборот: открывал свой оранжевый глаз, а синий закрывал. И тогда был день.

Очень это было интересно и даже загадочно, но объяснить, как это всё происходит, никто не мог.

Вот проснулся однажды Музыкант, чуть-чуть приоткрыл оранжевый глаз, чуть-чуть прикрыл синий, и получились предрассветные сумерки.

«Ха-ха!» — сказал Музыкант.

Позавтракал и отправился гулять по городу.

А надо сказать, что в этом городе этот Музыкант был самым главным музыкантом. И все его так и называли: **ГЛАВНЫЙ СТРАННЫЙ МУЗЫКАНТ**. А почему странный — это вы сейчас узнаете.

Когда Музыкант брал в руки барабан и барабанные палочки начинали прыгать, как капли дождя, а тяжё-

лый молоток — ухатъ, как весенний гром, у Музыканта тут же вырастал огромный горб. И всем казалось, что они попали под весенний дождь в горы, сидят у подножья горы, глядят на огромное озеро и слушают, как по воде плещется дождь.

Только одни утверждали, что гора — зелёная, а другие говорили, что синяя — от дождевой пыли...

Вот какой странный Музыкант!

А когда Музыкант прижимал к губам трубу и начинал трубить, у него сразу же вырастали огромные усы. И чем дальше он трубил, тем быстрее и быстрее эти усы росли. И всем казалось, будто бы они мчатся на огромном трубящем поезде и перед ними в разные стороны разбегаются тёмные линии лесов.

Только одни говорили, что леса — чёрные, а другие — что вроде бы золотистые, потому что золотая осень и деревья, покачиваясь, горят на ветру...

Вот какой удивительный Музыкант!

А когда Музыкант брал арфу, он обязательно приоткрывал оранжевый глаз и открывал синий. И тогда всем казалось, что они идут вслед за пальцами Музыканта по бесконечной прохладной голубой лестнице. А Музыкант становился совсем невидимым, оставлял на арфе только свои пальцы, а сам пристраивался за всеми и тоже, вслед за остальными, шёл по бесконечной голубой лестнице.

— Вы только подумайте, как далеко мы сегодня ушли! — говорили люди после концерта. — И ничуть не устали...

Вот какой это был Музыкант!

А когда он прикасался к роялю, из-под каждой клавиши у него выскакивал маленький-маленький музыкантик, спрыгивал на пол и убегал в зал. А там вскарабкивался по стулу слушателю на плечи и залезал за шиворот. И когда Музыкант заканчивал первую пьесу,

в зале у каждого человека сидело за шиворотом по маленькому музыкантику. В руках у этих музыкантиков были тонкие тросточки: этими тросточками они шевелили людям волосы на затылке.

А когда концерт кончался и Музыкант шёл домой, маленькие музыкантики догоняли его по дороге и сами запрыгивали в специальный сундучок, с которым Музыкант никогда не расставался.

Вот какой удивительный Музыкант!

Зато когда он играл на виолончели и виолончель была худа и печальна, как одинокая красная корова на осеннем лугу, Музыкант начинал краснеть. И становился таким красным, что издали казалось, будто это большой жалобный помидор сидит на сцене и водит себя поперёк живота смычком. И когда все уже начинали его жалеть и жалеть одинокую грустную корову посреди огромного луга, он вдруг открывал свой оранжевый глаз и все видели, как там, из-за тумана, из-за реки поднималось солнце, и освещало траву изумрудным светом, и превращало грустную корову в огненного жеребца. Жеребец нёсся к реке, и было непонятно — это стучат копыта или бьются сердца слушателей...

Вот какой необыкновенный Музыкант!

А когда он играл на скрипке, он худел и становился тоненьким, как кузнечик на одной ножке. И когда ему аплодировали, казалось, что это не плещут ладони, а по залу, как по клеверному полю, летят белые лепестки ромашек.

Вот какой странный Музыкант!

И когда ты, уснув вечером, проснёшься хмурым утром — не огорчайся: это просто Музыкант очень устал на вечернем концерте и забыл поутру как следует протереть свой оранжевый глаз.

В эти самые лучшие часы, когда солнце уже садится, но ещё не наступили сумерки и от деревьев на снегу — длинные голубые тени, — в эти часы Ёжик садился у окна и мечтал.

То же самое делал Медвежонок.

А у Зайца не было сил мечтать, потому что Заяц просто не мог сидеть на месте.

Вот и сегодня он сперва сбегал к Ёжику, потом — к Медвежонку и обоих застал сидящими у окна, глядящими в затухающий лес.

— И птицы не поют! — огорчился Заяц. — Поговорить не с кем.

Белка сидела у печки с вязаньем.

Хомячок съел кашу и теперь пил компот.

Филин ещё не проснулся.

И Волк видел последний сон.

«Взойдёт луна, вылезет на поляну и — завоюет», — подумал Заяц.

Он знал, что Ёжика с Медвежонком сейчас трогать нельзя; с Белкой и Хомячком — скучно; и поэтому Заяц один прыгал по остывающему насту и просто не знал, куда себя деть.

С Лисой у Зайца сложились особые отношения, и поэтому он решил сбегать к Лисе.

— Лиса-Лиса, бон суар! — сказал Заяц.

— Бон суар! Добрый вечер, Заяц!

У Лисы была французская бабушка, и она учила Зайца по-французски.

— Коман са ва? Как дела? — спросил Заяц.

— Са ва комси комса. Так себе, — сказала Лиса.

— Сова-сова! — обрадовался Заяц. — Так себе.

— Учи, — сказала Лиса.

И Заяц полетел по лесу, повторяя:

— Сова-сова! Сова-сова! Сова-сова!

— Тебе чего? — проснулся Филин. — Чего надо?

— Ничего, — сказал Заяц.

— А чего зовёшь?

— Я тебя не звал.

— Как же не звал? — рассердился Филин. — Прыгаешь, кричишь: «Сова! Сова!» Это же я!

— Это по-французски — «так себе»! — сказал Заяц.

— Это я — так себе?

— Нет, это по-французски «так себе», а ты — очень хороший!

— То-то, — сказал Филин. — А что будет по-французски Волк-Волк?

— Ещё не знаю.

— А Лиса-Лиса?

— Надо спросить. Сбегаю и спрошу.

«Сова-сова!» — пел по дороге к Лисе Заяц и с порога спросил:

— Сова-сова — «так себе», а Лиса-Лиса?

— Не сова-сова, а са ва комси комса, — сказала Лиса. — А Лиса-Лиса — это я, и больше никого.

— А Волк-Волк?

— Волк-Волк — по-французски ничего не значит.

«И всё-таки что-то здесь не так, — зубря „сову-сову“ и в третий раз огибая лес, на бегу думал Заяц. — Сова-сова — „так себе“, значит, Волк-Волк — ещё хуже».

Он до того задумался, к тому же, не переставая, вопил «сову-сову», что не заметил Волка.

— Ты кого славить? — схватил Зайца Волк.

— Сова-сова — «так себе»! — выпалил Заяц.

— Вот именно! Кому она нужна, твоя Сова? Бегай и кричи: «Волк! Волк!»

— Что ж мне тебя кричать, когда ты ничего не значишь?

— Я?

— Ну да. Для французов ты — тьфу!

«Неужто Волк для них — ничто?» — опечалился Волк. Он так расстроился, что даже отпустил Зайца.

— Совсем, — горько вздохнул Заяц. — Представляешь, Волченька, ты — Волк, а тебя как будто и нет.

— Ничего, Заяц, — сказал Волк. — Это, может, меня у французов нет, у них и леса-то нет. Зато здесь мы с тобой — ух-х!..

— Ух! — кивнул Заяц.

— Ну, беги, — потрепал по ушам Зайца Волк. — Тянись к знанию.

И, по-волчьи ослабившись, показал страшные зубы:

— Беги-беги! Учись! Пусть знают наших!

И Заяц, ликуя, помчался по лунному лесу, зовя Сову-Сову — хищную птицу, которая, может, там, у французов, и означает «ни то ни сё, ни так ни сяк, так себе», а у нас — тихую жуть.

САДИТЕСЬ, Я ВАМ НАЛЬЮ ЧАЮ

Заяц глядел на глубокий снег за окном, на деревья, осыпанные снегом, и думал, как бы ему занырнуть в сказку.

Зайцу хотелось занырнуть поглубже-поглубже, чтобы стало весело и легко.

Он закрыл глаза и нырнул — и сразу увидел очень красивый дом, и цветущие вишни, и Собаку с длинными ушами, сидящую на крыльце.

Собака пила чай и, улыбаясь, глядела на Зайца.

— Я, кажется, не туда попал, — сказал Заяц.

— Почему же?

— Нет-нет, мне здесь очень нравится, но...

— Вы меня боитесь?

— Ну... — замялся Заяц.

— Не бойтесь. — Собака ещё приветливее улыбнулась. — Садитесь, я вам налью чаю.

Заяц робко, бочком поднялся на крыльцо, сел в кресло.

— Вам покрепче?

Заяц кивнул.

— У меня прекрасный чай с брусничным листом, — говорила Собака. — Позвольте медку?

Кругом была весна, пели птицы.

Длинноухая Собака большими печальными глазами смотрела на Зайца.

«Бедный Заяц! — думала Собака. — Но кто знает, что у него на уме?»

«Отчего это она такая ласковая?» — думал Заяц.

— Позвольте предложить вам к чаю морковку, — сказала Собака.

Заяц ничего не ответил.

Он глядел на цветущие вишни, на ровный травяной ковёр вокруг дома и думал, почему же у него там, наверху, снег и снег, а если не снег — лужи и грязь, а если не грязь — духота и пыль, а в конце духоты — пожар?

Он отклебнул чаю и поглядел на Собаку:

— Ведь вы меня не боитесь?

— Нет, — сказал Заяц.

— Вот и чудесно!

Собака, извинившись, ушла в дом и расчесала перед зеркалом свои длинные уши.

— Вот морковка, — вернулась к столу Собака. — А это — возьмите с собой, ведь у вас — зима!

Заяц посмотрел на мешочек с морковкой:

— Спасибо! — Но есть не стал.

Он глядел на пушистые Собачьи уши, на ровный травяной ковёр вокруг дома и думал, что, как здесь ни хорошо, а всё же придётся открыть глаза.

— Спасибо! — ещё раз сказал Заяц.

И, не открывая глаз, улыбнулся Собаке и сошёл с крыльца.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЯЦ И МЕДВЕЖОНОК

Медвежонок проснулся, приоткрыл один глаз и увидел, что на полу сидит огромный Солнечный Заяц.

— Ты кто? — спросил Медвежонок.

— Я — Солнечный Заяц, — сказал Солнечный Заяц. — Я жду, когда ты проснёшься.

И Медвежонок, жмурясь, вылез из постели.

— Сперва застелим постель, — сказал Солнечный Заяц и прыгнул на кровать.

Медвежонок взбил подушку, застелил одеяло.

— Теперь будем умываться, — сказал Солнечный Заяц. И перелетел к рукомойнику.

Медвежонок умылся.

— Теперь откроем окно!

Медвежонок открыл окно.

— А теперь будем делать зарядку! Раз-два! — И Солнечный Заяц принялся скакать по всему дому.

— Ляжем на спину! — крикнул он. Лег на спину и вытянул уши.

И Медвежонок лег на спину и постарался передними лапами вытянуть хоть немного свои уши.

«Эх, — подумал он, — мне бы такие уши, как у Зайца!»

— Ты что это делаешь? — спросил Солнечный Заяц.

— Да это я так, — сказал Медвежонок. — Что дальше?

— Переходим к водным процедурам! — сказал Заяц и полез в ушат с водой.

— Подвинься, — сказал Медвежонок и сел рядом.

Когда они растерлись мохнатыми полотенцами и сели завтракать, Медвежонок вдруг стукнул лапой по столу:

— А зубы!

— Да, — кивнул Заяц. — Только я забыл щетку.

И тогда Медвежонок почистил зубы своей зубной щеткой, а Солнечный Заяц — лапой, хотя это не по правилам и у каждого должна быть своя зубная щетка, но что же делать, если Солнечный Заяц в это утро так спешил к Медвежонку, что оставил свою зубную щетку дома.

Когда они снова сели за стол, в дверь постучали и вошёл Ёжик со своим Солнечным Зайцем.

— Здравствуй, Медвежонок! — крикнул Ёжик. — Вы уже завтракаете?

— Ага. Садитесь! — сказал Медвежонок.

И они вчетвером сели за стол и вкусно позавтракали.

Каждый листик, каждая веточка стали видны резко и отчётливо. Небо опустилось низко-низко и теперь стояло в обнимку с деревьями. Когда появлялось солнышко, становилось так радостно и печально, как никогда не бывает летом.

— Отчего это так? — спрашивал Ёжика Медвежонок.

— Глупый, — говорил Ёжик. — Это последнее солнышко, потому и печально.

— Хорошо бы — оно никогда не уходило.

— Так не бывает, — сказал Ёжик. — Дни станут темные, короткие, а ночи — длинные, большие.

— А что мы будем делать?

— Топить печь, глядеть на огонь и вспоминать лето.

— Хорошо бы, если б у нас дома было свое солнышко. Я бы его поливал!

— Разве оно цветок?

— Я бы за ним ухаживал лучше, чем за цветком. Я бы с ним разговаривал.

— А что бы ты ему сказал?

— Я бы ему сказал: «Доброе утро, Солнышко!»

— Это утром. А потом?

— Не перебивай! Я бы ему сказал: «Доброе утро, Солнышко! Я — Медвежонок». — «Знаю», — сказало бы оно. «У меня есть друг. Он скоро придёт. Его зовут Ёжик». — «Знаю», — сказало бы оно. «Вот он придёт, и мы сядем завтракать. Ты что больше любишь — мёд или грибки?» — «Мёд», — сказало бы Солнышко.

— Это почему? — спросил Ёжик.

— Мне так кажется. Оно золотое, и мёд золотой. А что такое грибки?

— Что?

— Плесень, — сказал Медвежонок.

— Это грибы-то — плесень?

— А что же ещё? Самая настоящая плесень.

— Значит, я больше всего на свете люблю плесень?

— Нет, почему? Ты яблоки тоже любишь.

— Но грибы-то я люблю больше!

— Я не знал, — сказал Медвежонок.

— Предложи ему грибов — вот увидишь, оно не откажется.

— Солнышко, хочешь грибов? — спросил Медвежонок.

— А какие грибы? — вдруг выглянуло Солнце.

— Постой, кто это говорит? — спросил Ёжик.

— Солнышко, — еле слышно сказал Медвежонок. — Оно с нами заговорило. — И ещё тише, Ёжику: — Какие у нас грибы?

— Опята, — прошептал Ёжик.

— Опята, — громко сказал Медвежонок.

— Очень люблю опята, — сказала Солнце. — Я на них подолгу смотрю, когда они греются у пенька. Соберутся кучей и — молчат.

— А почему молчат? — спросил Медвежонок.

— А о чём говорить, если я на них гляжу и глажу шершавой ладонью.

— А она у вас шершавая? — спросил Медвежонок. — Мне казалось, она у вас мягкая, ласковая.

— И чуть-чуть шершавенькая, — сказал Ёжик. — Это очень приятно.

— Это мой друг Ёжик, — сказал Медвежонок.

— Знаю, — сказала Солнце.

— Как неожиданно вы появились, — сказал Ёжик. — Мы только заговорили, что скоро вы будете приходить всё реже и реже...

— А вы тут как тут! — сказал Медвежонок. — Если бы только можно было, я бы очень хотел, чтобы вы пожили у меня.

— Приглашаешь?

— Приглашаю, — сказал Медвежонок. — Только я не знаю... У меня очень маленький дом...

— На всю зиму?

— На всю, на всю, — закивал Медвежонок. — Только вот поместитесь ли?

Они все трое стояли на поляне перед Медвежьим домом — Ёжик, Солнце и Медвежонок. Ёжик с Медвежонком стояли друг против друга, а Солнце как раз посерединке.

— Идем, — сказала Солнце. — Показывай свой дом.

— Пожалуйста!

Медвежонок пошёл первым, рядом с ним Солнце, а Ёжик чуть позади.

— Вот он, — сказал Медвежонок.

И Солнце вошло в Медвежий дом, заглянуло в каждый уголок и снова появилось на крыльце.

— Очень хороший дом, — сказала Солнце. — Здесь и перезимую.

— Согласно!.. — прошептал Ёжик.

— Ур-ра! — закричал Медвежонок. И сразу подумал: «Теперь только бы его не обидеть, только бы ничем не огорчить».

— Ты уж теперь это... Ты постарайся, — шепнул Ёжик.

— Угу, — сказал Медвежонок.

ТАКОЕ ДЕРЕВО

Раньше всех в лесу просыпались птицы. Они пели, раскачиваясь на ветках, а Медвежонку казалось, будто сами деревья машут ветвями и поют.

— Я тоже буду деревом! — сказал сам себе Медвежонок.

И вышел однажды на рассвете на полянку и стал махать четырьмя лапами и петь.

— Что это ты делаешь, Медвежонок? — спросила у него Белка.

— А ты разве не видишь? — обиделся Медвежонок. — Раскачиваю ветвями и пою...

— Ты разве дерево? — удивилась Белка.

— Конечно! А что же ещё?!

— А почему ты бегаешь по всей поляне? Разве ты когда-нибудь видел, чтобы деревья бегали?

— Это смотря какое дерево... — сказал Медвежонок, разглядывая свои мохнатые лапы. — А дерево с такими лапами, как у меня, вполне может бегать.

— А кувыркаться такое дерево тоже может?

— И кувыркаться! — сказал Медвежонок.

И перекувырнулся через голову.

— И потом, если ты не веришь, ты можешь побегать по мне, Белка, и увидишь, какое я хорошее дерево!

— А где твои птицы? — спросила Белка.

— Это какие ещё птицы?..

— Ну, на каждом дереве живут свои птицы!..

Медвежонок перестал махать лапами и задумался: «Птицы!.. А где же я возьму птиц?»

— Белка, — сказал он, — найди для меня, пожалуйста, немного птиц.

— Это какая же птица согласится жить на Медвежонке? — спросила Белка.

— А ты не говори им, что я — Медвежонок. Скажи им, что я — такое дерево...

— Попробую, — пообещала Белка.

И обратилась к Зяблику.

— Зяблик! — сказала она. — У меня есть одно знакомое дерево... Оно умеет бегать и кувыркаться через голову. Не согласитесь ли вы немного пожить на нём?

— С удовольствием! — сказал Зяблик. — Я ещё никогда не жил на таком дереве.

— Медвежонок! — позвала Белка. — Иди сюда и перестань махать лапами. Вот Зяблик согласен немного пожить на тебе!

Медвежонок подбежал к краю поляны, зажмурился, а Зяблик сел ему на плечо.

«Теперь я настоящее дерево!» — подумал Медвежонок и перекувырнулся через голову.

— У-лю-лю-лю-лю!.. — запел Зяблик.

— У-лю-лю-лю-лю!.. — запел Медвежонок и замахал лапами.

ТЁПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ

«Бывает же — топишь печку, глядишь на огонь и думаешь: вот она какая, большая зима! И вдруг просыпашься ночью от непонятного шума. Ветер, думаешь, бушует вьюга, но нет, звук не такой, а далёкий какой-то, очень знакомый звук. Что же это? И засыпаешь снова. А утром выбегаешь на крыльцо — лес в тумане и ни островка снега не видно нигде. Куда же она подевалась, зима? Тогда сбегает с крыльца и видишь... лужу. Настоящую лужу посреди зимы. И от всех деревьев идёт пар. Что же это? А это ночью прошёл дождь. Большой, сильный дождь. И смыл снег. И прогнал мороз. И в лесу стало тепло, как бывает только ранней осенью».

Вот как думал Медвежонок тихим тёплым утром посреди зимы.

«Что же теперь делать? — думал Медвежонок. — Топить печку или нет? Щепать на растопку лучинки или не надо? И вообще, как это так — опять лето?»

И Медвежонок побежал к Ёжику посоветоваться.

Ёжик ходил вокруг своего дома в глубокой задумчивости.

— Не понимаю, — бормотал Ёжик, — как это так — ливень посреди зимы?

И тут прибежал Медвежонок.

— Ну что? — ещё издали крикнул он.

— Что-что? Печку затопил? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок.

— Лучинок нащепал?

— Не-а, — сказал Медвежонок.

— Я тоже.

И они стали ходить вокруг Ёжикиного дома и думать вместе.

— Как ты думаешь, — сказал Ёжик, — если прошёл дождь и теперь туман, может ещё быть мороз?

— Не думаю, — сказал Медвежонок.

— Значит, если мороза быть не может, значит, может быть только тепло.

— Значит, — сказал Медвежонок.

— А чтобы было тепло, должно появиться солнце.

— Должно, — сказал Медвежонок.

— А когда солнышко, хорошо быть на реке.

— Я бы в жизни не догадался, — сказал Медвежонок.

— Тогда давай возьмём и позавтракаем у реки, — предложил Ёжик.

— Угу, — сказал Медвежонок.

И они сложили в корзину грибы, мёд, чайник, чашки и пошли к реке.

— Куда вы это идёте? — спросила Белка.

— К реке, — сказал Ёжик. — Завтракать.

— Возьмите меня с собой!

— Айда!

И Белка взяла орешков и чашку и поспешила следом.

Встретился им Заяц.

— Тепло, хорошо, — сказал Заяц. — Вы куда идёте?

— К реке, — сказала Белка. — Завтракать.

— И я с вами, ага?

— Идем, — сказал Медвежонок.

Выбежал из травы Хомячок.

— А я уж заснул, — сказал он. — А тут — вода! Куда это вы?

— Завтракать, к реке, — сказал Заяц. — Идём с нами!

— У меня еда с собой, — сказал Хомячок и постучал лапой по раздувшемуся мешку за щекой, — только чашки нету. — И пошёл следом.

Пришли к реке, развели костер, сели завтракать.

Выглянуло солнце.

Солнце осветило реку, и тот берег, и завтракающих друзей.

Туман растаял.

— Если б не дождь, — шурясь, сказал Хомячок, — так бы и не увиделись до весны.

— Если б не дождь, — сказала Белка, — уж так бы не попрощались.

— Если б не Ёжик, — сказал Медвежонок, — никто бы не догадался в такую теплынь позавтракать на реке.

А Ёжик, прикрыв глаза, пил чай, слушал тишину, птицу, вдруг тонко и чисто запевшую за рекой, и думал, что, если б не все они, зачем бы понадобилось тепло этому зимнему лесу?

ТЕПЛО

Ожили комары, проснулась лягушка, маленький паучок побежал по своей скользкой ниточке вверх и, перебирая всеми восемью лапками, забрался на необлетевший лист берёзы.

Ёжик увидел Медвежонка на поляне.

Медвежонок стоял под широким небом, и тёплый ветер большой ласковой птицей кружил над ним.

— Как будто весна, — сказал Медвежонок. — Даже не верится. — И потянул носом воздух.

— Ага, — сказал, подходя, Ёжик. — Никогда не было, чтобы так поздно было тепло.

— Это потому, что ветер прилетел, — сказал Медвежонок.

Ветер широкими кругами ходил над лесом.

Он прилетел из тёплых морей, где на рассвете в зелёном сумраке тают лёгкие острова.

Ветер повидал много на своём веку: видел он скалы, ущелья, ручьи, долины, холмы, а вот теперь залетел в осенний лес к Ёжику и Медвежонку.

Тёплый осенний ветер кружил над лесом.

— Неужели больше никогда не будет зимы? — спросил Медвежонок.

— Будет, не бойся, — сказал Ёжик. — Зима от нас не уйдёт.

Ветер опустил на поляну, и двести комариков зелёным облаком закружились над Ёжиком и Медвежонком. Когда дул ветер, комары сидели в траве, и вот теперь поднялись.

— З-з-з! З-з-з!.. З-замечательно! — звенели комары. — Лето вернулось.

— Ква! — робко сказала Лягушка. — Неужели?

А Ёжику отчего-то стало грустно.

«Не по правилам, — думал Ёжик. — Всё должно быть в своё время».

— Как ты думаешь? — спросил он у Медвежонка.

— Я думаю так же, как и ты.

— Но ты же не знаешь, о чём я думаю.

— Знаю, — сказал Медвежонок. — Я всегда знаю.

— Ну, о чём?

— Ты думаешь: «Вот вернулось тепло, и мы снова сможем сумерничать на крыльце».

— А вот и нет, — сказал Ёжик.

— Тогда ты думаешь: «Бедные деревья! Схватит мороз, и они сломаются пополам».

— А вот и нет, — сказал Ёжик.

— Тогда ты думаешь: «Надо комариков пригласить пить чай».

— И не так, — сказал Ёжик.

— Неужели в такой тёплый день ты опять со своими правилами?

— С правилами, — сказал Ёжик.

— Не по правилам, думаешь? Сейчас тепло, а должна быть зима?

— Ага, — сказал Ёжик.

— Ну вот видишь, я всё равно знаю, о чём ты думаешь.

Солнышко, тёплое, ласковое, скатилось с горы.

Гора просияла, как всегда это с ней бывает, когда за нее прячется солнце.

— Ну что, позовём комариков чай пить? — спросил Медвежонок.

— Зови.

— Комары! — сказал Медвежонок. — Вот Ёжик зовёт вас пить чай.

— С-спасибо! — радостно зазвенели комары.

— Ква-а! А меня? — квакнула Лягушка.

— Приходи, — сказал Медвежонок.

«Где же ветер? — думал Ёжик. — Шумел, кружился, и уже нет». Он не стал спрашивать у Медвежонка, где ветер. Он сам знал: ветер летел, устал и теперь отдыхает.

И пока шли к дому, Ёжик глядел на Медвежонка в густеющих сумерках, на тучу комаров, которая вилась над ним, на лягушку, которая скакала сзади, слушал далекий приглушённый лай собак за рекой и думал, что вот опять тепло, что вот-вот снова поднимется парной туман над рекой, как это бывает только летом и ранней осенью, и как будто ничего не было, и не прожили они только что с Медвежонком два тяжёлых холодных осенних месяца.

Над потемневшей горой вдруг вспыхнула яркая оранжевая полоска где-то далеко-далеко заходящего солнца.

И опять взошло солнце, и опять и река, и лес, и холм были так прекрасны, что от них нельзя было отвести глаз.

Поэтому с утра Ёжик выбежал на берег, глядел и глядел, дышал и дышал — и никак не мог надышаться.

— Дышишь? — спросил Заяц.

— Дышу, — сказал Ёжик.

— Дыши, — сказал Заяц. — А я побегу, потому что на ходу лучше дышится.

И убежал.

Потом пришла Мышь.

Это была важная лесная Мышь с зонтом.

— Зачем тебе зонтик? — спросил Ёжик.

— Я — дама, — сказала Мышь. — А где ты видел, чтобы дама выходила из дому без зонта?

— Но ведь дождя-то нет!

— А если пойдёт? — сказала Мышь и, повертев зонтиком, удалилась.

Потом пришёл Медвежонок. Он ничего не сказал, сел рядом с Ёжиком и зажмурился.

Ёжик тоже зажмурился, и так они посидели молча.

— Хорошо, да? — сказал Ёжик.

— Ага, — сказал Медвежонок.

— А всё-таки смотреть лучше. — И Ёжик открыл глаза.

Бледно-голубая река уходила за поворот и в дымке таяла.

Ёжику было так хорошо, что хотелось лететь. Расправить крылья, взлететь высоко-высоко и долго-долго парить, не шевеля крыльями.

«Если бы я был птицей, — думал Ёжик, — у меня обязательно были бы очень большие крылья. Один раз взмахнул — и летишь...»

— Всё равно надо махать, — вдруг сказал Медвежонок. — Взмахивать.

— Что?

— Я говорю, даже если как у орла, всё равно надо разика два, а взмахнуть.

— Ты о чём? — спросил Ёжик.

— О том, — сказал Медвежонок. — О чём ты думаешь.

— Откуда ты знаешь, о чём я думаю?

— А чего тут знать-то? — не открывая глаз, сказал Медвежонок. — Ты всегда думаешь об одном и том же.

— О чём же?

— «О чём же?» — передразнил Медвежонок. — О том, что надо махать. А ты — ленивый. Тебе бы только лететь. Лети и лети, а машет пусть Медвежонок.

— Ты чего ворчишь? — изумился Ёжик. — Я тебе что-нибудь сказал?

— А тебе и говорить не надо! Ему бы только лететь, видишь ли, лететь и лететь, а машет пусть Медвежонок.

— Да где ты за меня махал?

— Я всегда за тебя машу, — сказал Медвежонок. — Ты только не знаешь.

— Где? Когда?

— Везде. Всегда!

— Ты что, за меня дом убираешь?

— При чём здесь дом, когда мы говорим о крыльях?

— Ты что, за меня махал крыльями?

— Махал, — сказал Медвежонок.

— Когда?

— Всегда, — сказал Медвежонок. — Всегда, когда ты летишь, я машу крыльями.

Ёжик вдруг зажмурился и, когда открыл глаза, увидел вокруг такую красоту, что в душе взлетел высоко в небо и оттуда, сверху, вдруг увидел маленького себя, и Медвежонка, и Мышь с зонтиком, и реку, и холм, и лес. И совсем крошечный Медвежонок вдруг вскочил, замахал лапами и закричал: «Ты не бойся! Ты лети! Я машу крыльями!»

Осень была такая золотая, а небо такое синее, а звёзды по вечерам такие большие, что Ёжик никуда не ходил, никуда не бегал, а целыми днями сидел на крыльце своего дома и, жмурясь, глядел на солнце, на золотые деревья, на небо, а по вечерам — на звёзды.

— Пойдём рыбки поудим, — говорил Медвежонок.

— Нет-нет, — отвечал Ёжик. — Хочешь, садись рядом и гляди вместе со мной.

— А чего глядеть-то? Что я, леса не видел?

— Ты посмотри, какая осень! — говорил Ёжик. — Ты только погляди!

И он даже старался не дышать, чтобы не набежали тучи и не заволокли синее небо.

— Зря ты не хочешь пойти к реке, — как-то утром сказал Медвежонок. — На реке сейчас ещё красивей.

— А что там?

— Два леса!

— Это я знаю, — сказал Ёжик. — Один у берега, а другой глядит на него из воды.

— Два солнца!

— Это всегда так, — сказал Ёжик.

— Два неба!

— Правильно.

— А если мы выбежим к реке, будет два Ёжика и два Медвежонка!

— Ты беги, — сказал Ёжик. — А я посижу здесь, но буду знать, что у реки сейчас вас двое.

— А что мне сказать Другому Медвежонку?

— Скажи, что два Ёжика придут завтра.

— А ты завтра пойдёшь?

— Угу.

И Медвежонок убежал.

Вечером он пришёл к Ёжику пить чай.

— Сказал? — спросил Ёжик.

— Ага.

— А он?

— Сказал: «Буду ждать». Ух, мы вчетвером и повеселимся!

На следующее утро Ёжик с Медвежонок вышли к реке.

Река была такая тёмная, так плавно текла и поворачивала... и ни одной рябинки не было нигде.

— Я здесь! — крикнул Медвежонок и помахал Другому Медвежонку лапой.

«Есь... есь... есь...» — отозвалось эхо в берегах.

— Здесь мы! — закричал Ёжик.

«Ы... ы... ы...» — сказало эхо.

— Видишь, как тихо? — сказал Ёжик. — Нас четверо, а прыгать и бегать не хочется.

Река медленно-медленно шла у самого берега и заворачивала за поворот. Солнце садилось, и лес прямо горел в заходящем солнце. Ёжик зажмурился и вдруг подумал, что, может быть, ему уже никогда не удастся увидеть такой красоты.

— Ты только погляди, Медвежонок! — сказал он.

— Я вижу, — сказал Медвежонок.

У РУЧЬЯ

Заяц сидел на берегу ручья и смотрел в воду. Из воды на него смотрел Другой Заяц. И когда Заяц шевелил ушами и кивал, Другой Заяц тоже кивал и шевелил ушами.

Подошёл Медвежонок.

— Что ты делаешь, Заяц? — спросил он.

— Разве ты не видишь? — удивился Заяц. — Шевелю ушами и киваю!

— А зачем?

— Как?! — снова удивился Заяц. — Там, в воде, сидит Другой Заяц. Видишь, он кивает и шевелит ушами!

— А Другого Медвежонка там нет? — спросил Медвежонок.

Заяц склонился к самой воде и спросил у Другого Зайца:

— Послушай, там нет Другого Медвежонка?

Другой Заяц посмотрел налево, направо, пошевелил ушами и помотал головой.

— Нет! — сказал Заяц. — Другого Медвежонка там нет. Хочешь, посмотри сам.

И Медвежонок подошёл к ручью.

Но только он склонился над водой, как увидел Другого Медвежонка.

— Вот он! — крикнул Медвежонок и пошевелил ушами.

И Другой Медвежонок тоже пошевелил ушами.

И тогда Заяц с Медвежонком уселись рядышком и до самого вечера шевелили ушами и кивали, пока не стемнело и Другой Заяц с Другим Медвежонком не встали, не помахали им лапами и не ушли спать...

УЯЮК

— А можно сказать — бушует весна? — спросил Ёжик.

— Конечно!

И Заяц понёсся через лес, и Ёжик с Медвежонком — следом.

Заяц прискакал к дикой вишне.

— Глядите! — сказал Заяц. — Как снег!

— Цветёт, — сказал Ёжик.

— Пахнет...

— Нюхайте! — сказал Заяц.

И все стали подпрыгивать и нюхать.

— Снегом, — сказал Медвежонок.

— Свежестью!

— А почему — бушует? — Ёжик остановился. —
Ведь когда бушует — всё свищет, летит!

— А дожди? — сказал Заяц. — А птицы?

— Верно! Дожди — летят, птицы — свищут!

— И облака, — сказал Медвежонок. — Облака тоже
летят.

— И бабочки!

— При чём здесь бабочки?

— Как? А цветы? — И Заяц показал на вишню.

— Персики, — сказал Медвежонок. — Знаешь, как
персики цветут? Урюк!

— Нет у нас персиков!

— Сирень, — сказал Ёжик. — Вот уж цветёт!

— Сирень — сиреневая, при чём здесь вьюга?

— А белая?

— И липы, — сказал Заяц. — Отцветут, и лепестки
так и летят.

— Вместе с яблоневыми...

— И урюк! — сказал Медвежонок.

— Отстань ты со своим урюком!

— Как метель! — Медвежонок хотел, чтоб не забы-
ли урюк.

— И дожди! — крикнул Ёжик.

— И облака!

— И черёмуха!

— И слива!

— И черешня!

— И вишня!

— Вот потому-то — бушует!

— Не-а, — сказал Медвежонок. — Уж если кто по-настоящему бушует, так это — урюк!

ЧЁРНЫЙ ОМУТ

Жил-был Заяц в лесу и всего боялся. Боялся Волка, боялся Лисы, боялся Филина. И даже куста осеннего, когда с него осыпались листья, боялся.

Пришёл Заяц к Чёрному омуту.

— Чёрный омут, — говорит, — я в тебя брошусь и утону: надоело мне всех бояться!

— Не делай этого, Заяц! Утонуть всегда успеешь. А ты лучше иди и не бойся!

— Как это?

— А так. Иди — и не бойся! Чего тебе бояться, если ты уже ко мне приходил, утонуть решил?..

Пошёл Заяц по дороге, встретил Волка.

— Вот кого я сейчас съем! — кричит Волк.

А Заяц идёт себе, посвистывает.

— Ты почему меня не боишься? Почему не бежишь?

— А что мне тебя бояться? — говорит Заяц. — Я у Чёрного омута был. Чего мне тебя, серого, бояться?

Удивился Волк, поджал хвост, задумался.

Встретил Заяц Лису.

— А-а-а!.. — обрадовалась Лиса. — Парная зайчатинка топает! Иди-ка сюда, ушастый, я тебя съем.

Но Заяц прошёл, даже головы не повернул.

— Я у Чёрного омута был, серого Волка не испугался, уж не тебя ли мне, рыжая, бояться?..

Свечерело.

Сидит Заяц на пенёчке посреди поляны. Пришёл к нему пешком важный Филин в меховых сапожках.

— Сидишь? — спросил Филин.

— Сижу, — сказал Заяц.

— Не боишься сидеть?

— Боялся бы — не сидел.

— А что такой важный стал? Или охрабрел к ночи-то?

— Я у Чёрного омута был, серого Волка не побоялся, мимо Лисы прошёл — не заметил, а про тебя, серая птица, и думать не хочу.

— Ты уходи из нашего леса, Заяц, — подумав, сказал Филин. — Глядя на тебя, все зайцы такими станут.

— Не станут, — сказал Заяц, — все-то...

Тут осень пришла. Листья сыплются...

Сидит Заяц под кустом, дрожит, сам думает:

«Волка серого не боюсь, Лисы красной — ни капельки, Филина мохноногого — и подавно, а вот когда листья шуршат и осыпаются — страшно мне...»

Пришёл к Чёрному омуту, спросил:

— Почему, когда листья сыплются, страшно мне?

— Это не листья сыплются, это время шуршит, — сказал Чёрный омут, — а мы слушаем. Всем страшно.

Тут снег выпал. Заяц по снегу бегаёт, никого не боится.

ЧИСТЫЕ ПТИЦЫ

Большее всего Ёжик любил эти первые по-настоящему весенние дни! Уже ни одного островка снега не осталось в лесу, в небе по ночам гроыхал гром, и, хотя молнии не было видно, до самого утра шумел настоящий проливной дождь.

«Лес умывается! — думал Ёжик. — Умываются ёлки, пеньки и опушки. А птицы летят теперь с юга, и им тоже моет дождь перышки!»

И по утрам он выходил на крыльцо и ждал чистых, вымытых птиц.

— Ещё не прилетели! — говорила Белка.

— Кар-р-р! Им тр-р-рудно в пути! — картавила Ворона.

А Ёжик нюхал воздух и говорил:

— Всё равно пахнет чистыми птицами!

И дятел тогда принимался на самой верхушке сосны чистить себе пёрышки.

«Я тоже должен быть чистым! — думал он. — А то они прилетят и скажут: „Что же ты такой пыльный, Дятел?“»

Заяц сидел под кустом и мыл себе уши.

— Возьми еловую шишку! — крикнул Ёжик. — Еловой шишкой лучше отмывается!

— А чем вы посоветуете почистить мне рога? — спросил, выйдя на опушку перед Ёжикиным домиком, Лось.

— Песком, — сказал Ёжик. — Нет лучше, чем чистить рога песком.

И Лось пошёл к берегу реки, лёг у самой воды и попросил Лиса, который вылавливал на быстрине блох, почистить ему рога.

— А то неудобно, — пробормотал Лось, — прилетят птицы, а у меня рога грязные...

— Сейчас! — сказал Лис.

Он был хитрый и знал, как надо чиститься. Он сидел по самую шею в ледяной воде и держал в поднятой лапе пучок прошлогодней травы. Блохи замёрзли в воде и теперь сползались по лапе к этому пучку. А когда сползли все, Лис бросил прошлогоднюю траву в воду, и её унесло течением.

— Вот и всё! — сказал Лис, вылезая на берег. — Где ваши рога?

Лось склонил рога, и Лис принялся начищать их песком.

— Чтобы блестели? — спросил он.

— Нет, — сказал Ёжик. — Блестящие рога — некрасиво. Они должны быть... туманные!

— То есть чтобы не блестели? — уточнил Лис.

— Чтобы не блестели, — сказал Ёжик.

И Лось даже отфыркивался — так ему было хорошо и приятно.

А Дятел уже совсем вычистил пёрышки и был теперь чистый и молодой.

Заяц отмыл уши и мыл хвостик.

А Ёжик уже давно протёр тряпочкой каждую иголку и был такой чистый, что даже самая чистая птица не смогла бы ему сказать, что она чище его!

ШОТЛАНДСКАЯ БАМАДА

Долгим зимним вечером Ёжик с Медвежонок сидели у Медвежонка, и Медвежонок сказал:

— Давай повеселимся! Давай будем веселиться и петь!

— А что? — спросил Ёжик.

— Что хочешь. Ты пой, а я буду играть.

И Медвежонок достал из чулана балалайку, сдул пыль и сел у печки, закинув лапу на лапу.

— Струн нет, — сказал Ёжик.

— Подумаешь! Со струнами кто хочешь сыграет, а ты попробуй без струн.

И заиграл:

— Ла-ла-ла! Ла-ла-ла! Ла-ла-ла — ла-ла — ла-ла!

— Что это?

— Песня.

— А как же я буду петь, если ты — ла-ла-ла?

— А я могу беззвучно, — сказал Медвежонок. — Я буду играть беззвучно, как оркестр, а ты пой.

— Хорошо, — сказал Ёжик и беззвучно запел.

— Ты что делаешь? — спросил Медвежонок, когда Ёжик спел первый куплет.

— Пою.

— А почему не слышно?

— А я беззвучно пою, — сказал Ёжик. — Ты беззвучно играешь, я беззвучно пою, а вместе мы — веселимся!

— Здорово! — крикнул Медвежонок. — Так ещё никто не веселился! — И неслышно заиграл, а Ёжик стал петь ещё беззвучнее.

И тут пришёл Заяц.

Он сперва постучал, но ему никто не ответил.

Потом Заяц всунул уши в щёлочку, но ничего не услышал.

Потом — открыл дверь и увидел беззвучно поющего Ёжика и беззвучно играющего Медвежонка.

Глаза у Зайца стали большие и круглые. С большими и круглыми глазами Заяц простоял в дверях целую минуту, а потом крикнул: «Эй!»

Ёжик пел, Медвежонок играл.

— Эй! — закричал Заяц. — Это я! Я пришёл к вам в гости! Вы же меня звали!

Ёжик допевал третью песню, от Медвежонка валит пар.

— И-и-и-и-и!.. — будто его прищемили, заверещал Заяц. — Что вы делаете?

— Веселимся, — тихо сказал Медвежонок, беззвучно играя на балалайке.

— Пой с нами, — сказал Ёжик и приступил к балладе.

— А что вы поёте? — спросил Заяц.

— Шотландскую балладу, — сказал Ёжик. — Не сбивай.

— Я могу на барабане, — сказал Заяц. — Я мигом.

И тут же вернулся с барабаном.

— Палочек нет, — извиняясь, сказал Заяц. — Но я могу лапами.

— Только неслышно, — сказал Медвежонок, играя.

— Ты хоть про что поёшь? — шёпотом спросил Заяц у Ёжика, неслышно стуча в барабан.

— Про Шотландию, — одними губами сказал Ёжик. — Это такая страна.

— В Шотландии балалаек нет, — шёпотом сказал Заяц.

— И барабанов тоже, — негромко заметил Медвежонок.

— А вот барабаны есть, — вслух сказал Заяц. — Барабаны есть всюду!

— Там бубны, — сказал Медвежонок. — Как у цыган.

— Вы меня сбиваете, — сказал Ёжик. И неслышно запел про Шотландию, горную страну, в которой нет балалаек, есть бубны, как у цыган, но по краям всё же стоят несколько барабанов.

И Медвежонок с Зайцем, глядя на Ёжика, ничего не слышали, но почти всё понимали и были очень благодарны Ёжику за то, что он унёс их в песне в эту чудесную страну.

— И всё-таки барабаны там есть, — прощаясь и благодарая за вечер, сказал Заяц. — Несколько штукеч, а есть.

— И балалайка, — сказал Медвежонок. — Одна и без струн.

— Чудесная страна! — сказал Ёжик. — Удивительная страна, про которую можно почти и не петь, а песня льётся.

ЭЙ, ВЫ, В БОЧКАХ, ВЫ КТО?

Всё намокло — и кусты, и травы, и деревья, и даже река от дождя сделалась такой мокрой, что на неё не хотелось глядеть.

— Знаете что? — сказал Медвежонок. — Мне надоело ходить мокрым.

— И мне, — сказал Ёжик.

— А не ходить совсем — скучно.

— Скучно, — сказал Ёжик.

— Сиди целый день дома и сиди. Брр!

— Брр! — сказал Ёжик.

— Ты чего дразнишься?

— Я не дразнюсь. А чего делать-то, если дождь?

— Сделаем зонты, — сказал Медвежонок. — По хорошему крепкому зонту.

— А из чего?

— Подумаешь! — Медвежонок почесал в затылке и задумался.

Ёжик сидел рядом и тоже, обхватив голову лапами, думал.

— Придумал? — спросил Медвежонок.

— Нет ещё.

— И я.

«Зонт — это палка, — думал Ёжик. — А сверху — круг. А на круг — что-нибудь непромокаемое».

— А что если взять еловых лап, — сказал Медвежонок, — связать за хвосты и туда — палку?

— Будет метла, — сказал Ёжик.

— Тогда... Тогда надо взять бочку и бочоночек. Я — в бочке, ты — в бочоночке. А?

— А как смотреть?

— В щёлку.

— Здорово!

И Ёжик тут же прикатил из чулана бочку и бочоночек, и Медвежонок накрыл его бочоночком.

— Хорошо, — сказал Ёжик. — Теперь щёлку!

Медвежонок пропилил щёлку.

— Замечательно! — сказал Ёжик. — Теперь никакой дождь не страшен! — И засеменил к двери.

В бочке, в бочоночке они вышли на крыльцо.

— У меня щёлки нет, — сказал Медвежонок.

— А ты иди за мной.

— Как же я пойду, если не вижу?

— Я буду шуршать лапами!

И они спустились с крыльца.

Ух как дождь забарабанил по дну бочки, в которой сидел Медвежонок! Ох как застрекотал по дну бочоночка!

— У меня сухо! — сказал Медвежонок.

— И у меня!

— Ты шурши громче, а то я не слышу! — крикнул Медвежонок.

И тут выскочил Заяц.

— Эй, вы, в бочках! — закричал он. — Вы кто?

— Бу-бу-бу! — запела бочка.

— Бу-бу! — булькнул бочоночек.

— Не понял, — сказал Заяц.

— Бу-бу-бу! Бу-бу! — снова загудела бочка, хрюкнул бочоночек.

— Так нечестно, — сказал Заяц. — Вы — сухие, я — мокрый. Вы кто?

— Не скажем, — сказал Ёжик.

— Ни за что! — сказал Медвежонок.

— Примите меня! — заскулил Заяц.

— Беги к Ёжику, — ухнула бочка, — выкати бочоночек, пробей дырки — и назад!

— А зачем дырки?

— Для глаз, — загудела бочка.

— Для ушей, — булькнул бочоночек.

— А, это вы, да? — сказал Заяц. — Это ты, Ёжик?

— Беги скорей!

И Заяц ускакал, а Ёжик с Медвежонком стали взбираться на холм.

— Ты где? Где? — гудела бочка. — Так барабанит — ничего не слышу.

— Я шуршу, шуршу! Слышишь?! — кричал Ёжик.

И так они взобрались на холм.

Прибежал Заяц.

— Ха-ха-ха! Уши! — захохотал Ёжик и чуть не скатился с холма.

— Что? Что? — гудела бочка. — Ничего не вижу!

— Это я! Я! — кричал Заяц. — Ой, здорово!

— А из него — уши! — кричал Ёжик.

Шумел дождь, пузырилась река, а на холме, толкаясь боками, плясали два бочоночка и бочка. И у одного из бочоночков на макушке мокли заячьи уши.

ВОЛК

Высыпал снег. Поднялось солнце. Лес сиял.

А потом вдруг хлынул такой дождь, что смыл весь снег, и будто не было ни мороза, ни солнца, ни зимы.

Потом на лес, на гору налетел ветер.

Он раскачивал высокие сосны, будто это были не сосны, качающиеся меж облаками, а тонкие прутики.

Такого ветра Ёжик с Медвежонком не помнили.

На светлом небе дымом летели облака, а ветер всё дул и дул и за полчаса высушил весь лес.

Ёжик с Медвежонком сидели по своим домам;

Заяц забился в зимнюю нору под летним домом;

Белка спряталась в самый дальний угол дупла;

а Хомячок завалил дверь сундуком, табуреткой, шкафом, потому что дверь скрипела, качалась и вот-вот, как ему казалось, слетит с петель и улетит незнамо куда.

Лес стонал, охал, вздрагивал; тонкие осинки звенели; еловые крепкие шишки стучали по земле; а ветер всё дул, не стихая, и к вечеру выдул в лесу длинную, узкую, тёмную дыру и дудел в нее, как в трубу, на широкой басовой ноте.

«У! У! У!» — выл лес.

Потихоньку все привыкли к этому вою, и каждый у себя дома стал подбирать мелодию.

— У-у! — пел Медвежонок.

— У-у-у! — за горой, в своём доме, тянул Ёжик.

— Уу, уу! — пищал Хомячок.

— Уй, уй! — верещал Заяц.

А Белка взяла деревянные ложки и деревянными ложками стала бить в таз.

— Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! — бубнила Белка.

Проспав день, к ночи проснулся Филин.

«Что за Филин прилетел в лес? — проворчал он. — Вон как ухает!»

Но только высунул клюв, как ветер затолкал его обратно.

— Ух! Ух! Я — Филин! Я — тоже Филин! — заухал в щёлочку Филин.

Но ветер не выпустил его из дома.

А тучи летели, сосны гудели, шишки падали.

Скоро стемнело совсем.

И тонкому молодому месяцу, скользящему меж облаками, лес, наверное, казался огромным седым волком, лежащим под горою и воющим на луну.

ВОЛЬНЫЙ ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Ни свет ни заря к Ёжику с Медвежонок прибежал Заяц.

— Эй! — закричал он. — Эгей! Эге-ге-гей!

— Ну что? Говори, — сказал Медвежонок.

— Эге-ге-ге-гей! — вопил Заяц.

— Да говори же! — Ёжик начал сердиться.

— Эге-ге-ге-гей! Ге-гей! Ге-гей! — И Заяц убежал.

— Чего это он?

— Не знаю, — сказал Медвежонок.

А Заяц птицей летел по лесу и вопил истощным заячьим голосом.

— Что с ним? — спросила Белка.

— Понять не могу, — сказал Муравей.

А Заяц сделал полный круг и снова выбежал на медвежью поляну.

— Скажешь или нет? — крикнул Медвежонок.

Заяц вдруг остановился, замер, встал на задние лапы и...

— Ну же! — крикнул Ёжик.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — расхохотался Заяц и понёсся со всех ног прочь.

— Может, он с ума сошёл, с ума сошёл, с ума сошёл? — тараторила Сорока.

— Да нет, он в своём уме, в своём уме, в своём уме! — долбил Дятел.

И только Заяц ни у кого ничего не спрашивал, никому ничего не говорил, а вольный, как ветер, летел по лесу.

— Знаешь, — сказал Медвежонок, — мне кажется, он вообразил себя... ветром. Он мне как-то сказал: «Представляешь, Медвежонок, если я стану ветром?»

— Это здорово, — сказал Ёжик. — Только Заяц никогда до такого не додумается.

И ошибся.

Потому что Заяц в этот лёгкий солнечный день действительно с утра почувствовал себя вольным осенним ветром, летящим по полям и лесам.

ВОРОН-ВОРОН

Когда пошли мелкие осенние дожди, Поросёнок пришёл к старому Ворону.

— Ворон, — сказал Поросёнок, — давай улетим!

— Куда?

— Далеко-далеко, где тепло и солнце.

Ворон был очень старый, но крепкий и добрый.

— Давай, — сказал он.

Посадил на спину Поросянку, и они полетели.

— Глядите! — курлыкали журавли. — Поросянок летит, летит Поросянок!

— Нет-нет, вы только взгляните! — кричали дикие гуси. — Поросянок-то!..

А Поросянок обнимал передними ножками Ворона за шею и, радуясь, улыбался.

Прилетели к морю.

Тут было столько птиц, но больше всего — чайки. Чайки кружились над Поросянком и глядели на него злыми глазами.

— Ты чей? Ты чей? — кричали чайки.

Поросянок построил из камней дом, и Ворон стал жить на крыше. А Поросянок целыми днями лежал на горячих камнях и пел.

Но вот и к синему морю прилетели холодные ветры.

— Куда теперь полетим? — спросил Ворон.

— В Индию.

И Поросянок снова обнял Ворона за шею, и они полетели в Индию.

В Индии было жарко. Так жарко, что даже крокодилы лежали по пояс в воде, а слоны, как большие чайники, поливали друг друга водой.

— Слон, — попросил Поросянок, — полей и нас с Вороном.

— Уфф! — кивнул Слон.

— Как хорошо! Как легко! Как удивительно! — пел Поросянок. И построил себе дом из банановых листьев, и Ворон снова стал жить на крыше.

— Ты почему всегда молчишь? — спросил у Ворона Поросянок.

— Зачем слова? — сказал Ворон.

А Поросянок болтал без умолку, и пел песни, и даже подружился с обезьянами, и те приносили ему на завтрак кокосовые орехи.

Но вот однажды Поросянок увидел, что его Ворона нет.

— Ты где? — позвал Поросянок.

— Я здесь, — сказал Ворон. Он сидел, забившись в угол, и задумчиво смотрел на Поросянка синими глазами.

— Что с тобой? — спросил Поросянок.

— Умираю, — прохрипел Ворон.

— Нет-нет, не умирай! Как же я без тебя?

Ворон закрыл глаза и так сидел до вечера, а когда высыпали звёзды, сказал:

— На рассвете я улечу вон на ту звезду. Если тебе что-нибудь понадобится, найди ее в небе и скажи: «Ворон-Ворон, помоги мне!» И тебе поможет звезда.

Всю ночь Поросянок сидел возле Ворона, а перед рассветом незаметно уснул.

Когда солнце разбудило Поросянку, Ворона не было.

И Поросянку не нужны стали ни слоны, ни обезьяны, ни кокосовые орехи: он целыми днями ждал вечера, чтобы поговорить со своей звездой.

— Как тебе там, на звезде, Ворон? — спрашивал Поросянок.

— Хорошо, — отвечал Ворон.

— Ты видишь меня?

— Вижу.

— А ты не можешь спуститься ко мне?

— Могу. Но тогда упадёт звезда.

— Нет-нет, не падай! — говорил Поросянок. И каждый день ждал вечера, ждал звезду.

Так и жил Поросянок в Индии, с самого утра ожидая ночи, но однажды к нему пришёл важный Петух.

— Ко-ко-ко! — по-индийски сказал Петух. — Я пришёл пригласить вас в гости.

— К кому?

— К самой главной змее.

— Я не люблю змей, — сказал Поросёнок.

— Но это — Индийский Питон! — торжественно сказал Петух. — Он очень любит розовых поросят!

— Спасибо, — сказал Поросёнок. — Можно, я приду завтра?

А ночью нашёл в небе свою звезду и сказал:

— Ворон-Ворон, помоги мне!

И сразу же очутился у себя дома в осеннем лесу у прогоревшей печки.

Печка сверкала угольками, как чёрная индийская ночь, и Поросёнку вдруг показалось, что один уголёк точь-в-точь похож на его звезду.

— Ворон-Ворон... — прошептал Поросёнок.

— Что? — спросил Ворон голосом Медвежонка. — Проснулся? Ну ты и спал!..

А Поросёнок потрогал ножкой пяточок и стал думать, приснилось ему всё это или так и было на самом деле.

В ЭТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ

— Ну вот, снова пошёл снег, — сказал Медвежонок. — А я думал — его уже никогда не будет.

— И я, — сказал Ёжик.

— А ты почему думал? Я — потому что облаков не было, а ты?

— А я, — сказал Ёжик, — а я...

— Солнышко увидел, вот и обрадовался!

— Ага...

Они стояли на заметённой тропинке на холме, а вокруг летел снег.

Всю неделю до этого светило солнце, и ещё вчера в большом синем небе не было ни облачка. Небо было

такое высокое, лёгкое, что казалось, прыгни с крыши — и полетишь.

И Ёжик так и сделал: забрался на крышу, прыгнул — и упал в сугроб.

Из сугроба, как со дна колодца, он увидел над головой совсем тёмное небо, звёзды — и испугался.

«Как же так? — думал Ёжик, сидя в сугробе. — Там, наверху, весело и легко, а тут — ночь? Значит, когда весело и легко и хочется петь, прыгать и кувыркаться, одновременно, — Ёжик остановился и ещё раз про себя повторил: „Одновременно, то есть в одно и то же время“, — страшно и темно? Не может быть! Это просто плохой сугроб».

И Ёжик снова залез на крышу, попрыгал, поплясал, вдохнул лёгкого голубого неба, оттолкнулся — и полетел.

Сугроб, в который в этот раз упал Ёжик, был такой глубокий, что небо высоко над ним было просто чёрное, а звёзды — колючие и злые.

«Так-так-так», — забормотал Ёжик и прикусил губу, чтобы не разреветься.

И тут же услышал:

— Э-ге-ге-гей! Ежи-и-ик! — это кричал Заяц. — Ты где-е?

— Я здесь, — сказал Ёжик в сугробе.

Но Заяц его не услышал.

— Наверно, пошёл к Медвежонку, — вслух сказал Заяц. — Ежи-и-ик! — закричал он ещё громче. — Ты пошёл к Медвежонку?..

— Я здесь! — крикнул Ёжик.

Но Заяц его снова не услышал.

«Я здесь, я — в сугробе, — думал Ёжик, — но меня нет, потому что у них там солнце, а у меня — ночь».

— Я здесь! — крикнул он изо всех сил, и Заяц почувдилось, что кто-то разговаривает.

— Кто говорит? — спросил Заяц.

— Это я! Я! — кричал Ёжик из сугроба. — Я здесь! Я же тебя слышу! Иди сюда, Заяц!

— Почудилось, — сказал Заяц и убежал.

А Ёжик выбрался из сугроба, вошёл в дом, растопил печь и сел у огня.

Солнце по-прежнему сияло в окнах, и снег сверкал.

Но Ёжик думал:

«Сейчас придёт ночь, станет темно, страшно, но одновременно, в это же самое время, — весело и легко».

Стало смеркаться.

Ёжик сидел у печки и ждал темноты.

А когда стемнело, влез на крышу, поглядел на чёрное-чёрное, без звёзд, небо, глубоко вздохнул, зажмурился — и прыгнул в сугроб.

Какое-то время Ёжик не открывал глаза.

Он сидел в сугробе с закрытыми глазами и думал.

«Неужели, — думал Ёжик, — неужели я открою глаза и увижу голубое небо и солнце? Тогда... Тогда я буду знать, что одновременно, в одно и то же время, день и ночь, ночь и день».

— Раз! Два! Три! — вслух сказал Ёжик — и открыл глаза.

В первое мгновение ему показалось, что вспыхнул ослепительный свет. Но это только показалось. Он закрыл, снова открыл глаза — и ничего не увидел.

«Как же так?»

Ёжик снова закрыл и открыл глаза и вдруг понял, что ничего нет, что он ничего не видит, что вокруг — тьма.

— Темно... — прошептал Ёжик. — Значит, и днём и ночью — одна ночь...

И медленно стал выбираться наружу.

— А знаешь, почему пошёл снег? — тараторил Медвежонок. Снег летел и кружился, и они стояли на хол-

ме, полузанесённые снегом. — Потому что Заяц ко мне вчера прибежал и говорит: «Наверное, снег пойдёт!» — «Да ты что?» — «Ага, — говорит, — я только что был у Ёжика и слышал, как они вздыхали». — «Кто?» — «Сугробы! Один говорит другому: „Я здесь!“» — «Врёшь!» — «Да чтоб мне провалиться! „Я здесь“, — говорит! А когда сугробы разговаривают, обязательно пойдёт снег».

Ёжик смотрел на туманный за снегом лес, на мутное-мутное небо, на Медвежонка и горько думал, что во всём свете, наверное, нет ни одного сугроба, из которого они с Медвежонком могли бы сейчас увидеть высокое, лёгкое небо.

ДОБРЫЙ СЛОН

В феврале стояли такие морозы, что Ёжик целыми днями топил печь и всё равно по утрам не мог вылезти из постели — так было в доме холодно.

«Что же это за наказание? — бормотал Ёжик, выывая лапы в валенки и слезая с постели. — Ещё неделю постоят такие морозы — и у меня ни одной дровишки не останется!»

И он зашаркал к печке, отодвинул заслонку и развёл огонь.

Огонь весело загудел, и Ёжик стал обдумывать своё бедственное положение.

«В лесу теперь снегу — видимо-невидимо! — думал он. — И все тоненькие ёлочки занесло, а толстую одному не спилить... Хорошо, кабы Медвежонок наведался: у него и топор острый, и пила есть, и специальные саночки, чтобы дрова возить... Вот пришли бы они с Осликом и сказали: „Ёжик, у тебя, наверное, дрова кончились? Пойдём напилем и наколем новых!“»

А я бы их напоил чаем, и мы бы все трое пошли в лес, и тогда бы я ни за что не замёрз. А теперь... Медвежонок, наверное, крепко спит и совсем забыл обо мне...»

И Ёжику стало так грустно, что он подкинул ещё две дровишки и, уже ни о чём не думая, стал смотреть на пламя.

Печь разгорелась, и теперь в доме было тепло, и Ёжику уже не верилось, что дровишки могут кончиться и он замёрзнет. И он, незаметно для себя, размечтался...

«Вот, — мечтал Ёжик, — кончатся у меня дровишки, и совсем станет холодно, и начну я замерзать... И об этом узнает Слон в зоопарке. Он притворится спящим, а когда сторожа уснут, прибежит в лес, найдет мой домик, всунет хобот в трубу и станет тепло дышать. А я скажу: „Спасибо, Слон. Мне очень тепло. Пойди теперь погрей Медвежонка — у него, наверное, тоже кончились дрова...“ И Слон будет каждую ночь убегать из зоопарка и дышать в трубу мне, Медвежонку и Ослику — и мы не замёрзнем!...»

А морозы всё лютели и лютели. И действительно, скоро у Ёжика совсем кончились дровишки. Он в последний раз крепко протопил печь, сложил на постель все одеяла, а сверху положил полушубок и валенки. Потом залез под эту гору и стал ждать.

Сначала ему было жарко, а потом, когда печь остыла, стало холодно. И с каждым часом становилось всё холоднее.

«С-с-скорее бы п-п-пришёл С-с-слон!...» — шептал Ёжик, свернувшись калачиком под одеялами. Он так замёрз, что у него давно уже не попадал зуб на зуб. А Слон всё не приходил...

— С-с-слон! — звал Ёжик. — Я з-з-замерзаю... П-п-приди, п-п-пожалуйста, Слон!

Ёжик звал Слона три дня и две ночи.

А на третью ночь ему стало так тепло, что он даже сбросил с себя полушубок и валенки.

Это в лес пришла оттепель.

А Ёжику казалось, что это огромный добрый Слон ходит меж сосен и дышит ему в трубу.

ЗАЯЦ

Заяц проснулся — было тихо-тихо.

Так тихо и спокойно, что, пока он спал, он даже ни разу не вздрогнул.

Будто онемело всё вокруг.

И пока он хлопотал по дому, а спал Заяц в летнем, верхнем доме, он заметил какую-то странность с головой.

Его голова жила как бы сама по себе, своей отдельной жизнью.

Зайцу хотелось думать об одном, но голова была занята какими-то своими, особыми, не имеющими прямого отношения к Зайцу мыслями, и к тому, о чём ему, хозяину головы, хотелось бы думать.

Более того — Зайцу хотелось делать одно, а делал он совсем другое.

«Надо пойти в зимний дом, достать морковку», — думал, например, Заяц, а сам сидел на полу, глядел в окно, и голова его о чём-то думала.

Заяц даже сам не знал, о чём она думает. Он просто видел перед собой разные картины и себя на этих картинах; на картинах этих он разговаривал с кем-то, сердился на кого-то, улыбался, и картины эти были из давным-давно прожитой Зайцем жизни.

То он видел — лес, поляну, весну.

Он, совсем юный Заяц, прыгает и смеётся.

Блестит река.

Хлюпают волны.

А он прыгает рядом с маленьким зайчонком и смеётся.

Или вот: сумерки, какие-то далёкие огоньки, а далеко внизу — река.

И в этих сумерках Заяц сидит с робкой, милой зайчихой, и они глядят на далёкие огоньки, на реку, и у зайчихи чёрные-чёрные, как ягоды смородины, глаза.

«Зачем? Почему?» — всё время спрашивала Заячья голова, и Заяц ничем не мог помочь ей с ответом.

Потом он вставал, куда-то шёл, что-то пытаюсь сообразить, сделать, но опять видел себя как со стороны, застывшим у двери и глядящим через весь дом в то же окно и ничего за этим окном не видя.

Опять какие-то картины носились в Заячьей голове. А может, просто голова оторвалась от Зайца и он не заметил этого?

Такая мысль понравилась Зайцу.

Он представил свою голову, отдельно скачущую по лесу, и подумал, что бежать она должна на ушах, вверх тормашками, всё время глядя в серое небо.

За окном падал редкий снежок. Было пасмурно, тихо. Но Зайцу не было грустно.

Была только малая горечь, что голова вот вернулась, села на место и Заяц видел теперь падающий снег и не мог, вслед за головой, бежать по своей прожитой жизни.

ЗВАНЫЙ ОБЕД

Иностранный Слон приплыл из-за моря на большом пароходе.

Он сидел в высоком шатре за круглым столом в огромном кресле.

Два креслица поменьше ждали Ёжика и Медвежонка...

— Вилку надо держать в левой лапе, а ложку — в правой.

— Да почему же вилку — в левой?

— Потому что вилке ты будешь помогать ножом.

Вилку воткнул, ножичком отрезал — и всё.

— А что резать?

— А это чем Слон угостит.

Они были приглашены на званый обед, и теперь Ёжик учил Медвежонка пользоваться ложкой, вилкой и ножом.

— Давай попробуем. На первое — суп!

И они съели воображаемый суп.

— Теперь — жареные грибы!

— А что тут резать?

— Ничего не резать: ножичком накладывай на вилку — и в рот.

— Теперь — компот! — крикнул Медвежонок.

— Выпьешь жижу, потом маленькой ложечкой — гущу.

— Она и так съедет.

— Нет, — сказал Ёжик. И показал Медвежонку, как надо есть компот.

Они шли через лес, и по дороге Ёжик учил:

— Салфетку заткни за воротник.

— У меня нет воротника.

— Повяжи вокруг шеи.

— А если маленькая?..

— Здравствуйте! Здравствуйте! — вышел навстречу гостям Слон. — Очень рад вас видеть!

— Мы тоже очень рады! — сказал Ёжик.

— Садитесь, садитесь, сейчас подадут первое. — И Слон повязал салфетку.

Ёжик помог Медвежонку повязать салфетку, и они сели в креслица.

— Расскажите что-нибудь о себе, — попросил Слон.

— Мы очень рады вас видеть, — улыбнулся Ёжик.

Большая добрая Кенгуру разлила серебряным половником суп.

— И вот пришли к вам на обед, — сказал Медвежонок и стал хлебать прямо из тарелки.

— Возьми ложку! — шикнул Ёжик. — Не хлюпай!

Высокий красавец Жираф сменил приборы.

Зебры внесли второе.

На второе было что-то невообразимо вкусное, и Медвежонок стал есть лапой.

— Ф-фу! — фыркнул Ёжик.

И Медвежонок взял вилку и нож.

Слон ел молча и добрыми серыми глазками глядел на Ёжика с Медвежонком.

Вошёл элегантный Крокодил, проглотил грязные тарелки и, ласково улыбувшись, удалился.

Мартышки внесли сладкое.

— А компот? — спросил Медвежонок.

Но Ёжик толкнул его под столом лапой, и все стали есть бананы, апельсины, ананасы, финики и запивать сладким молочком из кокосовых орехов.

У Медвежонка так разбежались глаза, что первый банан он съел со шкурой.

— Смотри! — еле слышно выдохнул Ёжик. И, улыбувшись Слону, показал, как надо чистить банан.

Медвежонок, стараясь не чавкать, ел бананы, во все глаза глядел на Слона, на зебр и мартышек, выстроившихся у него за спиной, и думал, что, если бы у них с Ёжиком был такой большой пароход и свои крокодилы, жирафы, кенгуру и мартышки, они бы ни за что не сели обедать, не повязав шеи салфетками.

Старый Крокодил долго спал на берегу реки, уткнувшись мордой в песок и опустив хвост в воду.

Ему снилось, будто он не Крокодил, а большая зелёная птица и летит над всей Африкой. Внизу гуляют жирафы, бегают львы, а он летит и машет своим зелёным хвостом, и хвост у него такой лёгкий и прохладный, какого нет ни у одной птицы...

«У меня очень широкие крылья, — думает во сне Крокодил, — я могу лететь долго-долго и не уставать».

— У кого есть такие широкие крылья? — спросил он.

И никто ему не ответил, потому что ни у кого не было таких широких крыльев.

— Кто может так долго лететь? — спросил он.

И опять не было ответа, потому что кто же может так долго лететь, как Крокодил — Зелёная Птица...

«Хорошо летать, — думает Крокодил, — хорошо подниматься высоко-высоко, чтобы было видно всё кругом и чтобы тебя все видели».

— Ты меня видишь, Жираф? — спросил он.

— Вижу, — ответил Жираф. — Конечно!

— Ты меня видишь, Лев?

— Да, — сказал Лев. — А кто же тебя не видит!

— А кто я? — спросил Крокодил.

— Ты — большая Зелёная Птица, — ответил Жираф, — с широкими крыльями...

Уже и Африка осталась позади. Теперь он летел над морем. Внизу вздымались волны, и Кит качался на самой большой волне.

«Он умеет нырять глубже меня, — подумал Крокодил, — но он не умеет летать!»

— Ты умеешь летать, Кит? — спросил он. — Ты знаешь, кто я?

— Нет, я не умею летать, Зелёная Птица, — ответил Кит. — Но ты можешь сесть на мою спину и отдохнуть.

И Крокодил опустился на спину Кита.

«Вот он какой! — думает Крокодил, глядя шершавую Китовую кожу. — Вот он какой, Главный Морской Крокодил!..»

И Крокодилу вдруг так захотелось хоть на минуту стать Китом, что он сказал:

— Кит, давай я стану тобой, а ты — Зелёною Птицей!

— Нет, — подумав, ответил Кит. — Из этого ничего не получится: из меня выйдет слишком большая птица.

— Но, может, попробуем?

— Зачем? — удивился Кит. — Зачем же мне быть птицей, если я люблю море?

И тут Крокодил проснулся.

Африканское солнце слепит ему глаза, братья-крокодилы, как брёвна, плавают в реке; и так ему опостылело на всё это смотреть, что он снова засыпает и становится Зелёной Птицей, летящей над всем миром.

ЗОЛОТОЙ И ПУШИСТЫЙ

Посвящается Поросёнку

К зиме Поросёнок подстригся.

— Ты что это сделал? — сказала ему маленькая утка Чирок.

— Волосиков мало, — сказал Поросёнок. — Вот намажусь глиной, и к весне у меня будет волос, как у лошади.

— Зачем же тебе такая грива? — удивился Чирок.

— А что же? У тебя — перья, у них — волосы, а я — лысенький, — сказал Поросянок.

Они разговаривали у реки, куда совсем лысенький Поросянок прибежал прощаться со своей знакомой уткой Чирок.

— Ты скоро улетишь?

— Завтра, — сказал Чирок.

— Ну вот — прилетишь, а я — волосатый-волосатый, — сказал Поросянок.

— А я тебя узнаю?

— Не узнаешь — я крикну: «Чирок! Это я, Поросянок!»

— Ладно, — сказал Чирок. — А пока ты узнаваемый, давай с тобой поиграем, как лысенький Поросянок с маленькой уткой Чирок.

— А как можно играть иначе? — спросил Поросянок.

— Как прилетевшая весной утка с волосатой лошадью.

— Нет, давай — как лысый Поросянок...

И они стали играть в игру, в которую играли всегда: Чирок нырял, а Поросянок бросал в него сосновыми шишками.

Наигравшись, они сели на берегу, и Поросянок сказал:

— Я буду по тебе скучать, Чирок.

— И я.

— Я буду по тебе очень скучать.

— Я тоже.

— А ты расскажешь, когда вернёшься, где ты был?

— Конечно.

— А что там?

— Не знаю. Я ведь ещё никогда там не был.

— Как жаль, что мы не можем полететь вместе, — вздохнул Поросянок. — Говорят, там есть большая ре-

ка и, если голову намазать илом из этой реки, волосики станут золотые и пушистые.

— Я принесу тебе ила из этой реки, — пообещал Чирок.

— А не забудешь?

— Нет-нет, прощай! — И улетел.

А Поросёнок пошёл домой, намазал голову глиной и стал ждать, когда станет волосатым, как лошадь.

Метели кружили над землёй, вьюги выли, а Поросёнок сидел у себя в доме у печки и ждал весны.

Глина обсохла, и Поросёнок боялся пошевелиться, чтоб не обсыпаться.

Но вот наступила весна и запели птицы; Поросёнок выскочил из дома и поглядел в лужу.

Из лужи на Поросёнка глянул лохматый Свин.

— Ха-ха! — крикнул Поросёнок. — Как лошады! — И тут же искупался в луже.

К реке он шёл медленно и важно.

Остановился, выставил вперёд ножку и поднял голову.

Летели утки.

«Кто это? Кто это?» — спрашивали они друг друга.

— Вы не видели лысенького Поросёнка? — спросила одна Утка. — Он постригся к зиме и теперь должен стать неузнаваемым.

— А что? — спросил Поросёнок.

— Мы принесли ему ила из далекой реки, — сказала Утка. — Он станет золотым и пушистым.

— А где Чирок? — спросил Поросёнок.

— Его нет, — сказала Утка. — Он просил передать вот это.

— Где Чирок? — крикнул Поросёнок.

— Ему очень хотелось долететь. «Брось! Брось! У тебя не хватит сил!» — кричали мы ему над морем. Но... Он не послушался, и вот...

— Что?..

— У него не хватило сил, — сказала Утка.

Поросёнок повернулся и, сгорбившись, пошёл от реки.

«Какая разница, — думал Поросёнок, — лысый или золотой?.. Лишь бы был Чирок, и мы играли, и он кидал в меня шишками...»

— А где, где Поросёнок? — не отставала Утка. — Он так просил.

— Нет Поросёнка, — сказал Поросёнок. — Никого нет.

— Значит, у него не хватило сил дожидаться, — сказала Утка. — Бедный Поросёнок! Бедный Чирок!

— А может быть, он ещё прилетит? — вдруг спросил Поросёнок.

— Он сел на волну. Он не знает дороги, — сказала Утка.

— Но, может быть, он ещё прилетит?

— Всё может быть, — сказала Утка.

И тут появился Чирок.

Он летел низко над рекой против солнца.

— Чирок! Чирок! Это я, Поросёнок! — закричал Поросёнок и бросился к маленькой утке Чирок.

— Это ты! Это ты! — кричал Чирок. — Ну ты и волосатый! Настоящая лошадь!

И Чирок сам намазал Поросёнка илом из далекой реки, а потом они вместе вбежали в реку, а когда вылезли на берег, не было никого на свете золотистее и пушистее Поросёнка.

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ ПРОТИРАЛИ ЗВЁЗДЫ

Вот уже целый месяц Ёжик каждую ночь лазал на сосну и протирали звёзды.

«Если я не буду протирать звёзды каждый вечер, — думал он, — они обязательно потускнеют».

И с утра выходил на крыльцо, наламыывал свежий веник, чтобы сбивать сначала со звёзд пыль, и стирал тряпочку. Тряпочка у него была одна, и поэтому он каждое утро мыл её и вешал на сосну сушить.

Покончив с приготовлениями, Ёжик обедал и ложился спать. Просыпался он, когда уже выпадала роса. Поужинав, брал тряпочку в одну лапу, а веник в другую и потихонечку, с сучка на сучок, подымался на самую верхушку сосны.

Здесь начиналось самое главное. Сначала звёзды надо было обстукать веником, да так осторожно, чтобы

случайно не сбить с неба. Потом веник переложить в левую лапу, а тряпочку взять в правую и протирать звёзды до блеска. Работа была кропотливая, и на неё уходила вся ночь.

«А как же иначе? — ворчал Ёжик, беседуя сам с собой на верхушке сосны. — Если Медвежонок не протрёт звёзды, если я не протру звёзды, то кто же протрёт звёзды?..»

Медвежонок в это время тоже сидел на верхушке сосны над своим домом, протирал звёзды и думал:

«Удивительно, как это Ёжику в голову пришла такая счастливая мысль! Ведь если бы Ёжик не придумал чистить звёзды, их бы давно уже никто не видел. Вон какая пыльная!..» И он дунул на звезду и потёр тряпочкой...

Медвежонок очень старался, но у него не всегда получалось как у Ёжика. И если с неба падала звезда, все в лесу знали, что это её нечаянно столкнул Медвежонок.

КАК ЁЖИК С МЕДВЕЖОНОКОМ МЕНЯЛИ НЕБО

Жили-были в лесу Ёжик с Медвежонок. Жили они хорошо, дружно, но время от времени происходили с ними необыкновенные приключения... Вот и сегодня...

Через лес, через поле, в горку, с горки, по брёвнышку катился Медвежонок и кричал:

— Ё-жи-и-и-к! Ё-жи-и-и-к! Что я нашёл! Что нашёл! Что нашёл!..

— Что? — появился из одуванчиков Ёжик.

— Калы-балы-талы-балы! — запыхавшись, забубнил Медвежонок. — Понял?

— Не-а.

— Калы-балы-талы-балы! Ну, понял?

— Нет, — затряс головой Ёжик.

— Эх ты! — И опять забубнил, забубнил что-то прямо Ёжику в ухо. — Ну?

— А где? — спросил Ёжик.

— Бежим!

Медвежонок схватил Ёжика, и они обратным путём — по брёвнышку, в горку, с горки, через поле — помчались, полетели и вбежали в лес.

— Вот! — раздвинул кусты Медвежонок.

Перед ними на опушке леса, наполовину укрытый зеленью, стоял покосившийся сарай, отдалённо смахивающий на верблюда. На «спине», прямо над дверью, кривыми буквами было написано:

НЕБЫ

— Не-бы, — по складам прочитал Ёжик.

— Ну как? Хочешь, дай ему травки.

— Кому?

— Верблюду! — И Медвежонок скрылся в сарае.

«Помоги!» — тут же услышал Ёжик и через секунду увидел самого Медвежонка, выбирающегося из сарая с огромным рулоном, будто с ковром, на плече.

— Что это? — спросил Ёжик.

— Берись, — сказал Медвежонок.

Через лес, через поле, в горку, с горки, по брёвнышку мчались теперь Ёжик с Медвежонком; на плечах у них, как бревно, мчался этот непонятный предмет.

Добежав до двух худеньких пеньков посреди поля, Медвежонок закричал:

— Стой! Самое подходящее место! — и сбросил рулон на траву.

Жарко трещали кузнечики, неподвижно отражалось в реке колючее солнце.

— Для чего, — спросил Ёжик, — подходящее?

— Для того! — И Медвежонок запел, замурлыкал, взбираясь на пенёк:

Мы небо поменяем,
Мы небо поменяем,
Мы небо поменяем —
Бам, бам, бам!

— Что — поменяем?.. — Ёжик открыл рот.

— Небо, — просто сказал Медвежонок. — Жарко! — Встал на пенёке, зацепил лапой выгоревшее, вылинявшее на солнце небо и — потянул.

И — бывает же так! — небо недовольно сморщилось, а потом, как скатерть, поползло с неба, а солнышко солонкой покатилося и упало за лес.

— Ты что делаешь? — закричал Ёжик. — Что ты делаешь?!

Но было поздно. Медвежонок, стоя на пенёке, приспособливал новое небо, пыхтел, отдувался и смахивал пот со лба.

— Помоги! — рявкнул он.

И они вдвоём растянули новое небо, по которому сперва полетели, прощально курлыкая, журавли, а потом... посыпало мелким дождичком.

— Эх! — огорчился Медвежонок и ударил себя лапой по ноге. — Не то!

Он стащил новое небо, быстро скатал в рулон, «берись!» — кивнул Ёжику и взял свой конец на плечо.

— А как же... это? — еле выговорил Ёжик и ткнул лапой вверх, где было совсем пусто. — Ведь там ничего нет...

— Побудет так, — сказал Медвежонок.

И они помчались.

Тем же путем — в горку, с горки, через поле, по брёвнышку — они мчались за новым небом, волокли старое с плачущими журавлями; с него капала вода.

— А какое небо нам нужно? — на бегу спросил Ёжик.

— Чтобы не жарко, не холодно, не мокро и не темно!

— А такое... бывает? — Ёжик даже остановился, и Медвежонок убежал с курлыкающим небом один, но задним ходом вернулся.

— Ага.

— Когда?

— А помнишь, когда у Зайца был день рождения?

— Помню, — подумав, сказал Ёжик. — Замечательное было небо! Ты думаешь, оно в верблюде?

— Там, — просто сказал Медвежонок.

— И если мы его найдём, прибежит Заяц и снова будет день рождения?

— Ну да!

— А почему я раньше этого верблюда не видел?

— Он — кочующий: то здесь побудет, то там.

— А где у него горбы?

— Ну что ты встал? — рассердился Медвежонок. — Это — небесный верблюд: с небами и без горбов.

И они выскочили к сараю.

Ворона весело сидела на ёлке. Вороне сверху интересно было глядеть, как Ёжик с Медвежонком быстро-быстро возвращаются обратно.

— Ну вот, — сказал Медвежонок, когда они с новым небом добрались до двух пеньков посреди поля. — Теперь уж — то самое!

— И Заяц сразу прибежит? — Ёжик вскарабкивался на свой пенёк.

— А куда же он денется?

Они распластали небо, и сразу стало темно.

— Тьфу! — плюнул в сердцах Медвежонок. — Ночи! Ты меня видишь?

— Не-а, — сказал Ёжик.

— Я тебя тоже не вижу. Глухая сентябрьская ночь.

— Октябрьская, — поправил Ёжик. — Такие ночи бывают в октябре.

— Ну ничего. На вот тебе, держи.

— А... А что это?

— Прутик.

— А зачем?

— Протыкивай.

— Как — протыкивай?

— Как-как! Недогадливый какой! — заворчал Медвежонок и первым стал ходить в темноте и протыкивать небо, и одна за другой стали вспыхивать маленькие и большие звёзды. Ёжик ходил следом, не протыкивая.

— Что ж не протыкиваешь? — Медвежонок остановился.

— Я боюсь.

— Чего?

— Мне жалко.

— Да чего тебе жалко-то?!

— Неба, — сказал Ёжик.

— Фу-ты ну-ты! Кого пожалел! Во, гляди! — И стал показывать Ёжику, как с лёгким хлопаньем, а потом с серебряным звоном протыкивается небо. — Протыкивай! Я сейчас!

И убежал.

Ёжик поднял пруттик и пошевелил звезду.

И она замигала Ёжику.

А потом вдруг ярко вспыхнула, Ёжик испугался и... нечаянно проткнул небо.

И появилась Ёжик и на звезда.

Она была такая красивая...

Вновь явился Медвежонок, и при свете звёзд было видно, что он волочёт бревно.

— Помогай! — рявкнул Медвежонок, и они вдвоём — хлоп! — проткнули небо бревном, и в чёрном небе поплыла красная луна.

— Луна!.. — выдохнули вместе Ёжик с Медвежонок, садясь на бревно.

— Жалко, нет Зайца, он тоже любит луну, — сказал Ёжик, не сводя глаз со своей звезды. — И всё-таки, знаешь, Медвежонок, это не то небо, которое было в день рождения Зайца.

— Не то! Конечно, не то! Ещё найдем! — сказал Медвежонок.

— Знаешь, Медвежонок, — Ёжик не отрывал глаз от своей звезды, — давай их больше не менять, а?

— Кого?

— Небы.

— Хы! Как хочешь, — буркнул Медвежонок. — Только там ещё полверблюда осталось.

В небе сияла луна и мигали звёзды, но Ёжик, не отрываясь, смотрел на свою звезду.

— Давай споём! — вдруг сказал он. — Когда так хорошо — обязательно поют песни.

— Только надо пойти сесть в лодку, — сказал Медвежонок. — Когда такая луна, песню хорошо петь в лодке.

В тихой кувшинке, как в лодке, они медленно плыли по реке. Медвежонок то и дело подымал прутик, протыкивал небо, а Ёжик неотрывно глядел на свою звезду.

Они пели:

С песенкой, как с лесенкой до неба,

Реченькою тихою плывем.

Если фонаря с собою нету —

Сами в небе звёздочку зажжём.

То ли гром,

То ли град,

Сменишь небо —

Потом

Будешь сам не рад.

К ТЁПЛОМУ МОРЮ

Олень стоял на скале, и рога у него были розовые от заходящего солнца. Он смотрел на заснеженную равнину, на дальний лес и навсегда прощался с этой страной. Впереди у него был долгий путь, и он начал вспоминать лето, ручей, овраг, за которым росла старая ель, мягкий мох на опушке, и от воспоминаний ему стало ещё грустнее.

«Вот, — думал Олень, — кончилось лето, пришла осень, и теперь надо уходить на юг. Там, на юге, нет этих скал, этих гор и ручьи звенят по-другому».

Он затрубил, и по всей равнине понеслось: «О-о-о-о-о!»

Солнце совсем скрылось, потемнели горы, заблистали первые звёзды... И Олень стал спускаться вниз.

В это время в охотничьей избушке топились печь, крепко потрескивали дрова и охотники, попив чаю, укладывались спать. Ружья у них были длинные, собаки злые, и все они были меткие стрелки.

— Гасите свет! — сказал главный охотник. — Рано утром пойдём на оленью тропу.

Олень шёл всю ночь, и всю ночь ему было грустно. Снег скрипел под копытцами, то и дело падали звёзды, и редкие снежинки, кружась, опускались с неба. Одна из них залетела Оленю в ухо и сказала: «Берегись!» — «Кого?» — спросил Олень. Но Снежинка уже растаяла.

Перед утром Оленю стало холодно, и он побежал. Он бежал красивыми большими прыжками, высоко закинув голову, почти не касаясь земли. И ему казалось,

что все деревья, все кусты и овражки бегут вместе с ним. Потом он вспомнил, что ему сказала Снежинка, и побежал ещё быстрее. «Вот так! Вот так! Вот так!» — приговаривал он и думал: «Меня теперь не догонишь. Чего мне бояться?!»

Когда рассвело, охотники вышли из своей избушки и не торопясь пошли к дороге, по которой бежал Олень. На Севере такая дорога называется «варга».

— Идемте к варге! — сказал главный охотник.

И все тронулись. Собак они оставили дома.

Олень в то время устал бежать, полизал снег и пошёл шагом. Сердце у него гулко билось. «Не свернуть ли мне?» — думал он. Но надо было спешить на юг. И он пошёл прямо по дороге.

— Смотрите, — прошептал главный охотник. — Вот он!

Олень поднял уши и замер.

И тут огромный сук треснул в лесу, потом ещё и ещё. «Трррах-х!» — разнеслось эхо.

Олень прыгнул, но перевернулся в воздухе и упал на спину.

«Вот, — подумал он, — чего боялась Снежинка...»

Главный охотник подошёл к Оленю, и из длинного ружья у него вился дымок.

— Это последний, — сказал он. — Остальные все прошли на юг.

«Не надо было так долго прощаться», — подумал Олень и закрыл глаза.

Остальные охотники подошли с крепкой палкой, связали ноги Оленя, просунули палку, положили её концы себе на плечи и понесли Оленя к охотничьей избушке.

Олень покачивался на палке, и ему казалось, что он плывет по большой реке к тёплому морю...

КОЛОДЕЦ

Когда-то в колодце была холодная вкусная вода. И кто бы ее ни пробовал, говорил: «Никогда не пил слаще этой воды!» Но потом колодец постарел, и вода из него ушла. Лишь на дне осталась черная жидкая грязь, в которой по ночам светились звёзды...

Вот пришёл однажды к колодцу седой старик.

— Здравствуй, колодец! — сказал он. — Вот мы с тобой и повстречались. А ведь это я когда-то вырыл тебя и срубил твои деревянные рёбра!

— Ох!.. — вздохнул колодец. И на дне его квакнула лягушка.

— Когда ты был молодой, — продолжал старик, — из тебя можно было сразу брать по сто ведер. А за ночь ты снова заполнялся водой! И я тоже работал целый день, а стоило мне чуть-чуть поспать — и я мог работать снова...

— О-хо-хо! — вздохнул колодец.

— Жаль мне тебя! — сказал старик. — И крыша над тобой сопрела, и сруб твой сгнил, и ведро девалось неизвестно куда... Хочу, чтоб ты снова был молодым.

И старик принялся за работу.

Вычерпал из колодца грязь, выбросил лягушку, принес брёвна и стал рубить новый сруб.

Долго он работал... Каждое утро приходил к колодцу, углублял его, тесал брёвна и мастерил крышу. Но с каждым днём работа двигалась медленнее, потому что старику нужно было всё дольше и дольше отдыхать...

Наконец колодец был готов. Он стоял свежий, сияя жёлтыми боками, и от него пахло молодым деревом. И снова пришла к нему вода и была холодна и вкусна, как прежде.

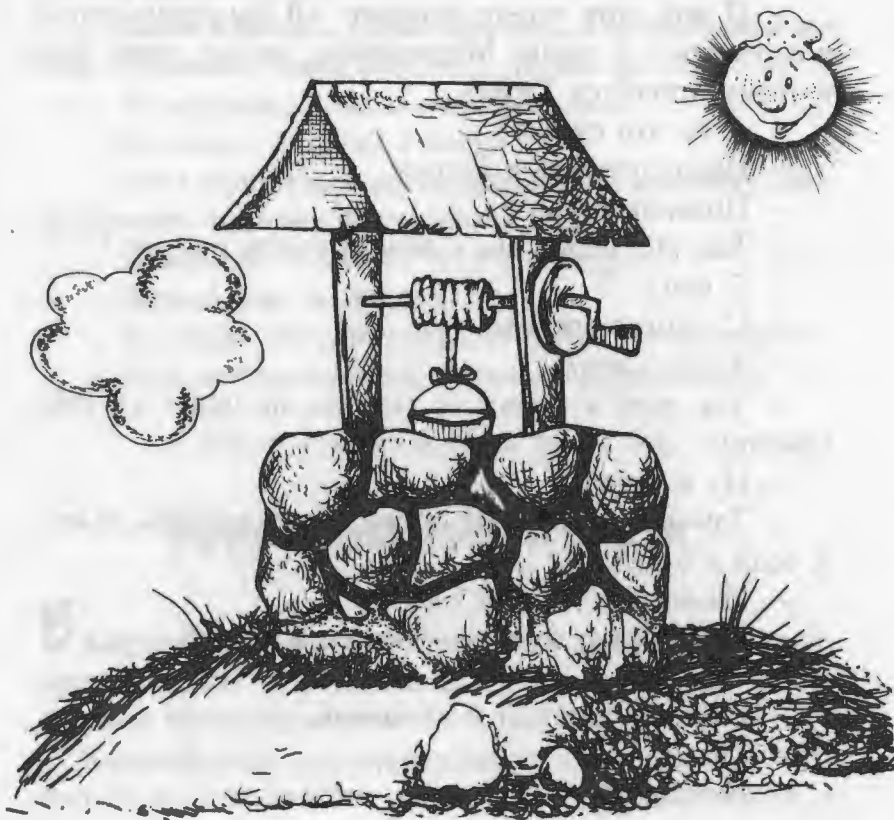
На прощанье старик подарил колодцу звонкую цепь и лёгкое жестяное ведро.

— Вот, — сказал он, — стой здесь долго, пой прохожих водой. А состаришься, снова придёт человек и омолодит тебя.

— А ты? — скрипнул цепью колодец. — Кто омолодит тебя?

— Э!.. — махнул рукой старик. И ушёл по дороге...

Колодец долго смотрел ему вслед. И ждал его на следующее утро и потом целое лето. А устал ждать — запечалился, и вода в нём стала такой прозрачной, что если кто-нибудь её пил, то сразу молодел на двадцать лет.

ЛАСКОВЫЙ, ПУШИСТЫЙ И ПРЫГАЕТ

- Я даже не знаю, как тебе это сказать, Ёжик.

— Так прямо и скажи.

Они шли по огромному лугу, и Медвежонок всё норовил заглянуть Ёжику в глаза.

— Так прямо и сказать?

— Так и скажи.

— Знаешь, — сказал Медвежонок, — давай я тебе намекну, а ты — догадайся.

— Давай.

— Ну вот, представляешь: мы с тобой дружим, а кто-то ещё хотел бы тоже с нами дружить.

— Представляю, — сказал Ёжик.

— И вот этот кто-то говорит: «Я бы очень хотел подружиться с вами, Медвежонок, но не знаю, как к этому отнесётся Ёжик».

— А ты что сказал?

— Надо спросить у Ёжика.

— Правильно.

— Так что, будем мы с ним дружить или нет?

— С кем?

— С этим, с третьим.

— А он — кто?

— Так если я скажу — кто, это не будет «я тебе намекну». Это будет «я тебе скажу», и всё.

— Ну и скажи.

— Так неинтересно. Я скажу, и ты скажешь, и всё.

А если я намекну...

— Напекай, — сказал Ёжик.

— Понимаешь, этот он — очень хороший.

— Так.

— Очень пушистый и ласковый.

— Так.

— И прыгает!

- Заяц, — сказал Ёжик.
- Нет!
- Крот!
- Разве кроты прыгают?
- Очень хороший, пушистый, ласковый, прыгает... — забормотал Ёжик.
- Ну же!
- Кенгуру!
- Фу-ты! Разве Кенгуру ласковый?
- Так кто же?
- Давай сначала: хороший, пушистый, ласковый, прыгает!
- Скажи ещё что-нибудь!
- Медвежонок задумался:
- Глаза блестят.
- Глаза блестят... Глаза блестят... Хороший, пушистый, ласковый, глаза блестят... Да кто же это?!
- И жужжит, — сказал Медвежонок.
- Не знаю. Шмель? Говори!
- Нет! Пушистый, ласковый, любит косточку, глаза блестят, прыгает и жужжит!.. Ну!
- Львёнок!
- Верно! Как ты угадал?
- Не знаю. Почувствовал. А почему — жужжит?
- Для неузнаваемости, — сказал Медвежонок.

МАЛЕНЬКИЙ ЖИВОЙ КАКТУС

В марте, когда деревья сбросили с плеч снег и закинули высоко в небо лёгкие головы, Ёжику стали сниться волшебные сны.

Каждый день он проветривал свой домик, наламыывал в лесу еловых лапок, устилал ими пол, а к

вечеру пил чай с брусничным вареньем и ложился спать.

Ложился он сперва на спину, но на спине ему лежать было колко, и он поворачивался на правый бок и закрывал глаза. И тут же начинался волшебный сон.

Вот и сегодня Ёжик попил чаю, прилёг на спину и задумался.

«А не посмотреть ли мне во сне Африку? — думал Ёжик. — Небо там синее, песок жёлтый, дует ветерок, бегают львы... Рассмотрю всё как следует, а потом расскажу Ослику и Медвежонку».

И он повернулся на правый бок, закрыл глаза — и сразу же увидел во сне Африку.

Она была жёлтая-жёлтая под голубым небом. По краям её сидели печальные носороги, а посередке — маленький Кролик в соломенной шляпе и с голубыми усами.

— Ты кто? — спросил Ёжик.

— Я — Кролик Ки-ку, — ответил Кролик, приподымая шляпу. — А ты кто?

— Я — Ёжик.

— Ёжик... Ёжик... — забормотал Кролик, разглядывая Ёжика. — Давай я тебя лучше назову — Маленький Живой Кактус!

— Маленький Живой Кактус... Очень красиво! А что такое — Кактус?

— Это такая колючка. Мне её привезли в подарок из одной пустыни.

— А она — хорошая?

— Она — полезная.

«Я тоже — полезная колючка», — подумал про себя Ёжик. И кивнул.

— А где львы? — спросил он.

— У нас полдень, — сказал Ки-ку. — Львы спят. Хочешь, я тебя угощу бананом?

Ёжик снова кивнул.

Ки-ку крикнул обезьянам, и обезьяны спустили с дерева связку бананов.

— Угощайся! — сказал Кролик. Взял в лапу банан и показал, как надо его чистить.

Ёжик ел бананы и думал об Ослике и Медвежонке.

«Вот бы их сюда! — думал Ёжик. — Медвежонок бы ел эту белую мягкую морковку, а Ослик — шкурки, и обоим им было бы весело и хорошо!»

— Очень вкусная белая морковка! — сказал он. — А ты любишь красную?

Кролик задумался.

— Это — бананы, — сказал он. — А какая она — красная морковка?

— Такая красная-красная! И когда её грызешь, она хрустит на зубах!

— Я очень люблю, когда хрустит, — сказал Кролик. — А у тебя нет морковки?

Ёжик заглянул в мешок, с которым обычно пускался в путешествия, и — о чудо! — вдруг нашёл там свежую крепкую морковку.

— Угощайся! — сказал он.

И Ки-ку захрустел морковкой, как все кролики, и от удовольствия даже закрыл глаза.

— Ты знаешь, — сказал он, — она вкуснее, чем бананы, да ещё хрустит! Ты надолго к нам приехал?

— Нет, — сказал Ёжик. — Только на одну ночь. Я ведь здесь во сне... Но на следующую ночь я могу прилететь снова.

— Обязательно прилетай! Я буду тебя ждать и покажу львов. Только... — Кролик замаялся. — Не забудь мешочек с морковкой!..

Тут Ёжик проснулся.

За окном синел лес, и было слышно, как грустно вздыхает почерневший мартовский снег.

Ёжик посмотрел на стол — и вдруг увидел свой мешочек для путешествий, набитый бананами.

— Белая морковка! — крикнул Ёжик и бросился к столу.

Сверху лежала записка:

Маленькому Живому Кактусу — от Ки-ку!

Вот такая необыкновенная история!

МОЙ ЗНАКОМЫЙ УДАВ

Удав был ленив, как все удавы. Он был стар, толст и больше всего на свете любил спать. Ел он очень редко — раз в месяц, но зато мог съесть быка, а потом целых тридцать дней его пережёвывать.

Удав поднял голову и сказал:

— Не пережёвывать, а переваривать!

И снова уснул.

Он спал в высокой густой траве, и, если бы не поднял голову, мы бы его ни за что не заметили.

— Здравствуй, Удав! — сказал я. — Извини, пожалуйста, что побеспокоил, но мне бы очень хотелось, чтобы ты рассказал какую-нибудь историю.

Удав покашлял, перевернулся на спину и посмотрел на облака.

— Когда-то, давным-давно, — начал он, — я был воздушным змеем. Мальчишки склеивали меня из бумаги и тоненьких палочек и запускали по три раза на дню... Однажды мне это надоело: я перекусил нитку и улетел.

— Чем же ты ее перекусил?

— Зубами. Не перебивайте меня, пожалуйста, — сказал Удав. — Просто один мальчик нарисовал мне настоящую змеиную голову и настоящие зубы... Так вот, перекусил я нитку и полетел... Летал, летал над полями, над лесами, перелетал горы и реки, чуть не упал в море, но... ветер принёс меня в Африку. Я долго висел на дереве, но обезьяны сжалились надо мной и опустили на землю. Тогда пришёл Бегемот.

«Кто ты?» — спросил он.

«Змей! — ответил я. — Змей из далёкой деревни Александровка».

«Что ты умеешь делать?» — спросил Бегемот.

«Летать», — ответил я.

«Ну, это здесь ни к чему, — сказал Бегемот. — Птиц у нас в Африке много, а вот змей — не хватает... Будешь Удавом».

«Хорошо, — сказал я. — Только разве есть змеи, которые не летают?»

«Много, — сказал Бегемот. — И Удав — первая».

И разорвал бумагу, раздавил палочки, съел мочалочный хвост и сказал: «Ползи!»

Вот с тех пор я и ползаю...

И если б вы только знали, как иногда хочется взлететь в небо и долго, долго летать между облаками!

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЕСНА

Это была самая необыкновенная весна из всех, которые помнил Ёжик.

Распустились деревья, зазеленела травка, и тысячи вымытых дождями птиц запели в лесу.

Всё цвело.

Сначала цвели голубые подснежники. И пока они цвели, Ёжику казалось, будто вокруг его дома — море и что стоит ему сойти с крыльца — и он сразу утонет. И поэтому он целую неделю сидел на крыльце, пил чай и пел песни.

Потом зацвели одуванчики. Они раскачивались на своих тоненьких ножках и были такие жёлтые, что, проснувшись однажды утром и выбежав на крыльцо, Ёжик подумал, что он очутился в жёлтой-прежёлтой Африке.

«Не может быть! — подумал тогда Ёжик. — Ведь если бы это была Африка, я бы обязательно увидел Льва!»

И тут же юркнул в дом и захлопнул дверь, потому что прямо против крыльца сидел настоящий Лев. У него была зелёная грива и тоненький зелёный хвост. — Что же это? — бормотал Ёжик, разглядывая Льва через замочную скважину.

А потом догадался, что это старый пенёк выпустил зелёные побеги и расцвёл за одну ночь.

— Всё цветёт! — выходя на крыльцо, запел Ёжик.

И взял свою старую табуретку и поставил её в чан с водой.

А когда на следующее утро проснулся, увидел, что его старая табуретка зацвела клейкими берёзовыми листочками.

ОДУВАНЧИК И ХРЮК

Однажды поросёнок Хрюк влез на крышу и провалился в печную трубу. Хорошо, что ещё печка не топилась!

Выскочил он из печки и помчался во двор — сам чёрный-чёрный.

— Эй! — крикнул ему Одуванчик. — Ты чего такой чёрный?

— Я? — сказал Хрюк. — Я совсем не чёрный.

— Нет, чёрный, — сказал Одуванчик. — Интересно мне тебя обманывать!

— Почему ты так думаешь, братец? — спросил Хрюк.

— Я вижу! — сказал Одуванчик.

— Ты мой друг, ты умный Одуванчик. Откуда ты взял, что я чёрный?

— Ночью я бы тебя не увидел.

— Ночью никого не видно, — сказал Хрюк.

— Нет, видно. Я ночью белею. Когда я потерялся, мама сказала: «Вон одуванчик белеет у сарая!» Это был я. А если бы ты потерялся, тебя бы никто не нашёл. Ты же не можешь белеть, если ты — чёрный!

— Я встану на камень, — сказал Хрюк, — а ты ляг на землю и посмотри на меня снизу. Вот так. Какого я цвета?

— Чёрный, — сказал Одуванчик.

— А теперь ты встань на камень, а я лягу в грязь... Ну, как?

— Тебя не видно.

— Как не видно? — возмутился Хрюк. — Я же тебя вижу!

— А тебя не видно. Грязь чёрная, и ты чёрный. Тебя совсем не видно!

— А откуда ты знаешь, что я есть?

— Я догадываюсь, — сказал Одуванчик.

— Вот посмотри, я сейчас пошевелю хвостиком. Видишь?

— Нет.

— А сейчас?

— Ничего не вижу.

— Значит, я невидимый... — сказал Хрюк. — Это очень интересно!

— Теперь ты веришь, что ты чёрный?

— Да, — сказал Хрюк. — Если ты меня не видишь, значит, я чёрный.

— Что же теперь делать? — вздохнул Одуванчик. — Всех позовут обедать, а тебя не заметят.

— Но ты же знаешь, что я есть!

— Мне могут не поверить, — сказал Одуванчик.

— Но ты скажешь, что я чёрный, что меня не видно, но что я всё-таки есть.

— Как же ты есть, если тебя не видно?

— Вот я! — крикнул Хрюк. — Скажи им всем, что я тоже хочу обедать!

— Я скажу, — пообещал Одуванчик. — А ты на всякий случай встань на камень.

В это время во двор вышла мама-свинья и увидела Хрюка, стоящего на камне.

— Вымойся как следует в бочке, — сказала она, — и пойдём обедать.

Хрюк молчал.

— Ты чего молчишь? — спросила мама-свинья.

Хрюк смотрел на маму-свинью и думал:

«Видит она меня или не видит? Наверное, не видит!» — решил он и продолжал молчать.

— Он есть, — сказал Одуванчик. — Вон он стоит. Он тоже хочет обедать.

— Я вижу, — сказала мама-свинья. — Вон он стоит на камне.

«Я стою на камне, — думал Хрюк, — но они всё равно меня не видят».

— Я хочу обедать! — сказал он.

— Мойся в бочке, и пойдём обедать, — сказала мама-свинья.

— Он же невидимый, — сказал Одуванчик. — Как он может мыться в бочке?

— А вы меня видите? — спросил Хрюк.

— Вижу, — сказала мама-свинья.

— Вижу, — сказал Одуванчик.

— Зачем же мне мыться в бочке, если вы меня видите? — спросил Хрюк.

— Нет, не вижу, — сказал Одуванчик.

— Как же ты его не видишь, Одуванчик? — удивилась мама-свинья. — Вон он стоит на камне!

— Я вижу, что он стоит на камне, — сказал Одуванчик. — Но он же невидимый.

«Конечно, они меня не видят», — решил Хрюк.

— Я хочу обедать! — ещё раз жалобно сказал он.

Мама-свинья подошла к Хрюку, взяла его под мышку и отнесла к бочке.

— Ух! — сказала Бочка. — Никогда не видела такого чёрного поросёнка!

— Буль-буль! — булькнула вода. — Никогда не встречала такого грязнули!

А Хрюк тёрся, мылся, хрюкал, скоблился, отфыркивался и наконец вылез из бочки совсем розовый.

— Теперь меня хорошо видно? — спросил он.

— Очень! — сказал Одуванчик. — Тебя никогда не было так хорошо видно.

ОСЕННИЕ КОРАБЛИ

Летели листья, гудел ветер.

Ёжик вышел из своего дома с коромыслом на плече, спустился к роднику.

Вода в роднике была синяя, холодная и блестящая.

Ёжик присел на берегу и поглядел в воду.

Из воды на Ёжика глянул грустный Ёжик и сказал:

— Ёжик-Ёжик, ты зачем пришёл?

— За водой, — сказал Ёжик, который сидел на берегу.

— А зачем вода?

— Море сделаю.

— А зачем море?

— Будет у меня дома своё море: проснусь, а оно — шумит, повернусь с боку на бок, а оно — шевелится!

— А где корабли?

— А зачем мне корабли?

— Какое же море без кораблей?

«Верно, — подумал Ёжик. — Про корабли я и забыл».

Он встал, нацепил вёдра на коромысло и пошёл к дому.

Лес шумел по-осеннему. Ёлки стояли хмурые. С деревьев сыпались листья.

— Белка! — крикнул Ёжик. — Где мне взять корабли?

— Какие ещё корабли? — спросила Белка.

— Скоро зима, а я всё один и один — грустно мне!

— Всем грустно, — сказала Белка. — Что ты — лучше других?

— Я...

— Возьми нитку, — перебила Белка. — Иголку. Вдевай нитку в иголку, выдёргивай — так и день пройдёт.

— Нет, — сказал Ёжик. — У меня море будет! Проснусь, а оно — шумит, повернусь с боку на бок, а оно — шевелится!

— У тебя — море, а у всех — вдевай нитку в иголку да выдёргивай? Сам ищи свои корабли! — И убежала.

Ёжик поглядел вслед Белке и пошёл дальше.

Из-под ёлки вылез Медвежонок.

— Здорово, Ёжик! — крикнул он. — Ты куда идёшь?

— Погоди, — сказал Ёжик. Вошёл в дом, вылил воду в ушат и вернулся к Медвежонку.

— Где мне взять корабли, Медвежонок? — спросил он.

— Корабли? — изумился Медвежонок. — Где же их взять?

— Если б ты знал, как мне нужны корабли!

— А зачем?

— Скоро зима, — сказал Ёжик. — Грустно мне.

— А ты спать ложись, — сказал Медвежонок. — Вот я, например, сейчас лягу, весной — проснусь.

— Не-ет, — сказал Ёжик. — Мне корабли нужны!..

По лесу с драным сапогом в лапе брёл старый Волк.

— Что это у тебя, Волченька? — спросил Ёжик.

— Сапог, — сказал Волк. И остановился.

— А зачем?

— Самовар раздую, шишечек сверху покрошу, чайку сварю и-и... — Волк сладко прижмурился. — Хочешь со мной чайку попить?

— Не могу: мне корабли нужны.

— Какие корабли?

— Морские, — сказал Ёжик. — Скоро зима, а у меня будет море. А по морю обязательно должны плыть корабли.

— Корабли... — пожевал губами Волк. — Вот поддержи-ка! — И протянул Ёжику сапог. Потом наклонился и из щепочки и кленового листа сделал кораблик. — Такой?

— Ох! — охнул Ёжик. — Настоящий! Но мне... ещё нужно.

— Ага, — сказал Волк. И сделал ещё два кораблика.

— Спасибо, Волченька! Если загрустишь, приходи ко мне. Сядем, будем смотреть на море, на корабли... Придёшь?

— Приду, — пообещал Волк.

А Ёжик нашёл старый лопух, поставил на него три корабля и, как на подносе, понёс к себе в дом.

Подул лёгкий ветер, паруса корабликов надулись, и сперва Ёжик побежал за лопухом, а потом и опомниться не успел, как полетел.

— А-а-а! — закричал Ёжик.

Такую картину даже представить себе трудно, но так всё и было: Ёжик держал перед собой лопух, по

лопуху, как по зелёным волнам, мчались кораблики, а вслед за этим зелёным морем летел по воздуху Ёжик.

Он даже не испугался. Это он так, для порядка, закричал: «А-а!..», потому что ему ещё не приходилось летать над лесом; но потом он освоился и запел.

«Ля-ля!» — пел Ёжик.

И тут в небе появилась Ворона.

Ух как она каркала! Ух какие у неё были когтистые лапы!

— Кар-р-р! — кричала Ворона. — Позор-р-р! Ёж в небе!

Переполошился весь лес.

А Ворона всё летела и кричала: «Позор-р-р! Кто позволил-л-л?!»

Все увидели летящего по небу Ёжика, тоже замахали лапами и закричали: «ДОЛОЙ! КТО ПОЗВОЛИЛ?!»

И только Волк остановился, пожевал губами, поставил сапог в траву и покачал головой.

А Ёжик летел по небу, уцепившись за зелёное море, по которому неслись корабли.

Он вжал голову в плечи, но море не выпустил.

Тут ветер стих, и, когда Ворона уже было догнала их, Ёжик с корабликами опустился прямо на пороге своего дома.

Ворона отпрянула.

— Кар-р-р! — крикнула она.

И улетела, каркая, в пустое небо.

А Ёжик поднял корабли и вошёл в дом.

То, что он увидел, так его обрадовало, что он сразу позабыл пережитый страх: возле ушата с водой, покачиваясь на солнышке и подставляя лёгкие головы морскому ветерку, росли две высокие пальмы и на самой макушке той, что была поближе к прибою, сидел совсем крошечный, но абсолютно живой Попугай.

— Здор-р-р-рово! — крикнул Попугай. — Пускай корабли! — И сел Ёжику на плечо.

И Ёжик с Попугаем на плече стал пускать кораблики в воду.

Теперь это было настоящее море!

Шуршали пальмы, по краям ушата золотился песок, и высоко под потолком бежали лёгкие облака.

За окошком стемнело, и давно уже пора было ложиться спать, а Ёжик всё сидел над своим морем под пальмами и не мог оторвать глаз от золотых кораблей.

Наконец он встал, разобрал постель, лёг, вздохнул и сразу же услышал, как вздохнуло море и над ним зажглись звёздочки, и от ночного ветерка зашелестели пальмы.

Ёжик смотрел на одинокую звезду за окном, слушал, как шуршит в ушате прибой, и думал, что он теперь не один, что в эту долгую вьюжную зиму рядом с ним всегда будет большое тёплое море.

ОСЕННИЙ ПОРОСЁНОК

Дышалось легко и радостно. Осень стояла просторная, светлая, и вокруг было много земли.

Поросёнок выбежал на поляну и зашуршал ножками в опавшей листве. Это было очень весело — вот так бегать и шуршать, а потом остановиться и слушать.

Тоненько-тоненько свистел в голых кустах ветер, шевелилась трава, но лучше всего, конечно, было шуршать листьями.

Выбежал Заяц.

— Привет, Поросёнок!

— Привет!

— Ты чего делаешь?

— Шуршу, — сказал Поросёнок. И побежал.

— Давай пошуршим вместе, — сказал Заяц, догнав Поросёнка.

И они целых полчаса бегали по поляне, шурша па-
лой листвой.

— Ты как сюда попал? — спросил Заяц, когда они,
нашуршавшись, сели.

— Убежал из дому, — сказал Поросёнок. — А что?

— Я так и подумал, что ты нездешний, — сказал
Заяц. — Ёжика знаешь?

— Нет.

— А Медвежонка?

— И Медвежонка.

— И Зяблика не знаешь?

— Не знаю, — сказал Поросёнок.

— Приходи сумерничать, — сказал Заяц. И убежал.

Поросёнок посидел ещё немного один, потом сгреб
опавшие листья в кучу, забрался на самый верх и лёг.

Ему было мягко и хорошо.

Выглянуло солнце, ветерок разогнал облака, чистым
золотом загорелись огромные листья клёна, а Поросёнок
всё лежал на куче опавшей листвы, глядел по
сторонам и думал.

О чём думал Поросёнок, он и сам бы не мог сказать;
а думал он обо всём сразу и ни о чём в отдельности.

«Вот листья сыплутся, — думал Поросёнок, — деревья
голенькие, а наверху — небо, а ёлка ещё зеленей
стала, и рыжие грибы лисички — как гвоздики во мху».

Широко и покойно шумел лес, качались ветви; будто
хромая, проковыляла в пустом воздухе бабочка, а
Поросёнок всё глядел и глядел, слушал и слушал, и
никуда ему не хотелось идти, ничего не хотелось де-
лать, ни с кем говорить.

«Ну что я буду сумерничать с Зайцем? — думал
Поросёнок. — С Зайцем хорошо побегать, пошуршать,
но в сумерках, в сумерках лучше быть одному, сидеть
и глядеть, как загораются звёзды».

— Лежишь? — выскочил на поляну Заяц.

Поросёнок кивнул.

— Придёшь? — крикнул Заяц.

— Угу, — сказал Поросёнок.

Но в душе он уже твёрдо знал, что никуда, ни к кому сегодня вечером не пойдёт.

ПОРОСЁНОК В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ

Была зима. Стояли такие морозы, что Ёжик несколько дней не выходил из своего домика, топил печь и смотрел в окно. Мороз разукрасил окошко разными узорами, и Ёжику время от времени приходилось залезать на подоконник и дышать и тереть лапой замёрзшее стекло.

«Вот!» — говорил он, снова увидев ёлку, пенёк и поляну перед домом. Над поляной кружились и то улетали куда-то вверх, то опускались к самой земле снежинки.

Ёжик прижался носом к окну, а одна Снежинка села ему на нос с той стороны стекла, привстала на тоненьких ножках и сказала:

— Это ты, Ёжик? Почему ты не выходишь с нами играть?

— На улице холодно, — сказал Ёжик.

— Нет, — засмеялась Снежинка. — Нам нисколько не холодно! Посмотри, как я летаю!

И она слетела с Ёжикиного носа и закружилась над поляной. «Видишь? Видишь?» — кричала она, пролетая мимо окошка. А Ёжик так прижался к стеклу, что нос у него расплющился и стал похож на поросячий пяточок; и Снежинке казалось, что это уже не Ёжик, а надевший колючую шубку поросёнок смотрит на неё из окна.

— Поросёнок! — крикнула она. — Выходи с нами гулять!

«Кого это она зовёт?» — подумал Ёжик и вдавился в стекло ещё сильнее, чтобы посмотреть, нет ли на завалинке Поросёнка.

А Снежинка теперь уже твёрдо знала, что за окошком сидит Поросёнок в колючей шубке.

— Поросёнок! — ещё громче крикнула она. — У тебя же есть шубка. Выходи с нами играть!

«Так, — подумал Ёжик. — Там под окошком, наверное, сидит Поросёнок в шубке и не хочет играть. Надо пригласить его в дом и напоить чаем».

И он слез с подоконника, надел валенки и выбежал на крыльцо.

— Поросёнок! — крикнул он. — Идите пить чай!

— Ёжик, — сказала Снежинка, — Поросёнок только что убежал. Поиграй ты с нами!

— Не могу. Холодно! — сказал Ёжик и ушёл в дом.

Закрыв дверь, он оставил у порога валенки, подбросил в печку дровишек, снова влез на подоконник и прижался носом к стеклу.

— Поросёнок! — крикнула Снежинка. — Ты вернулся? Выходи! Будем играть вместе!

«Он вернулся», — подумал Ёжик. Снова надел валенки и выбежал на крыльцо.

— Поросёнок! — закричал он. — Поросёно-о-о-к!..

Выл ветер, и весело кружились снежинки.

Так до самого вечера Ёжик то бегал на крыльцо и звал Поросёнка, то, возвратившись в дом, залезал на подоконник и прижимался носом к стеклу.

Снежинке было всё равно, с кем играть, и она звала то Поросёнка в колючей шубке, когда Ёжик сидел на подоконнике, то самого Ёжика, когда он выбегал на крыльцо.

А Ёжик и засыпая боялся, как бы не замерз в такую морозную ночь Поросёнок в колючей шубке.

Уже и морозы ночами леденили лужи, уже и все птицы улетели на юг, а солнце всё не кончалось!

Каждое утро Ёжик просыпался и, отдернув занавеску, со страхом глядел, не нагнало ли туч, не спряталось ли навсегда солнце.

Но солнце не кончалось!

— Ну ещё день, ну ещё! — шептал Ёжик.

И солнце будто слышало, как его просят, и являлось вновь.

«Не уходи, солнце, не пропадай! — ложась спать, шептал Ёжик. — Я так тебя люблю!»

— Ты просишь солнышко не пропадать? — как-то спросил он Медвежонок.

— А как же! — сказал Медвежонок. — Я перед сном обязательно говорю: «Пожалуйста, приди!»

— Правильно, — сказал Ёжик. — Потому оно и не пропадает.

Но однажды утром Ёжик выглянул из окна и увидел, что солнца нет.

Он выбежал на крыльцо.

— Солнце, где же ты?

Хмурые тучи ползли над лесом. Серые мохнатые тучи закрыли небо.

— Тучи! — крикнул Ёжик. — Ну что вы столпились? Зачем вы здесь?

Тучи молча плыли, задевая верхушки деревьев.

— Ветер! — позвал Ёжик. — Ветер!..

Ветер летал где-то высоко и не слышал его.

— Медвежонок! — крикнул Ёжик.

Но Медвежонок был далеко за горой и тоже не услышал Ёжика.

«Осень. Не каждый же день светить солнцу. Но почему мне именно сегодня так тяжело?» — думал Ёжик.

— Почему мне сегодня так тяжело? — спросил он у Медвежонка, когда тот наконец пришёл из-за горы.

— Потому что ты боишься, что солнце никогда уже не придёт до весны, — сказал Медвежонок.

Но тут тучи разорвало, блеснул луч солнца, и Ёжик с Медвежонком так обрадовались, как не радовались никогда в жизни.

ПРАЗДНИК ПОСЛЕДНЕГО СОЛНЫШКА

Когда облетели все листья и, может быть, в последний раз выглянуло солнце, Ёжик сказал Медвежонку:

— Сегодня — праздник!

— Какой? — спросил Медвежонок.

— Праздник последнего солнышка.

— А что мы будем делать?

— Петь и веселиться, — сказал Ёжик. — Но сперва пойдём на Большую поляну к худенькому пеньку.

— Пойдём, — согласился Медвежонок. — А зачем?

И они вышли на поляну.

Всё было залито солнцем.

И деревья стояли голенькие, но — торжественные.

Хмурились ёлки.

Шумели закинутыми высоко головами сосны.

Но даже самые хмурые ели были в этот час сурово-торжественны.

— Никогда не видел такого леса, — сказал Медвежонок.

— Слушай, я встану на пенёк, — сказал Ёжик, — а ты иди с того конца поляны на этот.

— Зачем? — удивился Медвежонок.

— Так надо. — И Ёжик влез на пенёк.

Медвежонок отошёл в самый конец поляны и побежал мимо Ёжика.

— погоди! — крикнул Ёжик. — Давай сначала! Ты не беги, а иди, понял?

Медвежонок вернулся и вразвалочку пошёл мимо Ёжика.

— Не так, — сказал Ёжик. — Голову держи прямо, плечи откинь назад и — топай лапами.

— Слушай, — сказал Медвежонок, — давай я влезу на пенёк, а ты покажи.

Ёжик слез с пенёка и ушёл в самый конец поляны.

— Тебя уж и не видно! — крикнул с пенёка Медвежонок.

— Ту-ту-ту-ту! — затрубил Ёжик и, высоко вскинув мордочку и весь откинувшись назад, протопал мимо Медвежонка.

— Теперь я! — крикнул Медвежонок. — Ту-ту-ту-ту! — затрубил он что было мочи и прошагал мимо Ёжика.

— Теперь я! — крикнул Ёжик.

И прошагал мимо Медвежонка так торжественно, что Медвежонок сказал:

— Давай вместе!

— А кто будет стоять на пенёке?

— Попросим Белку!

И они позвали Белку и вдвоём, высоко вскинув головы, прошли мимо пенёка.

— Возьмите меня! Я тоже хочу! — крикнула Белка.

Тогда они посадили на пенёк Зайца и пошли все втроём.

— Не сбивайся, Белка, — проворчал Медвежонок, когда они проходили мимо пенёка.

— Я тоже хочу! — завопил Заяц.

Но на пенёк поставить было некого, и они стали по очереди вставать на пенёк и по трое ходить по поляне.

— А что если на пенёке никого не будет? — спросила Белка. — Что если мы вчетвером просто будем ходить — и всё?

— Можно! — сказал Ёжик.

И они встали парами — Ёжик с Медвежонок, Белка с Зайцем — и до вечера ходили по поляне, пока не стемнело и Медвежонок не пригласил всех в дом и не напоил чаем с мёдом, морковкой, орехами, грибами и самым любимым Ёжикиным малиновым вареньем.

СТАРАЯ КОРЯГА

На дне реки жила страшная чёрная Коряга. У неё была огромная голова, горбатое тельце и цепкие когтистые пальцы. С них клочьями свисала отвратительная скользкая тина. Все боялись Коряги, и она радовалась, что все боятся её.

Подошёл однажды к берегу реки Козлик. Посмотрел в воду, задрожал от страха и заплакал. А Коряга обрадовалась и пошевелила скрюченными когтистыми пальцами.

«Ах, какая я отвратительная! — думала она. — Отвратительнее меня нет на свете!»

И действительно: что могло быть отвратительнее старой чёрной Коряги?

Утки боялись нырять возле неё, плотвички проносились мимо, сом огибал стороной, и даже облака морщились, проплывая по реке в этом месте...

Но однажды Коряга очень удивилась, увидав неподалёку страшилище похлеще себя.

У страшилища были злые глаза на тоненьких ниточках, огромные усы и невообразимые клешни вмес-

то лап. «Щёлк-щёлк!» — щёлкало страшилище клешнями и двигалось задом наперёд.

— Кто ты? — спросила Коряга.

— Я-то я, — сказала страшилище. — А кто ты?

— Как это — кто я? — возмутилась Коряга. — Я — Коряга!

— А я — Рррак! — прохрипело страшилище и злобно щёлкнуло.

«Он такой страшный, — подумала Коряга, — что нисколько меня не боится. Надо с ним дружить!»

— Дорогой Рак! — обратилась она к страшилищу. — Сейчас полдень. Не желаете ли поблаженствовать в тени? Возле меня лежит такая зловещая тень...

— Как же! — радостно хохотнул Рак. — Зловещая тень — одно из моих любимых удовольствий!

И он подполз вплотную к Коряге и примостился в её тени.

— А вам не жарко? — в свою очередь любезно спросил он.

— Мне — нисколечко! — соврала Коряга, хотя солнце в это время стояло прямо у неё над головой. — А как вы оказались в наших краях?

— Полз, — односложно ответил Рак.

— А я вот не умею ползать, — с лёгкой грустью призналась Коряга. — Но зато я всё время шевелю пальцами.

— Вы шевелите, шевелите... — сказал Рак, задремывая.

Коряга сонно шевелила пальцами и думала:

«Как приятно иметь друга, который страшнее тебя».

А Рак, засыпая, подумал:

«Ей, наверно, кажется, что я такое же страшилище, как она».

В реке было тепло, тихо, и большие солнечные зайцы прыгали по дну...

СТРАШНЫЙ, СЕРЫЙ, ЛОХМАТЫЙ

Ранним утром бежал по дорожке Козлик и горько плакал.

— Отчего ты плачешь? — спросил у него Цыплёнок.

— Страшно! — ответил Козлик. — Там, на реке, кто-то сидит — большой и лохматый...

И они заплакали вместе и побежали дальше.

Бегут вдвоём, плачут.

Встретилась им Утка. Посмотрела на них, ничего не спросила, заплакала, побежала следом.

Бегут по дорожке Козлик, Цыплёнок и Утка, горько плачут.

Сидел на пенёчке Медвежонок. Хотел спросить, почему Козлик, Цыплёнок и Утка так плачут, но только открыл пасть — а их уже и след простыл.

Заплакал Медвежонок, побежал вдогонку.

Вот бегут теперь Козлик, Цыплёнок, Утка и Медвежонок, на весь лес плачут...

На старом дубу дремал Филин. Слышит Филин: лес на все голоса плачет. И плач этот к нему, к Филину, приближается. Открыл он один глаз, видит: бегут Утка, Цыплёнок, Козлик и Медвежонок — на весь лес заливаются.

Тут Филин как закричит:

— Вы что тут плачете, спать мешаете?!

Утка, Цыплёнок, Козлик, Медвежонок остановились как вкопанные, а потом бросились бежать назад, плача ещё громче.

Лежал на пригорке Кот — трубкой попыхивал, лапой лапу поглаживал. Видит: бегут из леса Утка, Цыплёнок, Козлик, Медвежонок — все до одного плачут.

— Вы что плачете? — крикнул Кот.

— Там, на реке, — сказал, всхлипывая, Козлик, — сидит кто-то, большой и лохматый.

— Серый и страшный! — сказал Цыплёнок.

— Без головы и без ног!.. — сказала Утка.

— И дышит, — прошептал Медвежонок.

— Э-ка! Испугались!.. — сказал Кот. И первым, по-пыхивая трубкой, двинулся к реке. — Серого, лохматого, безголового и безлапного бояться не надо, — говорил он. — Вот если бы серый, лохматый, с головой и с лапой... Тогда — да! А это — фу!.. Ту-ман!

И он презрительно ткнул лапой в клубящийся над рекой туман и выпустил огромное сизое кольцо дыма.

И тут запел петух, выглянуло солнце и большой, серый, лохматый туман на реке начал таять.

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ ИЗ ДАЛЁКОЙ СТРАНЫ

В Африке, неподалёку от старинного города Капатуки, жил Бегемот. И был у него маленький сын — Бегемотик.

Вот однажды Бегемотик спросил у своего отца:

— Папа, папа! А что такое — Ромашка?

Бегемот задумался, нырнул в болото, полежал немножко на дне, пофыркал, вынырнул и сказал:

— Ромашка — это такой зверь, сынок.

— Какой? — спросил Бегемотик.

Бегемот снова нырнул в болото, снова полежал на дне, вынырнул и сказал:

— Страшный.

— А сколько у него лап?

Бегемот в третий раз нырнул в болото, в третий раз полежал в тишине на дне, всё обдумал, вынырнул и сказал:

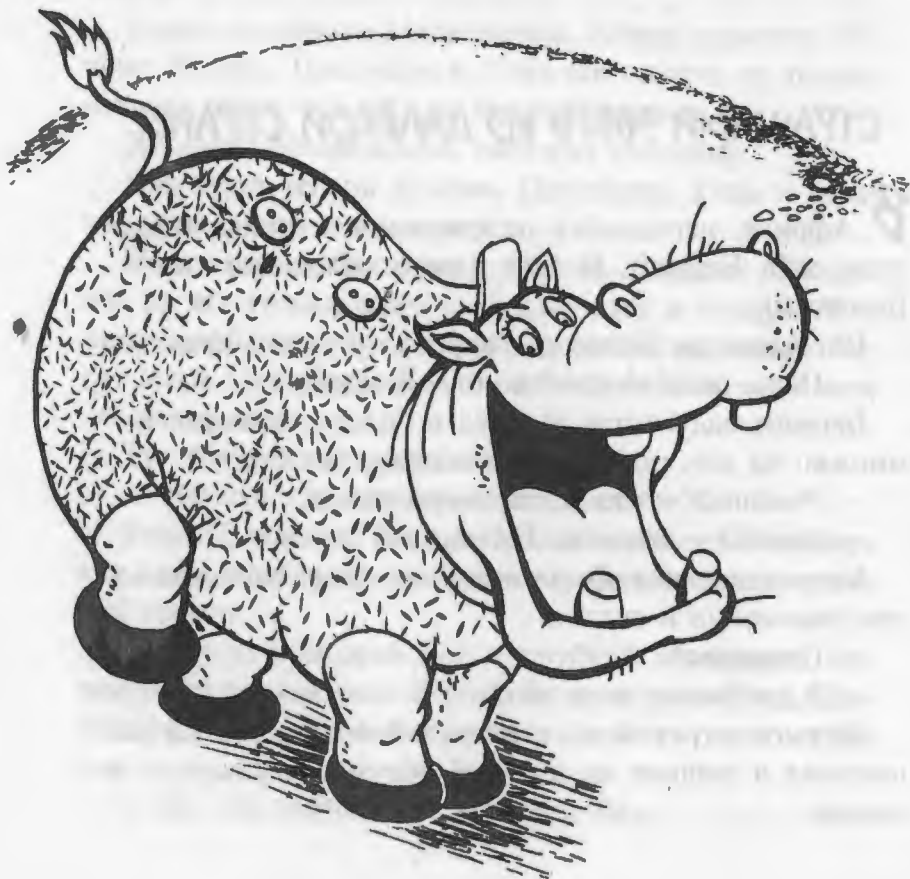
— Лап у него шесть. Хвост — как у слона хобот. Хвостом он может убить буйвола и оглушить тигра. Глаза — зелёные, пасть — огненная, клыки — как у льва, шкура — как у зебры; есть крылья, но летает он редко.

— А когда? — спросил Бегемотик.

— Фф-у-у!.. — вздохнул Бегемот. И сказал: — Летает он редко. Только если узнает, что живёт где-нибудь непослушный Бегемотик... Тогда прилетит, клыками защёлкает, ногами затопчет, обовьёт хвостом и унесёт!

— Куда?

— Ох-х-х!.. — вздохнул Бегемот. — Взовьётся в небо и понесётся над джунглями, над пустынями, над тиграми, над львами, над старинными городами, а устанет —

присядет на облако, отдохнёт и дальше, дальше, полетит дальше...

— Куда?

Бегемот закрыл глаза и долго стоял с закрытыми глазами.

«А не нырнуть ли мне ещё раз в болото? — думал он. — Там тихо, прохладно... Полежу, подумаю, глядишь, и решу — куда может полететь этот страшный зверь Ромашка».

И Бегемот в четвёртый раз плюхнулся в болото и не вылезал целый час. А когда вынырнул — увидел, что солнце уже закатилось и Бегемотик давно спит, укрывшись банановым листом, подложив под голову мягкую обезьянку...

Бегемотик спал очень грустный. Потому что, засыпая, думал о том, что где-то живёт страшный зверь Ромашка, который уносит неизвестно куда непослушных бегемотиков...

А маленькая серая Птичка, которая прилетала в Африку только на зиму, слушая разговор Бегемота с Бегемотиком, так смеялась на ветке, что старый африканский Попугай перестал кричать на весь лес и спросил:

— Ты почему смеёшься?

И Птичка ответила:

— Потому что Ромашка — это маленький белый цветок на моей родине.

СОЛНЫШКО У ТЕБЯ В УГЛУ

В осенний солнечный день Медвежонок ходил у реки и думал.

«Вон сколько солнца, — думал Медвежонок, — и на деревьях, и на воде, а потом солнце уйдёт, станет

темно, хмуро и ничего не останется. Как бы так сделать, чтобы, когда солнце заходит, у нас с Ёжиком оставалось солнечное тепло».

Он остановился, поднял палку и стукнул по воде. Полетели золотые брызги.

— Ну вот, — сказал Медвежонок. — Вон сколько солнца!

И Медвежонок стал думать дальше.

«Конечно, в деревьях солнца много. За лето деревья набирают столько солнца, что осенью оно выходит золотыми листьями. Ещё солнце у деревьев внутри. Положишь сучок в печку — он так и запылывает».

— Это я знаю, — вслух сказал Медвежонок. — Это — огонь.

«Если ж набрать сухих листьев и поставить их в банку, — думал дальше Медвежонок, — будет очень красиво. Будто солнышко у тебя в углу. Но оно не греет. Что же придумать?»

Он остановился и стал глядеть на золотую реку.

На прибрежных кустах серебряными паутинками вздрагивала тишина.

«Нет, нельзя, чтобы всё это так пропало... Надо что-то придумать...»

— А что если, что если... Ур-ра! — завопил Медвежонок и побежал к Ёжику.

— Ёжик, — сказал Медвежонок, — бери два ведра, сито и туесок.

— Зачем? — спросил Ёжик.

— Потом расскажу. Бери!

Они схватили два ведра, сито, берестяной туесок и помчались к реке.

— Да зачем всё это? — по пути спрашивал Ёжик.

— Сам увидишь.

Солнце стояло высоко, река была золотая.

— Куда бы приладить сито? — оглядывался Медвежонок.

— Да зачем?

— Погоди. Ага. Вот сюда. — И Медвежонок при-
слонил сито к камню. — Теперь черпай воду и лей.

— Куда?

— В сито.

— Зачем?

— Увидишь.

И Медвежонок начал черпать воду из реки и лить
в сито.

— Ты мне скажешь всё-таки, что ты делаешь?

— Скажу. Потом.

Вода проливалась сквозь сито и стекала обратно
в реку.

— Да помогай, — сказал Медвежонок.

И Ёжик стал помогать.

Так они трудились полдня.

— Давай-давай, — подбадривал Ёжика Медвежо-
нок. — Видишь, солнце стало заходить, теперь его осо-
бенно много.

— Где?

— В воде.

— Ну и что? — чуть не крикнул Ёжик.

— А то, — присел, умаявшись, Медвежонок. — Вода
стечёт, а солнце останется. А мы его — в туесок.

— Солнце?

— Ага.

— Так здесь же ничего нет.

— Это кажется, — сказал Медвежонок. — Как же ни-
чего нет, если в реке было столько солнца?

И он открыл туесок и аккуратно, чтобы не просы-
пать, пересыпал в него оставшееся в сите солнце.

— Ну вот, а теперь закроем крышечкой и — домой.

— Так там же ничего нет!

— Глупый, — только и сказал Медвежонок.

...Волоча ведро и сито, с туеском под мышкой, в
сумерках они подошли к дому Ёжика.

Воздух был звонкий-звонкий, и палые листья хрутели под ногами.

— Ну, открывай, — сказал Ёжик, когда вошли в дом.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Не сейчас. Мы откроем его зимой, когда будет мести метель и свистеть вьюга. Откупорим, и запахнет рекой, рыжим солнцем; мы вспомним, как хорошо сегодня потрудились, и солнышко обогреет нас.

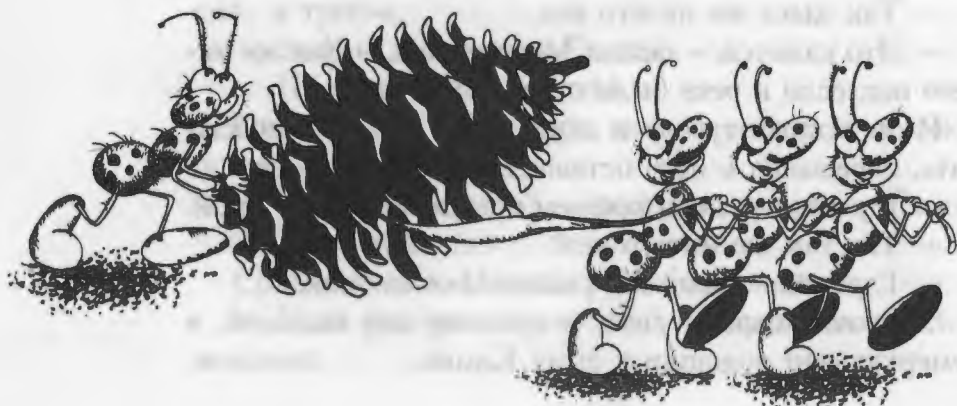
Медвежонок поглядел в круглые глаза Ёжика, придвинул табуретку и поставил туесок с солнышком в угол.

ТРИ МУРАВЬЯ

По одной пыльной дорожке шли три муравья. Один волок соломинку, другой тащил сосновую иголку, а третий катил перед собой маленькую еловую шишку.

Стояла жара, трещали кузнечики, и пахло перегретой хвоей.

— Фу! — сказал Первый Муравей. — Жарко! — И сбросил с плеча соломинку.

Второй Муравей положил рядом с ней сосновую иголку и утёр лапкой вспотевший лоб.

Третий Муравей остановился, и еловая шишка, которую он катил перед собой, тоже остановилась.

Все трое уселись на пыльной обочине, развели костёр, повесили над огнём котелок с водой, и сладкий, горьковатый дымок пополз в небо.

— Не люблю работать по жаре, — сказал Первый Муравей. — С утра оно как-то сподручнее...

— Да, — поддержал Второй. — Утром как бы, работая, отдыхаешь.

— Это смотря какая работа... — сказал Третий.

— Конечно, тебе хорошо, — обозлился Первый Муравей. — Кати себе шишку да кати, а ты бы попробовал соломинку унести!

— Или сосновую иголку, — поддакнул Второй. — Она хоть и не велика, да тяжёлая!

— Или, скажем, вчерашний день... — продолжал Первый Муравей. — Я цветок кашку тащил. Еле добрался к вечеру. Упарился!..

— А я, — сказал Второй Муравей, — вчера хвостинку волок. Думал — погибну. С утра ещё ничего шло, а как солнце пригрело... Ну никакой мочи нет!..

— Не знаю, — проворчал Третий Муравей. — Я вот уже целую неделю шишки катаю. Приспособился.

— Эка! Шишки!.. — опять рассердился Первый Муравей. — Я тебе говорю, ты бы попробовал соломинку утащить! — И он зло посмотрел на Третьего Муравья.

— Я весь прошлый год солону таскал, — сказал Третий Муравей, — а в этом мне шишки положены.

— Ему шишки положены! — передразнил Первый Муравей. — Ничего тебе не положено. Вот сейчас бери соломинку и тащи!

— А ты что же, шишку покатишь?

— Покачу!

— Нет уж! — сказал Третий Муравей. — Шишка — моя. Ты как считаешь? — обратился он ко Второму Муравью.

— Шишку должен катить я! — сказал Второй.

— Нет, я! — сказал Первый.

— Я!!

— Нет, я!!

Они вцепились друг в друга и покатались по пыльной дорожке...

Третий Муравей укрылся в тени травинки, заложил лапки за голову и стал смотреть в небо. Высоко-высоко плыли белые облака.

«Интересно, смог бы я утащить такое облако? — думал Третий Муравей. — Конечно, целиком его нехватишь, а по кусочкам, пожалуй бы, смог...»

«Я!.. Нет, я!..» — кричали за поворотом дорожки муравьи. «Я! Нет, я!» — разносилось по всему лесу.

А Третьему Муравью было так грустно всё это слышать, что он решил забраться на самую верхушку сосны, поближе к белому облаку.

Он откатил с дороги и спрятал в траве свою шишку и, петляя между сучков, стал подниматься на сосну.

Чем выше он поднимался, тем прохладнее и веселее ему становилось.

На самой верхушке он перевёл дух, огляделся и закинул голову.

Прямо над ним плыло облако.

Муравей поудобнее устроился и стал смотреть, как оно проплывает.

«Само оно ходить не умеет, — думал он. — Кто-то его тащит. Наверное, есть такой... Небесный Муравей, который таскает облака...» — «А почему его не видно?» — спросил он сам у себя. И, подумав, ответил: «Потому что он голубого цвета!»

«Вот бы мне стать Небесным Муравьём, — думал он, сидя на сосне. — Днём бы я таскал облака,

а ночью — звёзды. А в следующий год мне бы вышло таскать тучи и луну... А ещё на следующий — месяц и солнце... А потом — всё сначала! А пока надо катить шишку...»

И он спустился вниз, отыскал в траве свою шишку и покатил её к муравейнику.

Первых двух муравьёв и след простыл.

В дорожной пыли валялись соломинка и сосновая иголка.

УДИВИТЕЛЬНАЯ БОЧКА

Медвежонок нарисовал на кусочке бересты Бочку с мёдом, тут же съел мёд и лёг спать.

Пришёл Ёжик, увидел пустую Бочку, взял уголёк и пририсовал со всех сторон гвоздики. Получился толстый Ёжик.

Медвежонок проснулся, увидел толстого Ёжика вместо Бочки, тронул его лапой и укололся. Тогда он стукнул лапой сильнее, но ещё сильнее укололся.

«Что же это такое?» — возмутился Медвежонок. Взял уголёк и затупил гвоздики. Теперь Бочка не кололась.

«Надо снова наполнить ее мёдом», — решил Медвежонок. И так и сделал.

Поев нарисованного мёда, он уснул, и тут снова пришёл Ёжик и угольком пририсовал Бочке лапы. Бочка постучала по бересте одной, потом другой, потом третьей, потом четвёртой лапой, приподнялась и пошла.

— Стой! — крикнул Ёжик. И пририсовал хвостик. И Бочка пошла, помахивая хвостиком.

Медвежонок проснулся и увидел шагающую Бочку.

— Стой! — крикнул он.

Но Бочка и не подумала его послушать.

Тогда он схватил уголёк и привязал её к колышку.

Бочка рвалась на привязи, и у Медвежонок так и мелькал в глазах её хвостик.

— Угомонись! — кричал он. — Я налью в тебя мёда!

Но Бочка не желала успокаиваться. Она топала всеми четырьмя лапами и так рвалась, что вот-вот должна была оборвать привязь.

— Бочка! — рассвирепел Медвежонок. — Кто тебе пририсовал лапы?

Бочка молчала.

Тогда Медвежонок пририсовал ей медвежью голову и язычок.

— Ёжик! — сказала Бочка.

— Ах вот оно что! — закричал Медвежонок. Привязал Бочку ещё к одному колышку и побежал к Ёжику.

— Это ты пририсовал моей Бочке лапы? — с порога крикнул он.

— Что ты! — сказал Ёжик. — Я и рисовать не умею.

— Нет, умеешь! Бочка говорит, что это ты.

— Чем это она говорит?

— Языком. Я ей целую голову нарисовал!

— Зачем же тебе Бочка с головой? — удивился Ёжик.

— А зачем мне Бочка с лапами? — спросил Медвежонок.

— Ну, — сказал Ёжик, — лапы Бочке очень полезны. Пойдёшь ты, например, в лес, и она с тобой. А надоест — привяжешь к пеньку, и всё... А теперь она тебя разговорами замучает!

— Что же мне делать? — спросил Медвежонок.

— Иди домой, — сказал Ёжик, — спусти её с привязи и ложись спать. А утром, когда она набегается, наполнишь её мёдом и позавтракаешь.

— Ты прав, — сказал Медвежонок.

Вздыхнул и отправился домой.

О чём думал Медвежонок, просыпаясь рано-рано утром на лесной опушке?

А он думал так: «Вот ещё немножко, я сладко зевну и совсем проснусь. Или нет — я совсем проснусь, а потом сладко зевну. Или нет — лучше я сладко зевну и посплю ещё немножко...»

Так он и сделал: приоткрыл глаза, сладко зевнул, прилёг у пенька и заснул снова.

А в деревне уже давно проснулся Петух. Он взлетел на забор, несколько раз беззвучно открыл клюв, как бы сам с собой пробуя, хорошо ли у него должно получиться, а потом вдруг закричал во всё горло: «Ке-ки-ки-ку!...»

«Ки-ки-ку-у...» — хрипло донесло эхо.

«Ки-ки-ку...» — ответил ближайший лес.

«Ки-ку!» — пискнула какая-то птичка.

«Всё в порядке, — подумал Петух, — все услышали».

И спрыгнул с забора.

Козёл тоже проснулся. Он хмуро щипал траву и смотрел на невысокое солнце. Оно висело так низко, что ему казалось, мотни он головой, и он подденет солнышко рогами.

«Ещё забодаю», — подумал старый Козёл.

И отошёл в сторону.

Закувала Кукушка. Её никто не видел в густой листве, и поэтому всем показалось — закувало дерево.

«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» — куковала старая осина.

Потом Кукушка перелетела, и теперь уже куковал исполинский дуб.

«Ку-ку!» — сказал дуб. И Зайцу сделалось так страшно, что он никуда не убежал.

«Вот, — подумал Заяц, переводя дух, — деревья закували. Может, мне попробовать?»

И он, встав на задние лапки, стал куковать, как умел.

«Шу-шу! Шу-шу!» — куковал Заяц. И от Заячьего шуршащего кукованья проснулся Крот.

«Ну и ну! — подумал Крот. — Заяц кукует! Неужто я хуже?»

И, высунувшись из норы по пояс, зашелестел.

Как куковал Крот — никто не слышал, но все видели, что он куковал.

Накуковавшись, Крот снова залез в свою нору и пригласил Зайца пить чай.

«Шу-шу!» — в последний раз сказал Заяц. Присел у входа в Кротовую нору и достал морковку.

А у Медвежонка на опушке в носу защекотало.

«Мёд? — подумал во сне Медвежонок. — Да откуда ж ему теперь взяться!..» И не проснулся.

Но потом снова подумал во сне: «А что если всё-таки мёд?..»

И продолжал спать с открытыми глазами.

Потом прибежали муравьи. Они стали щекотать Медвежонка и щекотали его до тех пор, пока он не расхохотался, не подпрыгнул и не стукнул о землю лапами так, что закачался весь лес. И Петух в деревне, и Козёл на лугу, и солнышко, и осина, и дуб, и Заяц, и Кукушка, и Крот — все ещё несколько минут качались, пока не проснулись совсем.

ЩУЧЬЯ ПОЧТА

С вечера Ёжик решил написать письмо Льву.

Мол, дорогой Лев, как вы поживаете, что делаете, не желаете ли написать нам письмо?

И уснул.

А утром было столько снега, столько солнца, такие тени ныряли в сугробах, что Ёжик подумал о Щуке. И не успел подумать, как дверь отворилась и вошла старая Щука с бородавкой на лбу.

— Доброе утро, бабушка! Я только о вас подумал, а вы — тут.

— Спасибо, что позвал, Ёжик! Как вы тут с Медвежонком живёте?

— Хорошо. — И Ёжик налил Щуке чаю. — Вот грибки, вот яблоки — кушайте!

Щука захрумтела яблоком.

— Бабушка, вы слышали о голубиной почте?

— Как же — почтовые голуби!

— Ага! А нам с Медвежонком пришла мысль...

— Ну-ка!..

— Голубиная есть, а никаких других нету. Ни медвежьей, ни заячьей... Как будто одни голуби и могут письма носить.

— Чудная мысль! — Щука подцепила грибок.

— А что если открыть щучью почту?

— Щучью?.. А что? Голубь, он по небу летит. Упадёт, и всё. А щуки, мы — надежные. И падать некуда: вода.

Ёжик принес клюковки.

— До моря всегда доставим, а там уж с акулами разговаривать.

И кинула в пасть ягодку.

— Там — или с акулами, или с самим Китом, если письмо заморское.

— Бабушка! — сказал Ёжик. — Поговори с акулами! У нас письмо есть!

— Кому пишете?

— Льву.

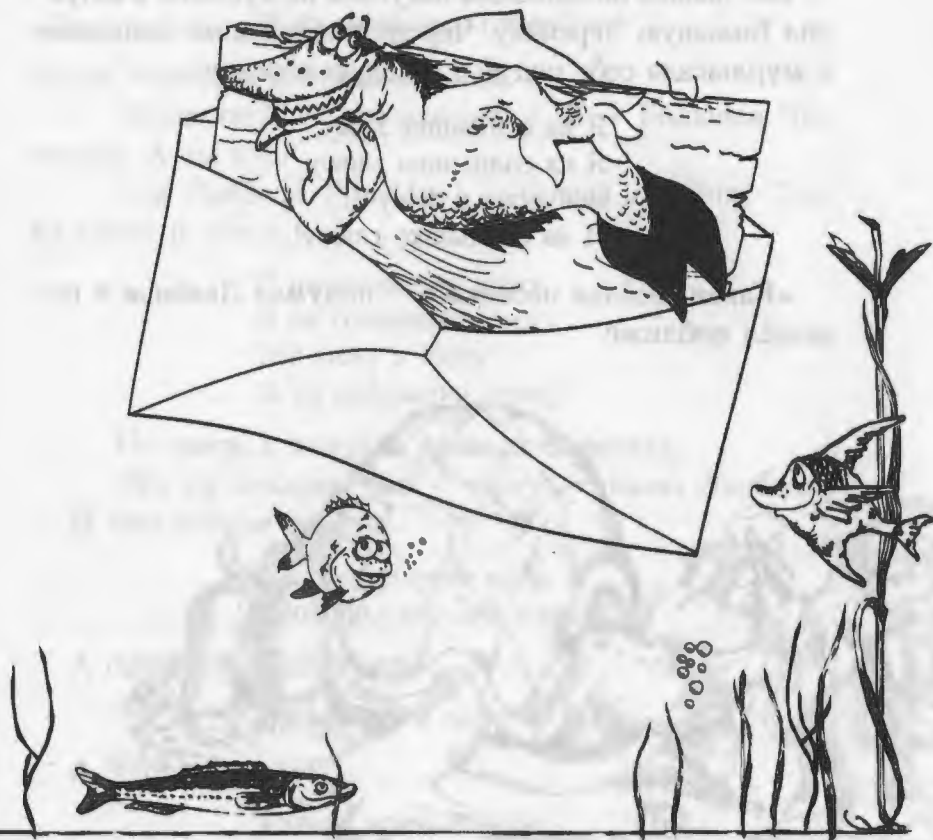
— Здесь без Крокодила не обойтись. Я — Акуле, она — Крокодилу, он — по адресу: в Африке — крокодилы главные.

- Пришёл Медвежонок, увидел две чашки:
- Ты с кем чай пьёшь?
 - С бабушкой.
 - С какой бабушкой?
 - Как же ты меня не видишь, Медвежоночек? — Щука сморщилась. — Я же ваше письмо повезу!
 - Извиняйся! — шепнул Ёжик.
 - Реку переплыву, — щурилась Щука, — Акуле передам...
 - Давай письмо, — сказал Ёжик.
 - Какое письмо?
 - Тогда пишите, — прошамкала Щука. — Напишите — несите к проруби. — И ушла, обидевшись.
 - Всегда ты так! Письма не написал, обидел бабушку.

- Какое письмо? Какую бабушку?!
— Шуку-бабушку. Она всегда про тебя думает. Как,
говорит, вы там живёте, с Медвежоночком?
— Ничего не понимаю! — сказал Медве-
жонок.

Но всё-таки они сели вместе с Ёжиком
и написали письмо Льву.

Я НА СОЛНЫШКЕ ЛЕЖУ

*Глава первая,
в которой Львёнок и Черепаха поют песню*

Жил-был в Африке Львёнок. Звали его Ррр-Мяу.
Вот вышел он однажды погулять по пустыне и встретил Большую Черепаху. Черепаха лежала на солнышке и мурлыкала себе под нос весёлую песенку:

Я на солнышке лежу,
Я на солнышко гляжу.
Всё лежу и лежу
И на солнышко гляжу!..

«Какая весёлая песенка!» — подумал Львёнок и подошёл поближе.

А Черепаха мурлыкала себе под нос, не замечая Львёнка, потому что глаза у неё были закрыты от удовольствия:

Носорог-рог-рог идёт,
Крокодил-дил-дил плывёт, —

пела Черепаха, —

Только я всё лежу
И на солнышко гляжу!

Львёнок подкрался совсем близко, лёг на песок рядом с Черепахой и приподнял одно ухо, чтобы лучше слышать.

Рядом Львёночек лежит
И ушами шевелит.
Только я всё лежу
И на солнышко гляжу! —

спела Черепаха и открыла глаза.

— Здравствуй! — сказала она. — Я — Большая Черепаха. А ты кто?

— А я Львёнок Ррр-Мяу! — сказал Львёнок. Сел на песок и запел:

Я на солнышке сию,
Я на солнышко гляжу.
Всё сию и сию
И на солнышко гляжу!

— Не *сию*, а *лежу*! — сказала Черепаха.

— Это ты лежишь! А я — сию, — сказал Львёнок.

И они запели вместе:

Носорог-рог-рог идёт,
Крокодил-дил-дил плывёт...

А потом Львёнок спел:

Только я всё сию...

А Черепаха спела:

Только я всё лежу...

Они недовольно посмотрели друг на друга и вместе закончили:

И на солнышко гляжу!

— И всё-таки надо петь *лежу*! — сказала Черепаха. — Это же я придумала!

— А как же я буду петь *лежу*, если я сижу? — спросил Львёнок.

— А ты ляг, и тогда всё будет по правде. Ты будешь лежать и петь: «Только я всё *лежу*!»

— А я не люблю лежать, — сказал Львёнок. — Я люблю бегать. Ну, в крайнем случае — сидеть!

— Но ты же лежал, когда подкрался ко мне!

— Я лежал, только чтобы подслушать песню, — сказал Львёнок. — Я лежу только в особенных случаях!

— Ну а как ты спишь? Сидя, что ли? — спросила Черепаха.

— Нет, сплю я лёжа. Но когда я сплю, я же не пою!

— А ты представь себе, что ты спишь и поёшь!..

Львёнок послушно лёг на песок и закрыл глаза.

— Давай начнём сначала! — сказал он.

И они запели:

Я на солнышке лежу,
Я на солнышко гляжу.
Всё лежу и лежу
И на солнышко гляжу!

— И всё-таки это не по правде, — не открывая глаз, сказал Львёнок. — Ведь я сплю с закрытыми глазами и, значит, солнышко видеть не могу!

— А ты открой глаза, — сказала Черепаха. — И представь, как будто ты спишь с открытыми глазами и поёшь.

Львёнок открыл глаза, и они спели ещё один куплет.

— Теперь ты пой одна, — сказал Львёнок. — Ведь я же не могу петь сам про себя...

И Черепаха спела:

Рядом Львёночек лежит
И ушами шевелит.
Только я всё лежу
И на Львёнка не гляжу.

— Какая красивая песенка! — сказал Львёнок. — Ну, просто замечательная песня! А теперь покатай меня, а?

Он прыгнул Черепахе на спину, и она покатала его по пустыне. Они плюхнулись в озеро, и Черепаха покатала его по воде.

— Ай-яй-яй! Ух ты! — кричал Львёнок.

— А ты придумаешь завтра новую песню? — спросил Ррр-Мяу, когда они расставались.

— Конечно! Приходи завтра! — сказала Черепаха.

И Львёнок пошёл домой, напевая:

Носорог-рог-рог идёт,
Крокодил-дил-дил плывёт...

Он шёл и по дороге всё время думал: ну как это всё-таки можно — спать с открытыми глазами и в то же время ещё петь песни?..

Глава вторая, в которой оживает бревно

Хорошо, прохладно ночью в пустыне! Львёнок шёл вдоль реки, глядел на далёкие звёзды, пел песню, которую придумала Черепаха, и вдруг споткнулся.

— Ой, бревно! Сяду-ка я, передохну.

И сел.

А бревно вдруг разинуло зубастую пасть и закричало:

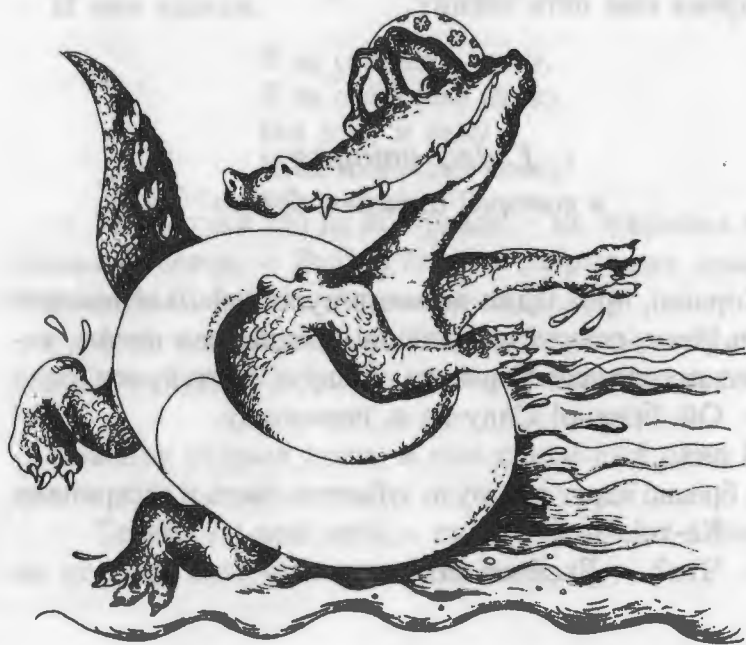
— Хе-хе!..

— Что? — Львёнок отпрыгнул.

- Хе-хе... Ты — кто? — скрипело бревно.
— Я — Львёнок Ррр... — начал было Львёнок. — Я...
— Что пел?
— Песню.
— Сам... придумал?
— Нн-нет, Черепаха! Я иду, а она — поёт! Я под-
крался! А она — про меня петь стала! А вы — кто?
— Хе-хе!
— Вы — Хе-хе?
— Хе-хе! — сказала бревно. — А про меня не спела?
— Про Хе-хе? Нет. Про меня, про Крокодила, про
Носорога, и про...
— А про Крокодила — что?
— Про Крокодила? Про Крокодила — вот! —
И Львёнок сел на песок и запел, и ему снова стало
весело и хорошо, как было, когда они пели с Черепахой:

Крокодил-дил-дил плывёт...

- Хе-хе!.. — довольно хехекнуло бревно. — А ещё?
— А больше — всё.

— А про тебя?

— Ой, про меня много! — сказал Львёнок. — И как лежу, и как на солнышко гляжу, и как ушами...

— Хе-хе!.. Про тебя — много, а про меня — только плыву. Я что же, лежать не умею?

— Умеете, Хе-хе.

— Ты чего дразнишься?

— Я не дразнюсь, — сказал Львёнок. — Вы же сами сказали, что вы — Хе-хе. Разве вы... не Хе-хе?

— Хе-хе...

— Ну вот!

— Послушай, Львёнок...

— Меня зовут Ррр-Мяу.

— Послушай, Ррр-Мяу, у тебя бабушка есть?

— А что?

— А кем она тебя пугает, когда ты, хе-хе... безобразничаешь?

— Крокодилом.

— Вот я Крокодил, хе-хе, и есть!

И бревно разинуло пасть и схватило бы Львёнка, если бы он не отпрыгнул в сторону.

— Ах, ты так? — закричал Львёнок. — Кусаться?

Но Крокодил на него уже не глядел. Он грозил кому-то в темноту и кричал:

— Ну, я тебе покажу, старая калоша, про кого сколько петь! Вот погоди — поймаю — сразу узнаешь, про кого — и лежу, и гляжу, и на солнышко, а про кого — только плыву и ни капельки! Запомнишь Крокодила!

И он сполз к реке, и страшные крокодильи глаза, светясь изнутри недобрым светом, уплыли вниз по течению.

«Крокодил! Это же — Крокодил! — сообразил Львёнок. — А грозился он — Черепах! Надо завтра сказать ей: „Не подходи к воде — я видел Крокодила!“»

И Львёнок, пригорюнившись, сел на песок и стал думать, почему этому зубастому бревну не понравилась их с Черепахой песня?

Глава третья,

из которой мы узнаём, что носороги
не глухи к искусству

Но побыть одному Львёнку не удалось.

При свете звёзд он вдруг увидел что-то большое и тёмное.

Это большое и тёмное приближалось.

— О! Здравствуйте! — сказала большое и тёмное. —

Я — Носорог!

— Хе-хе... — от неожиданности хехекнул Львёнок.

— Что вы сказали?

— Мы? — Львёнок оглянулся. — Мы... ничего.

— О, вы не думайте, что мы, носороги, глухи к искусству! Это бегемоты толстокожие, а мы... Вы так чудесно пели! Как вас зовут?

— Нас? — Львёнок снова оглянулся. — Я — Львёнок. Меня зовут Ррр-Мяу.

— Какое звучное имя!

— Я пел песню. Её сочинила Черепаха, хе-хе...

— Что-что?

— Это так... От Крокодила осталось. В зубах застряло.

— От Крокодила? — Носорог оглянулся. — Завязло? А где Крокодил?

— Хвостик такой, ну... довесочек... — И Львёнок сам не понял, как у него снова выскочило: — Хе-хе...

— Вы съели Крокодила?

— Да нет, я...

— Боже мой! Такой молодой, почти ребёнок, а уже — съел Крокодила!

Носорог огляделся по сторонам:

— Нет-нет, это невозможно! Вы... вы... вы — герой!

— Я тут — один, — сказал Львёнок, оглядываясь и не понимая, кого Носорог назвал героем.

— Один, и съел Крокодила! Непостижимо! О, теперешние молодые львы! Они покажут пожилым обезьянам, крысам, быкам и собакам! О! Эти кошки с раздувающимися, как паруса, усами!

— Кошки? — чуть не поперхнулся Львёнок. — Хе-хе...

— О, не перебивайте меня! — Носорога было уже не остановить. — Когда я услышал вашу песню, я так и понял: идёт победитель! Кто может встать рядом с маленьким Львом? О, только испытанный в боях Носорог!

— Вы?
 — Я!
 — А Черепаха поёт про вас в песне, — сказал Львёнок.

— Про меня? В песне? Немыслимо! Невероятно! Так не бывает! Про меня? В песне?

— Да.

— Так спойте же, спойте скорее! Теперь я понимаю, что не зря жил!

— Вот слушайте!

Львёнок сел на песок и запел:

Крокодил-дил-дил плывёт...

— Это — про Крокодила, которого вы съели.

— А дальше — про Носорога, — пояснил Львёнок.

— Пойте же, пойте!

— Носорог-рог... — начал было Львёнок, но вдруг забыл, что же делает Носорог. — Нет, не помню...

— О-о-о! Вспомните!

— Там сперва про Крокодила, а потом... про... Нет. Сперва про вас.

— Ну! Ну! Это будет единственным оправданием носорожьей жизни!

— Вы... Вы... — Львёнок даже зажмурился, чтобы лучше вспомнить. — Вы, кажется... идёте...

— О, всю жизнь! Иду и иду, иду и иду...

— Да, точно! Вот!.. Нет, не помню... Утром! Встретимся утром! У меня сейчас голова болит! А утром проснусь — и вспомню!

И Львёнок убежал.

А Носорог, оставшись один, поднялся на задние ноги и, обратив печальные глаза к звёздам, произнёс:

— Про меня — в песне! Ты, говорит, идёшь! А ведь как верно: иду и иду, иду и иду... Немыслимо! Вот она — сила искусства!

Глава четвёртая,

*в которой Крокодил съел песню, а Черепаха подумала,
что Львёнок испугался и убежал*

На следующее утро очень грустная Черепаха лежала на берегу реки, ждала Львёнка и сочиняла для него новую песню. Песня — не складывалась.

«Как же так? — думала Черепаха. — Вчера получилась такая замечательная песенка, а сегодня...»

У Черепахи очень болела голова, слова не шли, мысли путались, и от всего этого было почему-то грустно-грустно.

Лижет жёлтую волну

Голубой песок, —

подбирая слова, мурлыкала Черепаха.

И ей представилось, что вот неслышно подкрадывается Львёнок, кладёт ей на висок свою прохладную лапу, и лапа эта колышется у виска рыжей океанской волной.

Положи мне лапу, Львёнок,

Прямо на висок...

«Фу-ты! — чуть не плюнула Черепаха. — Что мне только в голову лезет!»

Какое-то предчувствие томило Черепаху. Но мелодия выходила такая грустная, и ей вдруг стало себя так жалко, что она закрыла глаза и, почти не думая о словах, стала петь дальше:

Голова болит, болит,
Рядом Львёночек стоит,
Как ладошкой океана,
Лапой шевелит...

А в это время из-за куста высунул голову Крокодил.

«Хе-хе! — подумал он. — Надо подкрасться, чтобы меня не заметили». И пополз.

Голова болит, болит... —

пела Черепаха, не замечая Крокодила. И вдруг — услышала еле слышное хехеканье:

— Хе-хе!..

— Это ты, Львёнок? — не открывая глаз, спросила Черепаха.

— Угу. — И Крокодил разинул страшную пасть.

— Ой! Что это? — только и успела вскрикнуть Черепаха, а Крокодил уже поглаживал себя лапой по животу и ласково говорил, подражая голосу Львёнка:

— Как ты себя чувствуешь, Большая Черепаха?

— Львёночек, где ты? Я ничего не вижу!

— Я здесь, здесь! — голосом Львёнка сказал Крокодил. И пробормотал: — Тута! Хе-хе.

— А почему я тебя не вижу? — Черепаха не могла понять, где она.

— А ты открой глаза, Черепаха!

— Открыла!

— Посмотри налево!

— Ничего не вижу!

— Посмотри направо! — А сам подумал: «Мне бы в цирке работать — с детства на разные голоса могу...»

И — засвистел соловьём.

— Темно здесь... Ты где, Львёночек?

— Будет, будет кричать-то! — Крокодил перестал свистеть. — Это я — Крокодил!

— А где Львёнок?

— Был. Убежал.

— За подмогой, — вслух подумала Черепаха.

— Что? Что ты сказала?

— Нет. Я ничего...

— Тогда давай пой! Да чтоб не только «плыву», хе-хе, а ещё и лежу, и бегаю, и черепах глотаю. Поняла? Всё-всё, чтоб со всех сторон, как положено!

— Для этого ты меня проглотил?

— Ага!

— Чтоб я пела?

— Хе-хе...

— Не буду!

— Как это — не буду? Вот я Мартышку вчера проглотил, она мне на ночь сказку сказывала. Питончика как-то съел — очень ему понравилось. А ты: «Не буду!» Пой!

— У тебя что — ум за разум зашёл? — крикнула Черепаха. — Ты же меня съел!

— Не отпираюсь.

— Проглотил!

— Было дело, хе-хе. Я всех сперва глотаю, очень удобно.

— И хочешь, чтоб я тебе пела?

— Конечно! А чего же ещё? — сказал Крокодил. — Я буду лежать, а ты — петь.

— В животе?

— У меня очень хороший живот, просторный. Все хвалят, кого съел. Жить можно.

— Жить — можно, петь — нельзя!
— Ничего, хе-хе, запоешь!
— Злодей!
— Чем это я тебе не угодил? — удивился Крокодил.
— Тарантул!
— Не ругайся — у меня живот заболит.
— А мне что до твоего живота? — закричала Черепаха.

— Как? Тебе ж в нём сидеть!

— Ага! Сидеть? Сейчас поглядим. — И Черепаха запрыгала, и Крокодил зайцем запрыгал вместе с ней по песку.

— Будет! Будет! — кричал Крокодил. — Что я тебе, мячик, что ли, — скакать?

— Выпусти меня! Слышишь, выпусти! — кричала, прыгая, Черепаха. — Сейчас Львёнок придёт!

— Вот и хорошо, в животе встретитесь!

— Не смей трогать Львёнка! — И Черепаха запрыгала ещё пуще.

— Ох! Ох! — стонал Крокодил.

— До вечера будешь прыгать! — кричала Черепаха.

— А я вот схвачусь за камушек!

— Не поможет!

И вдруг Крокодил закричал голосом Львёнка:

— Эй! Крокодил! Ты чего это прыгаешь?

— Львёночек! Хе-хе... Это со мной такая болезнь сделалась.

— Львёнок! — крикнула Черепаха. — Бей его! Бей! Он меня съел!

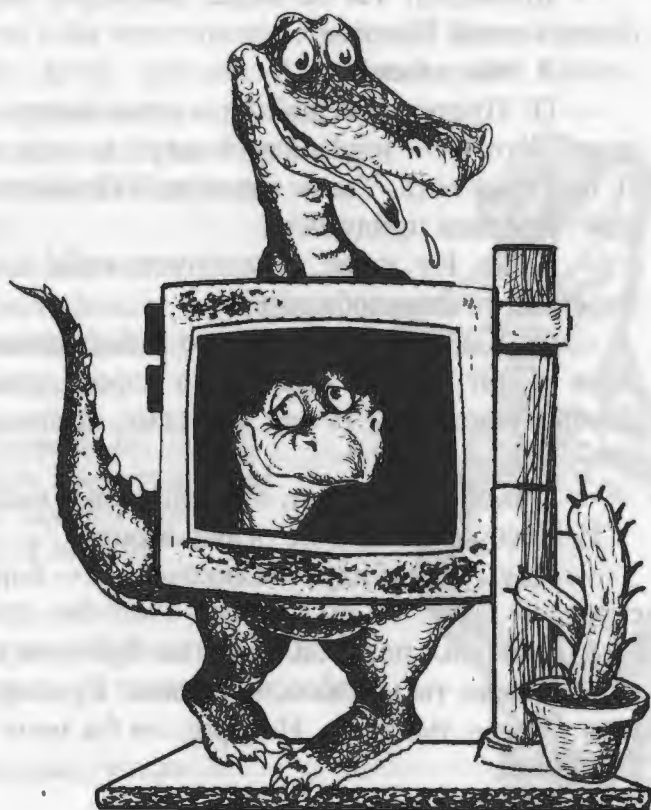
— Ой! Кто это? — спросил голосом Львёнка Крокодил.

— Не обращай внимания, хе-хе. Это у меня от болезни.

— Врёт! Врёт! — кричала Черепаха. — Хватай камень! Камнем его, Львёночек!

— Большая Черепаха, это ты?

- Я! Я!
- А... где ты? — голосом Львёнка спросил Крокодил.
- Да в брюхе же у Крокодила!.. Львёночек!
- Вот! Вот тебе! Вот! — прыгал и кричал Львёнком Крокодил. И — своим голосом: — Ой! Ой! Ой!
- И вдруг — голосом Львёнка сказал:
- Большая Черепаха! Он — большой, а я — маленький. Я пойду...
- Черепаха перестала прыгать, Крокодил шмякнулся на песок...
- Ффу-у! Что же не прыгаешь, Черепаха? — спросил Крокодил.
- Черепаха не ответила.
- И тут появился Носорог.

— Иду... Иду и иду... Великолепно! — закатив глаза к небу, бормотал Носорог и — наткнулся на Крокодила. — О! Ты — жив?

— Я? Хе-хе... А что?

— О! Разве Львёнок тебя не съел?

— Было дело, хе-хе... Но — нет.

— Как же? Я его встретил, он остаточки твои из зубов выковыривал...

— Остаточки!.. — вздохнула в брюхе у Крокодила Черепаха.

— Что ты сказал?

— Я? Ничего.

— А мне показалось: кто-то что-то сказал. — Носорог потупился.

— Нет-нет, все молчат.

— Крокодил! Ты не видел Большую Черепаху? — поднял глаза Носорог.

— А тебе зачем?

— О! Представляешь? Про меня теперь — в песне поют! Что я — иду! Иду и иду! А ведь как верно! И про тебя есть. Ты — плывёшь! И всё это — Большая Черепаха придумала!

— Хе-хе. Ну, поют... Ну и пусть себе! А зачем тебе Черепаха-то понадобилась?

— О! Как же? Львёнок про тебя запомнил, а про меня — нет. Иду к нему, а по дороге, думаю, вдруг Черепаху встречу? И она мне сама, понимаешь?

— Что — сама?

— О-о-о! Споёт! Нет, это выше сил, выше сил!

И Носорог пошёл, не оглядываясь.

— Иду... Иду и иду... Великолепно! — бормотал Носорог.

А Крокодил похлопал себя по брюху и сказал:

— Что же ты молчала, Черепаха? Крикнула бы: вот, мол, я где — туточки... Носорог, он бы меня живо распотрошил.

Черепаша глухо, тоненько так запела:

285

Лижет жёлтую волну
Голубой песок...

— Так не бывает — всё наоборот! — сказал Крокодил.

Положи мне, Львёнок, лапу
Прямо на висок...

— Где Львёнок? Убежал Львёнок.

Голова болит, болит,
Рядом Львёночек стоит,
Как ладошкой океана,
Лапой шевелит...

— Какая ладошка? Где океан? Теперь про меня пойдёшь!

— Как ты себя чувствуешь, Львёнок? Как ты спал?

— Ладно, хе-хе, посплю. А ты пойдёшь, пойдёшь! Сколько мечтал приёмничек завести! А ты — лучше всякого приёмника: и сытно, и с музыкой. Ну, ты про меня ещё споёшь!

Крокодил положил голову на песок, закрыл глаза.

А Черепаша в брюхе у Крокодила еле слышно пела:

...Голова болит, болит,
Рядом Львёночек стоит,
Как ладошкой океана,
Лапой шевелит...

«Нет, надо всё-таки отсюда уходить, — подумал Крокодил. — Львёнок прибежит — хлопот не оберёшься!»

И потихоньку уполз.

*Глава пятая,
в которой появляется Заяц*

И не успел Крокодил скрыться за кустами, как появился Львёнок.

Он дважды обошёл то место, где совсем недавно лежала Черепаха, обошёл кусты и, возвращаясь, чуть ли не лоб в лоб столкнулся с Носорогом.

— Вот тут я её оставил, — бормотал себе под нос Львёнок. — Приходи утром, сказала, а я — проспал.

— О молодость, молодость! Священная весна! — воскликнул Носорог. — Если б вы знали, как я в молодости спал! Неделями!

— И следов нет!.. — вздохнул Львёнок.

— Наши следы... Вот я: иду всю жизнь, всю жизнь, а где? — И Носорог стал что-то разглядывать на песке.

— Ты что там увидел? — спросил Львёнок.

— В том-то и дело, что ни-че-го!

— А я говорю Попугаю: «Ты меня разбуди!» А он: «Обязательно!» И что?..

— Попугай!.. — вздохнул Носорог. — Полжизни на попугаев, полжизни проспал, и вот...

— А что, если она ко мне побежала? Я — здесь, а она — у меня?

— Нет её там: я был, — вздохнул Носорог.

Лёг на землю, положил голову с огромным рогом на передние лапы, задумался.

— Был у меня друг, — начал печально Носорог. — Звали его — Заяц. Дружили мы с ним...

Носорог прикрыл глаза и сразу увидел своего Зайца. Заяц сидел на песке и глядел на него чёрными глазами.

— Было это давно — три года назад... — продолжал Носорог. — Решили мы посмотреть, есть ли конец на-

шей Африке. Побежали. Бежали три дня и три ночи. Выбежали на берег океана, я и говорю...

Львёнок прикрыл глаза и тоже сразу увидел и молодого Носорога, и Зайца, и как они выбежали к океану.

— Я и говорю: «Заяц, тебе надо отправиться в путешествие!»

«Куда?» — спросил Заяц.

«По синему океану — в другую Африку».

«А ты?»

«О! Я бы с удовольствием! Но из чего сделать лодку, которая смогла бы удержать меня?»

И мы принялись мастерить лодку для Зайца.

Взяли кокосовый орех, разбили его пополам и из одной половинки сделали лодку.

«Ну-ка, примеряйся!»

«Хорошо! — сказал Заяц. — Теперь нужна мачта!»

Мачту сделали из хворостинки, а парус — из бананового листа.

«Ну, в добрый путь! — сказал я. — Я буду ждать тебя на этом самом месте. А ты — возвращайся скорей! Ведь обязательно где-то за синим океаном лежит ещё одна Африка!»

И Заяц столкнул скорлупу на воду и поплыл.

«Греби лапами!»

И Заяц стал грести лапами.

А я лёг на прежнее место, долго смотрел ему вслед и думал, что Заяц — теперь ещё одна маленькая Африка посреди большого океана...

— Он не вернулся? — спросил Львёнок.

— Нет.

— Ты думаешь, и Черепаху мы не найдём?

«Нет, такого не может быть! — подумал Львёнок. — Но куда же она могла деться?»

И закрычал:

— Черепа-ха-а!

*Глава шестая,
в которой Носорог испугался*

Убравшись с того места, где Львёнок мог разыскивать Черепаху, Крокодил сел у реки, склонил ухо к животу и прислушался.

Лижет жёлтую волну
Голубой песок, —

тихо-тихо пела Черепаха. —

Положи мне, Львёнок, лапу
Прямо на висок.
Голова болит, болит...

— Фу-ты! — крикнул Крокодил. — Сил моих нет!
Мог бы — выплюнул!

— Так выплюни! — донеслось из крокодильего брюха.

И тут к реке вышел Носорог.

— Черепаха! Большая Черепаха! — звал он. — Где ты?..

— О! Крокодил! — увидел Носорог Крокодила. —
Ты не видел Большую Черепаху?

— Я же сказал: нет!

— А...

— Бэ!

И тут из живота Крокодила донеслось:

— Носорог, это ты?

— Я... — Носорог уставился на крокодилий живот. — А кто со мной разговаривает?

Крокодил страшными глазами посмотрел на Носорога, сквозь зубы процедил:

— Хе-хе... Никто с тобой не говорит.

— О! Но я — слышал... — И Носорог отступил на шаг.

— Носорог! Носорог! Это я — Черепаха! Меня съел Крокодил! Скажи Львёнку...

Крокодил сильно ударил себя по брюху, Черепаха смолкла.

— Что ты слышал? Хе-хе...

Глаза Крокодила сузились, он приподнялся на лапах, разинул страшную пасть.

— О! Ничего...

— Носорог! — крикнула Черепаха.

Крокодил снова ударил себя по животу, Черепаха смолкла.

— Хе-хе... То-то... Помоги-ка мне лучше, — Крокодил обернулся к Носорогу, — в реку сесть.

— А?.. — Носорог показал глазами на крокодилье брюхо.

— Тебе показалось. Хе-хе...

— О! — Носорог взял под руку Крокодила, помог ему спуститься к реке.

— До свидания, до-о-обрый Носорог! — благосклонно кивнул Крокодил.

— Носоро-о-г!.. — еле слышно донеслось до Носорога, и он увидел над водой одни страшные крокодильи глаза.

Глава седьмая,

*из которой мы узнаём, что Львёнок
съел шестнадцать крокодилов*

Крокодил уплыл.

— К морю! В океан! Хе-хе... — хрипел он, уплывая.

А Носорог, оставшись один, понуро опустил голову и прошептал:

— Никого не боюсь! Одних крокодилов боюсь. Когда я был маленьким, меня каждый день пугали крокодилом...

Зашуршали кусты, выбежал Львёнок:

— Черепаха! Большая Черепаха! Где ты? Отзовись! И убежал.

— О! Нет сил... — вздохнул Носорог. — Заяц!.. Теперь — Черепахал..

Лёг на песок, положил голову на передние лапы.

Пришёл Львёнок, лёг рядом:

— Нет. Нигде нет. А у тебя?

Носорог помотал головой.

— Если б я знал, если б я знал, — шептал Львёнок. — Я б и спать не ложился!

«Зачем я его отпустил? Куда? Что я без него? — думал о Зайце Носорог. — Бывало, спросишь: как быть, Заяц? А он — говорит. И вот — Черепаха... Ведь про меня — в песне! О!..» — И Носорог закрыл голову лапами.

«Бегал, бегал, ничего не замечал, — думал Львёнок. — Ни песка, ни солнышка. А спела песню, и — будто впервые всё увидел!..»

Львёнок приподнялся, позвал:

— Черепахал..

«Заяц! Где он теперь? Жив ли? О-о-о!.. Прости меня, Заяц! Прости, Черепахал!..» — стонал Носорог.

— Львёнок! — решительно обернулся он к Львёнку.

Но Львёнок был занят своими мыслями и не откликнулся.

«Песня — это когда ночь, а ты поёшь, и будто солнышко! — думал Львёнок. — Дождик идёт, а у тебя песенка, и будто и нет дождя! Разве я бы к ней подкрадывался: мало ли их, черепах-то? А вот теперь... Как же я?..»

— Львёнок! — решительно сказал Носорог. — Я видел Крокодила. Он...

— Что? — резко обернулся Львёнок.

И от этого резкого тона у Носорога вмиг пропала решимость.

— О! Я видел Крокодила... — забормотал Носорог. — Он говорит: Черепаху не встречал... Он — живой, представляете? Значит... вы другого съели?

— Никого я не ел, — думая о своём, сказал Львёнок.

Носорог приподнялся:

— О! А Крокодила?

— Никого я не ел, — повторил Львёнок.

— Не ели? — Носорог испугался.

— Не ел.

— Ну, я пошёл... Ты здесь это... а я... — И побежал.

— Куда же ты, Носорог? Она же про тебя — в песне! — Львёнок побежал следом. — Я вспомню, вспомню! Ты — идёшь!

— Найдёшь — спросишь, увидимся — скажешь, — не останавливаясь, холодно сказал Носорог.

— Что?

— Слова.

И побежал, не оглядываясь.

— Крокодила испугался, да? — вслед крикнул Львёнок. — Крокодила? Да я их шестнадцать штук съел! — И заплакал.

— О! Шестнадцать! — как из-под земли вырос Носорог.

Львёнок отвернулся и незаметно вытер слёзы:

— А ты как думал! Что он мне — Крокодил!

— О! Расскажите! Я знаю! О! Я не ошибся!

— Знаешь что? — сказал Львёнок. — Иди скажи моему Попугаю, что завтракать я не приду.

— О! Слушаюсь! — Носорог побежал.

— Бедный Заяц!.. — горько вздохнул Львёнок. — Стой! Не ходи, не надо!

Носорог вернулся.

— Почему ты такой, а?

— Какой?

— Ну... всего боишься?

- О! Вам хорошо, вы — Львёнок, у вас папа — Лев.
- Лев...
- Львы — бесстрашные.
- А бабушка говорила: нет зверя храбрее Носорога!
- Правда? Бабушка?
- Да.
- Так и сказала?
- Она никогда не врёт.
- О! Я был, я был, но...

«Скажу ему, — подумал Носорог. — Скажу ему, где Черепаха».

— Знаете, она...

— Кто?

— Черепаха. Она...

— Ладно. Что говорить? — сказал Львёнок. — Идём к океану! Черепахи океан любят. Не может быть, чтобы мы её не нашли!

И они отправились вдоль большой реки к океану.

Глава восьмая,

*в которой Обезьянка спасает Питошу
и узнаёт голос Черепахи*

Крокодил по реке поплыл к океану.

Следом по берегу реки побежали к океану Львёнок с Носорогом.

Большая Черепаха «ехала» в брюхе у Крокодила и думала: «Если б Львёнок не побоялся, если б Носорог не испугался, я бы им столько песен придумала!..»

— Ой! — вдруг вскрикнула Черепаха. — Что это?

— Вода, — спокойно сказал кто-то. — Пьёт. Иль — просачивается.

— Кто?

- Да Крокодил.
- А ты кто?
- Так я тебе и сказала! Сам-то ты — кто?
- Я — Черепаха.
- Ври!
- И кто-то беззвучно захохотал.
- Правда, я — Большая Черепаха, — сказала Черепаха. — Меня Крокодил съел.
- Всех съели.
- А вы... а ты — кто?
- Так я тебе и сказала! Ложилась — никого! Проснулась — уж тут как тут. Докажи.
- Что?
- Что — Черепаха.
- Как же я докажу — ведь темно!
- То-то и оно! — захихикал кто-то. — А вдруг ты не Черепаха, а Крокодильчик. Крокодил Крокодильчика съел, а ты — меня: выходит, я уже буду два раза как проглоченная, — разве выберешься?
- А вы... А ты... уже была?
- А то! Давай на «ты», ладно?
- Да кто же ты?
- Сижу, значит, это... в Крокодиле...
- В этом?
- Нет, в другом. Сижу день, сижу два, скучаю, понятно, — ни попрыгать, ни поплясать, и тут... «Бу-бу-бу!» — раздалось сверху.
- Что это? — прошептала Черепаха.
- Это он так внутренним голосом говорит. Ну вот... И тут — плюхается рядом удавчик. Питон то есть, он Питоном представился. Неужто, говорю, ты меня съешь, — сам ведь проглоченный! Конечно, говорит, есть-то охота!
- Да кто же ты?
- Не делай этого, говорю, — не слушая Черепаху, продолжал кто-то, — мы лучше на волю выберемся!

И-ха! И-ха! Смеётся. Ну, прям как осёл. Никогда бы не поверила, что змеи так хохочут...

— Кто же ты?

— Так я тебе и сказала!.. Отсмеялся — и ко мне: всё-таки, говорит, я тебя съем! Так ведь проглоченный ты, кричу, проглоченный! А он: что ж, что проглоченный, раз я тебя ещё проглотить могу! — и расхохоталась. — Стали мы бегать: он — за мной, я — от него, да разве тут разбегаешься? Схватил. Эх ты, говорю, в Крокодиле тебе только и место. Хорошо, хоть солнышка больше не увидишь! А он...

— Бедная!.. — вздохнула Черепаха.

— Брось! «Бедная»!.. Я на него как закричу: стой! Выберемся! Он и отступил. Ну, признавайся, ты — Змея?

— Я же сказала — Большая Черепаха.

— Будет врать! Говори — Змея?

— Да Черепаха я, Черепаха!

— Чем докажешь? Молчишь?

— Ты пощупай меня...

— Как же! «Пощупай»! Тут ты меня и схватишь!.. — Неизвестная Черепахе личность развеселилась. — Ладно, слушай... Как, говорит, выберемся? А так, говорю: когда эти спят — пасти разрезают. Уснёт — мы и выползем. Вот пришла ночь...

«Бух-бух-бух!» — забухало вокруг.

— Вылез куда-то, — заметила неизвестная личность. — Во по брюху молотит!

— Эй! Черепаха! — закричал Крокодил. — Спой что-нибудь? Я тебя как большую песню съел, хе-хе... А ты...

— Слышишь? — сказала Черепаха.

— Ха! Крокодила слушать! Какая же ты песня, если ты — Черепаха?

— Я пою...

— Ладно. Споёшь. — И неизвестная личность продолжила свой рассказ, а Крокодил поплыл дальше. —

Поползли мы... Я — впереди, Питончик — сзади... Только, значит, ночным свежим воздухом донесло, как этот, как его...

— Питон! — подсказала Черепаха.

— Да нет, Крокодил, ка-ак чихнёт! Зубы — бац! — вот настолько прошли. И держит. А мы — в горле стоим. Осталось по языку перебежать, и всё.

— Ох-х!..

— Затаились. Не дышим. А Питон и шепчет: как откроется, я — первый, я — длинный.

— Что, что откроется? — От волнения у Черепахи осип голос.

— Да пасть! Ну, ты прям!.. Совсем не сечёшь! Открылась, Питоша пошёл. А воздух свежий, хороший, у него возьми и закружись...

— Голова?

— Ну! В Крокодиле-то душно было... Выполз он до половины и лежит. Тут я...

— Не знаю, кто ты, но ты — молодец! — сказала Черепаха.

— ...по языку проскакала, хватя его! — и тащу.

— А Крокодил?

— Глаза вытарацил! Спит.

— Ой!..

— Тяну я удавчика, а сама думаю: и на что я его вытаскиваю, ведь съест! И действительно, вытянула, отползли в сторону, а он и говорит: «Спасибо, Мартышка! Хочешь, я тебя съем?» Ну, я убежала...

— Как же ты опять в Крокодиле оказалась?

— Ха! Как? Сижу, солнышко светит. Слышу: кто-то поёт. Я, говорит, на солнышке лежу! И я легла. Только глаза закрыла — рраз! — и в Крокодиле. Я бы этих песенников!..

— Бедная Обезьянка!

— А ты откуда знаешь, что я есть Мартышка? В темноте видишь? Змея!

- Да ты же сама сказала...
 - Как же! Жди! Скажу я!
 - Не бойся меня! Не бойся! — сказала Черепаха.
- И тихонько запела:

Голова болит, болит,
Рядом Львёночек стоит,
Как ладошкой океана,
Лапой шевелит...

- «И вправду поёт», — подумала Обезьянка.
- Слушай! — сказала она. — А ведь твой голос мне знакомый.

И тут опять забухало со всех сторон, и Крокодил закричал:

- Эй! Черепаха! Слышишь, что ль? Океан-море! Прибыли!

Глава девятая,

*в которой Заяц нашёл другую Африку,
а Носорог потерял друга*

И не успели Львёнок с Носорогом выбежать на берег океана, как тут же в скорлупе от кокосового ореха подплыл Заяц. Он вытянул скорлупу на песок и глубоко вздохнул.

- Ффу-у!.. — сказал Заяц. — Приплыл! Правду говорил Носорог: так быстро наша Африка кончиться не может...

- Заяц! — закричал Носорог и кинулся к Зайцу.
- Заяц, но — не ваш. — Заяц уклонился от объяснений.
- Ты меня не узнаёшь? Я — Носорог!
- Вижу, — сухо сказал Заяц.

— А это — Львёнок!
— Ррр-Мяу, — представился Львёнок.
— Заяц. — Заяц кивнул, и уши его упали и снова встали торчком.

— Я так по тебе скучал... О Заяц! — Носорог протянул к Зайцу лапы.

Заяц отступил:

— Вы что-то путаете... Я — Заяц, но вы — не мой Носорог. Мой друг — в Африке; он лежит там, на самом краю, и ждёт меня. А это — другая Африка: я плыл к ней три года.

— О-о-о! — только и мог сказать Носорог.

— Извините, но мне кажется, вы ошибаетесь, — вступился за Носорога Львёнок. — Это — тот самый Носорог.

— Вам кажется.

— Но он мне говорил, что отправил своего друга в путешествие как раз три года назад.

— Охотно вам верю.

— О! Неужели ты меня не узнаёшь?

— Вас не узнать невозможно: вы — Носорог.

— О да! Да!

— Но мой Носорог выглядел иначе.

— О!.. Иначе...

— Да. Он был молод, красив. У него были не такие тусклые глаза... И потом... он говорил: там, в другой Африке, тоже бегают львы, живут носороги и маленькие зайцы, но... другие носороги, другие зайцы, понимаете? Мой друг Носорог — один, он остался в Африке.

— О! Это я — Носорог! — И Носорог, обхватив голову, сел на песок.

— Конечно. Но вы — не тот.

— О! Тот! Ведь обо мне — в песне! Я — иду!

— Вот видите? А мой Носорог — лежал.

— О! Я лягу! — И Носорог ничком лёг на песок.

— Нет-нет, мой Носорог — в другой Африке! Я возвращусь к нему и скажу, что он прав, он прав: за синим океаном есть ещё одна Африка! Там бегают маленькие львы и живёт печальный Носорог, про которого поют в песне! — И Заяц пошёл к своей скорлупе.

— О! Заяц! — крикнул Носорог.

— Заяц, подожди! — позвал Львёнок.

— Я сделал всё, как обещал моему другу, — сказал, останавливаясь, Заяц. — Я нашёл другую Африку! Он был прав! А теперь я возвращусь к нему. Прощайте!

И Заяц столкнул скорлупку на воду и поплыл.

— Заяц! — закричал Носорог. — Это — я, это я! Не уплывай, Заяц! Я не могу без тебя! Я истосковался! Зачем я только придумал другую Африку?

И Носорог повалился на песок и стал себя бить по голове.

— Прощайте! Прощайте! — махал лапой Заяц. — Я передам от вас привет моему Носорогу! Я скажу ему: он — прав, так быстро Африка кончиться не может! За синим океаном лежит ещё одна Африка-а-а!..

— О! Нет мне прощенья!.. — захрипел Носорог.

И вдруг вскочил, закричал:

— Заяц! Помнишь, Заяц? Помнишь? «ГРЕБИ ЛАПАМИ!» Я тебе кричал — греби лапами?! Греби лапами, Заяц!.. О! Уплыл...

Глава десятая,

и последняя, в которой всё хорошо кончается

А в это же самое время на берег океана по реке приплыл Крокодил. Он расположился неподалёку от Львёнка с Носорогом, но они его не видели за бугорком, и он их не видел.

Крокодил сел на песок, достал из походной сумки песочные часы, поставил их перед собой и сказал:

— Вот! Есть не буду, и ты у меня запоешь! Слышишь, Черепаха? Полчаса уже не ем!

Черепаха молчала.

«Как же мне её разговорить?» — думал Крокодил.

И голосом Львёнка закричал:

— Большая Черепаха! Большая Черепаха! Где ты?

А Носорог подумал, что это кричит Львёнок.

— Зови-зови, — не оборачиваясь к Львёнку, сказал Носорог. — Сейчас я тоже кричать стану.

— Он вернётся, не думай, — гладил Носорога Львёнок.

— Львёнок! Львёнок! Ты пришёл? — закричала из брюха Крокодила Черепаха. — Ты не бросил меня? Львёночек!

Львёнок поднял голову, посмотрел по сторонам. Крокодила не увидел.

«Послышалось», — подумал Львёнок.

— Мне бы в цирке работать! Хе-хе! — громко сказал Крокодил. — За кого хошь говорить могу. Хоть за Львёнка, хоть за Черепаху, — и засвистал соловьём.

Но вдруг подпрыгнул:

— Ой!

И снова:

— Ой-ёй!

И запрыгал по песку, не в силах остановиться:

— Ой! Ой! Ой! Брось прыгать, Черепаха! Вот забыл! Вот глупый!

А Черепаха кричала уже громко-громко:

— Не предавал он меня, Мартышка! Не предавал!

И Крокодил стал подпрыгивать так высоко, что его сразу увидели за бугорком Носорог с Львёнком.

— Смотри, прыгает! — сказал Львёнок.

— О! Крокодил, ты прыгаешь?..

— Я... Я... У меня... гимнастика!

— Врёшь! Врёшь! Не обманешь! — кричала Черепаха.

— Кто это говорит? — спросил Львёнок.

И Носорог отступил, потупившись.

— Кто здесь разговаривает?! — крикнул Львёнок.

— Ни-кто не раз-го-ва-ри-ва-ет! Все молчат! — прыгая, хрипел Крокодил.

— Врёшь! Врёшь! Не обманешь! — кричали Черепаха с Мартышкой.

— Кто говорит?! — Львёнок крикнул так громко, что Крокодил на мгновение застыл в воздухе.

— Не обращайтесь внимания, хе-хе... Это у меня от болезни: голоса будто бы... — сказал застывший в воздухе Крокодил.

— Ври! Ври! Ври! — кричали Черепаха с Мартышкой.

— Хе-хе... Опять... Слышите?

И Крокодил плёпнулся на песок и заскакал, как мячик.

— Ничего не понимаю! — сказал Львёнок.

— О, молодость-молодость! Ещё поймёте... — И Носорог сделал шаг назад.

— Крокодил, ты не видел Большую Черепаху? — спросил Львёнок. — Мне кажется, я слышал её голос.

— О! Крокодил! Припомни хорошенько: ты Черепаху не встречал? — издали крикнул Носорог.

— Хе-хе... — сверкнул глазами Крокодил, и Носорог отступил ещё дальше.

— Большую Черепаху, — сказал Львёнок и подошёл к Крокодилу.

— Нет! Нет! Нет! — прыгая, выл Крокодил.

— Видел! Видел! Видел! — кричала Черепаха.

— Большая Черепаха! — закричал Львёнок.

— Львёнок! Это — ты?

— Я...

Крокодил шлёпнулся на песок. Носорог испарился.

— Где ты, Большая Черепаха? — крикнул Львёнок.

И вдруг Черепаха тихо сказала:

— Львёнок, если это правда ты — спой нашу песню!

Крокодил голосом Львёнка быстро сказал:

— Я забыл!

— Нет-нет, я — помню! — крикнул Львёнок. И запел:

Носорог-рог-рог идёт!..

И Носорог робко высунул голову из-за бугра:

— О! Это — я!

— В Крокодиле я, Львёночек! — крикнула Черепаха. — Нас съел Крокодил!

Всё замерло.

Стих океан.

Лишь Крокодил смотрел на Львёнка страшными глазами.

И Львёнок не испугался.

— Ах, ты так? — закричал он и вцепился Крокодилу в глаза.

Они стали драться, и песок полетел к самому небу.

Крокодил хрипел, бил хвостом, а Львёнок дубасил его лапами по чём попало и кричал:

— Вот! Вот тебе! Вот!

Но Крокодил извернулся и схватил Львёнка зубами.

— А-а-а!.. Носоро-о-ог! — крикнул Львёнок.

— О! Погодите! Я сейчас! — кинулся Носорог. — Я виноват! Я! Я! О! Разожми пасть, кому говорят! — И схватил Крокодила за хвост.

— Хе-хе!.. Брось хвост, говорю! — не выпуская Львёнка, прохрипел Крокодил.

— О! Всё! Не брошу! Хвост оторву — отпусти!

— Мой хвост! — взвыл Крокодил и выпустил Львёнка.

Львёнок снова вцепился в Крокодила, а Носорог вдруг тихо, страшно сказал:

— Хвост оторву — разевай пасть!

Вскинул Крокодила в небо и стал крутить его над пустыней.

— О! О! — дважды разинул пасть Крокодил, и на песок выскочили Мартышка и Черепаха.

— Солнышко! Солнышко! — заплясали они.

А Носорог ещё сильнее раскрутил Крокодила и бросил его в океан.

Я на солнышке лежу, —
запела Черепаха.

Я на солнышко гляжу, —
подхватила Мартышка.

Всё лежу и лежу, —
крикнул Львёнок.

И на солнышко гляжу!.. —
спели все.

Носорог-рог-рог-рог идёт... —
пела Черепаха.

— О! Я иду! Иду! И — не боюсь! Никого! Ничего!
О! Львёнок! Прости меня! Прости меня, Черепаха!

И тут появился в скорлупке под парусом Заяц.

— Носорог! — крикнул он. — Я вспомнил! Вспомнил! «ГРЕБИ ЛАПАМИ!» Это ты! Другой Африки нет! Это — ты!

И все кинулись к Зайцу, и Носорог упал на песок и заплакал.

— Я так рад! Так рад!.. — гладил Заяц Носорога по голове. — Это — ты! Смотри, какие у тебя молодые глаза! Это — ты!..

Как хорошо, что песня есть у нас! —
запели все. —

И столько крепких лап,
И столько добрых глаз

К нам в песенку, как в дом родной, придут
И вместе с нами в песенке споют:
И в зубастом Крокодиле
Можно жить,
Только песню в Крокодиле
Не сложить!

И тут из воды высунулся Крокодил и закричал:
— И я! И я с вами! Я тоже хочу! Ведь про меня —
целая строчка! Я плыву!
Но на него никто уже не обращал внимания.

КАК ЛЬВЁНОК И ЧЕРЕПАХА ОТПРАВИЛИСЬ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Вступление,

*в котором Львёнок и Черепаха встречаются
после долгой разлуки*

-Здравствуй, Львёнок!

— Здравствуй, Черепаха!

Они обнялись и долго стояли обнявшись.

— Сколько же мы с тобой не виделись?

— О-хо-хо!.. — вздохнула Большая Черепаха, легла и заплакала.

— Не плачь, — попросил Львёнок. — Пожалуйста, не плачь!

— Где же ты был? — всхлипывала Черепаха.

— Даже и сказать не могу. Везде.

— Рассказывай.

— Сперва — в Японии, потом — в Бразилии, потом — в Европе, потом — в Америке.

— И в Австралии был? И в Сибири?

Львёнок кивнул.

— Тогда давай по порядку, — сказала Черепаха. И перестала плакать.

Львёнок сел на песок, снял цилиндр, положил рядом тросточку (ведь он был с тросточкой и в цилиндре!) и начал было рассказывать, как появилась Обезьянка.

— А вы что здесь делаете? — крикнула она.

— Слушай, — сказала Черепаха, — а тебя кто звал?

— А меня и звать не надо, — сказала Обезьянка. — Вижу: ты — лежишь, он — сидит, и прибежала.

— Нам сейчас не до тебя, — сказала Черепаха. — Беги себе.

— А куда же я побегу? — удивилась Обезьянка. — Если он в шляпе и с палочкой! — И она закривлялась, запрыгала, потому что была артисткой.

— Слушай, — сказала Черепаха, — Львёнок теперь всегда ходит в цилиндре и с тросточкой, как всемирный любимец и международный персонаж. Всемирные любимцы все ходят в цилиндрах и с тросточками.

— А я? — спросила Обезьянка. — Я могу быть всемирным любимцем?

— Конечно, — сказала Черепаха. — Если прославишься.

— А как это сделать? — Обезьянке очень хотелось ходить в шляпе и с палочкой.

— Послушай, — сказал Львёнок, — мы с Черепахой столько не виделись. Я вернулся в Африку, пришёл к своей старой подруге, а тут ты со своей шляпой. Уходи, а?

— Сделайте знаменитостью, — уйду!

— Приходи вечером, — попросила Черепаха. — Мы подумаем.

— Да ты что? — возмутилась Обезьянка. — Разве я до вечера дотерплю?

— А как же я тебя прямо сейчас сделаю знаменитостью? — взвыл Львёнок.

— А ты дай шляпу и палку, — сказала Обезьянка. — А уж я постараюсь.

— Бери, — сказал Львёнок.

— Только не потеряй, — сказала Черепаха.

Обезьянка схватила цилиндр, тросточку и понеслась по пустыне.

Выскочил Заяц.

— Эй! — крикнул он. — Ты что это на голову трубу надела?

— Это не труба, это — шляпа, — сказала Обезьянка. — А я — всемирный персонаж!

И запрыгала по деревьям, а Заяц побежал за ней по земле.

— Кто такая? — крикнул Попугай.

— Всемирный персонаж, — сказал Заяц. — Бывшая наша Обезьянка.

Попугай захрипел, раздулся, полетел следом.

Обезьянка выскочила к реке, увидела Крокодила и скорчила такую рожу, что Крокодил зажмурился.

— Ну что, зубастый? Видишь, кто я?

— Это не труба, это — шляпа, — пояснил Заяц.

— И тр-р-росточка! Тр-р-росточка! — кричал Попугай.

Обезьянка понеслась вдоль реки, рядом бежал Заяц, по небу плыл Попугай, по реке — Крокодил.

— Ну что, зелёный огурец? — вопила на бегу Обезьянка. — Видел? Видел?

И остановилась.

— Я — всемирный персонаж! Еду в Америку! А ты — зелёненький, в пупырышках, глаза как у сви-
ньи!

«Разве у меня плохие глаза?» — печально подумал Крокодил.

— Никто меня не признавал! — вопила Обезьянка. — Никто не верил! А я, а я... — И она понеслась дальше.

Целый день Обезьянка скакала по Африке, и к вечеру за ней уже бегало сто зайцев, три носорога, пять

бегемотов и два льва. Сто попугаев вились в небе, и все сто кричали противными голосами:

— Всемир-р-рный пер-р-рсонаж!

А крокодилы — а было их не счесть — метались вверх и вниз по течению — смотря куда неслась Обезьянка.

«Всемирное признание!.. — печально думал, гребя хвостом, Крокодил. — Неужто у меня такие уж плохие глаза?..»

Когда стемнело, Обезьянка спряталась в дупле баобаба, и все её потеряли. А когда зажглись звёзды, прибежала к Львёнку и Черепахе, неслышно подобралась и легла на песок.

— И знаешь, Черепаха, — говорил Львёнок, — всюду я побывал, многое видел, принимали меня королевы и короли, президенты и принцы, но таким счастливым, как в тот день, когда мы с тобой пели песню, я уже никогда не был. И счастлив я, что вот сидим мы

теперь с тобой рядом, глядим, как тогда, на звёзды, и лучше этого — ничего нет.

«Какой глупый! — думала Мартышка. — Всемирный любимец, всемирный персонаж, а такой глупый!..»

Глава первая —

первый сон Большой Черепахи, в котором Носорог становится воздушным шаром

Черепахе снилось, как наутро, когда над пустыней ещё не взошло солнце, её разбудил Львёнок.

— Большая Черепаха, — сказал он, — а не отправиться ли нам в путешествие?

— В путешествие?

— А что?

— Прямо вот так?

— Как — вот так? — переспросил Львёнок.

— В цилиндре и с тросточкой?

— Ну, это мы оставим здесь.

— Но в путешествие отправляются на чём-то...

— На чём?

— На корабле, на воздушном шаре.

— Хорошо. — Львёнок огляделся. — Корабля у нас нет, а воздушный шар — найдём и надует.

— Нужна гондола, корзина такая, — сказала Черепаха. — Мы будем в ней сидеть.

— Ты плети гондолу, а я пошёл. — И, напевая любимую песенку, Львёнок пошёл по пустыне, размышляя, кого бы надуть.

Носорог-рог-рог идёт,

Крокодил-дил-дил плывёт, —

пел Львёнок.

«Слон не согласится, — думал он. — И потом, получится слишком большой воздушный шар. Бегемот? Нет, Бегемот тоже не годится. Носорог! И рог у него специальный: отвинтишь шишечку и — надувай!»

И Львёнок ещё громче запел:

Носорог-рог-рог идёт,
Крокодил-дил-дил плывёт...

Носорог как раз налил себе чаю, когда подошёл Львёнок.

— Доброе утро, Носорог!

— Доброе! — Носорог был не в духе.

— Не хочешь ли ты отправиться в путешествие?

— Эх, — вздохнул Носорог, — улетел бы я отсюда, куда глаза глядят! Садись, угощайся!

Львёнок сел и уставился на носорожий рог, на самый кончик.

— Чего глядишь? — спросил Носорог.

«Интересно, отвинчивается шишечка или это так, для красоты? — думал Львёнок. — И потом, если отвинчивается и Носорог согласится, кто нам поможет его надуть?»

— Носорог, — сказал Львёнок. — Можно я скажу прямо?

— Скажи.

— Ты не против, если тебя надует Слон?

— Я ему надую!

— Ты меня не так понял: если она отвинчивается, — Львёнок показал на шишечку, — Слон тебя надует, и мы полетим!

— Куда?

— Куда глаза глядят.

— Кто?

— Ты, я и Черепаха. Ты будешь воздушным шаром, мы — в гондоле.

— В гондоле...

— Это корзина такая. Прижмёшь к животу, и всё.
— Отвинчивается, — сказал Носорог. — А кто же меня надуёт?

— Слон!

— Так он и согласится... А знаешь, — Носорог лёг, чтобы Львёнку было удобнее, — попробуй ты.

— Я?

— Зажми уши и дуй.

Львёнок отвинтил шишечку.

— Дуй! — приказал Носорог.

Львёнок дунул — Носорог расширился.

Львёнок дунул ещё — Носорог стал повыше.

— Легчает, — шептал Носорог. — Дуй! Дуй!

Львёнок дул изо всех сил.

— Совсем легко, а то в груди жгло. — Носорог стал больше себя в три раза.

Львёнок зажал уши лапами и дул без передышки.

— Хорошо! — шептал Носорог. — Зачем нам Слон? Так полетим.

Он стал таким большим, что Львёнок ни за что не достал бы до рога. Он сидел на носу Носорога и дул.

— Хорошо! Ох, как хорошо! — стонал Носорог. — Я уже не чую земли...

И тут он оттолкнулся и — полетел.

— Чуть-чуть левее! — командовал Львёнок. — Видишь Черепаху? Смотри, она уже сплела гондолу! Прижмёшь к животу и — айда!

— Айда! — повторил Носорог.

Они приземлились возле Черепахи.

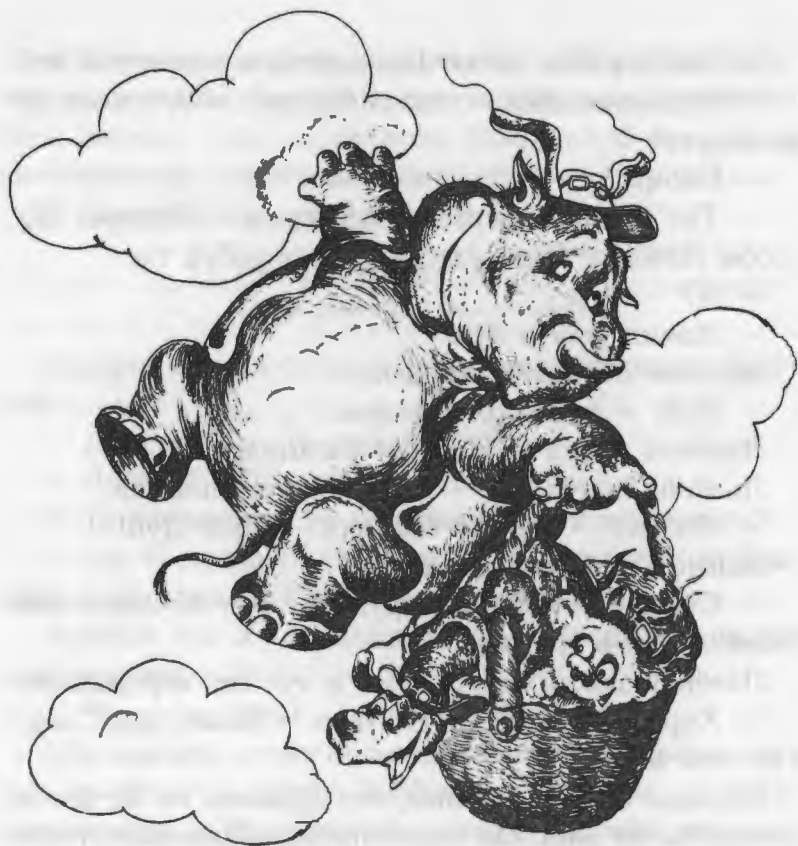
— Какой замечательный воздушный шар! — обрадовалась Черепаха.

— Это наш друг Носорог стал воздушным шаром, — сказал Львёнок.

Львёнок с Черепахой уселись в гондолу.

Носорог прижал её к животу, оттолкнулся, и...

— Айда! — крикнул Львёнок.

— Айда! — Носорог взлетел. — Если б вы только знали, как мне теперь легко! — шептал он. — Какое это счастье — куда-нибудь лететь с друзьями!..

Глава вторая —

*второй сон Большой Черепахи, в котором Львёнок,
Черепаха и Носорог обедают у Кита*

Носорог оказался замечательным воздушным шаром.

Он летел над горами, лесами, прижимая к животу корзину, в которой сидели Львёнок и Черепаха.

Черепаша захватила подозрную трубу, и теперь они с Львёнком по очереди глядели в подозрную трубу на землю.

— Гляди! Гляди! — кричал Львёнок. — Изюбр!

— Да нет, это — Олень! — кричала Черепаша.

— Изюбр! Изюбр! Ты только погляди...

Носорог таращился изо всех сил, но ничего не видел — ведь он прижимал к животу гондолу и не мог глядеть в подозрную трубу.

— Как ты себя чувствуешь, Носорог? — спросил Львёнок.

— Чудесно! А куда мы летим?

— Это не важно. Главное — не выпусти корзину, — сказала Черепаша.

Теперь внизу было море, и Кит качался на самой большой волне.

«Надо передохнуть», — подумал Носорог и опустился на спину Кита.

— Здравствуйте! — сказал Кит. — Кто вы и откуда?

— Мы путешествуем, — Львёнок выбрался из корзины. — Я — Львёнок Ррр-Мяу. Это — Большая Черепаша. А это — наш друг Носорог.

— Какой замечательный воздушный шар! — вздохнул Кит. — Как бы мне хотелось отправиться в путешествие вместе с вами!

— К сожалению... — Черепаша запнулась. — К сожалению, вы не уместитесь в нашей... гондоле.

— В этой корзине, господин Кит, — пояснил Львёнок.

Кит глубоко вздохнул и выпустил целый фонтан сверкающей воды.

— Не улетайте, — попросил Кит. — Не торопитесь. Отдохните как следует. Сейчас мы подплывём к маленькому острову, и я угощу вас чудесным обедом.

Островок оказался совсем крошечным. Будто большой круглый стол поднялся со дна моря.

Черепаха, Львёнок и Носорог вышли на берег, и Кит расположился рядом и повязал шею салфеткой.

Медузы расстелили скатерть.

Морские коньки в маленьких корзинках подняли со дна необыкновенные яства.

Дельфины, покачиваясь на хвостах, запели нежными голосами.

— Как вкусно! — шептал Львёнок.

— Как грустно! Как хорошо! — кивала головой Черепаха.

— Я никогда не ел ничего подобного! — сказал Носорог.

Кит ловко орудовал вилкой и ножичком.

— Обычно я ничего такого не ем, — говорил Кит. — Только планктон. Но когда такие гости...

Обедали до вечера.

А когда солнце стало садиться, Львёнок сказал:

— Нам пора!

— Как? Уже? — быстро-быстро заморгал маленькими глазками Кит.

Носорог лёг на песок. Львёнок отвернул шишечку.

— К сожалению, — сказала Черепаха.

Львёнок зажал лапами уши и дул до тех пор, пока Носорог снова не стал воздушным шаром.

— Спасибо! — неуклюже поклонился Киту раздувшийся Носорог. — Спасибо, господин Кит! Мы никогда не забудем этот чудесный обед в океане!

Он прижал к животу корзину с Львёнком и Черепахой, и... они полетели.

И долго ещё был виден в сиреневых сумерках чёрный Кит с белой салфеткой на шее, и долго ещё сквозь свист ветра им слышалось нежное пение дельфинов.

Глава третья —

*третий сон Большой Черепахи,
который мог иметь грустный конец*

Простившись с Китом, друзья полетели на юг. Заходящее солнце красиво освещало летящего Носорога: гондола, которую он прижимал к животу, была золотой.

Солнце скрылось, высыпали звёзды, взошла луна, а друзья летели и летели, и море под ними не кончалось.

Наконец Носорог заметил белую пену прибоя. Он снизился.

Высокие волны били о крутой берег, и от холодных брызг Львёнку и Черепахе стало весело.

Носорог плавно опустился возле реки, и тут же на берег выполз Крокодил.

— Хе-хе! — обрадовался Крокодил. — Что это вы здесь делаете?

— Путешествуем, — сказал Львёнок. — Я...

— Знаю-знаю, — закивал Крокодил. — И тебя, и Черепаху, и Носорога.

В страшных глазах Крокодила сверкало по звезде. Носорог потупился.

— Располагайтесь, — хрипел Крокодил. — Поспите до утра. А утром что-нибудь придумаем.

— Что? — спросил Львёнок.

— Ну... — Крокодил пошевелил хвостом. — Подумаем.

«Он что-то затеял, — соображала Черепаха. — Надо уйти от реки подальше».

И они ушли от реки и уснули под старым баобабом.

А Крокодил позвал сестру и зашептал ей в ухо:

— Сестрица! Ты видишь, кто спит во-он там, под баобабом?

— Кто-то большой и тёмный, — сказала сестра Крокодила.

— Хе-хе! Именно! Зови племянников!

Когда Львёнок и Черепаха проснулись, вокруг них лежали на песке Крокодил, сестра Крокодила и сорок крокодильих племянников. Это были крепкие молодые крокодилы, и зубы их на солнце сверкали.

«Так я и знала, — подумала Черепаха. — Надо было улететь подальше».

Носорог храпел, посвистывая.

«Пока я его надую, — соображал Львёнок, — эти страшили нас съедят».

Львёнок встал.

— Крокодилы! — сказал он. — Я, Большая Черепаха и наш друг Носорог... извините, он очень устал и ещё спит... все мы всех вас — приветствуем!

Племянники щёлкнули зубами и вытянулись на песке.

— Крокодилы! — продолжал Львёнок. — Вы, наверное, знаете: я — знаменит на весь мир, и Черепаха — тоже, а у нашего друга Носорога — большое будущее.

Молодые племянники, не мигая, страшными глазами глядели на Львёнка.

— Ваш папа... — Львёнок обратился к Крокодилу.

— Дядя, — поправил один из племянников.

— Дядя, — согласился Львёнок, — хорошо знает песню Большой Черепахи, где про него — целая строчка.

Крокодил кивнул.

— Крокодилы! — в третий раз воззвал Львёнок. — Мы прилетели к вам с концертом! Сейчас я и Большая Черепаха споём вам нашу знаменитую песню... Я надеюсь, дядя подпоёт... А потом мы покажем фокус.

Крокодил прикрыл глаза.

Сестра Крокодила, разинув страшную пасть, глядела на Львёнка.

— Начали!

Я на солнышке лежу, —

затянули Львёнок с Черепахой.

Проснулся Носорог и теперь, вытаращившись, глядел на племянников.

— Подтягивайте! Все-все! И ты, Носорог! Дружно! — командовал Львёнок.

Племянники встали на хвосты.

Дядя пел зажмурившись.

Сестра Крокодила так и сидела с разинутой пастью.

— Пойте-пойте! — кричал Львёнок. — А я пока подготовлю фокус!

И он, как факир, поведя лапой, отвернул специальную шишечку и в такт песне стал надувать Носорога.

Носорог-рог-рог идёт, —

дружно пели Большая Черепаха и дядя с племянниками.

Крокодил-дил-дил плывёт, —

спел Крокодил соло.

Львёнок уже завинчивал шишечку.

Только я всё лежу, —

подхватил Львёнок, усаживаясь в гондолу.

И на солнышко гляжу! —

крикнула Черепаха, прыгнув в корзину. Носорог оттолкнулся, и... они полетели.

— А фокус? Фокус! — кричали, прыгая на хвостах, молодые племянники.

— А разве это не фокус? — хохотал в небе Львёнок. — Улететь из-под носа у молодых крокодилов на стареньком Носороге!

Глава четвёртая —

*четвёртый сон Большой Черепахи,
в котором в утреннем небе парят слоны*

«Вот уж чего не ожидал, так не ожидал», — думал о крокодилах Носорог, паря в утреннем небе.

Черепаха с грустью глядела на проплывающую под ними Африку.

«Кит, чудище морское, — думала Черепаха, — встретил царским обедом, а эти...»

И тут Львёнок вскрикнул:

— Гляди! — и Черепаха припала к подзорной трубе.

В синем африканском небе навстречу им плыл Слон.

Он был серый, как туча, и лёгкий, как облако. Слон вздымал уши, как орёл, и трубил, радостно вытягивая хобот.

— Слон! — выдохнула Черепаха.

— Ту-ру-ру! — трубил Слон, подлетая. — Ту-ру-ру!
Доброе утро! Как поживаете? Я — Слон.

— Доброе утро! — крикнул Львёнок. — Я...

— Кто же вас не знает, глубокоуважаемый Ррр-Мяу?

— Доброе утро! — сказала Черепаха. — Я...

— Кто же вас не знает, дорогая Черепаха?

— Доброе! — буркнул Носорог: он не мог забыть крокодилов.

— Это наш друг Носорог, — сказал Львёнок. — У него — большое будущее.

— Очень приятно! Очень приятно! Что вы здесь делаете, в небе? Ту-ру-ру! — пел Слон.

— Путешествуем!

— Ах! Ах! Это — чудесно! — трубил Слон. — Обед в океане!

— А куда вы летите, глубокоуважаемый Слон? — спросил Львёнок.

— Сейчас — никуда! Если вы не возражаете, я полечу рядом, и мы чудесно побеседуем в утреннем небе.

— Давно из дома? — хмуро спросил Носорог. После встречи с крокодилами ему уже не очень хотелось путешествовать.

— С недельку.

— Где были?

— Ах! Ах! У пингинов! Поднявшись, я полетел строго на юг, и — представляете? — сразу за океаном — Страна Пингинов. Если б вы только знали, что это за изысканный народ!

— Как это? — спросил Львёнок.

— Все — во фраках! Представляете? Чёрный фрак, белая манишка, чёрные рояли на белоснежном снегу!..

«Рояли, — хмуро подумал Носорог. — А у нас — племяннички».

— И знаете? — трубил Слон. — Все — поют!

Солнце уже поднялось, но высоко в небе не было жарко.

— Хотите кофе? — спросила Черепаха.

— Благодарствую.

Слон взял кончиком хобота чашечку тонкого фарфора, которую ему предложила Черепаха.

— Представляете? Не успел я приземлиться: «Вы поёте?» — «Пою». — «Не откажите в любезности, спойте!» Если б вы только знали, как меня слушали!

«И этот артист, — насутился Носорог. — Все артисты».

— Потом были танцы! Господа — во фраках, дамы — в декольте! Восхитительно!

Носорог вздохнул и покрепче прижал к животу корзину.

Слон плавно вздымал уши, солнце сияло, и теперь уже все, а не только догадливый Носорог знали, что летят не куда-нибудь, а к Южному полюсу, в страну, где повсюду на сверкающем льду стоят распахнутые рояли и все жители с утра до ночи ходят в чёрных фраках, белоснежных манишках, трубят в трубы, играют на роялях и, конечно, поют.

Глава пятая —

*пятый сон Большой Черепахи, в котором
сверкают сахарными зубами распахнутые рояли*

К Стране Пингвинов подлетали в полдень — снежные горы сияли.

Пингины высыпали на берег, выстроились рядами, встречая гостей.

Слон снизился и, плавно поводя ушами, совершил круг почёта.

У подножья ледяных гор, сверкая клавишами, как большие чёрные птицы с поднятым крылом, застыли рояли.

Носорог парил в вышине.

Первым сел Слон.

Его сразу окружили пингины в чёрных фраках с белой грудью, дуя в золотые трубы.

Приземлился и Носорог.

Из гондолы на лёд плавно сошёл Львёнок, с поклоном подал лапу Черепахе.

Слон, сияя улыбкой и бивнями, представил пингвинам друзей.

— Дорогие пингвины! — сказал Слон. — Я привёз к вам знаменитого Львёнка Ррр-Мяу, прославленную Большую Черепаху и нашего друга Носорога, у которого большое будущее!

— Дорогие пингвины! — сказал Львёнок...

Но тут выскочил маленький Пингвинёнок, тоже во фраке и с бабочкой.

— А я вас знаю! — крикнул он Львёнку. — И вас! — обернулся к Черепахе. — А с вами, дорогой Носорог, очень рад познакомиться!

— Ту-ру-ру! — жмурясь от удовольствия, трубил Слон.

— А сейчас мы вас приглашаем на большой концерт, — сказал Пингвинёнок, — который мы дадим в вашу честь!

И гости уселись в специально приготовленные кресла, а пингвины задудели в золотые трубы, заиграли на сверкающих роялях, запели.

Слон танцует и поёт, —

пели пингвины, —

И садится, и встаёт,
Хобот вытянув, ложится,
Машет тоненьким хвостом,
Говорит:

«Зачем не птицей
Я родился,
А слоном?»

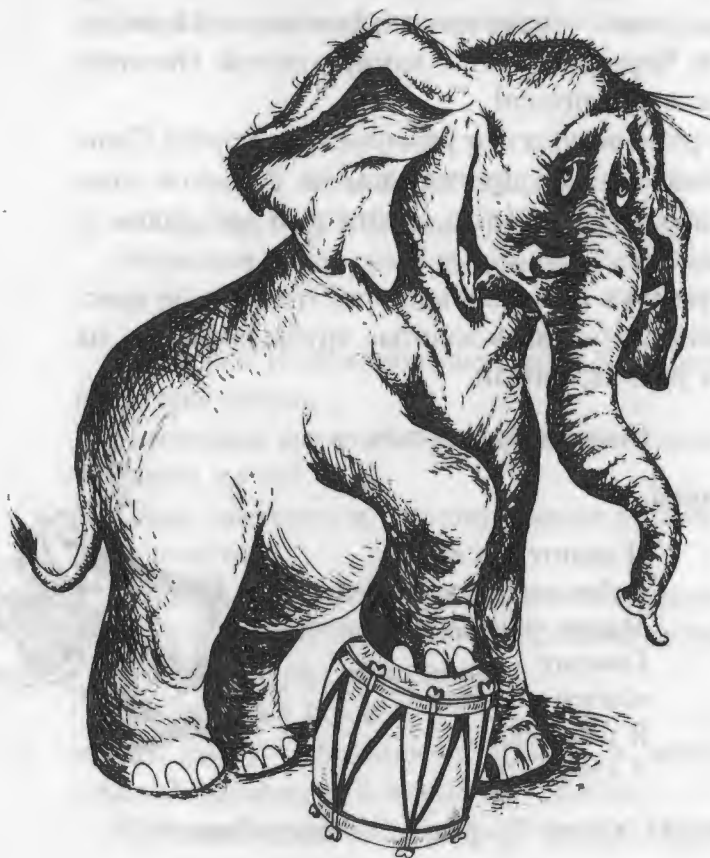
— Ай-яй-яй! Ха-ха! Ту-ру-ру! — сиял Слон.

И, не сдержавшись, с лёгкостью, неожиданной для
Слона, выпрыгнул из кресла, заплясал, запел:

Если б я родился птицей,
Я б на веточке сидел.
Если б я родился птицей,
Я бы к морю полетел.

Но его заглушил хор пингвинов.

На спине Кита большого, —
пели пингвины, —

Посидел, поотдыхал.
«Здравствуй, Кит! Слона такого
Ты когда-нибудь видал?»

— Вот это да! — шептал Носорог. Ему тоже хотелось петь, но он не знал слов.

— А ты спляши! — шепнула Черепаха.

И Носорог запрыгал вокруг Слона — вот было весело!

А тут ещё вступили Львёнок с Черепахой.

«Неужели этой птицей
Стать сумел огромный Слон?» —

пели они дуэтом. —

Кит подумал: «Не годится
Оставаться мне Китом».

Выпустил фонтан до неба, —

подхватили пингвины, —

Разогнал волну хвостом...

— Эх! Эх! — плясал Носорог.

...Размечтался:
«Ах, и мне бы
Превратиться
Тоже в птицу —
Что за радость быть Китом?»

«Мы б взлетели, полетели, —
пели уже все вместе, —

Птица-Кит и птица-Слон,
А устали — посидели,
Отдохнули среди волн».

Слон был счастлив.

Пингвины плясали, Носорог прыгал, Львёнок скакал по сверкающему льду верхом на Черепахе, они пели, и пингвины, и Носорог, и Слон им подпевали.

И тут все увидели в синем небе огромный чёрный дирижабль. Плавно помахивая хвостом, он снижался.

— Да это же Кит! Прилетел Кит! — радостно закричал маленький Пингвинёнок, и все бросились встречать Кита.

Когда Кит приземлился, его усадили в самое большое кресло, а когда зажгли свечи и был подан праздничный ужин, Кит кушал свой любимый планктон из самой большой тарелки, какая только нашлась в Стране Пингвинов.

Глава шестая —

*шестой, и последний, сон Большой Черепахи,
в котором появляется весёлый Ки-ку —
маленький Кролик с голубыми усами*

На утро, распрощавшись с пингвинами и Слоном, Львёнок, Черепаха и Носорог полетели на Север. И вот высоко в небе Черепахе приснился сон.

В жёлтой Африке, которую омывают синие моря и голубые океаны, под раскалённым солнцем сидел на песке весёлый Ки-ку — маленький Кролик с голубыми усами. На голове у него была соломенная шляпа, потому что в Африке большинство кроликов летом ходят в шляпах — такое там жаркое солнце.

Ки-ку сидел на песке и рисовал палочкой домик с окошками.

Высоко над ним сухо шелестели пальмы, а в соседнем болотце громко чавкал Гиппопотам.

«Вот, — думал Ки-ку, — сейчас я нарисую домик с окошками, а внизу — швейцара, точно такого, как я видел в городе Капатуки, когда ходил посмотреть на дедушкин памятник. На голове у швейцара должна быть фуражка с золотым шитьём, на груди — блестящие пуговицы, и по всему костюму — много-много полосок. Здесь надо нарисовать усы... а здесь — скамейку, чтоб он мог посидеть и отдохнуть...»

— А меня? — вдруг спросил кто-то сверху.

— Что — тебя? — не отрываясь от рисунка, переспросил Ки-ку.

— Нарисуй меня!

Кролик Ки-ку обернулся и увидел — ноги.

Потом посмотрел повыше и снова увидел — ноги.

Тогда он задрал голову так, что чуть не свалилась шляпа, и увидел на высокой шее — маленькую головку и аккуратные рожки.

— Кто вы? — спросил Ки-ку.

— Я — Жираф.

«Ха-ха!» — чуть не закричал Кролик. Ему только прошлой ночью приснилось, что он познакомился с Жирафом.

— Здравствуйте, Жираф! — сказал он. — Я — Кролик Ки-ку. Я вас обязательно нарисую, только с одним условием...

Жираф нагнул шею и поднял ухо.

— Я забыл, какие занавески на окнах в городе Капатуки. Мне бы очень хотелось посмотреть, какого они цвета!

— А когда ты узнаешь, ты меня нарисуешь?

— Конечно! — сказал Кролик. — Места много! — И показал лапой на пустыню.

Жираф вытянул шею и долго что-то разглядывал вдали.

Потом сказал:

— Они — в клеточку!

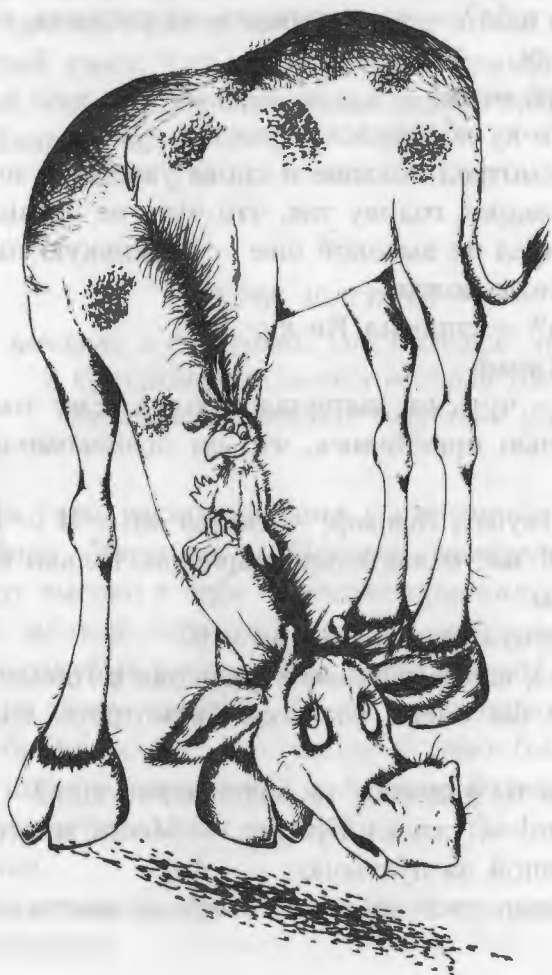
— А какого они цвета?

— Жёлтые!

— Очень хорошо, — сказал Кролик. — Но мне бы самому тоже хотелось взглянуть...

Жираф пригнул к земле голову, Ки-ку уселся ему на шею, ухватился лапами за маленькие рожки и взлетел высоко в небо — выше кокосовой пальмы.

Весь город Капатуки был виден как на ладони.

Кролик сразу разглядел и дом с окошками, и красивого швейцара внизу, и занавески на окнах в жёлтую клеточку, но спускаться ему не хотелось, и он сказал:

— Жираф! А вы не могли бы ещё немножко вытянуть шею? Я не вижу центральной площади!

— А зачем тебе центральная площадь?

— На центральной площади — памятник моему великому деду. Он был — знаменитый художник!

И Жираф встал на цыпочки.

— А теперь? — спросил он.

— Очень хорошо видно! Пойдите так ещё немножко!

Целый час Жираф стоял на цыпочках, а Ки-ку разглядывал памятник своему великому деду...

Потом Жираф вышел на середину пустыни, и Кролик попросил его лечь на песок.

— Ты — лежи, а я тебя обведу палочкой, — сказал он. — А когда встанешь — получится твой портрет. Так они и сделали.

— Вы меня очень хорошо нарисовали. Я здесь — как живой! — сказал Жираф, подымаясь. — И кто вас научил так хорошо рисовать?

— Я могу тебя рисовать каждый день, — сказал Ки-ку. — Мне не трудно! А ты мне будешь показывать разные города.

— Конечно! Конечно! — сказал Жираф.

И на следующее утро, чуть свет, он явился на очередной сеанс — то есть попросту пришёл и плюхнулся посреди пустыни. А Кролик Ки-ку быстро обежал его с палочкой, а потом целых два часа любовался городом Тапергу, в котором тоже был памятник его великому деду.

Ветер в то лето дул высоко, песок лежал неподвижно, и вскорости Ки-ку зарисовал жирафами всю пустыню.

И когда Львёнок и Черепаха с Носорогом возвращались из Страны Пингвинов, они очень удивлялись, потому что сверху им были видны одни жирафы.

ПИРАТЫ И ЛЬВЁНОК

Сказка

с пиратами, песнями, ураганом,
пальбой из пушек и пистолетов
в девяти главах

Гремит океан, садится солнце.

На горизонте — еле видная точка.

Она приближается.

Вот уже стали видны серебряные фонтаны воды.

Кто это?

Это — Китёнок!

Он ударил хвостом, подплыл к берегу и... запел.

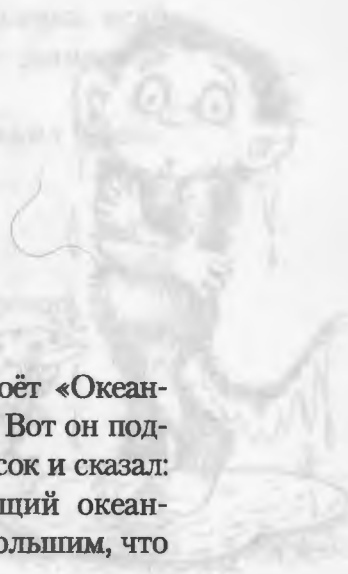
Солнце село на волну,
Солнце село на волну, —

пел Китёнок. —

Золотой копной соломы
Медленно пошло ко дну.
Солнце утопает,
Солнце утопает...
Даже чайки не кричат...
Солнце в море утопает,
Лишь соломинки торчат.

Где это видано, чтобы киты — пели?

Но в нашей сказке Китёнок не только поёт «Океанскую песню маленького Кита», но и говорит. Вот он подплыл к самому берегу, положил голову на песок и сказал: — Здравствуйте! Я — Китёнок, настоящий океанский Кит. Когда я вырасту, я стану таким большим, что

не вмещусь в книжку, но и вы подрастёте, и мы уже никогда не встретимся. А пока... пока мы маленькие — слушайте: сейчас сюда, на берег океана, должны прийти мои друзья — Львёнок и Попугай. Я хочу покатаь их на океанских волнах. Где же они?..

И Китёнок выпустил сверкающий фонтан, ударил хвостом и отплыл от берега.

*Глава первая,
в которой Обезьянка съела снег
на горе Килиманджаро*

А в это время Львёнок бежал, продираясь сквозь лианы джунглей, следом летел Попугай.

— Не торропись, Львёнок! — хрипло кричал Попугай. — Всё-таки я — старррая птица!

— Не отставай! — Львёнок перепрыгнул через поваленное дерево и... замер.

— Кто? Что? — подлетел Попугай и... увидел Обезьянку. Она дрожала.

— Кто ты? — склонился к Обезьянке Львёнок.

— Я — Об-об-оббезьянка, — стуча зубами, сказала Обезьянка. — Ммне ххолодно!

— Холодно?

— В Африке?!

И Львёнок с Попугаем так захотали, что повалились и стали кататься по траве.

— Ммне ббыло ж-жарко, — сказала Обезьянка. — Я-я ввлезла на гору Ккк... Килиманджаро и поела снегу. Он т-такой чистый, рассыпчатый!..

— Слышишь? — обернулся к Попугаю Львёнок. — А я иду, смотрю — на Килиманджаро, на самой высокой горе в Африке, совсем нет снега! А это его Обезьянка съела!

И Львёнку с Попугаем стало до того весело, что они принялись петь и плясать:

Обезьянка съела снег
На горе Килиманджаро,
Вот умора —
Съела снег
На горе Килиманджаро!

Я живу триста лет, —
кричал Попугай. —

Целый век и два столетья,
Но клянусь: такой на свете
Вррушки не было и нет!

— Я ппправда ппоела сснегу... — еле выговорила Обезьянка. — И ввот... и ввот... я уммираю!..

Львёнок убежал, но сразу вернулся с целой горой листьев. Его совсем не было видно.

— И-и-и-и! — в ужасе завизжала Обезьянка: если бы не самый кончик хвоста, никто бы не догадался, что это Львёнок.

А Львёнок быстро расстелил листья, уложил Обезьянку, укрыл другими листьями, спросил:

— Согрелась?

— Нннет!

Всё дрожит, и дрожит, и дрожит, и дрожит, —
запел Попугай, —

Значит, холод по жилочке каждой бежит,
Значит, надо её обогреть костерком
И горячим поить молоком!

— Возьми, — сказал он Львёнку.

— Что это?

— Камень. Дерржи крррепче! — И Попугай замахнулся другим камнем. — И-и-и!..

— Постой, — сказал Львёнок. — Давай лучше я скажу: «И-и-и!»

— Давай!

— И-и-и!.. — затянул Львёнок.

Попугай разбежался и со всего маху ударил камнем о камень:

— Ррр-раз!

— И-и-и!.. — запел Львёнок.

— Ддд-два!

— И-и-и!.. — в третий раз затянул Львёнок.

— Ч-что эт-то ввы дделаете?

— Огонь добываем.

— Трр-ри! — ударил Попугай.

Выскочила громадная искра, вспыхнул огонь, а Попугай уже сидел на кокосовой пальме.

— Сам себе котелок, — подхватывая орех, сказал Львёнок. — И молочко кокосовое внутри! Поставим на огонь... А вот уже и всё вскипело!

И он подсел к Обезьянке и стал поить её горячим кокосовым молоком.

— Моя бабушка, — заверещал Попугай. — Моя баб-бушка двести лет назад говор-рила: «Если прро-студишься, поп-пей гор-рячего молочка, а если не пом-может...»

— Ч-что ттогда? М-мне не п-помогает! — жалобно так сказала Обезьянка.

— Забыл.

— Вспомни! — попросил Львёнок.

И вдруг Попугай задрезжал, запел старушечьим голосом:

Ты нас, ветер, не пугай,
Спи, мой птенчик, попугай,
Спи, мой птенчик,
Спи, мой птенчик,
Разноцветный попугай!

— Вспоминать надо, а ты поёшь не своим голосом! — сказал Львёнок.

— Я бабушкиным голосом пою, чтобы лучше вспомнить.

И стал петь дальше:

Спят жирафы и слоны,
Попугаи спать должны,
Попугаи,
Попугаи
Тоже ночью спать должны...

— В-вспомнил? — спросила Обезьянка.

— Нет. Погоди!

...Лвята спят и видят сон:
К ним во сне приполз питон.
Ах, питон,
Змея большая,
Ты зачем забрался в сон?

— Долго ты ещё про удавов петь будешь? — рассердился Львёнок. — У нас Обезьянка замерзает, а ты...

— Не мешай! Мне баб-бушка эту песню двести лет назад пела!

Спи, мой птенчик, попугай,
Пусть тебе приснится край,

Где цветёт весною липа,
Липу ты не забывай!.. —

И закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! Вот слушайте!

Спи, мой милый, засыпай!
А простынешь —
Вспомнишь липу,
Золотой заварить чай!

Львёнок! Обезьянка! Слышите?

Но Львёнок и Обезьянка под попугайскую колыбельную давно уже спали. Ещё бы! Ведь колыбельной попугайской было двести лет! И за двести лет она стала такой колыбельной, что и не захочешь, а сразу уснёшь.

— Хр-рапят!.. — пробормотал Попугай.

И, промурлыкав себе под нос: «Спи, мой птенчик, засыпай!» — тут же уснул.

Глава вторая, в которой появляется пиратский Лис

Чёрная африканская ночь. Потрескивая, дотлевают угли в золе. Из-за деревьев появляется лёгкая тень. Тень скользит от дерева к дереву... Головешка в костре вспыхнула, и мы увидели — Хромого Лиса. На голове — туго завязанный, как носят пираты, платок, в ухе — серьга, под мышкой — кривой костыль.

Хромой Лис начинает неслышно танцевать, почти беззвучно петь:

Карамба! Карамба!
Я — Хромой пиратский Лис,
Корабельных съел я крыс,
И за это атаман-капитан

Мне сказал:
«А ну катись!
Ты на дне повеселись,
Если съел ты, негодяй,
Наших крыс!»

Ну кто же знал, что эти крысы у него любимые? —
Хромой Лис пожал плечами, скорчил страшную рожу,
стал петь дальше:

И меня швырнули за борт,
Я скорей поплыл на берег,
Тут меня подвёз Китёнок
На своей большой спине.

Если б не было Китёнка,
 Утонул бы я, конечно,
 И заплакали б, наверно,
 Все медузы обо мне.
 Карамба! Карамба!
 Лис пиратский, хромоножка,
 Плавал я под кличкой Крошка...

— И-и-и!.. — проснувшись, завизжала Обезьянка.

— Ох! Наступил на кого-то. Спрячусь. — И Хромой Лис скользнул за дерево.

— Где? Кто? — вскричал Львёнок.

— И-и-и-и!.. Хвост прищемили! Прищемили хвост! — пищала Обезьянка.

— Успокойся. Здесь нет никого. — Львёнок огляделся.

— Нет никого! Нетт никкого! — закричал Попугай. — Я вспомнил! Вспомнил! Моя бабушка! Моя бабушка говорила: если не поможет горячее молочко, нужен... нужен... — Тут Попугай откинул голову и прикрыл глаза. — Нужжен золотой чай!

— Чай из золота? — спросил Львёнок. — А такое бывает?

— Из золотых цветттов! — крикнул Попугай. — Которррые рррастут на деррреве!

«Золото! Послушаем», — подумал Лис и удобнее устроился за деревом.

— Только где его достать? — вслух размышлял Попугай.

— Ах! Я умираю! — Обезьянка упала навзничь и закрыла глаза.

— Обезьянка! Обезьянка! — кинулся к Обезьянке Львёнок. — Не умирай! Очнись! Я привезу тебе золотой чай!

— Ты... ппривезёшь? — Обезьянка открыла глаза.

— Да! Да! На севере океана есть остров. На нём растёт такое дерево! На этом дереве весной распускаются золотые цветы!

— Золотые цветы, — неслышно повторила Обезьянка.

— С моим другом Китёнком мы поплывём к острову! Я нарву золотых веток и привезу их тебе! Из золотых цветов мы заварим золотой чай!

«Сколько золота!» — подумал за деревом Хромой Лис.

— Мы нальём его в круглые кокосовые орехи, — говорил Львёнок, — и будем медленно пить. Глоток за глотком! Кто его выпьет — сразу выздоровеет, грустный — развеселится, старый — вмиг станет молодым. Ты выздоровеешь! Ты...

И Хромой Лис за деревом стал прикидывать, что же будет, если ему удастся хлебнуть такого чайку. «Перестану хромать? Брошу костыль? Ну, атаман-капитан, держись!..» И Хромой Лис погрозил в чёрную африканскую ночь кривым костылём.

А Львёнок давал последние наставления Попугаю:

— Глаз не своди с Обезьянки. Понял?

— Понял, — сказал Попугай.

— Ждите меня на берегу. — И Львёнок убежал.

— Будь спокоен, — важно прикрыв глаза, сказала вслед старая птица. — Моя бабушка... Моя бабушка... — И захрапел.

Обезьянка давно спала.

Тут из-за дерева вышел Хромой Лис. При свете звёзд было видно, как у него сверкают глаза.

— Я знаю, пираты сейчас завернули за мыс Удачи и стоят в бухте Покоя, — сквозь зубы процедил Лис. — Если пробежать по берегу, а потом вплавь...

И тут он услышал — или ему показалось? — океанскую песню маленького Кита, того Китёнка, который спас его в океане...

— Нет-нет! — помотал головой Лис. — Нет!

И стал думать снова о том, что надо перехватить Львёнка в открытом море, когда они будут подплывать к острову...

— Вперёд! — скомандовал сам себе Хромой Лис и вдруг, неожиданно для себя, запел океанскую песню спасшего его Китёнка:

Солнце утопает,
Солнце утопает,
Даже чайки не кричат...
Солнце в море утопает,
Лишь соломинки торчат.

*Глава третья,
в которой Львёнок уплывает верхом на Ките*

Ночной океан молчал.

По лунной дорожке медленно плыл Китёнок и тихонечко пел:

Ах, Львёнок, Львёнок, Львёнок,
Куда он деться мог?
Как жаль, что у Китёнка
Есть хвост и нету ног.
Я сел бы на песочек,
Надел бы сапоги,
Но, как назло, не дали
Мне ни одной ноги.

И тут из джунглей на берег выбежал Львёнок.

— Китёнок! Китёнок! — закричал он. — Плыви скорей к берегу!

Китёнок подплыл:

— Где ты был, Львёнок? Что случилось?

— Не спрашивай! Всё расскажу в пути. Вперёд! На север!

И Львёнок прыгнул на спину Кита. Китёнок ударил хвостом, и они понеслись.

Океан был весь в лунном дыму.

Было так красиво, что оба молчали.

И только когда стало подниматься солнце, Львёнок рассказал маленькому Киту о заболевшей Обезьянке, о Попугае, который остался её сторожить, и о золотом острове, куда они теперь плывут.

— Привяжись покрепче лианой, — сказал Китёнок, — чтобы тебя не смыла волна.

— А где у меня лиана?

— Эх! — огорчился маленький Кит. — Мне надо было это сказать на берегу.

И как раз в это время выбежал на берег Хромой Лис. Он встал, опираясь на кривой костыль, и долго глядел, прищурившись, на просыпающийся океан. И вдруг — взмахнул костылём, заплясал, запел:

Я всё-таки пиратский Лис,

Хотя я и хромой.

Сейчас подует лёгкий бриз —

И я вернусь домой.

Мой дом — карамба! — океан.
Корабль пиратский мой
От южных ветров вечно пьян,
От волн всегда хмельной.
Поднять, пираты, паруса
И всех свистать наверх!
Вам Лис покажет чудеса,
Хромой — ха-ха! — вот смех!

И Лис вбежал в океан и поплыл к мысу Удачи, чтобы свернуть в бухту Покоя, где стоял теперь на якоре пиратский бриг.

*Глава четвёртая,
в которой Хромой Лис становится атаманом*

Чуть рассвело — и на палубу пиратского корабля с бочкой на плече, как пробка из бутылки, — пы!.. — из трюма вылетел Кабан: на голове — турецкая феска, за поясом — пистоль.

Кабан искоса глянул на океан, на солнце, запел:

Я — Кабан,
Я — злодей,
Утопил я сорок девять кораблей!
Ухх!.. —

И — пропал в трюме.

Вихляясь, с маленьким бочонком под мышкой вышла Собака:

Наберём водички свежей
И покинем побережье,
Растворимся, как в тумане, как в тумане,
В океане...

БАХ! — грохнул выстрел, Собака присела, из бочонка — фонтанчиком — струйка воды.

— Ккабан ббалуется! — заикаясь, сказала Собака и уползла в каюту.

А на палубу выскочил Рыжий Кот в красной шляпе, в кружевном воротнике и высоких ботфортах. Он снял шляпу, плюнул, пригладил на лысине три волоска, заорал:

Я — ужасный, я — пиратский,
Океанский атаман,

Повидал я три десятка
И ещё пятнадцать стран.
Сжѣг двенадцать деревенок
И ограбил три казны,
На моём пиратском бриге
Трюмы порохом полны!
Утром делаю зарядку
И разбойником свищу!.. —

Тут Кот снова пригладил три волоска и печально закончил:

А под вечер вспомню бабку
И тихонько загрузу...

Замолчал, походил по палубе и вдруг вновь заорал:

Злодеи! Злодеи!
Ко мне, мои злодеи!

И тут же на палубе появились Собака и Кабан,
положили Коту лапы на плечи, заплясали, запели:

Мы — пираты, мы — злодеи, мы — злодеи.
Ха-ха-ха!
В море нет злодеев злее и храбрее.
Ха-ха-ха!
С нами был пиратский Лис...

— Съел моих любимых крыс! — зло сказал Кот.

Мы его швырнули за борт,
Крикнули: «А ну катись!» —

подхватили все и забились в чечёточке. —

Ча-ча-ча!
Ча-ча-ча!
Кровь злодеев горяча!
Ха! —

Выхватили пистолы, пальнули в небо, а над дальним бортом появилась голова Хромого Лиса.

Лис вскарабкался на борт, встал на фальшборте, опираясь на кривой костыль, крикнул:

— Карамба! Приветствую дорогих друзей!

Пираты застыли.

— Чур! Чур меня! Чур! — в ужасе зашептал Кот.

— Чур! Чур! Чур! — отпрянули Кабан с Собакой.

— Ха-ха! Испугались? — крикнул Лис. — Не пугайся, атаман, я пришёл извиниться за твоих многоуважаемых крыс! — И Лис склонился на фальшборте в самом изысканном поклоне.

— Это — утопленник! — дико завизжал Кот. — Мммя-я-у! Полундра!

Пираты прижались к шлюпке, бежать дальше было некуда.

— Я знаю, что надо сказать утопленнику, — зашептала Собака.

— Говори!

Брамстенъга, бочка, фок и грот,
И — сразу всё наоборот!

Сгинь! — крикнула Собака.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Хромой Лис. Все подхватили собачьи слова и закричали:

Брамстенъга, бочка, фок и грот,
И — сразу всё наоборот:
И грот, и фок, и бочка,
Исчезни вмиг — и точка!

Лис хохотал; пираты дрожали так, что тряся корабль.

— Эх ты, лысая кошка, карамба! — сказал Лис. — Утопленники разве хромают? Смотри! — спрыгнул с фальшборта, пошёл по палубе, опираясь на костыль.

Кот, разрывая тончайшие кружева на манжетах, выхватил пистоль:

— Не подходи!

А сам отступал, отступал, пистоль дрожал в его лапе.

— А-а-а! — закричал Кот, когда отступить стало некуда, и выронил бы пистоль за борт, если бы Лис не подхватил его.

— Держи, карамба! — бросил пистоль Кабану. — Ха-ха-ха!

И снова заплясал, запел:

Карамба!
Карамба!
Лис пиратский, хромоножка,
Плавал я под кличкой Крошка,
Знаю океаны наизусть.

Не боюсь ни урагана,
 Ни грозы, ни атамана —
 Ничего на свете не боюсь!

Кот спокойно надел шляпу:

— Это он!

— Он... — выдохнула Собака.

— Ухх! — ухнул Кабан.

— Взять его! — спокойно сказал Кот.

— Ну, тихо! Ну, спокойно! — заулыбался Хромой Лис. — Я знаю, как найти Золотой остров.

— Ах-х! — ахнула Собака.

— Из чистого золота! Потому что каждый листочек на каждом дереве там — сто монет!

— Ухх! — ухнул Кабан.

— Врёшь! — рывкнул Кот.

— Кровь пролью! Карррамба! — Лис выхватил нож, полоснул по лапе. — Вот!

— Веди нас! Веди! — завизжала Собака.

— Ухх! Вот настоящий атаман!

— Лис — атаман! Я знала! Я чувствовала! — Собака сорвала красную шляпу с Кота и с поклоном подала Лису. — Да здравствует новый атаман!

— Да здравствует! — пробормотал Кот. Плюнул на лапу, пригладил лысину. — Ну, Собака!..

А Хромой Лис взбежал на мостик, крикнул:

— Надо перехватить Львёнка с Китом в океане! Когда они будут подплывать к острову! Вперёд!

И запел:

Поднять, пираты, паруса,
 И всех свистать наверх!
 Вам Лис покажет чудеса,
 Хромой — ха-ха! — вот смех!

И, отбивая чечётку, спустился на палубу, и все заплясали вместе с ним, запели, а Кот без шляпы плясал и пел жарче всех.

O, how do you do,
На остров вас веду! —

кричал Лис. —

Там всё в сиянье золотом
На острове на том!

На мачтах взвились чёрные паруса, под клотик взлетел пиратский флаг с костями и черепом, и пиратский бриг, отсалютовав из пушек, двинулся к Золотому острову.

*Глава пятая,
в которой пираты берут в плен Львёнка*

Каждый день солнце поднималось справа и заходило слева, — это потому, что Львёнок с маленьким Китом плыли прямо на север.

К счастью, океан был спокоен — иначе как бы удержался Львёнок на спине у Кита?

На третьи сутки на горизонте показался Золотой остров.

Я — Львёнок, я — Львёнок,
Я — Львёнок молодой, —

заплясал, запел Львёнок. —

Я вижу в океане
Остров Золотой!

— И я! Я тоже вижу!

И тут — плюх! — ядро из пиратской пушки подняло фонтан слева от Кита, и только через мгновение они слышали грохот.

«Как же я не заметил пиратов? — изумился Львёнок. — Откуда они взялись?»

Правда, Львёнок никогда прежде не видел пиратов, но он сразу догадался, что это — они: у кого ещё будут такие чёрные паруса, такой страшный флаг?

— Держись, Львёнок! — крикнул Кит. — Мы уйдём от погони!

Но не так-то просто было уйти от пиратов. Они неслись на всех парусах, палили из пушек и, обнявшись за плечи, плясали на полубаке:

Мы — пираты, мы — злодеи, мы — злодеи.

Ха-ха-ха!

В мире нет злодеев злее и храбрее.

Ха-ха-ха!

И тут Собака пальнула из пушки, и ядро просвисело прямо над ухом Львёнка.

— Поворачивай! — крикнул Львёнок. — Их надо увести от острова!

Он сразу догадался, что пиратам нужен Золотой остров, а иначе зачем бы они гнались за ними в океане?

Но пираты уже настигли маленького Кита.

— Вперёд! На abordаж! Кидай сеть! — крикнул Хромой Лис, и Собака с Кабаном накрыли Львёнка огромным сачком.

— Пустите! Пустите меня! — зарычал Львёнок. Но его уже потащили на палубу.

— Льва — к мачте! — распоряжался Лис. — Морским узлом. По Кита — огонь! Пли!

Собака пальнула.

— Мазила! — крикнул разжалованный Кот. — Дай-ка я.

И сам забил банником ядро в пушку.

Ча-ча-ча!

Ча-ча-ча!

Кровь злодеев горяча! —

выбивали чечёточку Кабан и Собака.

— Цельсь! — крикнул Лис.

Собака с горящим фитилём прыгнула к пушке.

— Огонь!

Но Китёнок изловчился и в этот самый миг ударил корабль хвостом — бух!

Рухнула мачта, пираты чуть не слетели в воду, а Львёнок схватил банник и стал им лупить пиратов:

— Вот вам! Вот! Вот!

— Держись! — кричал маленький Кит. — Сейчас они все пойдут ко дну!

Но тут Кот набросил на шею Львёнка петлю, перекинул верёвку через рею, дернул...

— Ой! — привстал на цыпочки Львёнок.

— Кит! — заорал Кот. — Подойдётся — вздёрну Льва на рею!

Ча-ча-ча!

Ча-ча-ча! —

снова заплясали пираты.

А Китёнок отплыл в сторону и грустно-грустно запел:

Солнце село на волну,

Солнце село на волну...

Золотой копной соломы,

Золотой копной соломы...

«Карамба! — вскричал про себя Лис. — Ведь это же мой Китёнок! Китёнок, который спас мне жизнь... Но я же не Собака и не Кабан, чтобы забыть добро...»

— Пираты! Слушай мою команду! — крикнул Лис. — Отпустить Льва!

— Отпустить Льва? — изумился Кот.

— Льва? — завыла Собака.

— Ухх! С ума сошёл! Вон у меня какая шишка!

— И у меня!

— А это? — И Кот показал багровую ссадину на лысой башке.

— Вздёрнуть Льва! Вздёрнуть!

— На рею! — закричали все.

Хромой Лис выхватил два пистоля и взвёл курки:
— Кто атаман?

Но Собака на животе проползла Лису за спину и ударила его пистолем по голове. Лис пошатнулся, упал...

А Собака подобрала с палубы красную атаманскую шляпу и, низко кланяясь, протянула её Коту:

— Ваша, Ваш Вышество...

Кот медленно надел шляпу:

— Льва — в клетку! Будет заложником! Вперёд!

Мы — пираты, мы — злодеи, мы — злодеи.

Ха-ха-ха!

В море нет злодеев злее и храбрее.

Ха-ха-ха! —

запели пираты. Собака встала к штурвалу, и пиратский корабль понёсся к сияющему вдали Золотому острову.

Бедный Китёнок плыл следом и тихонечко пел:

От китовых усов до хвоста

Вся надежда теперь на Кита!

Как же быть мне

И что же мне делать —

Подскажите Китёнку, друзья, —

На корабль не взобраться пиратский

И на сушу мне выйти нельзя...

Глава шестая, в которой Собака поёт песню

Пиратский бриг подошёл к Золотому острову.

С капитанского мостика остров был весь как на ладони и сиял, как двойной испанский пиастр.

Грустный Львёнок сидел, запертый в клетке; рядом — прикрученный к мачте, томился Хромой Лис.

Эй, командуй, атаман,
Якорь бросить в океан! —

завизжала Собака.

— Отдать якорь! — приказал Кот. И пираты с песней кинулись выполнять команду:

Этот остров был ничей,
Нынче — остров богачей!
Пляши — хохочи,
Мы теперь богачи!

— Убрать паруса!

И Кабан с Собакой взлетели на реи.

Срежем ветки золотые —
Снова станем молодые! —

пели они. —

Пляши — хохочи,
Мы теперь богачи!

— Хорошо ли прикручен Лис?

— Ух! Ух! — доложил Кабан.

— Надёжно ли заперта клетка?

— Не извольте беспокоиться, Ваш Выпство!.. —
склонилась в поклоне Собака.

— Спустить шлюпку!

Нам богатство привалило —
Ча-ча-ча!
Не найдёшь нигде богаче
Богача! —

завыли пираты, и шлюпка закачалась на лёгкой волне.

А Хромой Лис, извиваясь у мачты, незаметно перетирал верёвку.

«Ещё чуть-чуть, — думал Лис, — и — свобода!»

— Слушай мою команду! — крикнул Кот. — Я и Кабан...

— И я! — твякнула Собака.

— Ты остаёшься! Если Кит подойдёт к нашей шлюпке, застрелишь Льва. Слышишь, Кит?

— Слышу!.. — глухо донеслось до пиратов.

Китёнок кругами ходил вокруг корабля и не знал, что ему делать.

— Да здравствует атаман! — завопил Кабан, и Кот первым сошёл в шлюпку.

Кабан прыгнул следом, а Собака заплясала, запела:

Я — злая,
Я — злая,
И это каждый знает,
И это каждый знает,
Что нет Собаки злей.
Не лаю,
Не лаю,
Но как врага узнаю —
Кидаюсь,
Кусаю
Сильнее сотни змей!

И пока она пела-плясала, Хромой Лис освободился от верёвки и, когда она закончила петъ-плясать, так огрел Собаку кривым костылём, что она шмякнулась на палубу и замолчала.

— Выходи, Лев! — сказал Лис и открыл клетку.

— Ты... Ты зачем меня выпускаешь? — изумился Львёнок.

— Не твоя забота! Каррамба! Зови своего Кита и проваливай!

— Кит! Маленький Кит!

— Я здесь, Львёнок! Прыгай!

— Сейчас! Сейчас!.. Нет! — Львёнок вдруг остановился. — Никуда не уйду!

— Ты что — каррамба! — спятил? — изумился теперь Хромой Лис.

— Никуда не уйду! — повторил Львёнок и показал на Золотой остров. — Вон они уже всю липу оборвали! А без золотых цветов для Обезьянки я не уйду!

И тут над бортом появилась голова Кабана.

Лис мгновенно затолкал Львёнка в клетку, захлопнул дверцу, сам встал к мачте.

— Ух! Ух! Собака, помоги! — заухал Кабан.

— Её нет.

— Ух!.. А где она?

— Поплыла к вам, — сказал Лис.

— Ух! Ух! Как?!

— По-собачьи.

— Ух... Ладно. Помоги ты.

— Я не могу, я привязанный.

— Ух!.. Ладно, я сам...

И Кабан перебросил через борт охапку золотых веток. «Куда же подевалась Собака?» — бормотал Кабан, гребя к берегу.

А Хромой Лис снова выпустил Львёнка:

— Вот тебе золотые цветы, каррамба! А теперь — проваливай!

— Я здесь! Прыгай, Львёнок! Бежим!

— Бежим с нами, Храбрый Лис, — сказал Львёнок. — Тебе несдобровать!

— Семь бед — один ответ, — усмехнулся Лис и запел:

Мой дом — карамба! — океан,

Корабль пиратский мой

От южных ветров вечно пьян,

От волн всегда хмельной...

Проваливай! Каррамба! Лечи свою Обезьянку!

— Прощай, Храбрый Лис! Я никогда тебя не забуду! — И Львёнок с охапкой золотых веток исчез за бортом.

— Спасибо, Лис! — донёсся голос маленького Кита.

— Это тебе спасибо, Китёнок! — пробормотал Лис и, усмехнувшись, добавил: — Не мог же я поступить иначе...

Он прошёлся по палубе, затащил в клетку оглушённого пса, задвинул засов и улёгся на куче золотых веток, закинув лапу на лапу.

Глава седьмая,

*в которой Храбрый Лис отказывается
быть пиратом*

Пригревало солнце, тихонько плескала в борт волна...

Хромой Лис задремал.

Его разбудил голос Кота:

— Собака, трап! Эй, Собака!

И, не дождавшись трапа, на борт вскарабкались Кот и Кабан с охапками золотых веток.

Ух!..

Пляши-хохочи,

Мы теперь богачи! —

было запел Кабан, но тут же умолк, оглядываясь.

И Кот, бросив свою охапку, завертел головой в красной атаманской шляпе:

— А где?.. А кто э-э-э... Собаку?

— Я, — сказал Лис.

— Как?!

— Молча. Она — спела, я её — по башке: ты же знаешь, каррамба, как она плохо поёт?

— Ух! Ух! Где Лев? — заухал Кабан.

— Сбежал, — спокойно сказал Лис.

— Да ты знаешь, что мы с тобой сделаем?! — завопил Кот. — Разоружить!

Кабан кинулся к Лису, но тот вскочил на бочку, выхватил пистоль:

— Назад!

И заплясал, запел:

Каррамба!

Каррамба!

Лис пиратский хромоножка,

Плавал я под кличкой Крошка,

Знаю океаны наизусть.

Не боюсь ни урагана,

Ни грозы, ни атамана —

Ничего на свете не боюсь! —

и кинул пистоль Коту.

— На! Возьми! — сказал Лис. — Ну что тебе, жалко, что ли? Какая-то Собака... Какой-то Львёнок... Ну, сбежал... Скажи, Кабан! Да на что они нам?

Кот засунул пистоль за пояс, прищурившись, поглядел на Хромого Лиса, тихо сказал:

— Взять его!

— Я тебе — пистоль, а ты — взять! Лысая, каррамба, кошка! — усмехнулся Лис.

Кабан кинулся, схватил Лиса.

— Из-за этого болвана, — сквозь зубы процедил Кот, — теперь не мы одни будем знать дорогу

к Золотому острову. Ведь на следующий год здесь снова распускаются золотые цветы!

— Золотые, Ваш Вышство! — очнулась Собака.

— Ожила? Выходи! Лиса — в клетку! — приказал Кот.

— Не золотые! Не золото это! — крикнул из клетки Лис.

— Как?

— А так! Обыкновенные цветы обыкновенной липы! Только в руках друзей они становятся чистым золотом дружбы! А вы разве друзья? Обыкновенные злодеи!.. Всѐ! Не пират я больше!

И Лис, вцепившись когтями в прутья клетки, запел:

Всю жизнь я был пиратом,
Но понял под конец:
Богатство — это братство
Преданных сердец.

— Молчать! — завопил Кот. — Сейчас мы тебе придумаем самую страшную казнь!

— Придумывайте, — усмехнулся Храбрый Лис.

И запел:

Если сердце злое,
Замысел жесток,
Золото любое —
Пепел и песок!

— Атаман! — завизжала Собака. — Гляньте-ка!

И все увидели, как прямо на глазах куча золота на палубе стала тускнеть.

— Ух!.. Наше золото!..

— Наше золото! — завыл Кот. — Это колдовство! Это Лев с Китом! Поднять паруса! В погоню!

Собака прыгнула к штурвалу, Кабан, Кот — на реи, и чёрный пиратский бриг рванулся в погоню.

Глава восьмая,

в которой сверкают молнии и грохочет гром

Никто не помнил такого шторма! Это был не шторм — ураган!

Не успели пираты отойти от Золотого острова, как набежали тучи, засверкали молнии и грянул гром. И волны, одна больше другой, стали захлёстывать корабль.

А Кит с Львёнком давно уже были в открытом океане.

— Они за нами гонятся! — оглядываясь, крикнул Львёнок.

— Держись, Львёнок! За нами гонится ураган!

«Только бы уберечь ветки!» — думал Львёнок.

И сам не понимал, как ещё держится на спине у Кита.

— Держись! Держись! — кричал Китёнок.

— Я держусь! Держусь!

И тут их с головой накрыла волна.

— Китёнок! Китёнок! Унесло ветки! Все до одной!

«Держись! Держись!» — шептал Китёнок. И просил всех добрых волшебников, чтобы они сохранили, спасли Львёнка.

А ветер выл, вздымались целые водяные горы, и чёрный пиратский бриг терпел бедствие.

— Мы тонем! Тонем!.. Ух!.. — ухал Кабан.

— Спасите наши души! — визжала Собака.

— Без паники! — орал Кот. — Рубить мачту!

Пираты свалили мачту.

— Ух!.. В трюме по шею воды, атаман!

— Груз — за борт!

Выбросили бочки.

— Вода прибывает! — скулила Собака.

— Лиса — за борт!

— С клеткой, Ваш Вышество?

— Живей! — кричал Кот.

Столкнули за борт клетку с Хромым Лисом, и тут рухнула вторая мачта, и пиратский парус, как чёрную птицу, унёс ураган.

— А-а-а!.. Наш парус!.. Спасите!.. — взвыли пираты, и корабль без мачт пропал в волнах.

А ветер выл, молнии сверкали, грохотал гром, и вдруг — на гребне самой большой волны — молния высветила Хромого Лиса.

Он был страшен!

Мокрый, взъерошенный, Лис вцепился когтями в прутья клетки и, сверкая зубами, пел:

Каррамба!
Не боюсь ни урагана,
Ни грозы, ни атамана —
Ничего на свете не боюсь!

*Глава девятая,
и последняя, в которой всё хорошо кончается*

Как спокоен океан после большого шторма!
Ну кто бы подумал, что по этой ласковой глади
ходили водяные горы?

Грустный Львёнок сидел на берегу, рядом положил голову на песок Китёнок, и старый Попугай хлопотал вокруг бездыханной Обезьянки.

— Спасибо, Китёнок! Спасибо, Попугай! Вы сделали всё, что могли, а я... а я...

И Львёнок сквозь слёзы запел:

Ах, я несчастный Львёнок —
Мне даже петь невмочь:
Я бедной Обезьянке
Ничем не смог помочь.
Те ветки золотые
Я вёз, прижав к груди,
Но волны штормовые
Их вырвали в пути.

— Бедная Обезьянка! — вздохнул Китёнок.

И все заплакали.

Но тут к берегу подплыл Лис в деревянной клетке под чёрным пиратским парусом с огромной охапкой золотых цветов.

— Ох! Что это? — воскликнул Лис. — Я чувствую, как у меня оживает нога! Кар-рамба!

И он бросил костыль и пустился в пляс:

Споём о чае золотом,
О — ча-ча-ча — густом! —

пел и плясал Лис. —

Кто был хромым, попил чайку
И побежал бегом!

Какие у тебя друзья, Обезьянка! Я тоже хочу быть твоим другом!

И Лис обнял Обезьянку и стал гладить её доброй когтистой лапой.

— Прррекрасно! Прррекрасно! — кричал Попугай. — Моя баббушка... Моя баббушка... Она бы прррослезилась, если бы узнала, что её внук подр-р-ружился с настоящим пир-ратом! — И он кинулся в объятия Лиса.

— Стоит нам только всем вместе... — неслышно сказал Китёнок, но его все услышали...

— Всем! — подхватил Львёнок.

— Вместе! — сказал Хромой Лис.

— ...как следует захотеть, — продолжал Китёнок, — и все станут здоровы и счастливы. Давайте дружить и никогда не расставаться! Прыгайте ко мне на спину!

И все прыгнули Китёнку на спину и поплыли, поплыли, махая лапами, к утопающему в океане солнцу.

— До свидания!..

— До свидания!..

— Мы встретимся!..

— Мы ещё встретимся!..

— Мы не расстаёмся! — кричали все.

И тут зазвучала мелодия океанской песни маленького Кита.

Солнце село на волну, —

запел Китёнок.

Солнце село на волну, —

подхватили все, —

Золотой копной соломы,
Золотой копной соломы...
Медленно пошло ко дну.
Солнце утопает...
Солнце утопает...
Даже чайки не кричат...
Солнце в море утопает,
Лишь соломинки торчат.

И вот на этой океанской песне маленького Кита заканчивается наша необыкновенная история.

ТРЯМ! ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Сказка,
в которой великий Медвежонок выдумывает
Тилимилитрядию, волшебную страну без волков

Глава первая,
из которой мы узнаём,
что Медвежонок выдумал необыкновенную страну,
а у Зайца сегодня день рождения

Посреди ромашковой поляны стоял задумчивый Ёжик, глядел перед собой серьёзными глазами и думал: «Сегодня у Зайца день рождения. Если я подарю ему морковку, он её съест и ничего не останется. Если капусту — тоже... А что, если я подарю ему...»

И тут на поляне появился Медвежонок.

Тили-мили,
Тили-мили! —

пел Медвежонок.

— Привет, Ёжик!

— Привет!

— Слушай! — Медвежонок встал на голову. — Я целую страну выдумал — волшебную, необыкновенную! Я её всю ночь выдумывал, еле-еле выговорил! ТИЛИМИЛИТРЯМДИЯ!

— Как?

— ТИЛИМИЛИТРЯМДИЯ! Там все ходят на голове и здороваются вот так, — Медвежонок стукнул лбом о землю. — ТРЯМ! Здравствуй!

— Трям! Здравствуй! — сказал Ёжик. — А что мы подарим на день рождения Зайцу?

— Какому Зайцу?

— Нашему.

— Морковку.

— Съест, и всё.

— Капусту.

— Тоже... Придумал! — закричал Ёжик. — Подарим ему ромашки! Ведь ромашки — это маленькие солнышки! Заяц их засушит, и зимой каждый день у него будет новое солнышко на тоненькой ножке!

И Ёжик пошёл по поляне, собирая ромашки, и Медвежонок вверх тормашками пошёл следом.

Глава вторая,

в начале которой Ёжик с Медвежонок поют песню, посерёдке ссорятся, а в конце — появляется Волк

Они шли, собирая ромашки, по солнечной поляне — впереди Ёжик, за ним — Медвежонок.

Раз — ромашка,

Два — ромашка! —

бормотал Ёжик.

— Три — ромашка! — крикнул Медвежонок. — Смотри, песенка получается!

И запел:

Раз — ромашка,

Два — ромашка,

Три — ромашка!

Пять — ромашка,

Шесть — ромашка...

— Семь — ромашка! — подхватил Ёжик.

— погоди! — сказал Медвежонок. — Четвёртую надо сорвать. И потом: «семь — ромашка» не пой. Пой «семь». Понял?

- Не-а, — сказал Ёжик.
- Ну, ты поёшь: «семь — ромашка»!
- Пою.
- А у нас в ТИЛИМИЛИТРЯМДИИ поют:

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Семь!..

- В Тилимилитрямдии? А где она?
- Везде, — сказал Медвежонок и повёл лапой. — Она большая! Трям!
- Что?

— Я же говорил: ТРЯМ — по-тилимилитрямскому значит «здравствуйте!»

— Ага, — сказал Ёжик. — А почему нельзя «семь — ромашка»?

— Фу-ты! Ну, чтобы песня была! Повтори.

— Фу-ты! Ну, чтобы песня была! Повтори, — сказал Ёжик.

— Ну как ты не понимаешь? — рассердился Медвежонок:

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Се-е-емь!

— Ладно, — сказал Ёжик. — Давай сначала!

И они стали петь снова:

Раз — ромашка,
Два — ромашка,
Три — ромашка, —

повёл Медвежонок.

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Семь, —

спел Ёжик.

— Правильно! Теперь пой дальше! — крикнул Медвежонок.

— А я не знаю, как дальше: я только до десяти считать умею.

— Пой... как-нибудь!

— Как-нибудь? — обрадовался Ёжик. — Ладно!

И пошёл по залитому солнцем лугу, радостно крича:

Там — ромашка,
Сям — ромашка,
Ква!

— Как? «Ква»? Мы же не лягушек собираем, а цветы!

— Ну и пусть, — сказал Ёжик. — Приедем в Тилимили...

— Трямдию! — подхватил Медвежонок. — Трям!
Здравствуйте!

— Нас встретят!

— Покормят!

— Спать положат.

— А утром проснёмся — и назад!

— С Зайцем! — сказал Ёжик. — Ему будет очень приятно...

— Где Заяц? Какой Заяц? — завертел головой Медвежонок.

— Ему будет очень приятно, — повторил Ёжик.

И тут в чистом небе вдруг появилось облако, лёгкое, пушистое, как барашек, и кто-то на этом облаке тоненьким, заоблачным голоском запел:

Облака — белогривые лошадки...

— Это ты поёшь? — спросил Ёжик.

— Не-а.

А облако-барашек превратилось в лошадку, и лошадок этих уже стало несколько. Они скакали по небу и пели:

Облака — белогривые лошадки.

Облака, что вы мчитесь без оглядки?..

— Вот бы на этих лошадках — и прямо в твою страну, — сказал Ёжик.

— Угу, — кивнул Медвежонок.

— Прямо к ужину.

— Угу, — кивнул Медвежонок.

— С Зайцем! — не отрывая глаз от лошадок, сказал Ёжик.

— Да что ты ко мне со своим Зайцем привязался? Ты с кем дружишь — со мной или с Зайцем?

— С тобой... И с Зайцем.

Из-за дерева на краю поляны выглянул Волк.

— Ага! Друзья, значит, — осклабился Волк. — Ну-ну!..

— Да что ты ко мне со своим Зайцем привязался? — кричал Медвежонок. — Он лягушек боится!

— Кто? Заяц? Заяц никого не боится!

— Хы! — хмыкнул Волк.

— Тилимилитрядию я выдумал! — свирепел Медвежонок. — И я дружу с тобой! Понял?

— А со мной без Зайца дружить нельзя! Понял?

— Трям! Понял! Забирай свои ромашки, я пошёл!..

— Куда же ты?

— В Тилимилитрядию!

И Медвежонок ушёл.

А из-за дерева, растопыбив лапы, высочил Волк.

Ёжик кинулся влево, вправо, понял, что убежать не сможет, свернулся в клубок.

— Ха-ха-ха! — тихонечко так рассмеялся Волк. — Должен вам сказать, за вашим Зайцем я всё утро бежал, но... не догнал. А теперь он сам ко мне явится с повинной, можно сказать, головушкой. Здравствуйте!

— Жди! — прошипел из клубка Ёжик.

— Что вы сказали? Не грубите мне, дружок, не грубите! — И Волк, галантно заметая хвостом, покатиł Ёжика. — Колоться не надо, не надо... Вот так — кочечка, а так — пенёчек, а мы — сторонкой, стороночкой...

Облака — белогривые лошади.

Облака, что вы мчитесь без оглядки?.. —

тоненьким, заоблачным голосом, почти неслышно донеслось до Ёжика откуда-то сверху.

Глава третья,

*в которой Заяц попадает в заграничную
иностранную страну*

Лёгкие пушистые лошади проскакали по чистому небу, и всё смолкло.

Куда Волк укатил Ёжика — неведомо.

А на краю поляны появился Медвежонок то ли с ковром, то ли с половиком, то ли со свёрнутой рулоном тряпочкой на плече.

Он раскатал рулон — это действительно оказалась тряпочка. И, надо сказать, вылинявшая такая тряпочка, на которой разноцветными кривыми буквами было выведено:

ТИЛИМИЛИТРЯМДИЯ

Медвежонок развесил тряпочку между двумя деревьями: то есть конец тряпки привязал к сучку одного,

спрыгнул, вскарабкался с концом тряпки в зубах на другое, — и тут появился Заяц.

— Здорóво, Медведь! Давай помогу, — сказал он.

— Не надо, я сам, — с тряпкой в зубах пробурчал Медвежонок.

— Да ты один не справишься.

— Справлюсь, — рявкнул Медвежонок, и, конечно же, конец тряпки упал на траву.

Заяц нагнулся, подал.

Привязав другой конец к дереву, Медвежонок спрыгнул на землю:

— Ну вот... Вот я и в Тилимилитрамдии!

— Где?

— В Тилимилитрамдии!

Медвежонок стукнул лбом о землю:

— Трям! Здравствуйте!

— Медведь, чего это ты? — изумился Заяц.

— Я не Медведь, — важно сказал Медвежонок. — Меня зовут Жежижешь.

— Ж-ж-ж!.. — передразнил Заяц. — Ладно, где Ёж?

— А вы... кто такой?

— Я? Да ты что? Я — Заяц!

— Не знаю, — сказал Медвежонок. И отвернулся.

— Чего-о?.. Протри глаза-то! — Заяц запрыгал по поляне вокруг Медвежонка.

— Для меня — вас нет, — сухо сказал Медвежонок.

— Меня? А кто тебе тряпку помогал вешать?

— Вы кто?

Заяц аж задохнулся.

— Вы знаете, где вы находитесь? — строго спросил Жежижешь. — Вот! Читайте!

И Заяц стал читать по складам тряпочку.

— ТИ-ЛИ...

— Угу.

— МИ-ЛИ...

— Ага.

— ТРЯМ-ДИ...

— Верно!

— ТИ-ЛИ МИ-ЛИ ТРЯМ-ДИ... ТРЯМЫ! — уважительно сказал Заяц. — Много их?

— Читайте-читайте!

— ТИЛИ-МИЛИ-ТРЯМДИ... Я...

Заяц задумался и вдруг радостно закричал:

— Тилимитрямы и я! Вот здорово! Они, трямы, и я — Заяц! Это вы с Ежом мне на день рождения придумали?

— Вы находитесь в заграничной иностранной волшебной стране ТИЛИМИЛИТРЯМДИИ! — торжественно сказал Медвежонок. — Сейчас будем проверять чемодан.

— Какой чемодан? — Заяц оглянулся.

— Что ж, выходит, ты... то есть вы отправились в путешествие без чемодана?

— Без... Без какого чемодана? — заорал Заяц. — Я как вышел — Волк, я — дёру, он — за мной. Пол-утра бегал!

Медвежонок взял кусочек бересты, палочку, строго спросил:

— Имя!

— Что?

— Ваше имя? — ещё строже спросил Медвежонок.

— Моё имя... — Заяц вытаращился.

— Как вас зовут?

— Зовут?..

Заяц прыгнул, присел, прижал уши и вдруг закричал:

— Заяц! Да ты что? Да это же я, Заяц! Медвежонок записал.

— Отчество!

Заяц зажмурился.

— После имени идёт отчество, — пояснил Медвежонок. — Мы, например, Потапычи. А вы?

— Мы? — Заяц повертел башкой и вдруг весело крикнул: — А мы — без отчества! Заяц и всё!

— Ладно, — записал Медвежонок. — От кого происходите?

Заяц опять затряс ушами.

— Родители кто?

— Папа... Мама... Слышь, Медведь? — шёпотом спросил Заяц. — Ты что, а? Мы же — зайцы!

— Чем болели?

— А ничем! Ха! Ха! Здоровые! Вот! — Заяц стал приседать, выбрасывая лапы.

— А свинкой?

— Что я, поросёнок?..

— Сколько лет?

— Мы ещё не старые! — Заяц развеселился.

— С какой целью прибыли в нашу заграничную иностранную страну?

Заяц затряс ушами.

— Зачем?

Заяц затряс ушами сильнее.

— Как здесь очутились?

— Очутился... — Заяц оглянулся. — От Волка сбёг, бежал к Ежу, тут — ты!..

Медвежонок записал.

— Откуда прибыли?

Заяц кивнул за спину:

— Оттуда.

— Награды имеете?

— Награды... — Заяц стал оглядывать Медвежонка, себя, поляну.

— Хвалил кто?

Заяц смутился:

— Ёж. Когда я его из речки вытащил. Очень, говорит, ты мне друг!

— Трям!

— Что?

— Та-ак, по тилимилитрямскому не понимаете, — Медвежонок пометил в бересте.

— А что это — трям? — спросил Заяц.

— Трям — по-тилимилитрямски значит — здравствуйте! Тилимилитрямдия — большая страна, — Медвежонок повёл лапой. — В ней много рек, озёр...

Заяц завертел головой.

— Есть горы, — продолжал Медвежонок, — и её омывают моря. Все, кто живут, — тилимили...

«Млянды», — про себя подумал Заяц.

— Ёжики, зайцы, медвежата — все тилимилитрямские. Я эту страну сам выдумал!

— Сам?! — Заяц сел, прищурившись. — А как будет в этой стране Заяц?

— Глюк.

— Как?

— Глюк. Как маленький глоточек прохладного.

— Это я-то?

— Ну да! Ведь вы — бежите. Значит, вас овекает ветерок. Вы — прохладный...

— Скажи ещё раз.

— Глюк.

— Красиво. А — Медведь?

— Я же говорил: Жежижешь.

«Жежа», — подумал про себя Заяц.

— Это потому, что очень жарко, и пчёлы вокруг так и жужжат, так и жужжат...

— А Ёж?

— Храп!

— Почему?

— Храпит, — просто сказал Медвежонок.

— А Волк?

— В Тилимилитрядии волков нет.

— А наш? — сглотнул Заяц.

— Наш — ненастоящий, потому что он — здесь, а мы — там.

— Он — здесь, а мы — там... — вникая, повторил Заяц. — Ага! — И протянул Медвежонку лапу. — Ну, трям! Здорово! А надолго здесь эта страна?

— Трям! — пожал лапу Зайцу Медвежонок. — Может, надолго, а может, нет. Вас это не касается!

— Как не касается! Ведь в твоей стране волков нет!

— Нет.

— Значит, мне эта страна во как нужна! И что ты такой... — сказал Заяц. — Ну... целую страну выдумал, а злой!

И умчался.

А Медвежонок, оставшись один, подумал: «А Заяц-то — ничего, сообразительный».

Заяц высунулся из куста с другого конца поляны и крикнул:

— Эй, Жежа! Если ты не совсем это... — Заяц повертел лапой у виска. — Увидишь Ежа... Ой, что я — Храпа! Скажи: Заяц, то есть Глюк, мол, спрашивал! — И пропал.

А Медвежонок снял с деревьев и стал сворачивать «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ», бормоча:

— Пойду поищу Ёжика. Скажу: а Заяц-то — ничего! — Медвежонок положил свёрнутую в рулон «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ» на плечо и пошёл.

— Вот, кажется, тряпочка и всё, — бормотал Медвежонок, — а как подумаешь — целая страна — тяжело!

И скрылся за деревьями.

Глава четвёртая,

в которой Волк приколачивает объявление

А Волк катил, катил по лесу Ёжика и выкатил его на большую поляну.

— Сюда, сюда, пожалуйста, — говорил он Ёжику, останавливаясь у дерева. — Теперь — отдохните немного.

Волк достал из-за пояса молоток, из кармана — гвозди, из мешка — дощечку.

— Сейчас прибьём объявление и пойдём дальше. Только не вздумайте бежать, дружок, я вас всё равно догоню!

Волк застучал молотком.

— Не криво? — отошёл немного.

Ёжик молчал.

— Что же вы молчите, дружок? Смотрите, как славно получается!

И Волк, выставив вперёд когтистую страшную лапу, упёрся верхними лапами в бока и вскинул голову.

— Хи-хи! — хихикнул Ёжик.

— Кто-то сказал «хи-хи», или мне показалось?

Ёжик не ответил.

А Волк снова вскинул голову и громко торжественно продекламировал:

— ПОЙМАЛ ЕЖА. ТРЕБУЕТСЯ ЗАЯЦ. ВОЛК!

Хорошо, а? Скоро явится.

Ёжик молчал.

— Молчите, молчите, дружочек, это ваше право. А Зайчик-то скоро явится.

— Так он к тебе и прибежит, — тихо сказал Ёжик.

— Прибежит, прибежит — никуда не денется! — хохотнул Волк и уселся под деревом. — Заяц прост, как сучок, — где ему друга в беде бросить? Давайте рассуждать: вы — пойманы, вы — в плену. Так?

Ёжик молчал.

— Нехорошо, дружочек. Я с вами беседую, а вы молчите.

— Ну, так, — сказал Ёжик.

— Вот это по-нашему, это — по-волчьи, — развеселился Волк. — Я — спрашиваю, вы — отвечайте. Вы — пойманы, вы — в плену, а Заяц...

— Что? — спросил Ёжик.

— Я за ним всё утро бегал. А разве это хорошо, не позавтракавши по полям прыгать?

Ёжик ничего не сказал.

— Правильно! И я так думаю: нехорошо это, — осклабился Волк. — А теперь он сам явится.

— Жди! — сказал Ёжик.

— А вот поглядим! — Волк поднялся. — Ну, идёте, идёте, не будем Зайчику мешать: вон сколько ему надо букв прочитать, а он — малограмотный.

И Волк укатил Ёжика с поляны.

Глава пятая,

в которой Заяц решил пожертвовать собой
ради друга

Только Волк укатил Ёжика с поляны, как появился Медвежонок с «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЕЙ» на плече.

— Вот, кажется, тряпочка и всё, а как подумаешь — целая страна — тяжело! — пробормотал Медвежонок и скинул «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ» на траву.

— Ёжи-и-ик! Ё-ёжи-ик! — закричал он. — Отзовись! Да что же он, по-настоящему обиделся, что ли? — Медвежонок сел на траву, привалился спиной к дереву с волчьим объявлением и задрал голову.

И тут же в чистом голубом небе появились пушистые облака. Они скакали под самым куполом и легко, весело пели:

Облака — белогривые лошадки.

Облака, что вы мчитесь без оглядки?..

— Эх!.. — вздохнул Медвежонок, взвалил волшебную страну на плечо и ушёл.

И тут же на поляну выскочил Заяц. Не видя волчьего объявления, он закричал:

— Ёж! Ёж! То есть Храп! Где же ты? — Подпрыгнул, прижал уши, сказал сам себе: «Глюк! Надо же! Хи-хи!»

И умчался.

А на поляну выбежал Ёжик.

Он кинулся к объявлению, дёрнул, дёрнул ещё раз, но оторвать волчьей доски не смог.

А следом выскочил Волк.

— Не под силу вам это, дружочек, не под силу, — показывая страшные зубы, улыбался Волк. — Песенку сочинить — да, стишок какой — пожалуйста! А объяв-

ление, Волком приколоченное, оторвать — не те жилки! Ну, ну, будет!

И он схватил Ёжика когтистой лапой, накинуд петлю, дёрнул за поводок:

— Вот так-то лучше!

— Пусти! Пусти меня! — крикнул Ёжик, выскользнул из петли и спрятался за деревом.

— Голубчик! — захохотал Волк. — Дружочек, куда же вы? От моих лап, от моего нюха разве вам убежать?

И помчался по опушке, заглядывая под деревья и кусты.

— Прячетесь? — вкрадчиво говорил Волк. — А кто же со мной разговаривать будет, когда я стану Зайчика есть? Ну, пожалуйста, прошу вас! — И заглянул за дерево, под которым прятался Ёжик.

Но Ёжик ускользнул.

— Но я же слышу: вами пахнет! — сказал Волк. — Где вы?

И они стали ходить друг за другом вокруг столетнего дуба.

— Так. И здесь нет, — бормотал Волк. — И здесь. Ладно. Отдохнём под кустиком. Вы ведь, я знаю, высунетесь.

И только Волк спрятался под кустом, как появился Заяц.

— Ёж! Ёж! Храп! — крикнул Заяц. И встал, как вкопанный.

— Да куда же он подевался — ведь день рождения у меня!.. — бормотал Заяц, глядя на приколоченное к дубу волчье объявление и ещё не соображая, что всё это значит. — Ведь день рождения у меня!.. — медленно повторил Заяц и привстал на задние лапы, чтобы лучше видеть.

— П... О... Й... ПОЙ... — по буквам прочитал Заяц. — М... А... Л... ПОЙ-МАЛ. Так: поймал! Кто поймал?

Кого поймал? — Заяц обернулся, стал читать дальше: — ПОЙМАЛ Е... Ж... А... ЕЖА! Ой! — вскрикнул Заяц.

И тут из-за дуба высунулся Ёжик и тихо сказал:

— Беги, Заяц! Здесь Волк!

И скрылся.

— Где Волк? Кто со мной говорит? — вскрикнул Заяц. — Эй! Кто здесь есть? Послышалось, наверное...

И Заяц стал читать волчье объявление дальше:

— Т... Р... Е... ТРЕ-БУ-ЕТ-СЯ З... А... Я... ЗАЯЦ. Требуется Заяц! Ага! «Поймал Ежа, требуется Заяц». Кто поймал? Где?

И Заяц запрыгал по поляне, заглядывая под кусты, и остановился прямо перед кустом, за которым сидел Волк.

— Ёж! Ёж! Храп! Ё-жи-и-ич-ка-а!.. — вдруг заверещал Заяц и — прыгнул.

А Волк за кустом, судорожно сглотнув, сел и так и остался сидеть, поглаживая себя лапой по голове:

— Терпение, терпение...

Почему Волк не выскочил, не схватил Заяца, он и сам не знал...

А Заяц прискакал обратно к объявлению и, обмирая, прочёл:

— В... О... ВОЛК! Что же теперь? — тоненько заверещал Заяц. И тут же услышал:

— Беги!

Это Ёжик из-за дуба тихо сказал:

— Беги, Заяц!

Заяц прыгнул в сторону, но остановился:

— Кто-то так и шепчет в ухо: беги, Заяц! А как бежать-то, когда друг в беде?!

— Беги, Заяц! — снова шёпотом сказал Ёжик.

— Вот! — Заяц отпрыгнул. — Опять! В самое ухо!

И Заяц кинулся было наутёк, но вернулся:

— Нет! Надо выручать Ежа!

И, сам не понимая, что делает, вдруг громко закричал:

— Э-эй! Во-олк! Я ту-ута!

Волк за кустом дёрнулся, но смолчал.

«Ещё успеется. Ещё не время», — уговаривал себя Волк.

— Во-олк! Слышишь, что ль? Отзовись! — вопил Заяц и, чтобы не было так страшно, про себя думал: «Да что он мне? Всё равно съест. А Ежа выручу».

И Заяц закричал ещё громче:

— Во-о-о-о-олк!

Ёжик, высунувшись из-за дуба, дёрнул Зайца за лапу:

— Беги, Заяц!

Но Заяц уже ничего не слышал, не чувствовал, он летел по поляне, крича:

— Во-о-о-о-olk!

И — пропал.

И тут же с «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЕЙ» на плече на поляну вышел Медвежонок. Левой лапой он придерживал волшебную страну, а правой, приседая, срывал ромашки.

Раз — ромашка,
Два — ромашка,
Три — ромашка! —

пел Медвежонок.

Остановился и закричал:

— Ёжи-и-ик!

Но никто не ответил, и Медвежонок пошёл, собирая ромашки, дальше:

Там — ромашка,

Сям — ромашка,

Ква!

Он сделал ещё шаг и — наткнулся на Волка.

— Ой! — ойкнул Медвежонок и отпрыгнул в сторону. — Ф-фу-у... Старый пень, а до чего же похож на Волка!

И, оглядываясь, пошёл к старому дубу посреди поляны, вскарабкался по сучкам и развесил на ветвях волшебную страну.

— Это не пень, это — Волк! — тихо сказал Медвежонку Ёжик. — Беги!

И тут на поляну с криком выскочил Заяц.

— Во-о-о-о-о-о-olk! — орал Заяц и, увидев Медвежонка, встал, как вкопанный: — Жежа?

— Глюк? Вы что тут делаете? — спокойно спросил Медведь.

— Читай! — захлебнулся криком Заяц.

И Медвежонок по складам прочитал волчью писульку.

— Поймал Ежа, — оглядываясь, повторил Медвежонок. — Требуется Заяц.

— Вот! Требуется Заяц! — подхватил Заяц. — Так вот он я! Выпусти Ежа — вот он я! — И полетел по поляне, ещё громче крича: — Во-о-о-о-о-olk!

— Стой! — крикнул Медвежонок.

Подошёл к Зайцу, тихо сказал:

— Ты даже не знаешь, какой ты друг, Заяц...

И протянул Зайцу ромашки.

Глава шестая,

*в которой на миг возникает Тилимилитрядия —
волшебная страна, в которой нет волков*

Заяц, потупившись, стоял, прижимая к груди ромашки, а Медвежонок заглянул за дерево и позвал:

— Ёжик, выходи!

— Что ты! — Ёжик замотал головой, показывая на Волка.

— Выходи! Не бойся! В моей стране волков нет! — убеждённо сказал Медвежонок.

— А этот?.. — появляясь, спросил Ёжик и снова показал на Волка.

— Этот — ненастоящий. В Тилимилитрядии волков нет! Читай!

И Ёжик по складам прочитал: «ТИ-ЛИ-МИ-ЛИ-ТРИАМ-ДИ-Я»!

— Ура! — крикнул Ёжик. — Тилимилитрядия! Ой, Медвежонок! Какой же ты молодец!

— В моей стране волков нет! — повторил Медвежонок. А Ёжик обнял Медвежонка и кинулся к Зайцу:

— Здравствуй, Заяц!

— Глюк, — растерянно сказал Заяц. — Если... эта... теперь... здесь... Я — Глюк.

— Он — Глюк, ты — Храп, а я — Жежижешь, — закивал Медвежонок.

— Поздравляю тебя с днём рождения, Глюк! — крикнул Ёжик. — Вот тебе от меня маленькое солнышко на тоненькой ножке. — И протянул Зайцу ромашку.

А Заяц, прижимая к груди ромашки, глядел на Волка, на друзей, на «ТИЛИМИЛИТРИАМДИЮ» — сморщенную страну на ветвях векового дуба, снова на Волка и, наконец, махнув лапой, крикнул:

— Если Волк не Волк, а мы — в «ТИЛИМИЛИТ-РЯМДИИ», тогда... тогда...

И он кинулся обнимать Ёжика и Медвежонка:

— Здравствуй, Храп! Это ты мне в самое ухо кричал: «Беги, Заяц!»?

— Ага! Ага! — кивал Ёжик.

И пошло веселье! Взявшись за лапы, друзья принялись плясать вокруг «ТИЛИМИЛИТ-РЯМДИИ» — волшебной страны, прямо перед самым носом у Волка.

— Пляшите и пойте — у нас нет волков! — кричал Медвежонок.

— Нет волков! — кричал Ёжик.

— Нет! — орал Заяц.

А Волк всё поглаживал себя лапой по голове и вдруг пружиной вылетел на поляну.

— ВОЛКОВ НЕТ?! — страшно зарычал Волк. И завертелась, замелькала карусель.

Через поляну проносились Ёжик, Заяц, Медвежонок, а за ними, между ними, впереди них — Волк.

— ВОЛКОВ НЕТ?! — рычал он.

Наконец Волку удалось схватить Медвежонка.

— Не трогай меня! Не трогай! У нас волков нет! — кричал Медвежонок.

— А Я — КТО?! — Волк сжал Медвежонку лапу.

— Ой! Больно! Волк! Бегите все! Во-олк! — задохнулся Медвежонок.

Но тут подлетел Ёжик:

— Пусти! У нас — республика!

— Я ВАМ ПОКАЖУ РЕСПУБЛИКУ! — рычал, утаскивая Медвежонка, Волк. — Я ВАМ ПОКАЖУ — МЕНЯ НЕТУ!

Но тут Заяц ударил Волка головой в живот. Волк упал, Медвежонок вырвался, — и снова завертелась карусель.

На секунду остановившись, Волк погладил себя лапой по голове:

— Спокойствие, спокойствие... Прямо воздушный бой какой-то...

И вдруг, задёргавшись, будто строчит из пулемёта — д-д-д-д-д! — пропал в карусели.

Топот, крики, рычание Волка, вопли птиц, кружившихся над поляной, смешались в один неумолчный вой, а тут ещё собрались тучи, грохнул гром, и всё это стало походить на настоящее сражение.

В этой карусели Волку удалось снова схватить Ёжика.

— ХА-ХА-ХА! — захохотал Волк, и молния озарила его страшные зубы. — Я ВАМ ПОКАЖУ — МЕНЯ НЕТУ!! — И потащил Ёжика в глубину леса.

Хлынул дождь.

И сквозь дождь и раскаты грома Медвежонок с Зайцем услышали:

— Друзья! Не бойтесь! Он меня не съест! Он меня не съест! Он меня не съест!..

— Эх ты, Жежа! — сказал Заяц, с него струйками стекала вода. — «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЯ!» Волков нет! Я тебе поверил, а ты...

Вновь грянул гром, блеснула молния, Заяц прыгнул, замелькал между деревьями, и до Медвежонка донеслось:

— Держись, Храп!!!

А мокрый взъерошенный Медвежонок сел в траву и заплакал:

— Зато какая страна!.. — всхлипывая, бормотал Медвежонок.

Глава седьмая,

*в которой Медвежонок решил бросить
выдуманную страну*

Дождь хлестал не переставая, а Медвежонок всё сидел посреди поляны и плакал.

Но тучи вдруг так же быстро рассеялись, блеснуло солнце, и по чистому небу побежали белые пушистые облака.

Облака — белогривые лошадки... —

донеслось до Медвежонка, и он перестал плакать.

Прибежал Заяц:

— Сидишь? Чего ж ты сидишь? Бежим вызволять Храпа! — и помчался.

Медвежонок взвалил на плечо вымокшую «ТИЛИМИЛИТРИАМДИЮ», побежал следом.

— Брошу я её, — сказал он, поравнявшись с Зайцем.

— Кого?

— Тилимитриамдию.

— Как — бросишь?

— Тяжело. — Медвежонок остановился. — Зря я её выдумал!

— Ты что? — остановился и Заяц. — Страну без волков?!

— Устал... — сказал Медвежонок.

— Выдумал — неси! — вскипел Заяц.

И они помчались через сверкающий лес вызволять Храпа.

*Глава восьмая,
в которой попадает в плен Медвежонок*

Волк привязал Ёжика к дереву перед своим домом, а сам стал сервировать пень у крыльца.

— Вот та-ак... — бормотал Волк. — Сюда — веточку, а сюда — цветочек!

Он сорвал ромашку и стал искать, куда бы её поставить:

— Да что же это? Только что была...

Волк ушёл в дом и вернулся с вазочкой в лапе.

— Вот! Очень украсит наш стол. То есть пень... Та-ак... — Волк потёр лапы. — Скоро и Зайчишка пожалует! Никуда он от нас не денется.

И Волк стал ходить, любуясь своей работой. А Ёжик грустно-грустно запел:

От заката до заката
Ходит по лесу Медведь,
Ходит по лесу Медведь,
Просит птичек не шуметь.
Я, Медведь, хожу, хожу,
Я и так весь лес бужу...

— Нет! Так не пойдёт! — усаживаясь в кресло, сказал Волк. — Поговорим о Тилимилитрядии! Ведь это не шутка — страна! А вы — республика! Тряпку повесили и всё!

От заката до заката, —
пел Ёжик.

— Молчать! — щёлкнул зубами Волк.

Ходит по лесу Медведь...

— Тихо!

Ходит по лесу Медведь,
Просит птичек не шуметь.

— Ах, так? — Волк вылез из кресла, накрыл Ёжика корзиной. — Так-то лучше будет!

Вы на веточках сидите,
Почему же вы шумите? —

сквозь прутья корзины пел Ёжик.

Волк вынес бараний тулуп, накрыл корзину.

— Теперь пой, сколько влезет! — И, довольный, сел в кресло у пня. — Та-ак, вилочка, ножичек, веточка, цветочек. Сейчас и Зайчик пожалует.

Но вместо Зайца на поляне перед волчьим домом появился Медведь.

— Волк! — сказал Медвежонок, воткнул в землю две палки и развесил на них «ТИЛИМИЛИТРЯМ-ДИЮ». — Я, Медвежонок, и все медвежата, зайцы, ёжики...

— И волки, — осклабился Волк.

— И волки Тилимилитрямдии требуют освободить Ёжика!

— И волки? — хмыкнул Волк. — Так у вас же волков нет!

— И волки! — упрямо повторил Медвежонок.

— О! С этого бы и начинали!

Волк взял в лапу пустую корзину, спрятал её за спиной:

— А где он? Где он, ваш Ёж, а? Может, здесь?

И Волк нагнулся, будто что увидел в траве. И Медвежонок нагнулся и стал искать вместе с Волком что-то невидимое — тут Волк и накрыл его корзиной.

— ХА-ХА-ХА! Коварство — первый волчий закон! — грубо захохотал Волк. — А теперь мы вас костыликами да к земле! — И он стал прибивать корзину. — ХА-ХА-ХА! Не угодно ли полюбоваться?

И — сдёрнул с Ёжикиной корзины тулуп.

— Ёжик! — крикнул Медвежонок.

— Жежижешь?

— Так-то лучше будет! — хохотал Волк. — Ну-с, а где Зайчик?

Глава девятая,

в которой заговорили грибы

И тут на поляну с грохотом выкатилась бочка.

— Ох! — охнул Волк. — Это ещё что? — И выдохнул: — Хы-ы!.. Простая бочка...

Бочка не шевелилась.

Волк подошёл, поскрёб когтем:

— Терем, терем, теремок, кто в тереме живёт?

Приложил ухо, послушал:

— Молчат!

Волк обошёл бочку со всех сторон:

— Закупорена! Та-ак... Молоток есть, где тут была моя стамесочка?

И ушёл в дом.

— Храп! Жежа! Где вы? Это я, Глюк! — донёсся из бочки глухой голос Зайца.

— Глюк! Заинька! Где ты? — вскрикнул Ёжик.

— Здесь я, здесь, в бочке! Ты куда, Жежа, побежал? Я ж тебе кричал: «Стой, погоди!» — и передразнивая Медвежонка: — «Милимили-трямдия! Милимилитрямдия!» Где вы хоть сидите?

— В корзинах, — сказал Ёжик.

— Мы — в корзинах, а он их прибил к земле, — сказал Медвежонок.

— Зубы ему заговаривайте.

— Тише! Волк! — шепнул Ёжик.

Играя стамеской и молоточком, на крыльцо вышел Волк.

— А распогодилось-то! — осклабился Волк. И запел:

От заката до заката
Ходит по лесу Медведь,
Ходит по лесу Медведь,
Просит птичек не шуметь.

ТЬфу! Что это я?.. Та-ак. С какой стороны будем открывать?

И обошёл вокруг бочки.

— С этой или с той?

Поставил бочку на попá, снова поскрёбся когтем:

— Эй! Есть там кто?

— Есть, — глухим голосом сказал Заяц.

— Ох! — Волк схватился за сердце. — Ффу-у!.. Так и умереть можно.

— Храп, как по-твоему, кто там? — спросил Медвежонок.

— Наверное, грибы, — сказал Ёжик.

— Опята!

— Опята разве так говорят? Опёнок вот как говорит...

И Ёжик спросил голосом Волка:

— ЭЙ! ЕСТЬ ТАМ КТО?

А потом тоненько:

— Е-есть! Понял? А так только старый гриб груздь скажет.

И Ёжик глухим голосом Зайца сказал:

— «Есть!» Грузди там, вот что!

— Грузди!.. — оттопырив губу, сказал Медвежонок. — Грузди, они — молчаливые. Станут они тебе с Волком разговаривать!

Волк снова поскрёб бочку когтем:

— ЭЙ! Если вы грибы, то какие? Я только белые люблю!

— Мы — белые, — глухо сказал Заяц.

— Я же говорил! — крикнул Медвежонок. — Из груздя клещами слова не вытащишь!

А Волк приладил стамеску и принялся сбивать верхний обруч.

— Нас так открывать нельзя, — глухо сказал Заяц. — Надо, чтобы мы лежали.

— Друзья мои! Как скажете — так и будет. — Волк повалил бочку. — Белый грибок — эх! Единственно, что ещё люблю, — поесть!

И Волк стал сбивать обруч с лежащей бочки. А тем временем в противоположном конце дно повернулось, из бочки тихонечко выполз Заяц, аккуратно поставил дно на место, запер на колышки.

— Эх! Эх! Зайчик с грибной подливою! — лупил молотком Волк.

А Заяц пробрался вокруг пня к Ёжику и Медвежонку.

— Тсс! — сказал Заяц, приподнял корзину и отвязал от дерева Ёжика. — Тсс! — И выдернул косты-

лики медвежьей корзины. — Сидите, как сидели! Я позову.

И спрятался за пенёк.

Я хожу, хожу, хожу, —

орал Волк, —

За порядчком слежу! —

и лупил молотком.

— Когда светит вкусно поесть, — сверкнул Волк жёлтым глазом, — глупею! Эх! Эх! Вот!

И высадил дно.

— Друзья грибочки! — торжественно сказал Волк. — Вы — свободны! Просим!

И заглянул в бочку.

— Эй! Где же вы?

Волк оглянулся.

Ёжик с Медвежонок сидели под своими корзинами.

— Эй, грибочки! — снова позвал Волк. — Да не может быть, чтоб!..

И засунул в бочку голову.

— Там, наверно, на дне какой... — сказал Ёжику Медвежонок.

— Кругленький такой, на крепенькой ножке! — подхватил Ёжик.

— Полезу посмотрю, — сказал Волк и полез в бочку.

Тут из-за пня выскочил Заяц и замахал лапами. Из-под своих корзин выбрались Ёжик с Медвежонок, и все трое кинулись к бочке, поставили её на поцá и накрыли дном.

— Эй! Эй! Выпустите меня! — завывал Волк.

Но друзья уже сидели сверху и только подпрыгивали.

*Глава десятая, и последняя,
в которой Волк становится музейной редкостью,
а Ёжик, Заяц и Медвежонок отправляются на поиски
Тилимилитрядии, выдуманной страны*

Волк колотился изо всех сил, но друзья сидели сверху и только подпрыгивали.

— ВСЕХ! СОЖРУ! НИКОГО! НЕ! ПО! ЖА! ЛЕ! Ю! — вопил Волк.

— Эх, не удержаться нам! — сказал Заяц.

— Что же делать? — спросил Медвежонок.

— Вон гвозди и молоток. Ёжик, беги!

— А вы?

— Беги, говорю! Прыгай! — крикнул Заяц. — И ты! — обернулся к Медвежонку.

— А ты?

— Прыгайте, кому говорят!

Ёжик с Медвежонком спрыгнули, а Заяц вскочил на края бочки, замахнулся дном и, когда Волк выскочил по плечи, так хватил его по ушам, что Волк нырнул в бочку.

Тут его и заколотили гвоздями.

— Всё! — бросил молоток Заяц.

— Уррра! — крикнул Ёжик.

— Уррра-а!.. — подхватил Медвежонок. А Заяц сел у бочки и закрыл глаза.

— Глюк! Ты не знаешь, какой ты друг! — сказал Медвежонок, когда они с Ёжиком устали плясать.

— Ты — самый-самый друг из всех на земле, — сказал Ёжик.

— Нет, Храп, нет, Жежа, это вы самые лучшие на земле друзья!

— Вот, — сказал Медвежонок. — Я дарю тебе «ТИЛИМИЛИТРИЯМДИЮ»! — И протянул Заяцу тряпку.

— Это такая страна, — сказал Ёжик. — Там все ходят на головах и говорят друг другу: «ТРЯМ! ЗДРАВСТВУЙТЕ!»

— А ещё мы дарим тебе ромашки! — сказал Ёжик. — Ты их, Глюк, засуши, и тогда в самые хмурые дни с тобой всегда будет солнышко на тоненькой ножке!

— Спасибо, Храп! Только не со мной, а с нами! Пусть оно освещает страну, которую выдумал Жежа!

— А ещё... мы с Ёжиком дарим тебе... бочку с Волком! — сказал Медвежонок.

И они подкатали бочку и поставили её перед Зайцем стоймя.

С «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЕЙ» и ромашками в лапах, Заяц, чуть не плача, сказал:

— Храп! Жежа! Мне никто ещё никогда не дарил столько подарков. А... А зачем мне бочка?

— Будешь солить капусту.

— А куда Волка?

— Сдашь в музей.

— А кем он там будет?

И тут дно бочки приподнялось, и Волк высунул свою зубастую пасть.

— Музейной редкостью! — прохрипел Волк и поднял коготь. — Только, чур, лапами не трогать!

И дно бочки захлопнулось, бочка легла набок и укатилась. А Медвежонок заплакал.

— Мне горько, — всхлипывая, сказал он, — что в моей волшебной стране оказались волки.

— Не плачь, Жежа, — сказал Заяц. — Если ты её выдумал без волков, значит, где-то, пусть далеко-далеко, за морями и реками, но она такая и есть, а значит, мы её найдём.

И Глюк сорвал одуванчик и медленно стал подниматься в небо.

И Ёжик с Медвежонком на своих одуванчиках стали подниматься — следом за ним.

Прямо над ними плыло лёгкое облако.

Заяц забрался на него первым, потом — Ёжик, за ним — Медвежонок.

— Урра! — закричали все и поплыли искать Тили-милитрядию, выдуманную страну.

Они летели над лугами, лесами и, обнявшись, пели песню, которую уже где-то слышали, но которую никогда ещё не пели сами:

Мимо белого яблока луны,
Мимо красного яблока заката
Облака из неведомой страны
К нам спешат и опять бегут куда-то.
Облака — белогривые лошадки,
Облака, что вы мчитесь без оглядки?
Не глядите вы, пожалуйста, свысока,
А по небу прокатите нас, облака.
Мы помчимся в заоблачную даль
Мимо гаснущих звёзд на небосклоне.
К нам неслышно опустится звезда
И ромашкой останется в ладони.

ЛЕТАЮЩИЙ ПОРОСЁНОК

*Глава первая,
в которой встаёт солнышко,
мы знакомимся с персонажами,
а Поросёнок замахал ушами и полетел*

Встаёт солнышко.

Поросёнок выбежал на пригорок и захрюкал:

— Хрю-хрю! Солнышко встало, и я проснулся! Солнышко проснулось, а я уже встал! Я очень любопытный! Я проснулся, чтобы посмотреть на солнышко!

— Чик-чирик! — прилетел Воробей. — Солнышко ещё не встало, а мы проснулись!

— Бре-ке-ке-ке! — как бы передразнивая, злорадно прошамкала Жаба. — Солнышко встало! Они проснулись! — И плюхнулась обратно в болото.

— Солнышко встало! Солнышко, солнышко! — запел Цветок и повернул к солнышку свою лёгкую белую голову.

— Солнышко! Лучше бы туча и дожди! — прохрипел Дождевой Червяк и уполз в землю.

Солнышко встало —
Хрю-хрю!
Утро настало —
Хрю-хрю! —

запел Поросёнок. —

Мордочку вскинем —
В воздухе синем
Плавают пчёлы —
Хрю-хрю!

— У-у-у!.. — загудели пчёлы.

А одна Пчела села Поросёнку на нос
и сказала:

— Ж-ж-ж!.. Здравствуй, Поросёнок!

— Ж-ж-ж! — сказал Поросёнок. —

Здравствуй! — И захлопал ушами.

— Ты зачем машешь ушами? — спросила Пчела.

— Это не уши. Сегодня утром это мои крылышки.
Сейчас я научусь ими как следует махать и полечу.

— Ж-ж-ж! — спросила Пчела. — Куда?

— Ж-ж-ж! — сказал Поросёнок. — В гости.

— Ж-ж-ж! К кому?

— Ж-ж-ж! К цветку!

— Ж-ж-ж-ж!.. — удивилась Пчела. — К какому?

— Ж-ж-ж! — сказал Поросёнок. — Не мешай мне!

Ж-ж-ж! Ж-ж-ж! Ушки у Поросёнка захлопали быстрее, и вдруг он — ж-ж-ж! — оторвался от земли и полетел с Пчелой на носу.

— Хрюк! Куда ты меня несёшь? — спросила Пчела.

— Ой! Ой! Поросёнок полетел! Чик-чирик! — закричал Воробей.

А Поросёнок плавно полетел над пригорком, хлопая ушами и помахивая хвостиком.

Мы летим над землёю —

Хрю-хрю!

И Пчелу над землею несём, —

пел Поросёнок. —

Мы летим, и летим, и летим,

И весёлую песню поём:

О Пчела! Жи-жи-жи!

Как нам мёд собирать, покажи!

— Поросянок летит! Смотрите! Летит Поросянок! — закричал Цветок и воздел лёгкие руки к солнышку.

— Летит! Летит! Чик-чирик! Видите? Я лечу рядом с ним! — подхватил Воробей.

А Поросянок сделал плавный круг над цветком и сел рядом на землю.

Глава вторая,

в которой Пчела учит Поросянка собирать нектар

Поросянок сделал плавный круг над Цветком и сел рядом на землю.

— Здравствуй, Поросянок! — сказал Цветок. — Это кто у тебя на носу?

— Это я — ж-ж-ж! — Пчела. Не узнал? — сказала Пчела.

— Как же! Здравствуй, Пчела! Только я никогда не видел тебя на носу у Поросянка.

— Здравствуй, Цветок! — сказал Поросянок. — Мне так хотелось сесть тебе на плечо, но я побоялся тебя раздавить.

— А ты не бойся, — сказал Цветок. — Попробуй!

И — ж-ж-ж! — Поросянок взлетел и аккуратно сел Цветку на плечо:

— Тебе не больно?

Цветок плавно склонился к земле, а потом выпрямился.

Снова склонился — и выпрямился:

— Мне хорошо, Поросянок! А тебе?

— Как на качелях!

И Поросянок запел:

С пчелой на носу
У цветка на плече
Качаюсь, будто на каче-е-лях,

Щекочет солнышко в носу,
Зубастый волк сидит в лесу,
А я — как на каче-е-лях!

А Воробей, который сидел и слушал, склонив голову, рядом, взлетел, замахал крылышками и сел Поросянку на темечко.

— У-ух! — Цветок опустился до земли.

Воробей взлетел.

— У-ух! — Цветок распрямился.

А Поросёнок запел:

Вот воробей на темечко мне сел,
И сразу же цветок к земле присел.
А Воробей сидеть устал —
Цветок опять на ножки встал, —
Как будто — на каче-е-лях!
Ха-ха-ха-ха!

— Ну, Поросянок, а теперь пора учиться собирать мёд, — сказала Пчела.

— Давай! Я очень любопытный! Начинаем! — сказал Поросянок.

— И я посмотрю, — сказал Воробей. — Никогда не видел, как поросята собирают мёд.

— Прежде чем собирать мёд, — сказала Пчела, — надо посмотреть, есть ли у Цветка нектар.

И Поросянок заглянул в Цветок.

И Пчела слетела с поросячьего пяточка и тоже заглянула в Цветок.

— О! — сказал Поросянок. — Сколько здесь нектара!

— Ж-ж-ж! — сказал Пчела. — Очень много.

— Дайте и мне взглянуть, — сказал Воробей. — Чик-чирик! Здесь, по-моему, целое ведро!

— Неужели я сегодня так богат? — сказал Цветок. — Столько друзей и целое ведро нектара!

— А тебе не жалко? — спросил Поросянок.

— Чего?

— Нектара.

— Чем больше я отдавал, — сказал Цветок, — тем скорее наполнялся снова. И пчёлы прилетали ко мне. А теперь ко мне будут прилетать не только пчёлы, но и ты, Поросянок!

— И я, — сказал Воробей.

— И ты, Воробей!

— Подумаешь, какой добрый! — проворчала Жаба.

И плюхнулась в болото.

— У него целое ведро нектара! — прошипел Дождевой Червь.

И уполз в землю.

— Нектар достают так...

В одной лапке у Пчелы появилось маленькое голубое ведёрко с нарисованным на боку белым цветком, а в другой — согнутая в дугу соломинка.

— Смотри, Поросёнок!

Пчела опустила один конец соломинки в Цветок, а другой взяла в рот и втянула воздух.

— Видишь?..

Из соломинки полился золотой нектар.

— Чур, я сам! Чур, я сам! — закричал Поросёнок.

Вытащил из цветка соломинку и всё сначала сделал сам. Только, когда нектар побежал, подставил под струю не ведёрко, а разинутую пасть.

— Эй! Ж-ж-ж! — зажужала Пчела.

— Эй! Чик-чирик! — закричал Воробей.

Но Поросёнок только вкусно-вкусно зачавкал.

— Эй!

— Эй-эй!

Пчела с Воробьём стали толкать Поросёнка.

И Поросёнок, еле-еле оторвавшись от нектара, подставил ведёрко.

Как вкусно это, если б знали вы! —

не отрывая глаз от струйки нектара, запел Поросёнок. —

Как вкусно это, знают только львы!

Я никогда не пил вкусней еды!

Я никогда не ел вкусней воды!

— При чём здесь львы, Поросёнок? — спросила Пчела.

— Откуда я знаю! — сказал Поросёнок. — Не мешай мне смотреть!

— Но откуда у нас львы? — спросил Воробей.

— Ах, отстань! — пробормотал Поросёнок, не отрываясь от золотой струйки.

— А ты видел Льва? — спросил Цветок.

— Нет. Но я — очень любопытный! — сказал Поросёнок.

*Глава третья,
в которой Поросёнок с Воробьём улетают в Африку*

— Я — очень любопытный! — повторил Поросёнок.

Зажужжал ушами, взлетел и закружился над Цветком:

Я в Африке не был,
Не видел я льва,
Но старый мне Хрюк говорил,
Что в Африке той —
Золотая трава,
Гуляет по ней крокодил.
И тот крокодил —
Старый Хрюк говорил —
Хоть съел восемнадцать горилл, —
Вам скажет, друзья,
Любая свинья —
Такого нектара не пил!

— Поросёнок, перестань жужжать и сядь на землю, — сказал Пчела. — Нам уже пора лететь к улью.

— Я не хочу к улью, — сказал Поросёнок, опускаясь. — Я хочу в Африку!

— А как же я? — спросил Цветок.

— А я? — спросил Воробей.

— А мы — все вместе! Все вместе мы полетим в Африку!

— Мне надо в улей! — сказала Пчела.

— Я люблю землю. Я не могу без земли, — сказал Цветок.

— Тогда я полечу один, — сказал Поросёнок. — Я не могу не полететь. Я такой любопытный! Мы полетим с Воробьём! А когда вернёмся, расскажем вам, как там, в Африке.

— Я — полечу! — сказал Воробей.

— А как же я? — повторил Цветок. — Мне с вами было так весело! Я никогда ещё не видел летающего, жужжащего Поросёнка.

— Я тебя научила собирать нектар — ж-ж-ж! — а ты улетаешь, — вздохнула Пчела.

А Поросёнок снова закружился над Цветком и запел:

Я б никуда не полетел —
И здесь немало дел,
Но я хочу взглянуть сперва
Одним глазком на льва.
Ведь старый Хрюк мне говорил:
По золотой траве
Там едет старый крокодил
Верхом на старом льве.
И старый-старый баобаб,
Что в Африке растёт,
Скрипит ночами, как изба,
И, как петух, поёт.
Да-да, он толст, как бегемот,
И, как ручей, поёт!

Поросёнок допел песню и опустился на землю.

— Тогда ты лети, Поросёнок! Только обязательно расскажи, что с тобой было, когда вернёшься! — сказал Цветок.

— Лети! — сказала Пчела. — Я бы обязательно полетела с тобой, если б мне не надо было нести нектар в улей.

— А я полечу с ним! Чик-чирик! Мы обязательно всё, как следует, рассмотрим и вам расскажем!

— Свинёнок с Воробьём, а? Слыхали? — прошепелявила Жаба и шмякнулась в болото.

— В Аф-ф-ф-рику! — со свистом прошипел Дождевой Червяк и уполз в землю.

— Воробей! — сказал Поросёнок. — Сейчас садись мне на спину, а когда я устану, ты дашь мне подержаться за лапку, и я отдохну в пути.

И Воробей вспорхнул Поросятку на спину, а Поросянок зажмурился, зажужжал ушами и взлетел.

— До свиданья, Цветок! Не горюй! Я скоро вернусь! До свиданья, Пчела! Мы встретимся здесь, у Цветка, и вместе будем собирать нектар!..

Ж-ж-ж! Пчела взлетела и в воздухе прицепила к поясу Поросянка пустое ведёрко, а за пояс заткнула гнутую соломинку.

— Если ты устанешь в пути, Поросянок, ты сможешь опуститься на землю, найти цветок и поестъ нектара.

— Только выбирай цветы, похожие на меня, Поросянок! — крикнул Цветок. — Ты слышишь?

— Слышу!

— Не забывай меня, Поросянок!

— Я не забуду!

— Чик-чирик! Мы скоро вернёмся, Цветок! Чик-чирик! Мы скоро вернёмся!..

И Поросянок взлетел над пригорком.

Вот он сделал один круг, другой...

С каждым кругом Поросянок с Воробьём на спинке поднимаются всё выше, выше...

И вот они уже рядом с солнышком:

Друзья, грустить не надо зря —

Я в Африку лечу.

Я в Африку лечу, друзья, —

Мне это по плечу!

Там золотистая трава,

А вечером, во мгле, —

пел Поросянок. —

Я разгляжу большого льва,

Припавшего к земле!

Я крокодила различу,

Хоть он по грудь в воде, —

Я долечу, я долечу,
Не быть, друзья, беде!

И Поросёнок с Воробьем улетели.

*Глава четвёртая,
в которой Цветок остаётся один*

— Пора и мне! — вздохнула Пчела, когда Поросянок с Воробьём улетели. — До свиданья, Цветок! Не грусти! Ведь ты теперь необыкновенный Цветок. Ты теперь ЦВЕТОК — ДРУГ ПОРОСЁНКА!

— Да, — сказал Цветок. — Но мне бы так не хотелось оставаться одному.

— Не грусти! — повторила Пчела.

О Пчела! Жи-жи-жи! —

запела она, подражая Поросянку. —

Как нам мёд собирать, покажи!

И улетела.

— Как грустно! — вздохнул Цветок, оставшись один. — Вот и солнышко садится. Когда солнышко подымается, мне весело-весело, а когда садится — совсем грустно... Где-то теперь Поросянок с Воробьём?..

И Цветок опустил вдоль усталого тела лёгкие руки, положил голову на плечо и закрыл глаза.

А солнышко тем временем совсем закатилось, и на тёмное небо взошла красная луна.

— Бре-ке-ке-ке! — из болота выскочила Жаба.

— Уф-ф! — из-под земли вылез Дождевой Червяк.

— Хо-хо-хо-хо-хо! — захохотала Жаба.

— Хи-хи-хи-хи-хи-хи! — зловеще ответил Дождевой Червяк.

— Ох-хо-хо-хо-хо! — сказала Жаба.

— Ух-хи-хи-хи-хи! — сказал Червяк.

— Кажется, ночь! Ха-ха! — сказала Жаба.

— Кажется, да! — сказал Червяк.

— Кажется, наша пора настала!

— Хи-хи-хи-хи! Кажется, да! — сказал Червяк.

— Здравствуй, Червяк! — сказала Жаба.

— Здравствуй, Жаба! — сказал Червяк.

— Как ты провёл день?

— А ты?

— Ха-ха-ха-ха-ха!.. В болоте!

— Хи-хи-хи-хи-хи-хи!.. В грязи!

Хорошо в болоте жить,

С Дождевым Червём дружить! —

задумчиво проквакала Жаба.

Хорошо в грязи лежать,

Душу-Жабу обожать! —

ответил Червяк.

Я могу веселиться и петь —

Ква-ква-ква! —

запела Жаба. —

И на звёздное небо глядеть —

Ква-ква-ква! —

Я могу до колючей звезды —

Ква-ква-ква! —

Нюхать жадной ноздрёю цветы —

Ква-ква-ква!

Я могу, я могу, я могу —
Ква-ква-ква! —
Слушать шорох змеи на лугу —
Ква-ква-ква! —
И глядеть, там, где меркнет трава, —
Ква-ква-ква! —
Как мышей догоняет сова!
Ква! Ква! Ква!

Жаба смолкла.

Я — Червяк,
Я — Червяк,
Я спляшу вам краковяк! —

И Дождевой Червь запрыгал.

Ах, Червяк! Ах, Червяк!
Что за прелесть краковяк! —

сказала Жаба и снова запела:

Я могу до колючей звезды
Нюхать жадной ноздрёю цветы —
Ква-ква-ква!

Но послушай, ничтожный Цветок,
Мне не нравится твой стебелёк!
КВА! КВА! КВА!

— Почему? — Цветок поднял голову и открыл глаза.

— Потому что стебелёк тонок, а голова велика!

— Нет. У меня хороший стебелёк. Он упругий. Сегодня утром на нём, как на качелях, качался Поросянок.

— Вот потому-то ты мне и не нравишься! Бре-ке-ке-кес!

— И мне! — сказал Червяк.

— Но меня любят Поросянок, Пчела, Воробей...

— Вот пусть они тебя и любят.

— А нам ты не нравишься. Хи-хи! — хихикнул Червяк.

— Но...

— Никаких «но»!

Я могу, я могу, я могу —

Ква-ква-ква!..

Ты, Червяк, тащи грязи, а я — болотной тины. И мы этот белый Цветок сделаем чёрным!

— Я не хочу! Поросёнок! Пчела! Я не хочу!.. Воробей! Где вы?..

А Жаба снова запела:

Над болотом туманы люблю —
Только белых цветов не терплю!
КВА-КВА-КВА-КВА-КВА-КВА-КВА!

— ХИ-ХИ-ХИ-ХИ-ХИ-ХИ-ХИ-ХИ-ХИ! — мерзко рассмеялся Червяк. И они отправились за грязью и болотной тиной.

Глава пятая,

*в которой Поросёнок и Воробей летят через океан,
и Чик спрашивает:*

«А где же она, Африка, если её не видно?»

А в это время над морями, над лесами, над крутыми горами летит Поросёнок с Воробьём на спине. Свистит ветер. Поросёнок поёт:

Мы в Африку,
Мы в Африку,
Мы в Африку летим.
Уже на море синее
Одним глазком глядим.

Внизу волна качается —
Седая голова.
А море не кончается,
Как в песенке слова.

Мы в Африку,
Мы в Африку...

— Эй, Поросёнок! Смотри, море кончается!

— Давно пора. А то у меня уши устали, и слов в песенке больше нет.

— Идём на посадку!

«Фью-ю-ю!..» — свистит ветер.

— Идём!

И в следующее мгновение наши друзья — в жёлтой-прежёлтой Африке.

Я — Поросёнок, и в ночи,
И среди бела дня
Нет Поросятка в наши дни
Отважнее меня! —

спел Поросёнок и огляделся по сторонам.

— Чик! — сказал он.

— Что — Чик? — Воробей спрыгнул на землю.

— Я тебя буду звать Чик. Ладно?

— Меня так мама звала.

— А меня — Хрюк. И дедушку моего зовут Хрюк.

Он самый старый и мудрый Хрюк на земле.

— И моего дедушку зовут Чик, — сказал Воробей. — А прадедушку — Чик-Чирик. А прапрадедушку — Чик-Чиу-Чирик. А бабушку...

— Послушай, — сказал Поросёнок, — у меня нет бабушки. А ты меня зови Хрюк. Видишь Африку?

— Нет, — сказал Воробей.

— Мы же в ней стоим!

— Всё равно не вижу: мы стоим, а кругом ничего нет.

— Но меня ты видишь?

— Тебя вижу. Но тебя я и дома видел. Ты — есть, а Африки не видно.

— Значит, по-твоему, Африки нет?

— А где же она, если я её не вижу?

— Вот — ты, вот — я, а вот — Африка! — Поросёнок топнул ногой.

— Тебя вижу, и я есть, а Африки нет.

— Тогда и меня нет! — сказал Поросёнок.

— Нет, ты — есть, а вот Африки — нет!

— Тогда и тебя нет!

— Как же? — сказал Чик. — А с кем ты разговариваешь?

— Сам с собой. Тебя — нет, Африки — нет, а я сам с собой говорю.

И Поросёнок запел:

Я сам с собою говорю —

Хрю-хрю!

Хрю-хрю! —

Нет Африки, нет Воробья, —

Есть только

Я и я!

— Не «я и я», а Я и ТЫ! — сказал Воробей.

— Нет, я и я!

— А как же «я и я», если Я слышу, как ТЫ поешь?

— А как же нет Африки, если мы, — Поросёнок подпрыгнул и сел, — в ней сидим?

— А где лев, где крокодил, где бегемот? Где все вместе, которые называются Африка?

— Подумаешь! — сказал Поросёнок. — Сейчас пойдём и поищем.

И запел:

Я — Поросёнок-весельчак,

Со мной не пропадёшь.

Я повторю и так и сяк —

Со мной не пропадёшь!

И тут где-то совсем рядом зарычал Лев.

Глава шестая,

*в которой выясняется, есть ли кисточка,
а потом Лев приглашает Хрюка отобедать
летающим поросёнком по-африканск.*

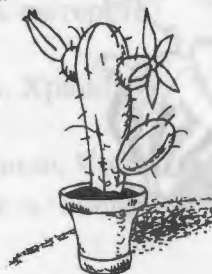
Совсем рядом зарычал Лев.

— Кто это? — испугался Чик.

— Если с кисточкой на хвосте — Лев.

«УАААА!» — снова зарычал Лев.

— Ой! Я боюсь! Давай улетим, Хрюк!

— Нет, сначала надо выяснить, есть ли кисточка.

— А если есть?

— Значит, это настоящий Лев, и ты — в Африке.

— А ты?

— Я давно уже в Африке, Чик. Как только приземлились, я сразу попал в Африку.

— А я?

— Ах, Чик!..

Лев снова зарычал.

— Чик-чик-чик! — защебетал Воробей и вспорхнул на спину Поросёнка, который крадучись стал пробираться в сторону рыкающего Льва.

— А если нет? — сидя на спине Поросёнка, шёпотом спросил Чик.

— Чего?

— Кисточки!

— Значит, это не Лев, и ты не в Африке, и тебе нечего бояться!

— А кто же тогда рычит?

— Если с кисточкой — Лев, а если без кисточки...

И тут перед самым носом Поросёнка высочил Лев и замахал хвостом.

— С кисточкой! — крикнул Поросёнок и взлетел в небо.

— С кисточкой! С кисточкой! Чик-чирик! Мы в Африке! — заверещал Воробей и захлопал крыльями на спине у Поросёнка.

А Лев ещё страшней зарычал и рыкающим басом сказал:

— Уаррр! Никогда не видел, чтобы поросята летали! Не согласитесь ли вы сегодня отобедать со мной?

— О! А что на обед? — спросил Хрюк.

— Летящий поросёнок по-африкански.

— Как же я могу отобедать сам собой? — удивился Хрюк, хлопая ушами.

— А очень просто, — сказал Лев, важно усаживаясь на песок. — Вы будете принимать участие в обеде в качестве блюда.

— Разве я похож на тарелку? — обиделся Поросёнок. — Чик! Теперь ты видишь, как интересно в Африке!

— Он хочет тебя съесть, Хрюк. Разве ты не видишь?

— Нет, что ты! Он хочет меня пригласить в виде блюда, а тебя...

— Уаррр! А эту неизвестную серую птицу я бы пригласил на десерт...

— Как? — спросил Чик.

— На десерт. Какая неумная птица!.. Долго вы ещё будете летать?

— Мы можем летать до ночи, — сказал Поросёнок. — А можем улететь совсем.

— А чем я буду обедать?

— Летающим поросёнком по-африкански.

— Но если вы улетите — улетит и летающий поросёнок.

— Тогда вы пообедаете без блюда: прямо на песке.

— И без десерта! — сказал Чик.

— Это как же так? — обиделся Лев. — Я вас приглашаю к обеду, а вы хотите, чтобы я обедал без блюда, чистым песком?

— И без десерта! — сказал Чик. — Если нет блюда, можно и без салфетки.

— Неумная птица! — зарычал Лев. — Десерт — это не салфетка. Это то, что едят перед тем, как вытереть усы салфеткой.

— Я же тебе говорил: он хочет нас съесть, Хрюк! — сказал Воробей.

— Ты видишь, как всё удивительно в Африке, Чик? Он хочет нас съесть и нас же приглашает к обеду. Волки этого не умеют...

— Что волки? Тьфу! — сказал Лев. — Волк — хищник, а я — царь зверей и приглашаю вас на царский обед. Да прекратите же вы наконец летать! Присядьте, и мы обо всем поговорим.

— О чём? — спросил Поросянок, усаживаясь на приличном расстоянии от Льва.

— О разном. А почему вы так далеко сели?

— С нашей стороны было бы непочтительно садиться к царю зверей ближе, — сказал Поросянок.

— Не смущайтесь, я люблю поросят, как собственных детей, — сказал Лев.

— Не беспокойтесь, — вежливо сказал Чик. — Отсюда нам лучше видно. Отсюда вас можно видеть от головы до кончика хвоста. На вас так красиво падает солнце!

— Вы тоже очень изящно освещены, — сказал Лев. — Я бы отдал полцарства, если бы можно было видеть вас каждый день в это же время... Сейчас как раз время обеда... А где вы научились летать?

— Чик-чирик! Мы?

— Нет, Поросянок.

— У себя на родине, — сказал Хрюк. — Однажды я замахал ушами и полетел.

— А кто вас учил?

— Пчела. Пчела научила меня собирать мёд, а летать я выучился сам. Замахал ушами — и полетел.

— Да-да, — сказал Лев. — Позвольте, я взгляну поближе на ваши прекрасные уши? На эти необыкновенные, нежные пороссячьи розовые уши!

— А вы потом позвольте мне потрогать кончик вашего хвоста? — спросил Поросянок.

— Что ты, Хрюк! Он же тебя съест!

— Конечно! Потом вы можете трогать мой хвост всю жизнь.

— И Чик?

— Какой Чик? А-а... птица? Да хоть сейчас! Мой хвост в полном её распоряжении.

— Чик! — тихо сказал Поросёнок. — Незаметно сними с меня ведёрко, а когда я отвлеку Льва, привяжешь его к кончику хвоста. К кисточке, понял?

— Чик-чирик! Понял!

А вслух Поросёнок сказал:

— Лев, вы царь зверей, и я ни в чём не могу вам отказать. Только сначала, если вам не трудно, отгадайте одну загадку.

— С удовольствием! — сказал Лев и чуть пододвинулся.

А Хрюк, будто вспоминая загадку, поднял глаза к африканскому небу, а сам тихо сказал:

— Чик, бери ведёрко и подальше, подальше облетай Льва. Сядешь за его спиной, а уж тогда...

— Чик-чирик! — И Воробей улетел с ведёрком в клюве.

— Вот! Я вспомнил! — громко сказал Поросёнок. — Иголок много, а шить не умеет!

— Кто же это? — спросил Лев.

— Я не знаю. Это загадка.

— Кто же это может быть?.. — задумался Лев. — Наверное... бе-ге-мот... Бегемот! Угадал?

— А почему бегемот?

— Ну, бегемот может найти целый чемодан с иголками, — важно сказал Лев, — а шить все равно не умеет — это уж я точно знаю!

— Нет-нет, это не бегемот.

— Крокодил! Угадал?

— Нет.

— Обезьяна!

— А где она возьмёт иголки?

— В чемодане!

— А чемодан?

— Действительно... Тогда это...

В это время Чик облетел Льва, уселся за его спиной и привязал к кончику хвоста ведёрко.

— Слон! — выпалил Лев.
— И не слон.
— Зебра!
— И не зебра. Иголок много, а шить не умеет! —
хохоча, повторил загадку Поросёнок.
— Тогда... Тогда... Тогда я тебя... съем! — зарычал
Лев и кинулся на Хрюка.

Съешь,
Съешь,
Коль поймаешь,
Не поймаешь —
Так не съешь! —

запел Поросёнок, улетаая в небо.

Съешь,
Съешь,
Коль поймаешь!.. —

подхватил Чик, догоняя Поросёнка и усаживаясь ему
на спину.

А Лев с привязанным к хвосту ведром заметался по песку, подпрыгивая, переворачиваясь в воздухе, как обычная кошка, которой мальчишки привязывают к хвосту пустую консервную банку.

Наконец, сорвав с хвоста ведёрко, Лев убежал, а Поросёнок с Чиком опустили на землю и запели.

Я — Поросёнок, и в ночи,
И среди бела дня
Нет Поросёнка в наши дни
Отважнее меня!
Находчивей меня!
И веселей меня! —

спел Поросёнок.

Отважней нету — не ищи,
В ночи, средь бела дня —
Лишь Поросёнок в наши дни
Отважнее меня! —

спел Воробей.

И они заплясали и запрыгали, запрыгали и заплясали, и прыгали до тех пор, пока совсем не выбились из сил и не плюхнулись в изнеможении.

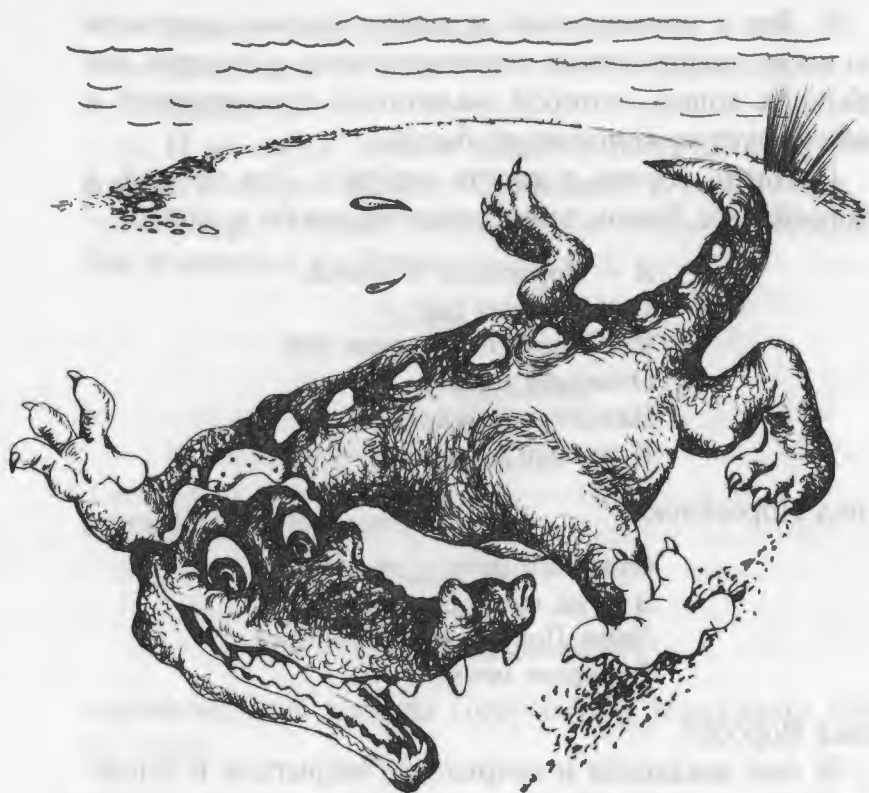
— Подать сюда крокодила! — крикнул Поросёнок. — Без крокодила это ещё пол-Африки. Нам нужен крокодил!

Глава седьмая,

в которой появляется Крокодил

— Я здесь! — сказал Крокодил и разинул страшную пасть в двух метрах от Поросёнка. — Я здесь! Кто звал меня?

— Я! — взвизгнул Поросёнок, вскакивая, чтоб вовремя улизнуть.

— Мы! — отпрыгнул в сторону Чик.

— Давно я не пробовал поросятинки, — сказал Крокодил и захохотал, перевернувшись вверх лапами. — Это же надо — сам поросёнок зовёт меня на обед! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! Такого ещё не было!

И он снова лёг на брюхо и растопырил пасть.

— А нас только что «приглашал к обеду» Лев, — сказал Поросёнок.

— И мы славно отобедали! — вставил Чик.

— Кого же вы ели на первое?

— Льва по-африкански, — сказал Поросёнок.

— А на второе?

— Льва по-африкански, — сказал Чик.

— А на десерт?

— На десерт была кисточка, — сказал Хрюк.

— Это очень вкусно. Особенно — кисточка. Чья же это была кисточка?

— Льва, — сказал Воробей.

— У-у-у!.. — застонал Крокодил. — Не говорите мне о кисточке. Я, когда обедаю львом, всегда оставляю себе на десерт кисточку. Льва я обычно приглашаю к обеду так...

— Видишь, Хрюк, они все друг друга приглашают к обеду...

— Я лежу у самого берега, и только глаза мои торчат из воды; и зову: «Лев! Лев!» А лев идет пить воду. И тогда я его — АМ! — и закусываю кисточкой хвоста.

— Необыкновенно! — сказал Поросёнок. — А мы поступили иначе.

— Интересно!

— Я сидел вот здесь, а Лев пришел во-о-н оттуда, — сказал Поросёнок. — И когда он подошёл поближе, я взлетел, вскочил ему на спину и ездил на нём до тех пор, пока он не свалился с ног от усталости. Тогда мы его съели и закусил кисточкой хвоста.

— На десерт! — сказал Чик.

— Интересно!.. А ты умеешь летать? — спросил Крокодил.

— Ещё бы! — крикнул Поросёнок.

Взлетел и, страшно жужжа ушами, сел на спину Крокодила.

— Ух! Ух! Ух! — задохнулся от ужаса Крокодил, заметался по песку туда, сюда, обратно и, под улюлюканье и свист Поросёнка, который только в последний момент успел соскочить с крокодильей спины, умчался к своей воде.

А Поросёнок с Чиком закувыркались, запрыгали, заплясали.

Я — Поросёнок-весельчак, —
пел Поросёнок, —

Сазанчиком в воде
Я кувyrкаюсь так и сак —
Не пропаду нигде!

И ты, мой Чик, мой Воробей,
Со мной не пропадёшь:
Среди ветвей, среди сетей —
Сазанчиком нырнёшь!

— Сазанчиком нырну! — подхватил Чик.

И нам не страшен львиный гнев,
И Крокодил — пустяк:
Усталый престарелый Лев
К весельчакам — добряк!

И престарелый Крокодил —
Полено у воды.
По Крокодилу я ходил —
И не было беды!

По Крокодилу ты ходил —
И не было беды! —

подтвердил Чик.

Глава восьмая,

в которой вспоминают об оставленном Цветке

По Крокодилу ты ходил —
И не было беды! —

спел Чик и вдруг погрустнел. — А почему ты думаешь,
что они старые? — глядя на заходящее солнце, спро-
сил Воробей.

— Кто?

— Лев с Крокодилом?

— А кисточка? Кисточка-то у Льва — старенькая, — сказал Поросёнок. — А у Крокодила — глаза коричневые.

— Ну и что?

— У молодого крокодила, говорил старый Хрюк, глаза должны быть светло-зелёные!

— А у молодого Льва?

— Молодая кисточка!

Хрюк с Воробьём не думали, о чём говорят. Они видели огромный африканский закат, и мысли их были далеко-далеко.

— Вот твоё ведёрко, Хрюк! Мы так и не собрали с тобой нектара...

Хрюк машинально прицепил к поясу ведёрко, и глядел, глядел, глядел, и о чём-то думал.

— Нигде нет ни одного цветка, похожего на наш, — сказал он.

— Нигде...

— И пчёл не слышно... Неужели мы с тобой будем ночевать в Африке, Чик?

— Но скоро... ночь.

— Вот за ночь мы и долетим до дома!

— А ты не боишься... в темноте?

— Я ничего не боюсь, Чик.

— С тобой я ничего не боюсь, Хрюк!

— Летим?

И Чик вспорхнул на спину Поросёнка, Поросёнок, хлопая ушами, взлетел. Быстро стемнело. Поэтому мы не видели, как Поросёнок с Чиком летели над морем, но мы слышали их песню:

Домой, домой
Из Африки,
Из Африки летим.

Уже на море синее
Одним глазком глядим.

Внизу волна качается —
Седая голова.

А море не кончается,
Как в песенке слова.

Домой, домой
Из Африки...

Поросёнок летел к родному дому так быстро, что только свистел ветер: «Фью-ю-ю!..»

Глава девятая,

*в которой Поросёнок и Воробей возвращаются
в своё утро, к своему солнышку, но не могут найти
свою Пчелу, свой Цветок*

Поросёнок летел к родному дому так быстро, что только свистел ветер. И когда поднялось солнышко, они уже были дома.

— Вот наш пригорок, Чик. Вот наше утро, наше солнышко, а где наш Цветок?

— Не вижу, Хрюк. Там стоит один, но он — чёрный, а наш был белый.

— А где наша Пчела?

— Сейчас полетит.

«У-у-у!» — загудели пчёлы.

Солнышко встало —

Хрю-хрю!

Утро настало —

Хрю-хрю! —

запел Поросёнок. —

Мордочку вскинем,
В воздухе синем
Плавают пчёлы —
Хрю-хрю!

- А где наша Пчела, Чик?
- Вот летит... Может, это наша... Пчела! Вы не будете так добры... А где наша Пчела?
- Это какая ещё ваша Пчела?
- Та, что научила Поросёнка собирать мёд...
- А-а-а... Пропала.
- Как? — вскрикнул Чик.
- Очень просто: мы, пчёлы, далеко летаем, часто пропадаем.
- А Цветок? Что случилось с нашим Цветком? — спросил Поросёнок.

— Так вон он стоит!

— Нет, этот цветок — чёрный, а наш был белый-белый.

— Он и был белый-белый, — сказала незнакомая Пчела, — а Жаба с Дождевым Червём сделали его чёрным.

— Как? — вскрикнул Чик.

— Два дня старались. Жаба болотную тину таскала, а Червь — грязь из-под земли.

— И ты видела? — крикнул Поросёнок.

— Да.

— И не спасла?!

— Мне некогда: я — на работе.

— Как же ты не спасла Цветок? — возмутился Поросёнок.

— А вы сами-то где были? Он всё звал вас: «Поросёнок! Воробей!»

— Мы были в Африке, — сказал Чик.

— Где?

— В Африке. Страна такая есть...

— А-а-а... Ну, мне пора. Извините, — сказала незнакомая Пчела.

И улетела.

А Поросёнок с Воробьём подошли к Цветку.

— Цветок! — сказал Поросёнок. — Скажи хоть одно слово!

Цветок не ответил.

— Цветок! — позвал Чик.

— И зачем мы отсюда улетели, Чик? Помнишь, какое было утро? Помнишь, как Цветок качал нас с тобой у себя на плече и говорил: «Мне очень хорошо, Поросёнок! А тебе?» А теперь он стоит чёрный, высохший и не говорит ни слова.

— Что же теперь делать, Хрюк? — спросил Воробей.

— Как — что делать? Отомстить Жабе и Червяку.

— Но как мы их поймаем? Червяк — под землёй, а Жаба — в болоте!

— Мы победили Крокодила и перехитрили Льва, — сказал Поросёнок. — А уж этих-то...

— Но как?

— Увидишь. Идём!

Сияло солнце, пели птицы, порхали бабочки, и в этом сиянии хмурый Поросёнок спускался с холма, за ним — прыгал взъерошенный Воробей.

Глава десятая,

в которой Поросёнок становится Цветком

Как только Поросёнок с Чиком ушли, Цветок чуть шевельнул почерневшим листиком и, совсем не слышно, будто прошелестел ветерок, вздохнул:

— Как жаль, что я не могу говорить. Как жаль, что я не могу сказать ни одного слова своим друзьям. Если б я мог говорить, я бы сказал им: у Жабы с Червём под землей — целое озеро чистой-пречистой волшебной воды. Если б Поросёнку с Воробьём удалось достать хоть чуть-чуть...

И тут на пригорке снова появились Поросёнок и Чик.

Поросёнок нёс знакомое нам ведёрко, полное краски, и большую кисть.

— Ну вот, Чик, теперь ты побелишь мне голову, — сказал Поросёнок.

— Что?

— Покрасишь голову белой краской.

— Зачем?

— Не спрашивай, Чик. Делай то, что я тебе говорю.

И Воробей, окуная кисть в ведро, стал красить голову Поросёнку.

Как будто яблонька весной,
Белая,

Как сыроежка под сосной,
 Спелая
 И лёгонькая, как трава,
 У Хрюка будет голова, —

работая, пел Воробей.

— Ну как, теперь я похож на Цветок? — склонив белую голову на плечо, спросил Поросянок.

— Не очень, — сказал Чик.

— А ты отойди подальше... Ну как?

— Из тебя вышел очень толстый цветок, Хрюк.

— А если я встану на одну ножку?

И Поросянок встал на одну ножку, поджав другую, как аист.

— Ты — очень симпатичный розовый Поросянок с белой головой, — сказал Воробей.

— А можно сказать, что я — очень симпатичный белоголовый Цветок на розовом стебельке?

— Пошевели, пожалуйста, листиком...

— Вот! — Поросянок поднял и опустил переднюю ножку.

— А другим!

— Вот! — Поросянок помахал другой ножкой.

— По-моему, в самый раз, Хрюк! А что теперь?..

— Теперь я постою посохну, а ты иди сплети крепкую сеть. А как сплетёшь — спрячься за бугром. А когда надо будет...

— Понял! Чик-чирик! — И Воробей исчез.

А Поросянок, поворачиваясь на одной ножке, чтоб скорее высохнуть, запел:

Я — Поросянок, и в ночи,
 И среди бела дня
 Нет Поросянка в наши дни
 Отважнее меня!
 Находчивей меня!
 И преданней меня!

И, через паузу, подражая ромашкам и василькам, затанул:

Я — Цветок,

Я — Цветок,

Пусть ко мне прилетит мотылёк!..

Он спел несколько раз про то, как ждёт мотылька, прежде чем стало заходить солнце. Зажглись ранние звёзды. Стемнело.

Поросёнок — грустный цветок с белой головой — один остался светиться в сумерках.

За пригорком показалась голова Воробья.

— Ты хорошо сплёл сеть, Чик? — шёпотом спросил Поросёнок.

— Я плёл её всё время, пока ты сох.

— Меня хорошо видно?

— Очень.

— Тише! Сейчас взойдёт луна.

И на тёмном небе взошла красная луна.

Глава одиннадцатая,

на тёмном небе которой всходит красная луна

На тёмном небе взошла красная луна.

— Бре-ке-ке-ке-кес! — из болота выскочила Жаба.

— Уф-ф! — из-под земли вылез Дождевой Червяк.

— Хо-хо-хо-хо-хо! — захохотала Жаба.

— Хи-хи-хи-хи-хи! — зловеще ответил Дождевой Червяк.

— Ох-хо-хо-хо-хо! — сказала Жаба.

— Ух-хи-хи-хи-хи! — сказал Червяк.

— Кажется, ночь. Ха-ха! — сказала Жаба.

— Кажется, да! — сказал Червяк.

— Кажется, наша пора настала!

— Слышишь, Чик? — шёпотом спросил Поросёнок.

— Слышу.

— Хи-хи-хи-хи-хи-хи! — зашёлся Червяк.

И вдруг вскрикнул:

— Жаба!

— Что?

— Видишь?

— Что?

Я — Цветок,

Я — Цветок,

Пусть ко мне

Прилетит

Мотылёк! —

снова запел Поросёнок.

— Что это? — прохрипела Жаба.

— Как что?! Белый Цветок вырос!

— Где? А-а-а-ха-ха-ха-ха-ха! — захохотала Жаба. И, после каждой строки зловеще приквакая и приближаясь к Цветку-Поросёнку, запела:

Я могу веселиться и петь,

И на звёздное небо глядеть.

Я могу до колючей звезды

Нюхать жадной ноздрёю цветы.

Я могу, я могу, я могу

Слушать шорох змеи на лугу!..

Но послушай, ничтожный Цветок,

Мне не нравится твой стебелёк!

— Почему? — спросил Поросёнок.

— Потому что стебелёк толст, а голова — мала!

— А у тебя вообще стебелька нет, а у него — головы! — И Поросёнок ткнул «листочком» в Червяка.

— Червяк, по-моему, нас оскорбили, — прохрипела Жаба.

— По-моему, да.

— Будем принимать решение?

— Будем.

И они зашептались возле чёрной лужи, из которой глядела на Поросёнка красная луна.

— Решено?

— Решено!

И Жаба с Червём бросились на Поросёнка, но он успел взлететь, а Жаба с Червяком столкнулись, в упор поглядели друг на друга, и...

— По-моему, это не Цветок, Червяк, — сказала Жаба.

— По-моему, да.

— По-моему, это Поросёнок.

— По-моему, да.

— А почему у него голова белая?

— Выгорела.

— Где?

— В Африке.

— А где Воробей?

— Погиб.

— А где Пчела?

- Пропала.
- А почему он стал Цветком?
- От горя.
- Ха-ха-ха! Правильно, Червяк! Теперь мы его пой-
маем! Тсс!..
- + Как? — шёпотом спросил Червяк.
- Видишь ведёрко? — зашептала Жаба.
- Ну.
- Хватай его, ползи, неси нашей, чистой-пречис-
той, ты знаешь... из-под земли!
- И?.. — неслышно спросил Червяк.
- Плеснем на цветок, — ещё тише сказала Жаба.
- И?..
- Оживёт.
- А потом?
- Этот, — зашептала Жаба в самое ухо Червяку
и указала своей отвратительной лапой на Поросён-
ка, который, мягко помахивая ушами, застыл в возду-
хе, — сядет на плечо этому. — Жаба ткнула в Цветок. —
А мы!.. Ха-ха-ха!..
- Мчусь!
- И Червяк, прихватив ведёрко, исчез под землёй.

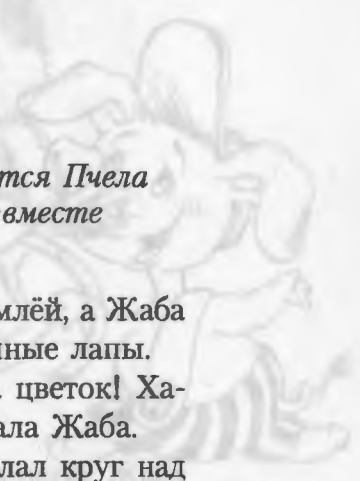
Глава двенадцатая,

*в которой оживает Цветок, возвращается Пчела
и все-все — теперь уже навсегда — вместе*

Червяк, прихватив ведро, исчез под землёй, а Жаба села возле Цветка, сложив на пузе страшные лапы.

— Никогда ещё не ловила поросят на цветок! Ха-ха-ха! — тихонечко так, зловеще захохотала Жаба.

А Поросёнок незаметно для Жабы сделал круг над бугром и тихонько, чтобы Чику не было страшно, спел:

Я — Поросёнок-весельчак,
Сазанчиком в воде
Я кувыркаюсь так и сяк,
Не пропаду нигде!

Перевернулся в воздухе и застыл на прежнем месте.

— Не пропадём нигде! — на секунду высунувшись из-за бугра, пискнул Чик.

— Вот! — отдуваясь, появился с полным ведром Червяк.

— А теперь — плесни на Цветок! — приказала Жаба. — Та-ак!

И Цветок прямо у нас на глазах ожил, из чёрного превратился в белый-белый и поднял голову.

— Цветок! Здравствуй, Цветок! — крикнул Поросёнок и сел Цветку на плечо.

— Поросёнок! Здравствуй, Поросёнок! — вскрикнул Цветок.

— Ага!

— Попался!

И Жаба с Червём бросились и схватили Поросёнка.

— Цветок мы теперь снова забрасаем грязью! Хи-хи-хи-хи-хи! — завизжал Червяк.

— А Поросёнка — в болото! Ха-ха-ха-ха-ха! — захохотала Жаба.

— Чик! — только и успел вскрикнуть Поросёнок.

И Чик выскочил из-за пригорка с сетью и накинул её на Жабу с Червяком.

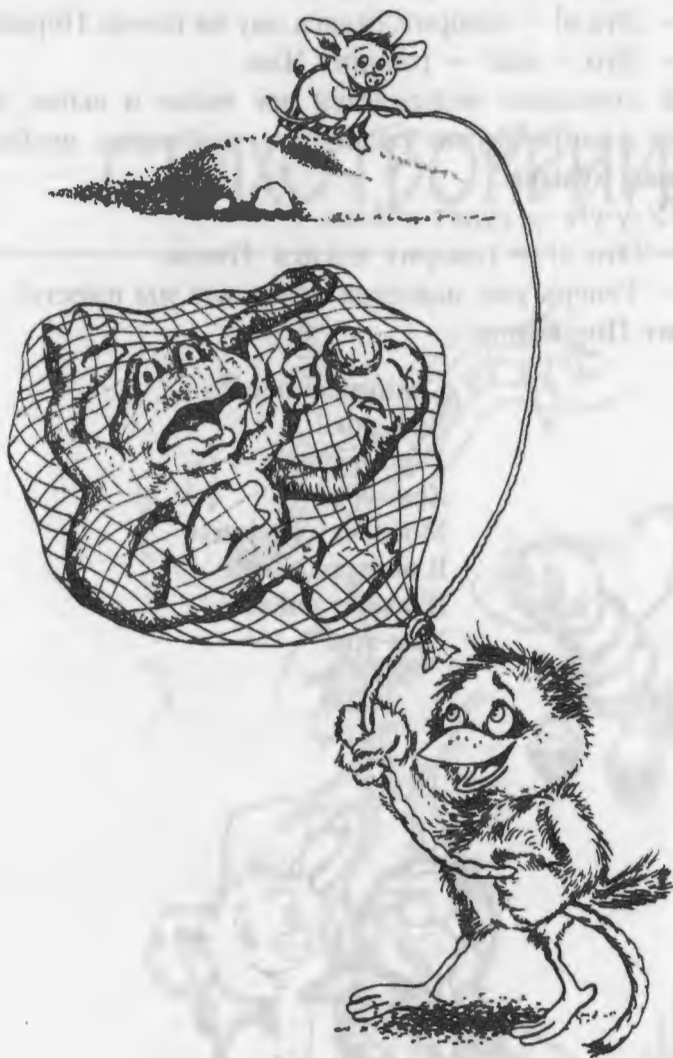
Жаба с Червём, отвратительно извиваясь, стали биться в сети, но только еще сильнее запутались.

— Чик! — сказал Поросёнок. — Берись за тот конец, а я — за этот. Отнесём и повесим их на самой высокой сосне.

— А когда взойдёт солнышко...

— А когда взойдёт солнышко, они будут болтаться в сетке на самой верхушке сосны и уже никому-никому не причинят вреда.

И Чик с Поросёнком улетели, унося в сетке Жабу и Червяка.

А с другой стороны розовеет небо, под знакомую нам с самого начала мелодию песенки Поросятка подымается солнышко, и Цветок вскидывает ему навстречу свои лёгкие руки.

— Это я! — говорит Цветок.

— Это я! — говорит, садясь ему на плечо, Поросянок.

— Это — мы! — говорит Чик.

А солнышко подымается всё выше и выше, и всё шире и шире звучит солнечная, радостная, необыкновенная музыка.

«У-у-у!» — гудят пчёлы.

— Это я! — говорит наша Пчела.

— Теперь уже навсегда — это все мы вместе! — говорит Поросянок. —

Солнышко встало —

Хрю-хрю!

Утро настало —

Хрю-хрю!

Мордочку вскинем,

В воздухе синем

Плавают пчёлы —

Хрю-хрю!

СТИХОТВОРЕНИЯ

А с другой стороны раскинет небо, под выжатым
нам с сапог-раздое медведица добрыя Поросята по-
дымаются спешными, и Пятачок окладывает ему на-
встречу свои лапы руки.

— Это я! — говорит Цыпек.

— Это я! — говорит, сваясь ему на лапу, Поросята.

— Это — яа! — говорит Чик.

А солнышко вылезает всё выше и выше, и всё
оно в тепле и радости, и в необычно-
мудрой улыбке.

РМНННОТОНТС

«З-у-у!» — гулит Пятачок.

— Это я! — говорит и тоже Цыпек.

— Теперь уже навсегда — это всё мы вместе! — го-
ворит Поросята.

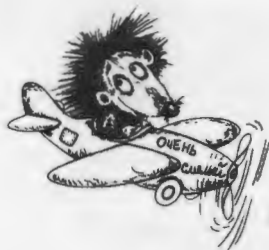
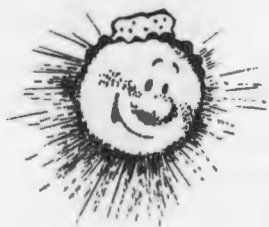

ОБЛАКА, БЕЛОГРИВЫЕ ЛОШАДКИ

Мимо белого
Яблока луны,
Мимо красного
Яблока заката
Облака
Из неведомой страны
К нам спешат
И опять бегут куда-то.

Облака,
Белогривые лошадки.
Облака,
Что вы мчитесь без оглядки?
Не глядите вы,
Пожалуйста,
Свысока,
А по небу прокатите нас,
Облака!

Мы помчимся
В заоблачную даль
Мимо гаснувших
Звёзд на небосклоне,

К нам неслышно
Опустится звезда
И ромашкой
Останется в ладони.

Маленький кузнечик
До полудня спал.
С полудня
До вечера
На скрипице играл.

Прилетела,
Села
Важная пчела,
Музыканта худенького
Слушать начала.

Он отставил ножку
И, отдав поклон,
Заиграл на скрипице
Летний
Сон.

Золотистым кругом
Света и тепла
Над зелёным лугом
Музыка плыла.

Музыка звучала,
И, забыв дела,
Головой качала
Важная пчела.

А кузнечик маленький
На скрипице играл,
Будто всем по горсточке
Счастье раздавал.

Не кричал, не плакал,
Слов не говорил —
По зелёной скрипиче
Травиночкой водил.

В НЕБЕ ТУЧА ХМУРИТСЯ

В небе туча хмурится,
Скоро грянет гром.
Дождь пойдёт по улице
С жестяным ведром.

Застучат по донышку
Капельки воды.
Тоненькие горлышки
Вытянут цветы.

Горлинкою, иволгой
Запоёт крыльцо.
У корзинки ивовой
Мокрое лицо.

А настанут сумерки —
Месяц поплывёт.
Из тумана в туфельках
Тишина придёт.

У кота под лесенкой
Загорится свет.
Жаль, у нашей песенки
Продолженья нет.

- Колокольчик голубой,
Что стоишь?
Идём со мной!
Страшно в поле.
Скоро вечер.
Я возьму тебя домой.

Колокольчик-колокольчик
Головою
Покачал.
Колокольчик-колокольчик
Мне тихонько
Отвечал:

— Нет-нет-нет:
Иди домой!
Не сердись...
Оставь на воле
Колокольчик голубой.
Тишиной ли
Луговой
Я укроюсь
С головой,
Словно капля
В океане,
Затеряюсь ли
В тумане...

Что мне дом? —
Я в поле дома!
Что мне ночь? —
Мне тут знакома
Травка всякая,

Кусты.
 Все лощинки
 И овраги,
 Все ключи
 И буераки,
 А с приходом
 Темноты —
 Всё,
 Чего не знаешь ты!

ЖИЛ ДА БЫЛ КРОКОДИЛЁНОК

Жил,
 едва ли ли не с пелёнок,
 У друзей крокодилёнок.
 В ванну кто не заходил,
 Умилялся:
 — Крокодил!..

Был сперва не больше щуки,
 Друг его мочалкой мыл.
 Ел и пил за обе щёки,
 Стал
 Страшилой из страшил.

Пасть ему с трудом связали,
 Ну по городу возить...
 В зоопарк его не взяли:
 — Извините — чем кормить?
 Двух мы держим крокодилов,
 А еды — едва-едва.
 Ночью

Слопали гориллу,
Утром
Чуть не съели льва.

— Нет так нет, — мой друг сказал. —
Что ж, поедem на вокзал!

— Нет, — сказали на вокзале. —

Нет, и нечего просить!

Ну об чём тут говорить?

Не посадим крокодила!

Покажите нам закон,

Чтоб к реке зелёной Нилу

Крокодилский был вагон.

— Суп, — вздохнул мой друг, — с котом!
Едем на аэродром!

Стюардессу звали Мила.

— Мила, Мила,

Как красива!

Не встречал красивей Мил!

Взяли б, Мила,

Крокодила

Вы с собой до речки Нил! —

Так мой друг сказал,

И Мила

Посадила крокодила.

С этой самою Людмилой,

Самой лучшей из Людмил

В даль родную

к речке Нилу

Улетел наш крокодил.

БЕГЕМОТ

Слон со Слонёнком пошли погулять —
На львов поглядеть, себя показать.

Вышли из дома. Навстречу слонам —
Дальний их родственник — Гиппопотам.

— Здравствуй, Слонёнок! Здравствуйте, Слон! —
И Бегемот им отвесил поклон.

Дальше втроём пошли от ворот
Слон со Слонёнком
И Бегемот.

Лесом идут. Идут над рекой.

Слон говорит:

— Денёк-то какой!

Высунул нос из реки Крокодил.
«Тоже пойду погуляю!» — решил.

Тут с баобаба кричит Какаду:
— Можно, я с вами тоже пойду?

С горки теперь идут под уклон
Кро-ко-ко-дил,
Слонёнок и Слон.

— Эй, Бегемот, не отставай! —
Гиппопотаму кричит Попугай.

Вышли в пустыню. Увидели львов.
Львы — Какаду, Крокодила, слонов.

Как зарычали страшные львы!..
Нет, не сносить друзьям головы.

А Бегемот, по счастью, отстал.
Сел под кустом, бутербродик достал...

Выпил чайку... Вспомнил про маму,
Добрую маму Гиппопотама...

Вот и остался жив Бегемот.
А все потому,
что огромный живот.

КУЗЯ КОТ

Рыжий кот
У нас живёт,
Спинка рыжая,
Живот.
Любит бегать по забору
От колодца до ворот.

У Кузьмы — четыре лапы,
А на каждой — сто когтей.
Если сядет умыться
У окошка —
Жди гостей.

Хвост у Кузи — золотистый,
Ус — короткий, бок — пятнистый;
Кот,
Когда войдёт в азарт,
Прыгает,
Как леопард.

Только солнце поутру
Встанет —

Мы бежим к пруду.
Кот за мною следом мчится,
Хвост — трубой, торчком — усы,
Рыжий Кузя не боится
Ни осы, ни стрекозы.

Он бежит сперва за мною,
А потом — за стрекозою.
Не догонит стрекозу —
Примется ловить осу.

Промахнётся,
Огорчится,
На мосточки прибежит,
Пучеглазой
Грустной птицей,
Пригорюнясь,
Посидит.

Бедный Кузя,
До чего ж
Ты на филина похож!

Мухи — жжж! — жужжат вокруг.
Осень.
Кузя ловит мух.

ЧАЁК

Десять дней
Стоит жара.
Просыпаюсь, и с утра
В пруд нырнуть
Бегу спросонок;
А за мной —
Щенок,
Котёнок,
Мама-кошка,
Папа-пёс,
И цыплята,
И утята,
И телёнок — мокрый нос.
Пёс — плывёт,
Щенок — плывёт;

Кошка
Плавать не желает,
На мостках сидит, зевает;
А с котёнком
Сели в ряд
Восемь маленьких цыплят —
Тоже — плавать не хотят...

Но зато плывут утята,
И телёнок в пруд вбежал,
Хвост поднял
И замычал.

Пёс щенка
На берег вывел.
В туче брызг
Бежит щенок;
И котёнок,
И цыплёнок
За щенком,
не чуя ног,
Понеслись...

Телёнок:
— М-м-у-у!..
Что мне делать
Одному?

Вот бегут
Щенок,
Цыплята,
Мама-кошка,
Папа-пёс,
И котёнок,
И утята,
И телёнок — мокрый нос.

.

Только мы в пруду остались —
 Мы ещё не купались,
 Мы в пруду сидим вдвоём
 И чаёк из самовара
 Пьём с весёлым карасём!

Я ПОСТРОИЛ ДОМ С ТРУБОЮ

Я построил дом с трубою.
 Здесь мы будем жить с тобою.
 Жить тихонько, поживать;
 Заведём козу, корову,
 К двери
 Старую подкову
 Молотком приколочу.
 А настанет вечер синий —
 Запалю... СВЕЧУ.

Дом стоит,
 Да нет сарая.
 — Как! — всплеснула тётя Рая. —
 Как же будет жить без крова
 Ваша рыжая... КОРОВА?

— А когда придёт гроза,
 Где укроется...
 КОЗА?

Вот спасибо тёте Рае —
 Лес купил я для сарая;
 Жду весны
 И не тужу.
 А пока

О жизни здешней
Вам, ребята, РАССКАЖУ.

Всё вокруг белым-бело!
Все дороги замело.
Замело поля, леса;
Рыжим солнышком мелькнула
На околице... ЛИСА.

Дед Юшков
С собакой Джильдой
От зари и до зари
Ходит, гасит... ФОНАРИ.

Шарик —
Главный пёс в деревне —
Обегал кусты, деревья,
И сараи,
И дома —
Всё бело. Кругом зима.

Обежал село трусцой,
На снегу сидит босой.

Лёд из лапы выгрызает
И не лает, не урчит,
Зря
Село не озирает,
Понапрасну не глядит.

Что глядеть-то?
Тут село —
Только снегом замело.

Тёти Раин пёс — талант:
Всей деревни комендант.

Скучно ли зимой в деревне?
Нет, люблю поля, деревья,
Даль, дороги — всё в снегу,
Чёрный ворон на стогу.

Чтоб увидеть вас поближе,
Ближний лес, далёкий холм,
Мы намыливаем лыжи
И — помчались с ветерком.

Дни короткие зимою.
Воротились мы с тобою,
Только глянули в окно,
А уже — темным-темно.

Наши дедушки издревле
Знали,
Что зимой в деревне
Хорошо пораньше лечь,
Натопив пожарче... ПЕЧЬ.

Я лучинок налучил.
Дров с крылечка притащил.
Словно красногривый конь,
Заплясал в печи...
ОГОНЬ.

Ночь минула.
Где мороз?
Слёзы вязов и берёз.
Капель звон!
Голубизна!
В феврале пришла...
ВЕСНА.

Стала вдруг зима
Весною.

К полудню
В саду у нас
Баба выросла с метлою,
С угольками вместо...
ГЛАЗ.

Солнце шпарит,
Солнце жжёт.
На крылечке отдыхает,
Загорает рыжий...
КОТ.

Как на солнце
Лёд блестит!
Под пешнёй
Вразлёт летит!
Возле баньки
На пруду
Прорубь чёрную...
РУБЛЮ.

Обгоняя
Нас с тобой,
Вёдра белые,
Как чайки,
Сами скачут за...
ВОДОЙ.

Хоть в снега ушла по плечи,
Банька греет,
Банька лечит
И — над красною трубой
Дым вздымает...
ГОЛУБОЙ.

Весь окутан тонким паром,
Выступает генералом...

Чашки, блюда за столом —
 Все
 Гордятся самоваром,
 Словно куры...
 ПЕТУХОМ.

Нету радостней —
 В тумане
 Вдруг увидеть огонёк.
 Нету слаще —
 После бани,
 Чем с малиною...
 ЧАЁК.

В баню вас не приглашаю —
 Уж простите мне, друзья.
 Я бы с радостью!
 Да знаю —
 Детям париться...
 НЕЛЬЗЯ.

УСЫ

Шука в зеркало глядится:
 — Без усов мне не годится!
 Обратилась к самому
 Длинноусому Сому:

— Вот, возьмите колбасы —
 Одолжите мне усы!

Нет усов у Крокодила,
 Потому-то Крокодил,

Утром, встретившись с Гориллой,
Той Горилле говорил:

— Я с утра завёл часы,
Жду, что вырастут усы.

А Горилла Крокодилу
Так ответила, Горилла:

— Ах, напрасно, Крокодил,
Ты будильник заводил:
Сколько б ни было часов —
Не видать тебе усов!

А китовые усы
Положили на весы,
Тут же взвесили,
А там —
Триста двадцать килограмм!

Зубы есть у Кашалота,
Кашалот — зубастый кит.
Есть клыки у Бегемота,
Бегемот в болоте спит.

Птичке маленькой не спится,
Всё глядит она во тьму...

Но пора нам воротиться
В речку к Щуке и Сому.

Колбасу у Щуки съев,
Сом ответил нараспев:

— Вы — умны: судите сами,
Как расстанусь я с усами?
Щука милая,

Усы
Мне дороже колбасы!

467

* * *

Есть усы у Леопарда,
И у Тигра есть усы,
И у Льва,
И у Гепарда,
И у маленькой Лисы.
Есть усы у таракана —
ТАРАКАНИИ усы.
Есть усы у великана —
ВЕЛИКАНИИ усы.
Есть усы у Бармалея —
БАРМАЛЕЕВЫ усы.
Есть усы у дуралея —
ДУРАЛЕЕВЫ усы.
У кота усы, у Васи, —
КОТАВАСИНЫ усы.
А усы у дяди Васи —
ДЯДИВАСИНЫ усы.
Дядя Вася на работе.
Тётя Мотя в семь часов
Васю ждёт.
У тёти Моти
Нет и не было усов.

Про усы да про усы —
Прибежали страусы.

— Здравствуй, милый Страусёнок!
Я не страус,
Я — котёнок.
Но если хочешь,
Можешь сам
Меня погладить по усам.

ГРОМ

Ходит-бродит
В облаках
Гром
В огромных
Сапогах.

Громыхнёт и —
Притаится...

Огнехвостая лисица
Вспыхнет,
Полыхнёт хвостом!

За лисицей
Гром помчится,
Не догонит —
Огорчится,
Вслед
Запустит
Сапогом.

И — давай ворчать в усы:
Жалко,
Не догнал лисы.

НЕУЖЕЛИ Я ПОВЕРИЛ?

Это что же за ребёнок
Скачет лугом поутру?
Это, дети, **ЖЕРЕБЁНОК**
Машет гривой на ветру.

Видно всё как на ладони —
Ночь.
Луна.
Пасутся **КОНИ**.
Догорев,
Костёр потух.
За рекой поёт **ПЕТУХ**.

Это — поле,
Это — речка,
Это — белая... **ОВЕЧКА**.
Вышла к речке утром рано
Погулять сестра... **БАРАНА**.

Рассказать про эту птицу
Я вам, дети, не берусь.

Поглядите на страницу
И скажите:
— Это... ГУСЬ.

Вот — крыльцо,
А вот — рябина.
Вот и книжки половина...
Листья по ветру летят...
А в лукошке
Наша... КОШКА
Кормит маленьких...
КОТЯТ.

От болот осенних
Пьяны,
К дому подошли...
ТУМАНЫ.

Ходят тихие дожди,
Шепчут:
— Солнышка... НЕ ЖДИ.

В доме — тишь.
Скребётся...
МЫШЬ.
Вставим, дети,
В эту книжку
Эту маленькую...
МЫШКУ.

Сеет дождь.
Рассветы хмуры.
На насесте дремлют...
КУРЫ.

Снег сыпал густо-густо,
В бочке квасится... КАПУСТА.
А в бочонке, хитрецы,
Глазки прячут... ОГУРЦЫ.

Снег растаял.
Кошкой рыжей
Сигануло на крыльцо
Солнце рыжее
И лижет
Мне ладони и... ЛИЦО.

В миг один
Всё стало рыжим —
Рыжий клён
И рыжий пенёк,
Рыжий склон
И рыжий день;
Клёны рыжие
На лыжах
Голубых
Со склона вниз,
Гривы рыжие откинув,
К синей речке понеслись.

Неужели две недели
Шли дожди и полз туман?

Неужели я поверил
В этот сумрачный обман —

Будто — солнца больше нету,
Будто — солнышка не жди,
Будто — жди теперь до лета
Рыжей радости в груди?

-Я — Лисица, я — Лисица,
Я — стряпуха-мастерица,
Украду
Петуха,
На бульоне петушином
Будет славная уха!

Спела,
Рыбки наловила,
Утащила петуха;
И всю ночь уху варила —
Вышла знатная уха!

Тут к Лисе
Медведь пришёл:
— Больно пахнет хорошо!
Я от запаха проснулся, —
Сел к столу
И облизнулся.

И стряпуха-мастерица
Налила ему ушицы.

Съел Медведь и поклонился
И, довольный, удалился.

Снова барабанят в дверь.
Это кто ещё за зверь?
— Кто там?
— Это мы, кроты!
Видим мы из темноты —
У тебя огонь горит, —
Крот постарше говорит.

— Заходите! —

и Лисица

Налила кротам ушицы.

Сели, съели, чай попили,

Уходя, благодарили.

Снова

Барабанят в дверь.

Ну а кто ещё теперь?

— Кто там?

— Это мы, Лисица,

Мы пришли поестъ ушицы.

— Кто вы?

— Мы? Нас только трое:

Я да вот мой брат с сестрою;

Покорми нас,

будь добра, —

Очень просят три бобра!

— Заходите!

И ушицы

Налила бобрам Лисица.

Только вышли,

снова в дверь

Постучался очень тихо,

Очень робко

странный зверь.

— Кто?

— Да это я, Лиса...

Лисанька, лесов краса!..

Это снова я, Медведь...

Знаешь, легче умереть,

Чем ещё хотя бы ложку

Перед сном ухи не съесть!

— Заходи же!
И Лисица
Налила ему ушицы.

А Медведь, как сел на стул,
За ухом и уснул.

Янтарями налитая,
Словно солнце, золотая,
Хороша была уха
Из большого петуха!
Из подлещиков, язей,
Узконосых стерлядей!

«Хороша была ушица, —
Грустно думала Лисица. —
Знать, не так уж я хитра —
Не поела до утра.
Но зато —

хватило всем.

Что ж,
теперь и я поем!»

ЖИРАФ

Жил да был Жираф на свете,
У Жирафа были дети.

Звали девочку Жирафу
Анна-Оля-Юля-Афу.

Брат ее, меньшей Жираф,
Назывался просто — Граф.

Вот однажды Анна-Афу
Говорит отцу Жирафу:

— Папа, в город я хочу
Поглядеть на каланчу.
Говорят, что каланча
Мне, Жирафе, до плеча.

— Что ж, — пожал плечами папа
И достал словарь из шкапа.

Вот читает: аркебуза,
Барабан, велосипед,
Гром, гроза, гипотенуза...
Водокачки — нет как нет!

— Ты, наверно, спятил, папа! —
Рассердилась дочь Жирафа. —
Извини, что я кричу,
Но при чём здесь водокачка,
Если ищем к а л а н ч у?

ГДЕ УТЁНОК?

На той самой поре,
Когда чиж на топоре
Спал
И пел спросонок,
Не в траве,
Не в норе —
Потерялся во дворе
Маленький
Утёнок.

Утка кричит:

— Кря-кря-кря!

Вот уж час ищу я зря!

Где же мой

Утёнок?

Нет его

У тёлок,

Нет его

Рядом

С курочкой

Рябой.

Утя-утя!

У-тя-тя!

Кто видал моё дитя?

Бык мычал.

Козёл молчал.

Лишь подсолнух отвечал:

— Не встречал,

Не встречал,

Головою я качал!

А утёнок

Влез в бочонок,

А бочонок

Поросёнок

Повалил,

Покатил,

В синей речке

Утопил...

Утка стонет:

— У-ху-ху!

Побегу

К петуху.

Дорогой куманёк,

Он встаёт всех раньше,

Он видал, куда утёк
Мой утёнок
Младший.

По дороге к петуху
Видит птицу на суку.

— Птица чёрная,
Не кричи!
Не утёнок ты,
А грач!

А
грач
ей
вслед:

— Петуха-то дома нет!
Если надо к петуху,
Знай, что варит он уху,
У него костёр потух,
У реки сейчас петух!..

Утка мчится к реке
С вязкой хвороста в руке.
У реки кипит уха,
Только нету петуха.
А петух,
А петух
На закуску ловит мух.

— Дорогой куманёк,
Ты встаёшь всех раньше,
Не видал, куда утёк
Мой утёнок младший?

— Не видал,
Не встречал, —
Ей петух отвечал. —

Кукареку!
 Реку-ку!
 Может, он упал в реку?
 Не видал,
 Не видал,
 Ку-ку-рузу
 Я клевал!

...В это время плыл бочонок.
 На бочонке плыл утёнок,
 И неслось по реке
 На утячьём языке:
 — Кряк!
 Кряк!
 Я — моряк!
 У меня с собой
 Червяк!
 Уплыву я далеко —
 Плыть на бочке
 Мне
 Легко!

ПУТЕШЕСТВИЕ

Ранним утром
 Прибежал
 Поросянок
 На вокзал.
 Поросянка на вокзале
 Ждали
 Кот и Бегемот.

— Мне сказали, мне сказали,
 Что меня вы с ночи ждали!

— Ждали! Ждали! —

Крикнул Кот.

Бегемот сказал:

— Едва ли.

То есть нет, наоборот!

Мы тебя совсем не ждали,

И зачем ты прибежал,

Поросёнок, на вокзал?

Поросёнок удивился —

Чуть домой не убежал.

Всё же вышли на перрон,

Сели в синенький вагон.

Поезд тронулся,

И солнце

Вылетело на простор.

Поезд тронулся,

И сосны

Зарябили, как забор.

Мчится по полю галопом

Поезд к добрым антилопам...

Антилопы не дождутся —

Ждут гостей,

Накрыли стол.

И зверей — не протолкнуться,

Да ещё явился Слон.

Негде яблоку упасть.

Страшный Лев разинул пасть.

Он привёл с собою Львёнка

Поглядеть на Поросёнка.

Тут же

Выстроились в ряд

Семь

Малюсеньких тигрят.

Рыжий Львёнок,
Рыжий Львёнок
Увязался за Слоном.
Вместе пляшут
И танцуют,
Поросёнка ждут с Котом.

Приплелась старушка Лама
Глянуть на Гиппопотама.

Тут и поезд подошёл...

Первым прыгнул Поросёнок —
Вот обрадовался Львёнок!

Кот спустился на перрон —
Вот обрадовался Слон!

Круглый
Выкатив живот,
По ступенькам,
По ступенькам
Стал спускаться Бегемот.

— Нет, — сказал, — наоборот!
И спиною повернулся,
И назад в вагон вернулся.

Заревели антилопы:
— Ты проехал пол-Европы,
Дорогой Гиппопотам!
Выходи скорее к нам!

Закричали все Слону,
Чтобы вёл гостей к столу.

Бегемота
Из вагона
Слон с перрона достаёт,

И Кота,
И Поросят
Тут же
В рожицу ведёт.

Стол накрыт.
Сияют свечи.
В небе
Звёздочки горят.
В пачках,
Словно балерины,
Томно,
С грацией тигриной,
Танец
Юных лебедят
Показали
Семь тигрят.

Словно бабушки,
В салопах
Танцевали антилопы,
Были выдры,
А потом
Заплясали
Слон с Котом.

И всю ночь
Давала Лама
Крокодилу
Телеграммы:

«ТАНЦЕВАЛА С БЕГЕМОТОМ».

«ПРОСИТ АРФУ БЕГЕМОТ».

«ВЫДРЫ
ПРИТАЩИЛИ НОТЫ».

«АХ! ЕМУ НЕ НАДО НОТ!»

ЛЯГУШКИ

Две лягушки, две квакушки
 Повстречались поутру.
 — Здравствуй, милая подружка! —
 Говорит одна лягушка. —
 Поиграй со мной в игру:
 Кто кого переглядит,
 Тот того и победит!

Сговорилися лягушки;
 Сели, выкатив глаза,
 Просидели два часа.

Третий час уже проходит;
 Друг от дружки не отводят
 Глаз квакушки.
 Тут — гроза!

Тучи небо затянули,
 Но — лягушки не мигнули,
 Пялятся — глаза в глаза.
 Гроыхая,
 Укатился
 Гром
 В пещеру за бугром.
 Молниями
 Опаляя,
 Скрылась страшная, седая
 За крутой горой гроза!..
 Две лягушки,
 Не мигая,
 Пучатся — глаза в глаза.

Скоро — что ж это такое? —
 Осень лето молодое
 Сменит, свянут васильки.
 Только всё сидят лягушки
 И глядят в глаза друг дружке
 Посреди реки.

СКАЗКА О ПРОПАВШЕМ ГНОМЕ

В доме Гнома
 Всё вверх дном —
 Ну, куда девался Гном?
 Ищут, ищут, ищут Гнома
 И в дому,
 И возле дома.

Бродит Кот подслеповатый
 По кладовкам с фонарём.

В огороде
Крот усатый
Ищет Гнома днём с огнём.

Тащут лестницу овечки:
— Может, спрятался на печке?

Тараканы собрались,
Под диваны забрались.
Нет везенья тараканам —
Гнома нет и под диваном.

Нет в солонке,
Нет в саду,
Нет в графине,
Нет в пруду.

Обыскали
Сад и дом —
Ну, куда девался Гном?

Мигом вызвали пожарных.
Прибежали шесть отважных —
Шесть оранжевых жилетов,
Шесть оранжевых штанов —
Шесть оранжевых слонов.

Блещут каски золотые
У слонов на головах.
И топорики стальные
У пожарных на плечах.

Сразу
Шланги размотали,
Два слона
У помпы встали...

— Где огонь? — ревут слоны. —
Мы огонь тушить должны!

— Нет, —
Заблеяли овечки. —
Гляньте,
Нет его на печке!

— Нет кого? — ревут слоны. —
Мы пожар тушить должны!

— Нет, —
Запели тараканы. —
Мы обшарили диваны,
Лавки, полки и столы...

— Нет — кого? — ревут слоны.

— Нет в солонке!
— Нет в саду!
— Нет в графине!
— Нет в пруду!
— Обыскали сад и дом!
— Ну, куда он подевался
Наш любимый старый Гном?

— А зачем вы нас позвали,
Если нечего тушить?

— Потому мы вас позвали,
Что без Гнома нам не жить!

— Тьфу ты! — плюнули слоны. —
Мы ж пожар тушить должны...

Шесть отчаянных пожарных,
Шесть пожарников отважных —

Шесть оранжевых жилетов,
Шесть оранжевых штанов —
Шесть оранжевых слонов,

Сбросив каски золотые
И топорики стальные,
Сели думать и гадать,
Где же Гнома отыскать?

Лестницу приволокли,
Гнома
В доме не нашли.

И сказали:
— Может, Гнома,
Может, Гнома
Нету дома?
Может,
Ваш любимый Гном
Навсегда
Покинул дом?
Взял такси,
И — на вокзал...
Может,
В Африку сбежал?

Позвонили обезьянам:
— Обезьяны, это — вы?
— Вовсе мы не обезьяны, —
Зарычали в трубку львы.
— Это — львы у аппарата.
Что стряслось у вас, ребята?

— Ах! — заблеяли овечки. —
Гляньте,
Нет его на печке!

Завизжали
В трубку
Свинки:
— Истоптали мы ботинки!

Трубку взяли
Крот с Котом:
— Мы искали
Днём с огнём!

— Да кого же вы искали? —
Рассердились снова львы. —
Не пищите,
Не визжите,
Кто пропал у вас, скажите!

Трубку взяли тараканы:
— Мы обшарили диваны,
Мы обшарили весь дом —
Потерялся
Старый
Гном!
Он кормил нас,
Он поил нас,
Он нам денежки давал,
По субботам-воскресеньям
С нами в садике гулял!..

— И совсем не потерялся, —
Зарычала трубка Львом. —
Навсегда
У нас остался
Ваш любимый старый Гном.
Гляньте в зеркало —
Вы сами —

Все
Уже давно
С усами!
Сколько можно вас поить?
Сколько можно вас кормить?
Помогать вам одеваться
И — постели вам стелить?

В Летний сад
По воскресеньям
Обленившихся
Водить?!
Ни в дому,
Ни возле дома
Не ищите больше Гнома.
Гном сбежал,
И — молодец!

Тут и сказочке
КОНЕЦ.

ВЕТЕР

Ветер дул всю ночь,
Шумели
Ели,
Морщилась вода.
Сосны
Старые
Скрипели,
Ивы
Гнулись
У пруда.

Выло,
Дуло,
Завывало,
А когда пришёл
Рассвет,
Ветра
Будто не бывало,
Будто не было
И нет.

ЗИМА

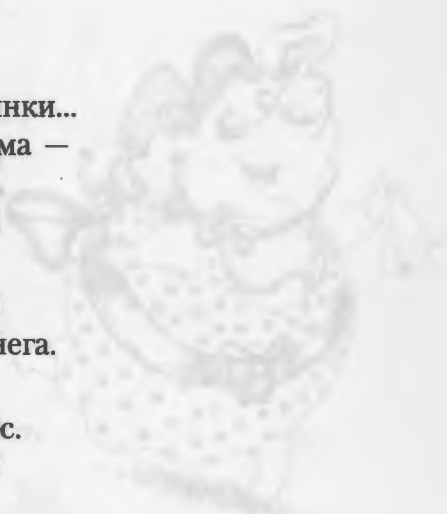
Я сегодня нарисую
Зиму, снежную такую.
Лес, дорога —
Всё в снегу.
Чёрный ворон на стогу.

И заборы, и калитки,
К чёрной проруби тропинки...
Дым из труб, в снегу дома —
Настоящая зима!

Кисточкой взмахну —
И с неба
Вдруг повалят хлопья снега.

Вот пропал за снегом лес.
Ворон на стогу исчез.

Не видна уже дорога.
Вот уже не видно стога...

Нет заборов, снегирей,
Замело поля и пуши,
Только снег валит всё пуще,
Гуще, радостней, щедрей!

* * *

Белый, белый, белый мех.
Белый, белый, белый снег.
Белый-белый Заяц бегал
Белой-белою тропой,
Бегал Заяц за водой.

Белый Заяц — чёрный нос,
Поле белое, мороз.
Белый Заяц в поле белом
Почему не виден был?
Белой лапкой
нос прикрыл.

ТУМАН

Я быка нарисовал,
Но — в тумане бык пропал.

Речка было заискрилась...
И она в тумане скрылась.

Стал лисицу рисовать,
И — лисицы не видеть.

Даже ели хоть темны —
За туманом не видны.

Изрисована страница —
 Ни быка и ни лисицы,
 И ни елей, ни реки.
 Только слышно, как, горлая,
 Петухи поют в тумане,
 Где-то близко, у реки,
 Раскричались петухи.

Это что же, всё — обман?
 Нет, друзья,
 Такой туман.

ХРЮША

Хрюша, хоть и не певица,
 Петь большая мастерица.

Мчится поезд чистым полем,
 Мчится Хрюша на гастроли.

Вот и славный Копенгаген —
 Старый датский городок.
 Он — опрятен и приятен,
 И над крышами — дымок.

Хрюшу радостно встречают
 И в гостиницу ведут.
 Угощают, обнимают,
 В окнах — праздничный салют.

В барабанчик барабаня,
 В башмачках и в сарафане
 Всюду Хрюша выступала,

Хрюша пела и плясала
Так, что Хрюшу под конец
Пригласили во дворец.

Сам король навстречу вышел
Нашей Хрюше
И сказал:
— Я подобного — не слышал!
Я такого — не слышал!

После
Принц один норвежский
С нашей Хрюшей танцевал
И, когда платок роняла,
Ей платочек подавал.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МАЛЕНЬКОГО СОМА

493

Спит усатый старый Сом.
У Сомы — глубокий сон.

Сом храпит. Не спит Сомиха —
Сон Сомёнка стережёт,
И, сквозь дрему, тихо-тихо
Колыбельную поёт:

— Спи, усатый мой малыш,
Не шуршит, уснул камыш.

Спят ракиты у реки,
Рыбки спят и рыбаки.

Ветерок, что утром дул,
Под ветлою прикорнул.

Волны — тоже не шуршат:
На песке тихонько спят.

Спи, Сомёнок, баю-бай,
Поскорее засыпай!

Спит комар в траве; ссутулясь,
Пьявочки в клубок свернулись.

И Ужончку Ужика
Точно так же, тихо-тихо
Колыбельную поёт —
Сон Ужонка стережёт.

Спи, Сомёнок, баю-бай,
Поскорее засыпай!

СЕРЫЙ ДОЖДИК ЗАТЯЖНОЙ

Нет, чтоб дождик проливной,
Дождь весёлый, озорной,
Или, скажем,
Дождь сквозь солнце,
Называется — грибно́й.
Ну, так нет же!
Всю неделю
Скучной,
Серою стеной
Сеет,
Сеет, как сквозь сито,
Серый дождик затяжной.

Я проснусь, с постели встану,
Погляжу — опять стоит.
Меленький,
Бесперестанный
Мышью серенькой шуршит.

Вымокли
И луг, и поле.
Сникли
Травы, колоски.
На реке,
В воде по пояс,
Мокнут тёмные мостки.

Почернел забор, сарай.
В лужах сад и огород.
Только дождь,
Не утихая,
Всё идёт, идёт, идёт...

Жили-были три бобра.
 Для бобриного добра
 Добрый старый Бурундук
 Подарил бобрам сундук.

— Ах! — воскликнули бобры. —
 Бурундук, вы так добры!
 Только нет у нас добра, —
 Огорчились три бобра.

— Как же нет добра, бобры?
 А багры,
 А топоры,
 А рубанки?
 Всё в сундук!

— Что вы, дядя Бурундук!
Нужен каждый день топор,
И рубанок, и багор.
Где вы видели бобра
Без багра, без топора?

Огорчился Бурундук,
Уволок домой сундук.
Трёх бобрам отправил в дар
Трёхведёрный самовар.

— Ах! — воскликнули бобры,
Побросали топоры,
Вскипятили самоварчик
И на брёвнышке рядком
Пьют чаёк с Бурундуком.

Если нет у вас добра,
Пейте чай, как три бобра,
Сидя рядышком, ладком;
Из большого самовара
Самый вкусный чай, с дымком!

ОБЛАКА

Утро.
Солнце.
День погожий.
В синем небе — облака.
На кого они похожи?
На верблюда.
На быка.

На быка и на верблюда?
А куда бегут,
Откуда,
Из какого далека —
Не расскажут облака.

СЛОН

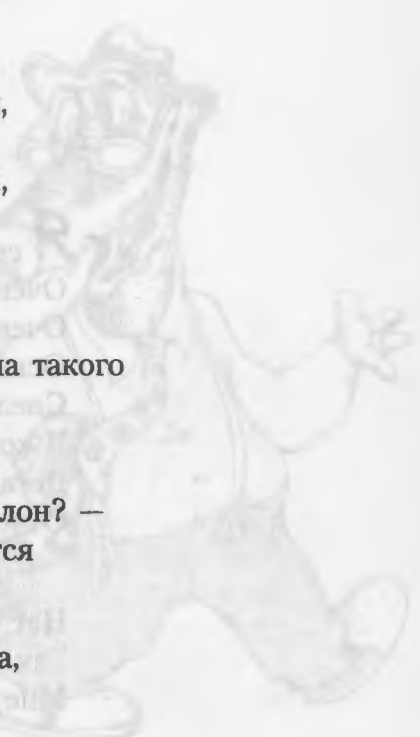
Слон танцует, и поёт,
И садится, и встаёт,
Хобот вытянув, ложится,
Машет тоненьким хвостом,
Говорит:
— Зачем не птицей
Я родился,
А слоном?

Если б я родился птицей,
Я б на веточке сидел.
Если б я родился птицей,
Я бы к морю полетел.

На спине кита большого
Посидел-поотдыхал.
— Здравствуй, Кит! Слона такого
Ты когда-нибудь видал?

«Неужели этой птицей
Стать сумел огромный Слон? —
Кит подумал. — Не годится
Оставаться мне китом».

Выпустил фонтан до неба,
Разогнал волну хвостом,

Размечтался:

«Ах, и мне бы
Превратиться
Тоже в птицу —
Что за радость быть китом?

Мы б взлетели-полетели
Птица-Кит и птица-Слон,
А устали — посидели,
Отдохнули среди волн».

Не успел он так подумать —
Ни Кита и ни Слона,
Лишь раскачивает птичек
Океанская волна.

Тут как раз проснулся Слон,
Удивился:
— Ну и сон!..

КРОКОДИЛ

- Я сегодня очень добрый,
Очень милый, очень скромный,
Очень вежливый, —
Оскалясь,
Спел огромный Крокодил. —
Я хочу большую радость вам поведать.
Догадались,
Отчего я нынче добрый, милый,
вежливый и скромный?
Нет ещё?
Так вот, мой дед
Мне открыл большой секрет,

Что живём мы, крокодилы,
Что растём мы, крокодилы,
И не десять, и не двадцать,
И не тридцать, и не сорок,
Представляете — 100 ЛЕТ!

Мне сегодня — тридцать восемь.
До семидесяти шести —
Мне ещё расти-расти!

Очень рад я неспроста —
Мне потом расти до ста!

Это чудо, что, родившись,
Мы до ста ещё растём.
Вырастем —
И долго-долго,
Долго-долго, долго-долго
После ста
Ещё живём!

ПОПУГАЙ

Сколько лет мне — угадай! —
Крикнул с ветки Попугай.

— Десять...

— Двадцать...

— Что вы, дети,

Я сто лет живу на свете!

А прапрадед — деда дед —
Прожил чуть не тыщу лет.

Бабушка — спросите Льва —
До сих пор ещё жива!

Кто же всё же мы такие,
Долгожители земные?
Утром песен не поём,
Молча
В тропиках живём.

Если ж очень захотим —
По-английски, по-немецки,
По-французски, по-турецки
Без акцента говорим!

Блеск сражений нам приятен.
Дрейк был прадеду приятель.

Сабли, пики, пистолеты,
Кольца, броши, амулеты;
Звон бокалов — пушек гром, —
Океан со всех сторон!

Попугай пирату — брат.
И пират без попугая —
Это, дети, не пират!

501

БАЛЛАДА О ЛЕСНОМ ГНОМЕ

В жаркий день в лесу глухом
Гном сидел под лопухом.

Из волнушки пил росу,
Слушал бабушку Осу.

Мимо
Гнома,
Мимо
Гнома
Стрекоза
летела
к дому.

Как слоны,
Издавека
Шли
по небу
облака.

Лес
Шумел,
Комар
Звенел,
Гном от солнца разомлел
И уснул...

Приснилось гному,
Будто он в халате,
Дома,
Принял ванну
И теперь
Ждёт кого-то...

Тихо дверь
Скрипнула,
И на пороге
Появились носороги.

— Здравствуй! —
Молвил Носорог. —
Вот примерь-ка этот рог!
— С этим рогом,
С этим рогом
Мигом станешь носорогом!
— Мы...

Но тут,
На шее
Шарф
Размотав,
Вошёл
Жираф:
— Гном,
Голубчик,
Вам бы шею,
Вам бы шею
Подлиннее!
Вы...

Но втиснулась
Горилла
И Жирафа
Оттеснила,
Отняла
Красивый
Шарф —
Голым

выскочил

Жираф.

— Здравствуй,
Карлик дорогой!
Что ж ты
Маленький такой? —
Стала спрашивать Горилла,
Не заметив Крокодила. —
Почему не волосатый?
Отчего
Лицо лопатой?
Разве настоящий гном
Будет жить
Под лопухом?
Отвечай!..

Но
Крокодил:
— Ам! —
Гориллу
Проглотил.
— Ты не бойся их, гарр-рил, —
Прокартавил Крокодил. —
Поплывём великим Нилом,
Станешь главным Крррр-рокодиллом!
Ты да я...

Но вполз
Удав
И закашлял:
— Гав-гав-гав!
Лучше быть больным Удавом,
Чем страшилищем картавым!

Кто?
Куда?
Зачем?
Откуда?

Гном — в окно
И на Верблюда,
После ванны, как сидел,
Так в халате полетел.

По пути Верблюд в Осу
Превратился,
Очутился
Без халата
Гном
В лесу.

Он сидит, соображает,
Ничего не понимает,
Шевелит губами гном...

В это время
В небе гром —
Как бабахнул,
И тогда
Понял гном не без труда,
Что не стал он Крокодилом,
Что сидит в лесу любимом.
«Хорошо в лесу родном!
Ай да я!» —
Подумал гном.

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКИ

Австралийская пегая.....	7
Берегите погоду.....	13
Бетховенская тропа.....	15
Большое спасибо.....	16
В гостях у Собаки.....	19
Великий китайский поэт.....	21
Весенняя сказка.....	23
Вместе с Землёй.....	25
Великое имя Басё.....	28
Волшебная травка Зверобой.....	31
Ворон.....	32
В сумерках.....	35
В холодном небе.....	37
Голубые «ку-ку».....	40
Горький дым.....	41
Гроза.....	43
Грабители.....	46
Гусь в сапогах.....	47
Давно бы так, Заяц!.....	50
Доверчивый Ёжик.....	51
Если меня совсем нет.....	54
Ёжикина радость.....	56
Ёжик и Море.....	58
Ёжикина гора.....	59
Заячьи уши.....	61

Заяц, Ослик, Медвежонок и чудесные облака	63
Звуки и голоса	65
Зимняя сказка	67
Как Ёжик с Медвежонком ловили осень	69
Как Ёжик с Медвежонком приснились Зайцу	73
Как Ослик шил шубу	75
Как Ослику приснился страшный сон	77
Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка	80
Как Слон ходил в гости к Ёжику	87
Как Ёжик ходил встречать рассвет	90
Как Медвежонок перехитрил время	91
Как оттенить тишину	93
Кто-то	95
Кто это всё придумал?	97
Кукуня	99
Кит	102
Когда ты прячешь солнце, мне грустно	103
Лесная оттепель	105
Лунная дорожка	107
Меленький тёплый дождь	109
Не грязните мою Землю	110
Ни слова	113
Не улетай, пой, птица!	115
Осенняя песня травы	116
Однажды в солнечный день	118
Падал мелкий снежок. Была оттепель	121
Перед зимой	124
Петушинный король	125
Пляска	127
Птица	130
Пяточка	133
Позвольте, я вам помогу	134
Ромашка	137
Радуга	142
Разрешите с вами посумерничать	145
Радость	147
Разговор	149
Сыроежка	150

Слон.....	152
Снежный цветок.....	154
Сказка на отъезд Слона.....	157
Сосновая Шишка.....	159
Солёные ножки.....	160
Сиреневый лес.....	163
Сны.....	164
Странный Музыкант.....	166
Сова-сова.....	169
Садитесь, я вам налью чаю.....	171
Солнечный Заяц и Медвежонок.....	173
Солнце.....	175
Такое дерево.....	177
Тёплым тихим утром посреди зимы.....	180
Тепло.....	182
Ты лети! Я машу крыльями.....	185
Ты только погляди.....	187
У ручья.....	188
Урюк.....	189
Чёрный омут.....	191
Чистые птицы.....	192
Шотландская баллада.....	194
Эй, вы, в бочках, вы кто?.....	196
Волк.....	199
Вольный осенний ветер.....	200
Ворон-Ворон.....	201
В это же самое время.....	204
Добрый Слон.....	207
Заяц.....	209
Званный обед.....	210
Зелёная Птица.....	213
Золотой и пушистый.....	214
Как Ёжик с Медвежонком протирали звёзды.....	218
Как Ёжик с Медвежонком меняли небо.....	220
К тёплому морю.....	226
Колодец.....	228
Ласковый, пушистый и прыгает.....	230
Маленький Живой Кактус.....	231

Мой знакомый Удав	234
Необыкновенная весна	236
Одуванчик и Хрюк	237
Осенние корабли	240
Осенний Поросёнок	244
Поросёнок в колючей шубке	246
Последнее солнце	249
Праздник последнего солнышка	250
Старая Коряга	252
Страшный, серый, лохматый	254
Страшный зверь из далёкой страны	255
Солнышко у тебя в углу	257
Три муравья	260
Удивительная Бочка	263
Утро	265
Щучья почта	266
Я на солнышке лежу	270
Как Львёнок и Черепаха отправились в путешествие	305
Пираты и Львёнок. <i>Сказка с пиратами, песнями, ураганом, пальбой из пушек и пистолетов в девяти главах.</i>	331
Трям! Здравствуйте! <i>Сказка, в которой великий Медвежонок выдумывает Тилимилитрядию, волшебную страну без волков</i>	371
Летающий Поросёнок	405

СТИХОТВОРЕНИЯ

Облака, белогривые лошадки	449
Маленький кузнечик	451
В небе туча хмурится	452
Колокольчик	453
Жил да был крокодилёнок	454
Бегемот	456
Кузя кот	457
Чаёк	459
Я построил дом с трубой	461
Усы	465

Гром.....	468
Неужели я поверил?.....	469
Уха.....	472
Жираф.....	474
Где утёнок?.....	475
Путешествие.....	478
Лягушки.....	482
Сказка о пропавшем гноме.....	483
Ветер.....	488
Зима.....	489
Туман.....	490
Хрюша.....	491
Колыбельная для маленького сома.....	493
Серый дождик затяжной.....	494
Три бобра.....	495
Облака.....	496
Слон.....	497
Крокодил.....	498
Попугай.....	500
Баллада о лесном гноме.....	502

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

Сергей Козлов

ВСЁ О
ЁЖИКЕ, МЕДВЕЖОНКЕ,
ЛВЁНКЕ И ЧЕРЕПАХЕ

Редактор Андрей Ефремов

Художественные редакторы Юлия Колесникова, Олег Рябов

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректоры Ольга Золотова, Эмилия Коваленко,
Людмила Ни, Наталья Хуторная, Татьяна Никонова

Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 16.01.2007. Формат издания 70×100 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Тираж 7000 экз.

Усл. печ. л. 41,28. Изд. № 2023. Заказ 3818.

Издательство «Азбука-классика». 196105,
Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№78.01.07.953.П.002604.05.04 от 27.05.2004 г.

Отпечатано по технологии СТР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

Санкт-Петербург: *издательство «Азбука»*

тел. (812) 327-04-56,

факс 327-01-60

«Книжный клуб «Снарк»

тел. (812) 703-06-07

ООО «Русич-Сан»,

тел. (812) 589-29-75

Москва: *ООО «Азбука-Максимум»*

тел. (495) 627-57-28

info@azbooka-m.ru

Интернет-магазин «Лабиринт»

www.labirint-shop.ru

Екатеринбург: *ООО «Валео Книга»*

тел. (3432) 42-07-75

Новосибирск: *ООО «Топ-книга»*

тел. (3832) 36-10-28

www.opt-kniga.ru

Калининград: *Сеть магазинов «Книги и книжечки»*

тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38

Хабаровск: *ООО «МИРС»*

тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67;

sale_book@bookmirs.khv.ru

Челябинск: *ООО «ИнтерСервис ЛТД»*

тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52

Казань: *ООО «Таис»*

тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82

tais@bancorp.ru

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»

http://www.ozon.ru/

Как Львёнок и Черепаха пели песенку? Да так и пели, как научил их писатель Сергей Козлов. Сначала в книжке пели, а потом и в мультфильм перебрались.

А откуда взялся мультик про Ёжика в тумане? Тоже из сказок Сергея Козлова. Вот бродил его Ёжик в тумане, бродил, и получился самый лучший мультфильм в мире.

Такие сказки сочиняет Сергей Козлов.

И про Тилимилитрядию — тоже он. А сказок у него видимо-невидимо. И все в этой книге. И все хорошо кончаются.

ВСЁ О

ЁЖИКЕ,

МЕДВЕЖОНКЕ,

ЛЬВЁНКЕ

и ЧЕРЕПАХЕ

ISBN 5-352-01640-4

9 785352 016404